

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Таможенные книги в научных исследованиях

Города Русского Севера в XVII в.

*Девiantiное поведение межевых чиновников
второй половины XVIII в.*

Народные школы в Пермской губернии

*Социальная политика
в первое десятилетие советской власти*

*Трансформация социальных норм в Западной Белоруссии
в 1939–1941 гг.*

*Контроль за религиозными культурами в Дагестане
в 1960–1980-х гг.*

Иностранцы в СССР в 1950–1960-х гг.

Ежи Борейша и Россия

Обсуждаем книгу

В.В. Зверев.

Опыт политической биографии Г.П. Сазонова

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА

1

январь
февраль
2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, И. Граля, В. Дённингхаус, С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров, В.В. Зверев,
Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.А. Кучкин,
Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова, Л.В. Мельникова,
А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: В.Е. Попков. Магазин в Велегоже (1965)

**Актуальные вопросы изучения
советской социальной политики
1917–1929 гг.**

Татьяна Смирнова

Topical issues in the study of Soviet social policy in 1917–1929

Tatiana Smirnova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722010010

Историографическая ситуация и постановка проблемы. Серия столетних юбилеев последних лет (Первой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны) стимулировала историков и представителей смежных наук (социологов, философов, политологов, культурологов, историков экономики и др.) к подведению промежуточных итогов изучения этого поворотного для отечественной истории периода, который всё чаще рассматривается как гомогенный («время войн и революций»), а также его ближайших последствий, уходящих в 1920-е гг. Вышедшие в рамках юбилеев работы и вспыхнувшие вокруг них дискуссии позволили выявить наименее изученные и спорные аспекты проблем, а также актуальные исследовательские задачи.

В центре внимания вполне ожидаемо оказались такие сюжеты, как переосмысление причин революционных событий и роли в них различных социальных групп; сравнение событий Февраля и Октября 1917 г., осознание степени преемственности процессов и наличия альтернативных путей развития России; характеристика оппозиционных большевикам вооружённых сил и политических движений; «красный» и «белый» террор; судьбы «бывших» и т.п. Кроме того, обобщение итогов изучения революции и её последствий способствовало оживлению концептуальных дискуссий о тоталитаризме, социальной базе советского режима 1920–1930-х гг., особенностях формирования в России гражданского общества, а также специфике «социального государства» советского типа.

В то же время приходится признать, что напрямую выходящая на многие перечисленные выше концептуальные или дискуссионные вопросы проблема социальной политики большевиков осталась практически за рамками научно-исторических и политических дискуссий. Между тем исход Гражданской войны и дальнейшая судьба России во многом определялись характером и приоритетами социальной политики противоборствующих сторон, степенью привлекательности их лозунгов для рядовых людей в тылу и на фронте, а также способностью воплотить эти лозунги в жизнь. Проблемы преемственности с досоветским прошлым страны, новизны и актуальности для общества преобразований большевиков в социальной сфере, их соответствия общемиро-

вым тенденциям эпохи тоже представляются нам ключом к пониманию многих дискуссионных вопросов ранней советской истории. В частности, ответить на вопрос о наличии либо отсутствии в Советской России элементов гражданского общества и «социального государства» невозможно без объективной оценки декларируемых социальных лозунгов и методов их воплощения в жизнь, характера взаимодействия власти и общества в решении тех или иных задач.

Несмотря на значительную отечественную и зарубежную историографию преобразований большевиков в социальной сфере, проблема комплексного исследования социальной политики как целостного исторического феномена, а не отдельных её направлений, остаётся слабо изученной. Приходится признать, что это в известной степени обусловлено неопределённостью самого предмета исследования, расплывчатостью его границ. При понимании того, что в социальной политике существуют два основных актора – государство, формирующее её, и общество, выступающее объектом её приложения, – моя позиция заключается в широкой трактовке данной проблематики, поскольку трудно найти аспекты экономики, культуры, демографии и т.д., которые не имели бы прямого или косвенного отношения к социально-политической сфере и существовали бы автономно от общества и его институтов. Социальное обеспечение, охрана труда, здравоохранение и жилищная политика; охрана материнства и детства, семейная политика и политика в отношении женщин; особенности развития общественных инициатив; развитие системы образования и сферы досуга; формирование повседневно-бытовой и праздничной культуры – всё это входит в сферу социальной политики.

Возникают вопросы: каким образом объединить эти сюжеты в рамках одного исследования? И насколько целесообразно такое объединение, не превратится ли столь громоздкая исследовательская конструкция в «лоскутное одеяло», не имеющее научной ценности? Как реконструировать такой сложный, противоречивый и многоуровневый общественно-исторический феномен, чтобы получить целостную, научно значимую картину?

Для ответа на эти вопросы необходим хотя бы краткий исторический экскурс. Первые научные трактовки содержания «социальной политики», её объекта, субъекта, целей и методов разработали в конце XIX в. немецкие экономисты и социологи, входившие в международное экономическое общество «Союз социальной политики» (В. Зомбарт, О. фон Цвидинек, А. Вагнер и др.). В XX в. эта тема стала традиционной для западных исследователей¹, проявлявших интерес также и к социальной политике послереволюционной России². Напротив, в советской историографии теоретико-методологические основы изучения данной проблемы долгое время оставались в тени. «Социаль-

¹ Подробнее см.: *Григорьева И.А.* Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 32.

² Среди ранних зарубежных исследований наибольшую известность получили работы американских и немецких учёных, посвящённые советской системе социального обеспечения (см., например: *Madison B.* Contributions and problems of Soviet welfare institutions // *Social Problems*. 1960. Vol. 7. № 4. Symposium on social problems in the Soviet Union. P. 298–307; *Madison B.* Social welfare in Soviet Union. Stanford, 1968; *Nove A.* Is the Soviet Union a welfare state? // *Soviet society. A book of readings* / Ed. by A. Inkeles, K. Geiger. Boston, 1961; *Osborn R.J.* Soviet social policies: welfare, equality and community. Homewood (Ill.), 1970; *Rimlinger G.V.* Welfare policy and industrialization in Europe, America and Russia. N.Y., 1971; *Vogel H.* Gesellschaftliche Konsumtionsfonds als Instrument der sowjetischen Wirtschaftspolitik. Berlin, 1971; *Beyme K.* Sozialismus oder Wohlfahrtsstaat? Sozialpolitik und Sozialstruktur der Sowjetunionim Systemvergleich. München, 1977.

ная политика» как таковая не являлась самостоятельным объектом исследования, будучи разделена на социально-политические, социально-экономические и социально-демографические составляющие. В результате отдельные вопросы, относящиеся к сфере социальной политики, рассматривались в рамках изучения таких проблем, как борьба за бесклассовое общество, уничтожение эксплуататорских классов и изменения в социальной структуре; национализация промышленности и законодательство в сфере трудовых отношений; история профсоюзов; улучшение жилищных условий трудящихся и обеспечение их бесплатной медицинской помощью; преобразования в сфере образования, культуры и досуга, и т.п.³ Показательно в этом отношении, что подготовленная в 1960-х — начале 1970-х гг. многотомная «История СССР с древнейших времён до наших дней» не содержит специальных разделов, посвящённых социальной политике. В седьмом томе, охватившем период с 1917 по 1920 гг., нет даже общей характеристики декларируемых большевиками социальных приоритетов, целей и задач, а сюжеты, связанные с преобразованиями в этой сфере, разбросаны по разным главам⁴. В значительной степени это объяснялось отсутствием в советской историографии тех лет самой дефиниции «социальная политика». Нередко её отождествляли с более узкими по своему содержанию понятиями «социальной защиты» и «социального обеспечения», изучение которых фактически сводилось к реконструкции их институциональной организации, прежде всего, деятельности наркоматов социального обеспечения, труда и здравоохранения.

Первая волна интереса к теоретическим аспектам социальной политики в СССР связана с оформлением концепции «развитого социализма», обусловившим разработку в конце 1960-х — начале 1980-х гг. теоретических вопросов социальной политики в рамках строительства социализма⁵. К этому же периоду относятся и первые исследования советской социальной политики как комплексной научной проблемы⁶. В результате было выработано понимание особой «социалистической социальной политики», направленной на постро-

³ Историографию проблемы см.: *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). М., 2011. С. 15–25; *Льбина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Забота и контроль: социальная политика в советской действительности // Советская социальная политика 1920-х — 1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 21–65; *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Риторика и практика модернизации: советская социальная политика, 1917–1930-е годы // Социальная история. Ежегодник. 2009. СПб., 2010. С. 275–295; *Рябинина Н.В.* Социальная политика Советского России (октябрь 1917 — 1920-е годы). Женщина, семья, дети в новом обществе. Ярославль, 2004.

⁴ История СССР с древнейших времён до наших дней. Сер. 2. Т. VII. Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в СССР 1917–1920 / Под ред. В.М. Слущкой. М., 1967.

⁵ См., например: *Вдовин А.И.* К изучению истории социальной политики и социального развития советского общества // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1981. № 2. С. 3–13; *Волков Ю.Е., Роговин В.З.* Вопросы социальной политики КПСС. М., 1981; *Попков В.Д.* Социальная политика Советского государства и право. М., 1979; Социальная политика Советского государства и рабочий класс. Вопросы методологии, историографии, источниковедения / Под ред. В.З. Дробижева и др. М., 1988; Социальная политика Советского государства. Укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. М., 1985; Социальное развитие рабочего класса СССР: рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе. Историко-социологические очерки / Под ред. Э.В. Клопова и др. М., 1977; и др.

⁶ *Баева Л.К. В.И.* Ленин и осуществление первых мероприятий Советской власти в области социальной политики (октябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.) // Исторические записки. Т. 84. М., 1969.

ение бесклассового общества. Однако проблема её смыслового содержания и исследовательских границ по-прежнему оставалась открытой⁷.

Новый этап в развитии отечественной историографии проблемы связан с ростом в 1990-х гг. популярности историко-антропологических подходов и развитием социальной истории как особого направления. Первые предложенные отечественной историографией дефиниции социальной политики не выходили за пределы привычных методологических установок и исходили из постулата о том, что социальная политика является «составной частью внутренней политики государства»⁸. Различия касались лишь степени расширения предметного поля. В результате история социальной политики представляла собой перечень принятых властью законов, распоряжений и инструкций, частично затрагивая также методы их реализации и полученные результаты.

Такое понимание социальной политики, несомненно, отражает лишь часть этого сложного и многоуровневого явления, в формировании которого, наряду с политическими и государственными институтами и деятелями, важную роль играют культурные и религиозные традиции, национальные обычаи, устойчивые социокультурные практики. В рамках социальной (а не политико-экономической) истории субъект социальной политики не ограничивается государством, а включает в себя также общественные институты и совокупность индивидуумов⁹. Е.И. Холостова, например, понимает социальную политику как, с одной стороны, «искусство соединения человеческих интересов, интересов индивидов и государства, различного уровня человеческих общностей, групп в сфере социальных отношений», с другой — «систему постоянно возобновляющихся взаимодействий государственной власти, негосударственных структур, самой личности по вопросам жизнеобеспечения человека»¹⁰.

Несмотря на различные подходы к этой проблеме, в результате терминологических дискуссий конца XX — начала XXI в. в исторической и социологической литературе утвердилось широкое, интегральное понимание социальной политики как целенаправленной деятельности государства и общественных институтов в сфере социального развития в целом, направленной, с одной стороны, на регулирование общественных отношений, процессов социальной стратификации и формирование социальной структуры общества, с другой — на решение основных социальных проблем (охрана и стимулирование труда, обеспечение занятости населения, регулирование уровня доходов и распределения основных благ и ресурсов, улучшение жилищных и бытовых условий, охрана здоровья и т.д.). Иначе говоря, речь идёт о системе мер, предпринимае-

---

С. 255–274; *Баева Л.К.* Социальная политика Октябрьской революции (октябрь 1917 — конец 1918 гг.). М., 1977.

⁷ Показательно в этом отношении, что в энциклопедических словарях конца XX — начала XXI в. есть статьи «социальная революция», «социальная стратификация», «социальное законодательство», «социальное обеспечение» и «социальное страхование», но нет статьи «социальная политика» (см., например: *Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия.* М., 1987; *Большой энциклопедический словарь.* М.; СПб., 2002; и др.).

⁸ См.: *Баева Л.К.* Социальная политика Октябрьской революции... С. 4; *Зайнышев И.Г.* Взаимосвязь социальной политики и социальной работы. М., 1994. С. 6.

⁹ См.: *Баркер Р.* Словарь социальной работы. М., 1994. С. 38; *Григорьева И.А.* Социальная политика: основные понятия. С. 41; *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния»... С. 5; *Холостова Е.И.* Социальная работа: история, теория, практика. М., 2011. С. 223; и др.

¹⁰ *Холостова Е.И.* Социальная работа... С. 223.

мых государством и обществом в целях осуществления актуальных социальных программ¹¹.

Таким образом, социальная политика представляет собой сложный общественно-исторический феномен, в самом определении которого заложены внутренние противоречия. Помимо чрезвычайно широкого спектра исследовательских направлений, речь идёт также о неоднозначности субъекта, объединяющего власть, общественные институты и личности. Более того, и само государство, как справедливо отметила Холостова, представляет собой «сложносоставной и противоречивый субъект социальной политики, отдельные элементы или органы которого могут проводить различные виды социальных политик, не всегда согласованных друг с другом»¹². Между тем реконструкция и осмысление социальной политики в целом позволяют создать своего рода портрет общества, взглянуть на него сквозь призму характерных для него проблем и отношений в конкретный период нашей истории.

Будучи порождением и отражением определённой эпохи, аккумулируя в себе не только социальные, но и политические и экономические проблемы, социальная политика не статична. Это наглядно проявилось в её трансформациях с учётом изменяющихся реалий первого десятилетия советской власти. Так, отказ от политики военного коммунизма и введение нэпа внесли в неё заметные коррективы, наглядно продемонстрировав её тесную связь с экономическими и политическими условиями и способность к изменениям при сохранении основных принципов.

На мой взгляд, одна из центральных задач современного историографического этапа – от углублённой разработки отдельных исследовательских сюжетов перейти к обобщению накопленных знаний с целью комплексной реконструкции социальной политики различных периодов, анализа её принципов и приоритетов и определяемых ими базовых составляющих социальной программы в динамике. Как представляется, ключевым для понимания советской социальной политики является период её формирования, т.е. время Гражданской войны и нэпа. Возникавшая в годы жёсткого гражданского противостояния социальная политика большевиков была построена на глубоких внутренних противоречиях. С одной стороны, она должна была способствовать максимальному расширению социальной базы новой власти, а следовательно, опираться на популярные в народной среде (и отчасти популистские) лозунги, основанные на идеях социальной справедливости. С другой стороны, по отношению ко всем противникам новой власти и представителям бывших привилегированных слоёв она неизбежно должна была носить дискриминационный

---

¹¹ Подробнее см.: *Виноградова Е.В.* Социальная политика: исторический, теоретический, практический аспекты // Экономические и социальные проблемы России. 2004. № 1. С. 6–52; *Григорьева И.А.* Социальная политика: основные понятия. С. 29–44; *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния»... С. 15–16; *Константинова Л.В.* К понятию «социальная политика» в современной общественной теории // Управленческое консультирование. 2005. № 2. С. 109–124; *Кончужов А.В.* Социальная политика как общественное явление: генезис, эволюция и теоретические подходы к пониманию // Вестник военного университета. 2011. № 4. С. 18–25; *Павлова И.П., Катцица Т.А.* Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март–октябрь 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 134; *Побережная О.Е.* Становление и развитие исторических типов социальной политики государства // Научные труды Республиканского института высшей школы (Минск). 2017. № 16. С. 129–136; *Сидорина Т.Ю.* Два века социальной политики. М., 2005; *Холостова Е.И.* Социальная работа... С. 218–223; и др.

¹² *Холостова Е.И.* Социальная работа... С. 224.

характер. Принцип социальной справедливости вступал в противоречие как с классовым подходом, так и с задачами экономической целесообразности. Все эти противоречия так или иначе отражались в принимаемых властью решениях, приобретая ещё более острый характер на уровне политической практики — как в силу объективной невозможности для государства выполнить взятые на себя обязательства в условиях углублявшегося экономического кризиса, так и вследствие преобладания на местах революционного правосознания вместо норм права.

Классовый принцип подменялся соответствующей риторикой, а нередко и отходил на задний план, уступая принципу экономической целесообразности. Внутреннее противоречие было заложено уже в первой советской Конституции 1918 г., ст. 22 которой провозглашала равные права всех граждан, а ст. 23 лишала представителей бывших эксплуататорских классов целого ряда гражданских прав. Наблюдалось переплетение классового подхода и идеологического догматизма с прагматизмом, популистских лозунгов — с дискриминационными решениями, а демократических преобразований — с антидемократическими и даже откровенно карательными мерами.

Очевидно, что столь сложный и противоречивый исторический феномен невозможно адекватно охарактеризовать при помощи господствующих в современной историографии стереотипов и постулатов. Они требуют переосмысления с учётом новых источников, многие из которых ранее были недоступны, а также междисциплинарного подхода и современного исследовательского инструментария. Как справедливо отметил австрийский исследователь Р. Зидер, «отдельные социальные и гуманитарные науки отличаются друг от друга в первую очередь не “предметами” изучения, которые у них часто общие, но постановкой проблемы и используемыми методами»¹³. Сказанное напрямую относится к изучению социальной политики. В историографии это направление выполняет интегративную функцию, объединяя в себе элементы политической, экономической, гендерной истории, истории повседневности, демографии, политологии, социологии и культурологии.

Данная статья не является систематическим и всесторонним исследованием советской социальной политики. Задача автора — обратить внимание на наиболее актуальные проблемы её изучения, на неоднозначность некоторых устоявшихся и, на первый взгляд, очевидных стереотипов, на недопустимость упрощённых подходов и однозначных оценок.

Классовый принцип социальной политики в теории и на практике. Главным постулатом, на котором основана современная историография социальной политики послереволюционной России, является безусловное признание её выраженного классового характера. Между тем вопрос о практическом наполнении классового принципа далеко не так однозначен. Традиционно он трактуется как проявление дискриминации по признаку социального происхождения. Реальность же была намного сложнее.

Прежде всего, практическая реализация классового подхода требовала от представителей власти чёткого определения критериев классовой идентификации, которые на деле отсутствовали. Как справедливо отметила Ш. Фицпатрик, социальная идентификация в те годы «не имела никакого отноше-

---

¹³ Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Thesis. 1993. Issue 1. P. 163.

ния к реальной социальной структуре, зато имела самое прямое отношение к судьбе отдельного человека»¹⁴. При отсутствии чётких критериев и установок «сверху» вопрос о социальной идентификации граждан в первые годы после революции решался преимущественно на низовом уровне — представителями местной советской и партийной власти, руководителями учреждений, учителями в школе и т.п.

В результате в документах 1918–1920-х гг. в качестве социальных «классов» упоминаются рабочие, служащие и/или низшие служащие; капиталисты, помещики и дворяне; торговцы, кустари и крестьяне, не эксплуатирующие чужой труд; ремесленники, торговцы и крестьяне, использующие наёмный труд; лица свободных профессий; «бюрократический аппарат»; студенты; инвалиды; самогонщики, лица неопределённых занятий и безработные и ещё десятки самых разнообразных «классов», в действительности не имеющих никакого отношения к социальной структуре. Критериями для определения социального (в терминологии тех лет — «классового») статуса граждан, помимо их происхождения, могли стать профессия, занятие в настоящий момент (в том числе и временное — инженер, юрист, студент, мелкий торговец, домохозяйка, безработный); трудоспособность человека («инвалид») и даже место его рождения («гражданин такого-то города») ¹⁵. Ясности в понимании того, что такое «классы» и каковы критерии социальной идентификации, не было даже среди руководящих работников государственных и партийных учреждений, правовых органов. В частности, помощник прокурора СССР И.С. Кондурушкин, анализируя социальный состав тех, кто в период нэпа оказался связан с частным предпринимательством, в графе «социальное положение» указал: инженер, инженер-химик, инженер-дворянин, бывший адвокат, инженер-электрик, дьякон и т.п. В то же время в графе «профессия» он записал: купец 1-й гильдии, торговец и т.п. ¹⁶

Фактически можно говорить о том, что вплоть до конца 1920-х гг. в стране не были выработаны чёткие критерии социальной идентификации и на местах практиковалось произвольное «приписывание» граждан к тем или иным «классам», которые в подавляющем большинстве искусственно создавались облечёнными властью лицами в меру их собственных представлений ¹⁷. Это привело к крайней зыбкости социальной структуры советского общества с самого начала существования Советской России. У граждан сохранялась возможность довольно успешно маскировать реальное происхождение, однако власть при желании могла воспользоваться неопределённостью критериев классовой при-

¹⁴ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 6.

¹⁵ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003. С. 44–52, 62–80, 145–150.

¹⁶ *Кондурушкин И.С.* Частный капитал перед советским судом. М.; Л., 1927. С. 232.

¹⁷ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* «Социальное положение состоит из одной коровы и одного двухэтажного дома»: «классовая принадлежность» и «классовая справедливость» в Советской России, 1917–1936 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2005. № 4. С. 89–97; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» — социальная категория или элемент идеологической риторики: к вопросу о социальной стигматизации в послереволюционной России // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 396–406; *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2. С. 133–151; *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!..

надлежности для отнесения людей к «социально чуждым» или иным дискриминируемым категориям.

Так называемые классовые стандарты (паёк, принцип распределения жилья, правосудие, образование и т.д.) стремительно проникали во все сферы жизни общества. Однако их реальное содержание в условиях социальной стигматизации граждан оказывалось значительно более сложным, нежели упрощённая картина дискриминации по признаку происхождения. Введение «классовых» стандартов — не только проявление репрессивных мер. Зачастую оно было обусловлено прагматическими целями первоочередного обеспечения наиболее «полезных» для общества трудящихся слоёв в условиях тотального дефицита ресурсов. Ситуация в стране и решение тех или иных конкретных задач вынуждали власть руководствоваться не только сугубо классовым подходом, но и учитывать другие факторы. Собственно, и приоритет рабочих в деле распределения ресурсов обосновывался в первую очередь именно прагматическими соображениями, а не идеологической догмой. «В стране, которая разорена, — писал В.И. Ленин в 1919 г., — первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы всё спасём и восстановим»¹⁸.

Тщательное изучение законодательно-распорядительных документов, регламентировавших систему соцобеспечения, предоставления различных социальных благ (как, например, жильё, продовольственное обеспечение, бесплатное образование и т.д.), свидетельствует о стремлении совместить в распределении скудных ресурсов «классовый подход» с принципами социальной справедливости (преимущественное удовлетворение наиболее нуждающихся, в том числе за счёт имущих слоёв), гуманизма (приоритетное снабжение детей и беременных женщин, забота об инвалидах) и экономической целесообразности. Так, в соответствии с «Положением о социальном обеспечении» от 31 октября 1918 г., это обеспечение распространялось на всех трудящихся, «независимо от характера и длительности работы, а также от того, работают ли они в государственных, национализированных, частных, акционерных, общественных предприятиях, учреждениях или хозяйствах, у отдельных лиц или самостоятельно». Далее (ст. 8) уточнялось, что пособия и пенсии не выдаются в случае сохранения заработка, несмотря на утрату трудоспособности. Если сохранялась лишь часть заработка, то эту часть следовало высчитывать из размера пособия или пенсии. В случаях «острых промышленно-хозяйственных кризисов» Наркомату труда предоставлялось право сокращать размер суммы всех получаемых одним лицом пособий (вместе с заработком и прочими доходами) до суммы минимального пособия (ст. 10)¹⁹. Размер пенсий красноармейцев-инвалидов зависел от степени утраты трудоспособности (от полной до частичной, но не менее 15%)²⁰.

Введённый в годы Гражданской войны «классовый паёк» также при ближайшем рассмотрении оказывается основанным в большей степени на целесообразном распределении продовольствия. Так, например, в сентябре 1918 г. решение Моссовета разделило всё население Москвы на четыре группы: «А» — рабочие, занятые тяжёлым физическим трудом; «Б» — рабочие, занятые лёгким

¹⁸ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 38. М., 1969. С. 359.

¹⁹ Собрание узаконений РСФСР (далее — СУ РСФСР). 1917–1918. № 89. Ст. 906.

²⁰ СУ РСФСР. 1918. № 58. Ст. 637; № 74. Ст. 810.

физическим трудом, и служащие; «В» — промежуточная группа; «Д» — дети. Для каждой группы были разработаны свои хлебные и продовольственные карточки, объём получаемого по ним продовольствия вошёл в историю как «классовый паёк», что позволило трактовать дифференцированное продовольственное снабжение как проявление классовой дискриминации. В ноябре совместным решением Петроградской трудовой коммуны и коллегии продовольственного отдела Моссовета введены общие для обеих столиц нормы «классового пайка». В июле 1919 г. продотдел Моссовета принял решение о дополнительном пайке для фабрично-заводских рабочих, занятых тяжёлым физическим трудом или работавших в условиях вредного производства.

К весне 1920 г. карточная система, до этого действовавшая лишь в крупных городах, распространилась на всё городское население. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 30 апреля 1920 г. «О введении трудового продовольственного пайка» всё трудовое городское население обеспечивалось бесплатными продуктами по нормам, соответствующим трём основным категориям. Лучше других снабжались «рабочие физического труда, занятые в советских предприятиях и учреждениях», включённые в группу «А». С физиологической точки зрения это было обоснованно, поскольку работникам физического труда требуется больше калорий. Группу «Б» составляли «лица, занятые умственным и конторским трудом в советских учреждениях и предприятиях», а также некоторые не работающие категории граждан: инвалиды; учащиеся старше 16 лет; лица, занятые уходом за детьми до 12 лет или домохозяйки из семей трудящихся, насчитывающих не менее трёх человек; наконец, беременные женщины, начиная с пятого месяца беременности. Самыми скромными оказались пайки группы «В», которыми обеспечивались лица, занятые на частных предприятиях, а также не эксплуатирующие чужой труд кустари, ремесленники и зарегистрированные безработные. По особой норме — выше группы «А» — снабжались рабочие и служащие предприятий, имеющих «особо важное государственное значение» (к таковым относились прежде всего оборонные заводы); работники, занятые «особо тяжёлым или вредным» трудом и те, чей рабочий день по технологическим и иным причинам превышал установленную норму. Усиленный паёк получали также дети до 16 лет, семьи красноармейцев и медико-санитарный персонал, занятый в борьбе с эпидемиями²¹. Такое распределение остро дефицитного продовольствия представляется вполне разумным и экономически обоснованным: продовольственные нормы зависели от значимости профессии и тяжести труда. Как известно, аналогичный принцип распределения практиковался и в годы Великой Отечественной войны.

К карточной системе добавилась постоянно развивавшаяся, сложная система спецпайков, отражавшая актуальные политические и экономические задачи того или иного периода. Так, в конце 1919 — начале 1920 г. большевики приняли меры по улучшению материального положения представителей «старой» научной и художественной интеллигенции. Привлечь их на свою сторону было важно как с политической, так и с экономической (в случае с технической интеллигенцией) точек зрения. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 23 декабря 1919 г. «Об улучшении положения научных специалистов» выдающимся учёным полагались «усиленное довольствие» (пайки, одежда, топливо), освобождение «от всякого рода повинностей (трудовой, военной и т.д.)», предостав-

²¹ СУ РСФСР. 1920. № 34. Ст. 165.

ление благоприятных для творческой работы жилищно-бытовых условий²². Для реализации этих решений в 1920 г. была создана Петроградская комиссия по улучшению быта учёных (ПетроКУБУ), а в 1921 г. — аналогичные Московская и Центральная комиссии (МКУБУ и ЦЕКУБУ). 14 июня 1920 г. СНК РСФСР принял «Положение о пайке для особо ответственных и совершенно незаменимых работников центральных учреждений». В эту категорию вошли руководящие работники ВСНХ, Управления чрезвычайного уполномоченного Совета труда и обороны по снабжению Красной армии и флота, ВЦСПС и ЦСУ, а также находившиеся на их иждивении члены семей²³.

Условность «классовых стандартов» наглядно прослеживается также в жилищной политике и сфере образования, считавшихся в советской историографии безусловными достижениями советской социальной политики, а в постсоветской литературе трактуемых преимущественно в рамках классовой политики в качестве мер дискриминационного характера. В частности, М.Г. Меерович, автор серии трудов по истории советской жилищной политики, считает, что она носила исключительно репрессивный характер, а само «жилище» якобы выступало «средством дисциплинарного принуждения к труду и “правильному” образу жизни», «средством поощрения верности служения» власти. Утверждая, что большевистская власть «постулировала запрет народу проживать в “богатых квартирах”»²⁴, Меерович, видимо, забывает о тяжелейшей ситуации, сложившейся в жилищной сфере в России уже на рубеже XIX–XX вв. Известный экономист и архитектор того времени М.Г. Диканский относил жилищный вопрос к числу самых «жгучих» социальных проблем²⁵. В промышленных центрах рабочие жили в бараках, подвалах и так называемых угловых и коечно-каморочных квартирах, т.е. в квартирах, разделённых занавесками или тонкими перегородками на углы и секции, в которых помещались только койки, в лучшем случае — с табуреткой. Обследование этих квартир, проведённое в Москве в 1899 г., показало недопустимость проживания в них: «Если взять среднюю по своей обстановке коечную квартиру, то она окажется грязной, с испорченным воздухом, избилующей всякими насекомыми и во многих случаях сырой и холодной; в такой квартире помещается людей во всяком случае больше, чем следовало бы, и скученность населения доходит иногда до того, что становится непонятным, как могут жить люди в такой обстановке»²⁶. Случаи, когда предприниматели вкладывали средства в улучшение бытовых условий своих работников, имели место, но не стали типичным явлением. По данным переписи 1912 г., в Москве свыше 300 тыс. рабочих с семьями жили в антисанитарных условиях и 120 тыс. — в сырых подвалах

²² Декреты советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. — 31 марта 1920 г. М., 1975. С. 427–428.

²³ Декреты советской власти. Т. IX. Июнь–июль 1920 г. М., 1978. С. 335–336.

²⁴ *Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. С. 11. См. также: *Меерович М.Г.* Советская репрессивная жилищная политика (по материалам ГА РФ и филиала РГАНТД) // Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Самара, 2009; *Меерович М.Г.* Жилищная политика СССР как средство социального управления (1917–1941 гг.) // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 95–101; и др.

²⁵ *Диканский М.Г.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908. С. 1. См. также: *Вернер И.* Жилища беднейшего населения Москвы // Известия Московской городской думы. 1902. № 19. С. 3; *Диканский М.Г.* Жилищная нужда и строительные товарищества. Харьков, 1908.

²⁶ Цит. по: Красная Москва. 1917–1920 гг. / Под ред. Л.Б. Каменева. М., 1920. Ст. 357–358.

и полуподвалах²⁷. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других крупных городах²⁸. Рабочие больших фабрик ночевали в основном в бараках при них. Вот как выглядела типичная спальня фабричных рабочих начала XX в.: «Помещение спальни было уставлено сплошными нарами, расположенными в два яруса; только в головах нары были разделены досками, в ногах устраивались “скворечники” — ящики, где хранились хлеб, грязное бельё и другие вещи»²⁹. Как тут не вспомнить слова героя замечательного произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Родиона Раскольников о том, что «низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят». «О, как ненавижу я эту конуру!», — с отчаянием говорил Раскольников Соне Мармеладовой. Аналогичные чувства испытывали миллионы жителей России. В годы Первой мировой войны в связи с массовым притоком беженцев из западных губерний в центр России проблема нехватки жилья стала ещё острее³⁰. Поскольку строить новое жильё в тех условиях было нереально, единственный выход заключался в «оптимизации» имевшегося жилищного фонда. Большевики попытались решить вопрос за счёт «революционного передела жилья» в пользу нуждавшихся путём выселений, уплотнений, подселений, муниципализации, а затем и демунципализации. В основе этой реформы лежали идея более справедливого перераспределения жилого фонда и стремление обеспечить жильём всех (в первую очередь — семьи трудящихся) за счёт изъятия «излишков» жилой площади у имущих городских слоёв.

О том, насколько неприглядной была эта политика с точки зрения тех, кого выселяли и уплотняли, всем известно благодаря блестящему произведению М.А. Булгакова «Собачье сердце». «В спальне принимать пищу, в смотровой читать, в приёмной одеваться, оперировать в комнате прислуги, а в столовой осматривать. Очень возможно, что Айседора Дункан так и делает. Может быть, она в кабинете обедает, а кроликов режет в ванной. Может быть... Но я не Айседора Дункан!.. Я буду обедать в столовой и оперировать в операционной», — эта гневная тирада проживающего в семикомнатной квартире профессора Преображенского в ответ на предложение «уплотниться» вызывает понимание в душах современных читателей. Это неудивительно. Все мы хотим спать в спальне, обедать в столовой, работать в кабинете, играть с детьми в детской комнате. Однако внимательный читатель не пропустит один, на первый взгляд, незначительный нюанс. Завершая разговор с комиссией по уплотнению, профессор просит предоставить ему возможность «принимать пищу там, где её принимают все нормальные люди, то есть в столовой, а не в передней и не в детской». Тем самым он исключил из числа «нормальных людей» миллионы рабочих и членов их семей, проживавших в бараках, угловых и коечно-каморочных квартирах и не имевших ни спален, ни столовых, ни детских.

²⁷ Баева Л.К. В.И. Ленин и осуществление первых мероприятий... С. 269.

²⁸ Подробнее см.: *Борджин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В.* Жильё фабричного рабочего в период дореволюционной индустриализации: сравнительный анализ архивной документации двух крупных мануфактур // Историко-экономические исследования. Т. 8. № 2. 2007. С. 122–162; *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.

²⁹ *Латицкая С.* Быт рабочих трёхгорной мануфактуры. М., 1935. С. 54.

³⁰ О бытовых условиях рабочих рубежа XIX–XX вв. см.: *Валетов Т.Я.* Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX — начала XX в.? // Социальная история. Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 176–196.

Если же отвлечься от блестящих художественных образов Булгакова, то нельзя не вспомнить, что подвальные и полуподвальные квартиры рабочих, перенаселённые бараки являлись рассадниками туберкулёза и других тяжёлых заболеваний. Тем самым решение жилищной проблемы оказывалось вопросом не только социальной справедливости, но и сохранения трудовых ресурсов, борьбы с эпидемиями, охраны материнства и детства, т.е. вопросом стратегического значения. Соответственно, задачу улучшения жилищных условий трудящихся нельзя рассматривать только с точки зрения классового принципа.

Система соцобеспечения, гарантированного продовольственного снабжения населения, обеспечения его жильём и т.п. корректировалась в соответствии с изменениями общей социальной-политической конъюнктуры. Так, в период Гражданской войны одним из приоритетных направлений социальной политики выступала забота о «красных командирах» и служащих РККА. Тяжёлая эпидемиологическая ситуация заставила власть обратить внимание на положение медицинских работников и членов их семей. В частности, в феврале 1919 г. государство распространило пенсионное обеспечение на семьи медицинских работников, погибших в борьбе с эпидемиями³¹.

Задачи индустриализации обусловили внимание правительства к повышению уровня жизни инженерно-технических специалистов. Ужесточение «классовой борьбы» в конце 1920-х гг. привело к ограничениям прав ряда представителей бывших привилегированных слоёв. Так, в 1929 г. постановление Совета социального страхования при Наркомате труда СССР лишило права на пенсию и пособие по безработице бывших помещиков, фабрикантов, жандармов, полицейских, руководителей контрреволюционных банд и т.п.³² Кроме того, в систему гарантированного социального обеспечения не были включены составлявшее подавляющее большинство граждан Советской России сельское население, а также «лишенцы» и «нетрудовые» элементы города.

Таким образом, сложившаяся в первое десятилетие советской власти иерархия социальных приоритетов представляет собой сложную и динамичную систему, не ограничивавшуюся рамками классового подхода. Реальная практика существенно отличалась от декларируемой политики, что особенно ярко проявилось на местном уровне, где классовый принцип оказывался ещё менее выраженным, всё более превращаясь в элемент политической риторики.

Институционализация и принцип системности в социальной политике: ответственность государства или тотальный контроль с его стороны? Во всех сферах социальной политики большевики последовательно проводили принцип централизации и государственного регулирования. Постепенно создавались единые централизованные государственные системы социального обеспечения и здравоохранения. Попытка создания аналогичной системы охраны детства увенчалась успехом лишь частично. Эти функции оказались разделены между наркоматами просвещения, соцобеспечения и здравоохранения, а охрана материнства и младенчества — между наркоматами здравоохранения и соцобеспечения. Но, так или иначе, происходила институционализация всех

³¹ Собрание узаконений и распоряжений по Народному комиссариату социального обеспечения. Октябрь 1918 г. — июнь 1919 г. [М., 1920]. С. 35–36.

³² Постановление Союзного Совета социального страхования при Народном комиссариате труда СССР от 21 февраля 1929 г. «О лишении права на пенсию и пособие по безработице бывших помещиков, фабрикантов, жандармов, полицейских, руководителей контрреволюционных банд и т.п.» // Известия Народного комиссариата труда СССР. 1929. № 12–13. С. 197.

сфер социальной политики, что, с одной стороны, давало необходимые государственные гарантии соцобеспечения, медицинской помощи, образования, заботы о сиротах и т.д., а, с другой, нередко приводило к тотальному контролю государства, ограничивавшему реальные права и свободы граждан.

Если в советской историографии делался акцент на преимуществах институционализации социальной политики в Советской России, то в постсоветской, напротив, в большей степени подчёркиваются её негативные последствия. В частности, широкое распространение получило утверждение о полном уничтожении большевиками благотворительности, о монополизации государством права на социальную помощь и об отстранении от неё общества, более того — об уничтожении общественной инициативы в целом.

Действительно, в соответствии с новыми принципами, социальная помощь, медицинское обслуживание, забота о материнстве и детстве полностью переходили в сферу ответственности государства, которое принимало на себя обязательства по оказанию социальной помощи в объёме и формах, установленных законом. Все существовавшие до октября 1917 г. благотворительные общества и организации оказались упразднены. Нарком соцобеспечения А.Н. Винокуров не раз подчёркивал, что «всякого рода благотворительность, филантропия, нищенские подачки должны быть искоренены и заменены рационально поставленной социальной помощью». Например, соцобеспечение инвалидов должно заключаться в том, что они по возможности «должны быть вылечены, поставлены на ноги, снабжены протезами и обучены какому-нибудь ремеслу, дабы могли опять трудиться и не быть обузой для государства»³³. Однако общество не отстранялось от помощи нуждающимся, напротив, эта помощь приветствовалась и даже всячески стимулировалась.

Не справляясь со взятыми на себя обязательствами, государственные структуры ещё до окончания Гражданской войны сознательно делегировали обществу часть полномочий, поощряя частные инициативы, но одновременно направляя их в нужное русло и контролируя. Особенно ярко это проявилось именно в социальной сфере, в том числе в области охраны материнства и детства. Большое распространение получили инициированные властью (а следовательно, и регламентированные ею) разнообразные «общественные» кампании («недели беспризорного и больного ребёнка», «недели охраны материнства и младенчества», «кружечный сбор» в пользу голодающих детей, митинги, спортивно-гимнастические праздники и др.). В годы нэпа, когда большинство учреждений социальной сферы перевели на скудное местное финансирование, эта тенденция проявилась ещё отчётливее. О необходимости шире разворачивать общественную инициативу, поощрять создание «всевозможных вольных обществ и кружков среди рабочих и крестьян (например, кружки и общества технического просвещения, агрономии, изобретательства, радио, “друзей книги” и т.п.)» говорится и в решениях партийных съездов³⁴. Однако чем больше власть поощряла и стимулировала общественную активность, тем сильнее эта активность контролировалась ею, а добровольные организации срастались с партийно-государственными структурами. Фактически общественная помощь оказалась инкорпорирована в государственную систе-

³³ 1-й Всероссийский съезд комиссаров социального обеспечения 26 июня (2 июля) 1918 года. М., 1918. С. 3–4.

³⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 3. М., 1970. С. 253.

му, что, с одной стороны, нивелировало суть «добровольных общественных инициатив», с другой, — обеспечивало государственную поддержку (организационную, финансовую и проч.) общественным инициативам, признанным властью «полезными».

Противоречивое сочетание в политике 1920-х гг. поощрения и подавления общественных инициатив обусловило столь же противоречивые оценки этого явления исследователями. Одни убеждены, что революция 1917 г. преврала «естественное развитие добровольчества», и в развитии общественного движения, взятого под «твёрдое пролетарское руководство», начался «обратный процесс»³⁵. Другие, напротив, уверены, что именно после 1917 г. добровольческий труд приобрёл «эмоционально привлекательную самодостаточную форму практик общественной деятельности населения»³⁶. Обе точки зрения по-своему справедливы, но каждая отражает лишь одну из сторон более сложной и противоречивой реальности.

Проблема соотношения плюсов и минусов институционализации социальной политики выводит также на ряд других значимых вопросов: соотношение социального воспитания и семейных ценностей, проблемы усыновления и патронатного воспитания, вмешательство государства в семейные отношения и «женский вопрос». Эти и многие другие проблемы нуждаются в деполитизированном взгляде, свободном от стереотипов и устоявшихся штампов.

Переосмысление советской социальной политики не только даст возможность ответить на ряд значимых вопросов отечественной истории, но и поможет разобраться в ряде острых проблем современности. В частности, оценить достоинства и недостатки различных моделей социальной политики, рассудить спор о преимуществах резидуальной³⁷, меритократической³⁸ и институциональной³⁹ моделей⁴⁰. Реконструкция опыта 1920-х гг. в сфере социального воспитания будет интересна и полезна в рамках современных дискуссий вокруг ювенальной юстиции. Все эти сюжеты так или иначе выводят на вопрос о том, каковы допустимые границы государственного регулирования социальных процессов и вмешательства в социальные отношения, где именно проходит тонкая грань между помощью государства и контролем с его стороны.

---

³⁵ См., например: *Бредли Дж.* Добровольные общества в Советской России // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1994. № 4. С. 34; *Кудринская Л.А.* Генезис добровольческого труда в контексте исторического подхода // Омский научный вестник. 2006. № 9. С. 85; и др.

³⁶ *Горлова Н.И.* Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М., 2019. С. 151.

³⁷ Резидуальная модель социальной политики предполагает вмешательство государства лишь в крайнем случае, если прочие, «естественные» механизмы решения проблем граждан (личные способности и усилия, семья, друзья, рынок) перестают выполнять свои функции. Данная модель предполагает временную и минимальную помощь государства.

³⁸ В основе меритократической модели социальной политики находится государственная система социального страхования, распространяющаяся на трудоспособное население, занятое в общественном производстве.

³⁹ Институциональная модель предполагает универсальную помощь государства, имеющую превентивный профилактический характер и оказываемую в соответствии с установленными законами, нормами, правилами.

⁴⁰ Подробнее см.: *Григорьева И.А.* Социальная политика: основные понятия. С. 42–43; *Лозова Л.А., Немашкалова К.Г.* Анализ зарубежных моделей социальной политики // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2014. № 1. С. 120–128.

Театральная цензура в Ленинграде в годы «оттепели»

Чжуан Юй

Theater censorship in Leningrad during the period of «thaw»

Zhuang Yu
(Peking University, China)

DOI: 10.31857/S0869568722010022

После победы над фашизмом на фоне разворачивавшейся холодной войны ЦК ВКП(б) стал усиливать идеологический контроль над литературой и искусством. В 1946–1948 гг. появились постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме “Большая жизнь”», «Об опере “Великая дружба”», ужесточившие требования к советской творческой интеллигенции. Однако новая культурная политика возымела обратный эффект и привела к застою в творчестве. На театральных сценах всё чаще ставили бесконфликтные пьесы, не вызывавшие интереса у зрителей. Об одной из таких постановок И.В. Сталин даже критически отозвался на заседании Политбюро ВКП(б) в 1952 г. Но при его жизни никаких мер для изменения сложившейся ситуации не предпринималось. Лишь в период «оттепели» началось преобразование органов театральной цензуры¹.

Следует учесть, что цензурный контроль над сценическим искусством всегда сложнее, чем над литературными произведениями и кинокартинами. Любая постановка требует сотворчества всей труппы — сценария драматурга, его толкования режиссёром и игры (в том числе и импровизации) актёров, а каждый спектакль уникален и неповторим². Соответственно, тексты проверялись Главлитом и Комитетом по делам искусств Министерства культуры СССР в Москве, а надзор над выступлениями осуществлялся цензорами на местах. Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств)³ был образован ещё в 1922 г., в 1923 г. при нём создали Главрепертком (Главный репертуарный комитет, позднее — Главный комитет по контролю за зрелищами и репертуаром). В 1928 г. при формировании Главискусства (Главного управления по делам художественной литературы и искусства) Главрепертком вошёл в его состав. Главискусство обеспечивало «идеологический контроль над репертуаром и все-

© 2022 г. Чжуан Юй

¹ Подробнее см.: *Блюм А.В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры (1917–1929). СПб., 1994; *Блюм А.В.* Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953. СПб., 2000; *Блюм А.В.* Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. СПб., 2005; *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР 1917–1991 гг. Изд. 2. М., 2009; *Горяева Т.М.* Радио России: политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах: документированная история. М., 2009; *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород, 2000; *Зеленов М.В.* Главлит в системе органов власти и управления: цензура после Сталина. 1953–1966 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. М., 2016. С. 140–154; *Геризон М.М.* Закат Сталина и Оттепель. Управление культурой в СССР в 1950-х – начале 1960-х гг. М., 2018.

² Подробнее см.: *Горяева Т.М.* Политическая цензура... С. 326.

³ С 1953 по 1964 г. — Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати.

ми другими художественными произведениями» и «общее руководство и планирование работы зрелищных предприятий и их объединений», находившихся в ведении местных отделов народного образования⁴. С 1933 г. Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром стало отдельным надзорным органом в структуре Наркомпроса. К нему перешёл «политико-идеологический, художественный и военный контроль, как предварительный, так и последующий, над всеми видами зрелищ и репертуара (театр, музыка, эстрада, кино, грампластинки, художественное радиовещание) на территории РСФСР». На практике он следил за разрешением к постановке, публичному исполнению и распространению драматических, музыкальных и хореографических произведений⁵. 17 января 1936 г. возник Всесоюзный комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР, полномочия которого до 1953 г. включали «руководство всеми делами искусств с подчинением ему театров и других зрелищных предприятий, киноорганизаций, музыкальных, художественно-живописных, скульптурных и других учреждений по искусствам, в том числе учебных заведений, подготавливающих кадры работников театра, кино, музыки и изобразительных искусств»⁶. А когда 15 марта 1953 г. министерства высшего образования, кинематографии, трудовых резервов СССР, комитеты по делам искусств и радиоинформации, а также Главполиграфиздат были объединены в Министерство культуры СССР⁷, ему же передали функции Главискусства. Между тем ещё в октябре 1951 г. в Управлении театров Комитета по делам искусств упразднили Главрепертком. Закрылся и его Репертуарно-редакторский отдел, который затем ненадолго восстановили, но 4 июня 1954 г. на основании министерского приказа он снова прекратил свою деятельность.

Аналогичные изменения происходили и на местном уровне. Так, в Петрограде после революции действовал Отдел государственных театров при Наркомпросе РСФСР. В марте 1937 г. Дирекцию ленинградских государственных театров ликвидировали, а её обязанности возложили на Управление по делам искусств исполкома Ленгорсовета⁸, подчинявшееся его президиуму, а с июня 1938 г. — ещё и Комитету по делам искусств при СНК РСФСР. К 1940 г. в управлении насчитывалось шесть отделов (секторов) — театральный, музыкальный, изобразительных искусств, охраны памятников, планово-финансовый, капитального строительства. 24 июня 1953 г. на базе отдела культурно-просветительной работы и трёх управлений исполкома (кинофикации, по делам искусств и полиграфической промышленности, издательства и книжной торговли) организовали Управление культуры (УК).

Как пишет Т.М. Горяева, в годы «оттепели» «Главлит информировал и сигнализировал ЦК и КГБ обо всех случаях нарушения их распоряжений или ан-

---

⁴ *Гайдук В.Л.* Становление советской театральной цензуры в 20–30-е гг. XX в. // Преподаватель XXI век. 2012. № 2. С. 282.

⁵ Положение о Главном управлении по контролю за зрелищами и репертуаром при НКП РСФСР (Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг. Документы / Сост. А.Л. Евстигнева. М., 2016. С. 466–467).

⁶ Об образовании Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК Союза ССР // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, издаваемое Управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР. 13 февраля 1936. № 5. С. 69–70.

⁷ О преобразовании министерств СССР // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / Сост. М.И. Юмашев, Б.А. Жалейко. М., 1956. С. 79.

⁸ РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 13, л. 84.

тисоветских выступлений, ставших известными цензуре из своих источников»⁹. Но на практике в том же Ленинграде театральной цензурой занимались прежде всего Комитет по делам искусств и его местные органы, тогда как Главлит играл вспомогательную роль, а иногда и вовсе дублировал их функции¹⁰. В результате «между Комитетом по делам искусств и Главлитом годами тянулась тяжба: каждое ведомство претендовало на единственное и монопольное право наблюдения за репертуаром. Над ними, естественно, стояли партийные идеологические органы, которые и решали в конечном счёте судьбу произведений»¹¹. Судя по постановлению «О положении дел в Главлите СССР» 18 января 1957 г. в ЦК КПСС были вынуждены «признать необходимым освободить Главлит от контроля над репертуаром театров и других зрелищных предприятий..., возложив эти функции на Министерство культуры и его местные органы»¹². В 1958 г., после очередного преобразования, количество отделов Главлита сократилось до семи: задачи первых трёх, пятого и шестого остались прежними, четвёртому доверили предварительный контроль над литературой, изопродукцией и текстами для театров, а седьмой теперь проверял исполнение указаний местными органами¹³.

Характерно, что в отчётах Леноблгорлита о работе Управления по охране военных и государственных тайн в печати больше внимания уделялось произведениям драматургии малых форм, а многоактные пьесы рассматривало УК Ленгорисполкома (предварительный контроль Главлита над их текстами восстановили только в 1958 г., до того Леноблгорлит не очень активно участвовал в управлении репертуаром драматических театров). Начальник УК, руководивший сетью многочисленных профсоюзных и ведомственных организаций (десять из которых находились в республиканском подчинении), являлся уполномоченным Министерства культуры РСФСР по Ленинграду¹⁴. В обсуждении и утверждении репертуарного плана ленинградских театров, а также в оценке идейно-художественного уровня их творчества участвовали и местные партийные органы¹⁵.

В целом театральная цензура проходила несколько этапов: проверка текстов пьес, утверждение репертуара, «общественный» просмотр генеральной репетиции до премьеры. К этому добавлялись обсуждение в советской прессе и идеологическая работа с творческой интеллигенцией, направленная на формирова-

⁹ Горяева Т.М. Политическая цензура... С. 324.

¹⁰ По словам М.В. Зеленова, в 1953–1964 гг. сфера ведения Главлита дважды уточнялась. При этом в 1954–1958 гг. его первый отдел занимался «ведением секретного делопроизводства», второй («иностранный») контролировал «ввоз, хранение и использование иностранной литературы, вывоз научно-технической советской литературы за границу», третий цензурировал материалы иностранных корреспондентов, четвёртый считался «русским», пятый проводил цензуру научно-технической литературы и картографических материалов, под наблюдением шестого находились газеты, центральное радиовещание и ТАСС, седьмой руководил «очищением книжных фондов библиотек и книготорговой сети», восьмой («местный») осуществлял «инспектирование и выборочный последующий контроль уже изданной литературы», девятый проверял «репертуар и изобразительное искусство, искусствоведческую литературу, музеи и выставки», десятый («перечневый») разрабатывал положения и инструкции (Зеленов М.В. Главлит в системе органов власти... С. 147–148).

¹¹ Блюм А.В. Советская цензура... С. 29.

¹² Постановление ЦК КПСС «О положении дел в Главлите СССР» // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 8. СПб., 2017. С. 323–324.

¹³ Зеленов М.В. Главлит в системе органов власти... С. 149–150.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб, ф. 105, оп. 1, д. 828, л. 4.

¹⁵ Блюм А.В. Статьи для энциклопедии «Цензура» // Новое литературное обозрение. 2011. № 6. С. 340.

ние «правильного мировоззрения» и самоцензуры. Перед постановкой нового спектакля каждый театр должен был направить полный текст сценария, включённого в репертуарный план, на рассмотрение и проверку в Главискусство¹⁶, после чего Главлит, которому «запрещалось принимать произведения непосредственно от авторов и исполнителей без письменного заключения Комитета, подтверждающего, что у него нет претензий к их “идейно-художественной ценности”»¹⁷, выдавал необходимую для драматургов «визу».

Пока существовал Репертуарно-редакторский отдел Главискусства, его отделения находились в ряде городов СССР, а его центральное управление — в Москве. Это создавало преференции для москвичей, чьи пьесы проходили апробацию быстрее (тогда как ленинградцы ожидали разрешения 4–6 месяцев, а иногда и более года¹⁸). Поэтому в Ленинграде нередко предпочитали пользоваться продукцией московских драматургов. На совещании в обкоме 26 января 1955 г. Г.А. Товстоногов даже жаловался на то, что «у ленинградских театров есть такое снобистское отношение к ленинградским авторам, недоверчивое отношение к их произведениям»¹⁹.

Споры относительно контроля за драматическими театрами возникали и между руководством Репертуарно-редакторского отдела Главискусства и структурами Ленгорисполкома. Ещё 8 мая 1953 г. на открытом собрании парторганизации Управления по делам искусств исполкома Ленгорсовета старший инспектор И.С. Ефремов заявил, что возглавляемый им театральный сектор не имеет права запрещать постановку официально разрешённых пьес, даже если они им не одобрены²⁰. Поэтому было решено добиваться создания в Ленинграде самостоятельного репертуарно-редакторского отдела²¹. 20 октября 1953 г. начальник только что созданного Управления культуры Ленгорисполкома В.Г. Артамонов писал министру культуры П.К. Пономаренко: «Порядок разрешения к постановке и к опубликованию драматических произведений ставит их в исключительное положение по сравнению с другими жанрами советской литературы. Редакции любой газеты или журнала, книжные издательства имеют право выпуска в свет новых произведений прозы, поэзии, публицистики, самостоятельно представляя их на утверждение Главлиту. Несоответствие в вопросе визирования произведений драматургии для их постановки в театре состоит ещё и в том, что в разрешении Репертуарно-редакторского отдела Главискусства (Комитет по делам искусств) нуждаются только драматические произведения крупных форм; произведения малых форм, в том числе пьесы размером не свыше двух актов, утверждаются в отделах искусств Управления культуры на местах». Желая исправить ситуацию, «управление ходатайствует перед Министерством культуры СССР о предоставлении нашему репертуарно-редакторскому сектору отдела искусств права рассмотрения и передачи поступающих к нему пьес непосред-

---

¹⁶ Название «Главискусство» сохранилось с 1928 г. В 1953–1964 гг. в официальной переписке так назывался Комитет по делам искусств Министерства культуры СССР (ЦГАЛИ СПб, ф. 105, оп. 1, д. 20, л. 66–70), отвечавший за репертуарно-редакторскую инспекцию (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. М., 2001. С. 297–298, 410).

¹⁷ Блюм А.В. Статьи для энциклопедии «Цензура». С. 343.

¹⁸ Например, спектакли «Девочки-красавицы» А.Д. Симукова и «Любовь на рассвете» Я.А. Галана в 1952–1953 гг. (ЦГАЛИ СПб, ф. 105, оп. 1, д. 20, л. 67).

¹⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 96, д. 69, л. 52–53.

²⁰ Там же, ф. 948, оп. 5, д. 4, л. 19.

²¹ Там же, л. 21.

ственно в Главлит для разрешения их к постановке в театрах города и страны»²². В конце 1955 г. руководство УК Ленгорисполкома получило приказ Министерства культуры СССР, в котором ему было даже «предоставлено право самостоятельно решать вопрос о выпуске в свет для широкого распространения пьес драматургов, почему-либо не принятых ленинградскими театрами, но представляющих интерес для других театров»²³.

Театры могли формировать свой годовой репертуарный план, но обязаны были представлять его на предварительное рецензирование и утверждение в местные подразделения Комитета по делам искусств и заменившего его Министерства культуры. В 1950–1960-х гг. ежегодно перед началом нового сезона он обсуждался на совещании в отделе искусств УК (а с 1956 г. — на художественном совете при УК совместно с членами Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества (ЛО ВТО)) в присутствии представителей всех драматических театров города и членов Ленинградского отделения Союза писателей СССР, а иногда и некоторых драматургов²⁴. Но даже после этого постановку могли исключить из плана. Так, 13 апреля 1954 г. УК решило убрать из текущего репертуара ТЮЗа спектакли «Побег» и «Девочка ищет отца» в связи с необходимостью переработки этих пьес²⁵. Подобная практика вызывала немало жалоб. Впрочем, порою сами труппы предлагали изменить утверждённый план. Так, Театр Комедии ходатайствовал перед Главным управлением по делам искусств Министерства культуры РСФСР: «В связи с износом материального оформления и нецелесообразностью дальнейшей эксплуатации просим Вашего разрешения списать с текущего репертуара нижеследующие спектакли: “Повесть о молодых супругах” Е. Шварца, “Дипломаты” П. Карваша, “Ночное небо” А. Гладкова, “Ложь на длинных ногах” Э. де Филиппо»²⁶.

После XX съезда КПСС началась децентрализация управления театрами. 21 августа 1956 г. приказ министра культуры повысил роль художественных советов, расширил права руководителей творческих коллективов по вопросам «формирования репертуара, подбора творческих кадров и в расходовании средств на новые постановки»²⁷. УК демонстрировало уважение к театральным деятелям. С 1956 г. его сотрудничество с художественными организациями стало более интенсивным. Ленинградское отделение Всероссийского театрального общества, с 1935 г. занимавшееся издательской деятельностью и организацией выставок, фестивалей, смотров, конкурсов, конференций, семинаров и т.п., помогало УК следить за репертуарными планами и активно участвовало в их обсуждении перед началом сезона. На заседаниях ЛО ВТО в 1956 г. рассматривались итоги работы областных трупп, отражение современной зарубежной драматургии на сцене ленинградских театров, публикации в журнале «Театр» и в «Литературной газете», опыт сценического воплощения произведений

²² ЦГАЛИ СПб, ф. 105, оп. 1, д. 20, л. 67, 70.

²³ Там же, д. 431, л. 4.

²⁴ Там же, ф. 359, оп. 1, д. 47, л. 11. При этом подчинение того или иного театра не имело значения. Например, Ленинградский государственный академический театр драмы им. А.С. Пушкина находился в союзном подчинении, Ленинградский академический Большой драматический театр им. М. Горького и Театр Комедии состояли в ведении РСФСР, а Театр им. Ленсовета, Театр им. Ленинского комсомола, ТЮЗ и Ленинградский драматический театр им. В.Ф. Комиссаржевской контролировало Управление культуры Ленгорисполкома.

²⁵ Там же, д. 115, л. 34.

²⁶ Там же, ф. 261, оп. 1, д. 351, л. 6.

²⁷ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 416, л. 187–190.

Ф.М. Достоевского в Ленинграде, поставленные в Театре имени Ленинского комсомола советские пьесы, состоялся также диспут на тему «Будущее театра»²⁸. Среди членов ЛО ВТО заметно преобладали актёры, хотя в него входили также режиссёры, художники и др. Под началом отделения находился и ленинградский Дом актёра.

Несмотря на то что каждая пьеса проходила двойной контроль, театру предстояло ещё выдержать предварительный просмотр генеральных репетиций представителями «общественности», под которой «подразумевались преимущественно чиновники Управления культуры, городского и областного комитетов партии. Они могли запретить уже поставленный спектакль, потребовать изъятия отдельных реплик и даже сцен, а также изменения самой режиссёрской трактовки пьесы»²⁹. Тем не менее Д.М. Шварц – бывший инспектор УК, более известная как завлит Большого драматического театра и преданная помощница Товстоногова, отмечала важную роль предварительного просмотра генеральных репетиций и «ничего чудовищного в этом милом обычае не видела». Свою позицию она зафиксировала в дневнике: «Я всегда говорила “можно”, несмотря на моё личное мнение. Понимала, что не могу быть запрещающей инстанцией. Вот это правило у меня было скорее подсознательным чувством, и ни о какой личной ответственности я не думала, хотя неприятности были, но я твёрдо знала, что порядочный человек, начальник Управления Борис Иванович Загурский, в обиду меня не даст, только сам поругает»³⁰.

Партийные и государственные органы внимательно прислушивались к театральной критике и рецензиям театроведов. После премьеры драматурги с режиссёрами с тревогой ожидали откликов советской прессы, которые могли предрешить судьбу постановки. Так, в 1956–1957 гг. Театр Комедии поставил пьесу английского драматурга Ф. Нотта «Телефонный звонок». Естественно, она прошла отбор Комитета по делам искусств, но подверглась нападкам в прессе. 16 октября 1956 г. в «Ленинградской правде» вышла статья Т. Марченко «Премьеры начала сезона», указывавшая на обилие слабых в идейно-художественном отношении спектаклей на городской сцене. При этом «Телефонный звонок» упоминался особо: «На афише нового спектакля Театра Комедии нарисован зловещий силуэт человека, протянувшего цепкие пальцы к горлу своей жертвы. Женщина в лёгком белом одеянии, разговаривающая по телефону, не замечает убийцу. Сейчас совершится преступление»³¹. Рецензент увидел в этом типичный образец произведения, выдержанного в духе буржуазной идеологии, чуждой советской морали. Оправдываясь, руководство театра отмечало, что эта премьера позволила коллективу быстро выйти из тяжёлого финансового положения. Однако УК такие аргументы не устраивали, и его член И.В. Корнеев на совещании первичной партийной организации заявил: «Наша борьба далеко не достаточна. Взять Театр Комедии: каким репертуаром они поправили своё финансовое положение – “Телефонный звонок”, “Опасный поворот”, – эти спектакли не воспитывают наш советский народ. Нам нужны другие пьесы»³². Директор театра И.Т. Закс признавался: «Я в принципе был

²⁸ Материалы о работе Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества. Л., 1957. № 10/11. С. 6–7.

²⁹ Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде... С. 196.

³⁰ Шварц Д. Дневники и заметки. СПб., 2001. С. 241–242.

³¹ Марченко Т. Премьеры начала сезона // Ленинградская правда. 1956. 16 октября.

³² ЦГАИПД СПб, ф. 948, оп. 6, д. 4, л. 4.

против постановки “Телефонного звонка”, но, ознакомившись с положением дел в Москве и в других городах, я пришёл к выводу, что сейчас нужно сделать временное отступление»³³. В результате, хотя, судя по кассовым сборам, спектакль вызвал у зрителей неподдельный интерес, «Телефонный звонок» удалили из репертуара. Тем не менее во время «оттепели» западная драматургия и русская классика всё чаще пробивались на советскую сцену³⁴.

Самоцензура также играла важную роль в обеспечении идеологического контроля над театром. Ленинградский обком организовывал встречи с деятелями литературы и искусства, знакомя их с культурной политикой советской власти. К концу 1950-х гг. театральная жизнь оживилась, чему способствовали Всероссийский конкурс на лучшую советскую пьесу, Всесоюзный фестиваль драматических театров, Фестиваль ленинградской молодёжи и другие аналогичные мероприятия. С 7 по 22 июня 1958 г. в Ленинграде впервые прошёл фестиваль «Белые ночи», в котором наряду с театрами приняли участие киностудии и кинотеатры, учебные заведения искусств и концертные организации, коллективы художественной самодеятельности, радио и телевидение, творческие союзы и общества, музеи, библиотеки, парки и иные культурно-просветительные учреждения. Как говорилось в отчёте Министерства культуры РСФСР, «фестиваль сыграл важнейшую роль в активизации творческой жизни работников искусства и литературы, пропаганде новых художественных произведений среди широких трудящихся масс». При этом театральная секция отметила дипломами 11 из 36 концертных программ и постановок драматических и музыкальных театров, лауреатами фестиваля стали 89 актёров, писателей, композиторов и кинематографистов. Созданные в городе объединения самодеятельности представили свыше 70 выступлений, задействовав около 6 тыс. человек. В итоге 34 коллектива и 107 участников художественной самодеятельности получили лауреатские дипломы³⁵.

В целом, в 1956–1957 гг. в сфере культуры шёл поиск «новых форм управления и контроля»³⁶, а надзор за произведениями в значительной мере ослаб. С наступлением «оттепели» советская драматургия действительно «оживла», получив ограниченное право на собственное мнение. Тем не менее принципы идеологического контроля остались прежними. Весьма характерно, что в конце 1956 г. Президиум ЦК КПСС распространил «Письмо ЦК КПСС к партийным организациям “Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов”». А с конца 1950-х гг. к рассмотрению пьес вновь подключился Леноблгорлит. Правда, в некоторых случаях это позволяло не направлять тексты в Главискусство и ускоряло получение разрешения³⁷.

³³ Там же, ф. 545, оп. 6, д. 2, л. 48.

³⁴ См.: *Смелянский А.М.* Предлагаемые обстоятельства. Из жизни русского театра второй половины XX века. М., 1999.

³⁵ ЦГАЛИ СПб, ф. 105, оп. 1, д. 689, л. 229–230.

³⁶ *Горяева Т.М.* Политическая цензура... С. 323.

³⁷ ЦГАЛИ СПб, ф. 261, оп. 1, д. 351, л. 1, 3. Так, некоторые пьесы довольно быстро были рассмотрены Леноблгорлитом и уже в 1960 г. вошли в репертуар Театра Комедии (Там же, д. 358, л. 22).

**Деятельность комиссий по контролю за соблюдением
законодательства о религиозных культурах
в Дагестанской АССР
(вторая половина 1960-х – 1980-е гг.)**

Иманутдин Сулаев

**Activities of commissions monitoring the observance of legislation on religious
cults in the Dagestan ASSR (second half of the 1960s – 1980s)**

İmanutdin Sulaev

(Dagestan State University, Makhachkala, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722010034

Массовое антирелигиозное движение началось сразу после Октября 1917 г. и в своём развитии прошло ряд этапов: 1917–1940 гг.; 1941 – середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х – 1980-е гг.¹ Каждый из этих этапов имеет особенности и характерные черты. В целом стратегическая линия, нацеленная на ликвидацию религиозных форм сознания, за всё это время принципиальных изменений не претерпела. Имели место лишь разные сочетания «принуждения» и «убеждения», репрессий и послаблений, «штурма» и приёмов «осады». Некоторые исследователи указывают на «религиозную оттепель», наступившую в отношениях государства и конфессий в 1943–1948 гг., отмечают ужесточение курса в последующие годы, а период конца 1960-х гг. рассматривают как «позитивный в жизни церкви и религий», когда возобновилась регистрация религиозных объединений². Исследования на материалах регионов, однако, показывают, что положение было отнюдь не столь однозначным. Антирелигиозная работа продолжилась и после отстранения от власти Н.С. Хрущёва, хотя гонения стали менее масштабными, а методы, использовавшиеся властями для подавления религиозной активности населения, смягчились. Брежневская идеологическая концепция «развитого социализма», вытеснившая концепцию строительства «коммунистического общества», не освобождала идеологических и советских работников от борьбы за строительство нового общества без религии и выступала за освобождение сознания советских граждан от «религиозных предрассудков и суеверий».

Важной новацией в этой борьбе явилось активное привлечение общественности. В 1964 г. был дан старт созданию в Советском Союзе общественных организаций при райкомах и горкомах КПСС, районных и городских исполкомах Советов депутатов трудящихся (Советов народных депутатов по Конституции СССР от 7 октября 1977 г.), которые действовали вплоть до конца 1980-х гг. Это комиссии по научному атеизму, внедрению в быт новых обрядов, Совет по координации научно-атеистической пропаганды, советы старейшин и т.п.³ Обь-

© 2022 г. И.Х. Сулаев

¹ *Набиев Р.А.* Ислам и государство. Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002. С. 72.

² *Одинцов М.И.* Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С. 25.

³ *Алиев А.К.* Атеистическое воспитание – составная часть идеологической работы // Атеистическое воспитание населения. Махачкала, 1977. С. 5–38; *Азизханов К.А.* Внедрение в быт новых

ект исследования данной статьи — комиссии содействия исполкомам советов по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах (в дальнейшем для краткости именуемые «комиссиями содействия»), расцвет деятельности которых пришёлся на вторую половину 1960-х — середину 1980-х гг. Их активность рассматривается применительно к территории Дагестанской АССР. Главными источниками исследования послужили документы, выявленные в фондах ГА РФ и Центрального государственного архива Республики Дагестан.

С начала «религиозной оттепели» до начала 1960-х гг. на Северном Кавказе получили регистрацию 63 мечети, из них 30 — в Дагестане. Впоследствии, при молчаливом согласии Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), 4 мечети в Дагестане оказались закрыты. Их закрытие власти и ДУМСК объяснили плохим состоянием и несоответствием правилам пожарной безопасности. В 1966 г. в ДАССР действовали 55 зарегистрированных кадиев и муэдзинов⁴. Через год их число уменьшилось до 53. В 1969 г. в республике на учёте состояли 64 служителя разных культов, из которых 52 мусульманина, 7 православных, 2 иудея и 3 работника ДУМСК⁵. В 1975 г. официальную регистрацию прошли 61 кадий и муэдзин⁶. В 1983 г. функционировало 27 мечетей (больше, чем в остальных республиках и краях Северного Кавказа)⁷, кадиев и муэдзинов насчитывалось 61⁸. Это была та «сила», противостоять которой намеревались партийно-советские органы.

Постановление Совета министров ДАССР, обязывавшее рай- и горисполкомы создать «комиссии содействия», датируется 7 марта 1964 г. Оно носило название «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» и было выпущено во исполнение постановления Совета министров РСФСР № 203 от 18 февраля 1964 г. Это решение ознаменовало возобновление антирелигиозной работы в республике. Последний, 11-й пункт документа обязывал райгорисполкомы до 1 июля 1964 г. создать при исполкомах местных советов «комиссии по контролю за соблюдением законодательства о культах»⁹. Принцип формирования комиссий, задачи и порядок их работы определило «Примерное положение о комиссиях содействия исполкомам Советов депутатов трудящихся по соблюдению законодательства о религиозных культах», разработанное Советом по делам религий при Совете министров СССР от 26 ноября 1966 г. Согласно ему, комиссии создавались на общественных началах и возглавлялись заместителями или секретарями рай- и горисполкомов, а в поселковых и сельских советах — их председателями. На комиссии возлагались следующие задачи: содействие советам и их исполкомам «в обеспечении конституционных прав граждан СССР на свободу отправления религиозных культов и атеистической пропаганды», «наблюдение за деятельностью религиозных объединений и духовенства в части соблюдения ими законодательства о культах», «содей-

обрядов // Там же. С. 39–51.

⁴ Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее — ЦГА РД), ф. р-1234, оп. 4, д. 36, л. 13; оп. 5, д. 18, л. 98–99.

⁵ Там же, д. 48, л. 25.

⁶ Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала, 2009. С. 287–288.

⁷ См.: Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 — декабрь 1991 гг.). Документы и материалы / Сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, М.М. Амирханова. Махачкала, 2007. С. 211.

⁸ См.: ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 2685, л. 32.

⁹ ЦГА РД, ф. р-168, оп. 52, д. 252, л. 337.

ствие... в изучении форм и методов деятельности религиозных организаций, их влияния на население, особенно на молодёжь, проверка заявлений и жалоб граждан, а также работа по разъяснению законодательства о религиозных культурах». Административных прав комиссии не имели и не могли «давать указания и распоряжения, связанные с применением и соблюдением законодательства о культурах, и применять какие-либо меры принуждения или наказания». Им предписывалось работать «в тесном взаимодействии с соответствующим Уполномоченным Совета по делам религий при Совете Министров СССР» и собираться на заседания ежеквартально¹⁰.

Ужесточались и административные наказания за нарушения законодательства о религиозных культурах. Так, 18 марта 1966 г. президиум Верховного совета РСФСР принял постановление, согласно которому за уклонение от регистрации религиозных объединений, нарушение установленных правил организации и проведения религиозных собраний, шествий и других церемоний культа налагался штраф до 50 руб. Применять такую меру воздействия имели право административные комиссии при исполкомах¹¹.

29 декабря 1966 г. правительство ДАССР официально разослало «Положение о комиссиях содействия» райгорисполкомам¹², хотя некоторые органы не получили документ и через год¹³. Комиссии появились не ранее 1967 г., причём интересно, что их названия писались произвольно: то как «комиссия по контролю за соблюдением законодательства о культурах», то как «комиссия содействия по соблюдению законодательства о религиозных культурах». Одна из первых таких комиссий содействия появилась при исполкоме Кизлярского горсовета решением № 12 от 13 января 1967 г. Председателем её был утверждён В.Д. Конограй, в состав вошли также заведующий горотделом народного образования Р.Г. Амлаев, «начальник конторы благоустройства» А.Д. Болотов, заместитель начальника горотдела милиции В.П. Сергеев, работник финансовых органов И.В. Усачёв, работник хлебозавода И.Е. Вернигоров, преподаватель школы № 5 М. Кураммагомедов, начальник автомотоклуба А. Шубаев, пенсионер Я.С. Шеньшин¹⁴. 6 апреля 1967 г. «комиссия содействия» появилась при исполкоме Цумадинского райсовета (5 человек)¹⁵, 6 сентября — при Кизилюртовском горисполкоме (9 человек), 7 сентября — при Махачкалинском горсовете (12 человек)¹⁶, вскоре — при Чародинском райисполкоме (7 человек)¹⁷.

Как правило, комиссии состояли из партийных и комсомольских активистов, руководителей государственных и хозяйственных учреждений, депутатов рай- и горсоветов. Некоторые исполкомы вводили в них и руководителей правоохранительных органов, очевидно, стремясь повысить эффективность работы и придать ей вес. В частности, в созданную 12 сентября 1967 г. Избербашским горсоветом комиссию (7 человек) помимо представителей госучреждений (ди-

¹⁰ Законодательство о религиозных культурах (Сборник материалов и документов) / Под общ. ред. В.А. Куроедова. Изд. 2, доп. М., 1971. С. 161–164.

¹¹ Указ Верховного совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культурах» от 18 марта 1966 г. // Ведомости Верховного совета РСФСР. 1966. № 12. 24 марта. С. 219–221.

¹² ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 4, д. 43, л. 13.

¹³ Там же, л. 61.

¹⁴ Там же, л. 4.

¹⁵ Там же, л. 9.

¹⁶ Там же, л. 15.

¹⁷ Там же, л. 24.

ректора даргинского драмтеатра Х. Наврузова, заведующего горно М.Г. Шапранова, директора школы-интерната М.И. Жданова и пропагандиста горкома КПСС А.Г. Меринова) вошли прокурор города А.К. Исмаилов и народный судья Д. Алиев¹⁸. При этом в городе не функционировал ни один молитвенный дом, где могли бы собираться верующие.

Работа по созданию комиссий затянулась. В частности, проигнорировал правительственное постановление Магарамкентский райисполком. 24 октября в ответе на запрос № И-1 от 11 октября 1967 г. уполномоченного Совета он оправдывал бездействие «отсутствием в районе православных церквей и сектантских объединений»¹⁹. Но вскоре «комиссия содействия» была создана и в этом районе. При исполкоме Хасавюртовского горсовета соответствующая структура появилась и вовсе 20 января 1969 г. (в неё на общественных началах вошли 12 человек)²⁰.

Некоторые комиссии активизировались весьма оперативно. В частности, Цумадинский райисполком заслушал вопрос о проделанной работе уже 2 сентября 1967 г. Выяснилось, что члены комиссии выезжали в сёла и выступали перед жителями с лекциями, в которых разъясняли законодательство о культах. Принятое по итогам решение исполкома обязывало их помогать «сельским исполкомам в обеспечении конституционных прав граждан района на свободу отправления религиозных культов» и «свободу на антирелигиозную пропаганду»²¹.

Изучение планов работы десяти с лишним комиссий (при Ахвахском, Левашинском, Гергебильском, Цумадинском, Унцукульском, Каякентском, Касумкентском, Дахадаевском, Тарумовском и других райисполкомах) показывает высокую степень их схожести. Некоторые, впрочем, имели большое количество пунктов. Например, в Агульском районе за второе полугодие 1967 г. предусматривалось проведение следующих мероприятий: заведение специальных дел на особо активных верующих; создание «комиссий содействия» в каждом населённом пункте; созыв семинаров для членов сельских комиссий; привлечение к ответственности лиц, вовлекающих детей и подростков в религию; выяснение, ведут ли верующие агитацию среди других граждан; наблюдение за соблюдением прав верующих и предотвращение вмешательства в права граждан в зависимости от их отношения к религии; выявление лиц, исполняющих религиозные обряды в других сёлах, особенно в праздничные дни²². Это — наиболее насыщенный план из рассмотренных за изучаемый период.

Стоит отметить циничность 6-го и 7-го пунктов «Положения». В Агульском районе ещё в 1930-х гг. были закрыты все мечети, и в послевоенные годы верующие не добились разрешения на открытие ни одной из них. Поэтому пятикратные намазы выполнялись дома, а другие религиозные обряды — около кладбищ и под открытым небом. Даже празднование ежегодных Ураза-Байрама и Курбан-Байрама оставалось под запретом, так что принцип «обеспечения конституционного права граждан на свободу отправления религиозных культов» откровенно нарушался. Конфликты между местными властями, с одной стороны, и «официальным духовенством» и мусульманами, с другой, возникали даже вокруг действующих мечетей: например, в селениях Губден и Мюрего

¹⁸ Там же, л. 23.

¹⁹ Там же, л. 56.

²⁰ Власть и мусульманская религия в Дагестане... С. 200.

²¹ ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 4, д. 43, л. 14.

²² Там же, л. 19–20.

Сергокалинского района (Губден позже передан в Ленинский, ныне Карабудахкентский район. — *И.С.*), где в 1945 г. открылось по одной мечети. Чтобы нивелировать «религиозные настроения» в этих аулах и ужесточить контроль за деятельностью проповедников, в 1969 г. здесь создали «комиссии содействия» под руководством председателей местных советов. Однако функционировали они плохо, больше числились на бумаге, поскольку корни религиозности имели глубокие (особенно в Губдене), число мусульман, регулярно выполнявших обряды, было значительно больше, чем в других аулах республики²³. Властям пришлось считаться с этим.

Однако многочисленные нарушения законодательства о культах вынудили ужесточить меры воздействия. 13 мая 1969 г. Совмин ДАССР принял постановление № 231 «О состоянии и мерах по усилению контроля за соблюдением советского законодательства о религиозных культах»²⁴. Деятельность райгорисполкомов и их «комиссий содействия» подверглась в нём критике. В частности, отмечалось, что вопросы соблюдения законодательства крайне редко обсуждаются на заседаниях исполкомов; работа комиссий Хасавюртовского, Левашинского, Ленинского (сельского), Гумбетовского районов, Махачкалинского, Дербентского, Кизлярского горсоветов признавалась неудовлетворительной. Уполномоченный Совета по делам религий при Совете министров СССР по ДАССР М.-С. Гаджиев получил упрёк в том, что «недостаточно опирается на комиссии содействия при горрайисполкомах». 7-й пункт постановления обязал аппарат уполномоченного и горрайисполкомы оказывать помощь комиссиям, привлекая к их работе компетентных людей, систематически проводить семинары-совещания председателей и членов этих комиссий, обобщать и пропагандировать положительный опыт их работы.

Постановление подстегнуло борьбу с религиозными обрядами и духовенством. Члены комиссий начали более активно выявлять «нарушения» и заявлять о них в органы власти. К работе привлекли журналистов. Так, 18 июля 1969 г. в газете «Дагестанская правда» появилась заметка с вызывающим названием «Тунеядствующие святоши», авторы которой обвиняли «неофициальных служителей культа» К. Исмаилова из Махачкалы, Р. Курбанова из селения Зило и М. Ханмагомедова из селения Ансалта Ботлихского района в выполнении религиозных обрядов в соседних селениях, что расценивалось как грубейшее нарушение законодательства²⁵. К концу года с помощью членов комиссий были выявлены 438 учёных-арабистов, получивших начальное, среднее или высшее религиозное образование, взяты на учёт 213 незарегистрированных служителей мусульманского культа²⁶.

В то же время в десятках районов «комиссии содействия» фактически не выполняли своей работы. В частности, изучение отчётов комиссий при Гуньбском и Хунзахском райисполкомах начала 1970-х гг. показало, что власти отправлялись наверх «отписки». Например, несколько лет подряд в документах фигурировали однообразные фразы о том, что власти ужесточили «контроль за

²³ Сулаев И.Х. «Общественно полезная деятельность Духовного управления мусульман Северного Кавказа хорошо известна уполномоченному Совету...». Документы ГА РФ и ЦГА Республики Дагестан о взаимоотношениях институтов государства и ислама второй половины XX в. // Отечественные архивы. 2006. № 2. С. 93–94.

²⁴ ЦГА РД, ф. р-168, оп. 63, д. 267, л. 159–162.

²⁵ Ибрагимов О., Габиев Г. Тунеядствующие святоши // Дагестанская правда. 1969. 18 июля.

²⁶ ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 4, д. 48, л. 64–68.

деятельностью незарегистрированных служителей культа»²⁷ (тем самым, в частности, признавался сам факт наличия таковых в населённых пунктах). Анализ переписки и отчётов десятков комиссий и райгорисполкомов позволяет сделать вывод, что советские служащие не желали взваливать на себя лишнюю общественную нагрузку, которая требовала ведения непопулярной разъяснительной работы с верующими. Несмотря на то что нарушителей законодательства о религиозных культах во всех аулах и городах было более чем достаточно, борьба с ними носила чисто формальный характер.

15 сентября 1978 г. последовало очередное постановление Совета министров ДАССР, в котором комиссии обвинялись в слабом знании религиозной обстановки в районах и невыполнении функций, возложенных на них «Положением». В частности, отмечалось, что структуры Дербентского, Махачкалинского и Буйнакского горисполкомов не имеют в своём составе «компетентных в вопросах иудейской религии лиц», многим исполкомам ставилось в вину то, что на их заседаниях не рассматриваются вопросы контроля над выполнением законов о религиозных культах, а сами они не оказывают помощи «комиссиям содействия». Роль последних предписывалось повышать, содействуя им в работе, изучать и обобщать их положительный опыт, проводить семинарские занятия для председателей и членов комиссий по вопросам законодательства. Исполкомы Буйнакского, Сулейман-Стальского, Хивского районных и Избербашского городского советов обязывались пересмотреть составы комиссий. Уполномоченный Совета по делам религий должен был усилить контроль «за правильным применением и соблюдением в республике законодательства о религиозных культах, оказывать помощь райгорисполкомам и их «комиссиям содействия» в организации работы по соблюдению законодательства о религиозных культах, проводить с ними занятия, обобщать и распространять положительный опыт их работы»²⁸.

Новый уполномоченный С.-А. Девришбеков (1977–1989) на постановление правительства отреагировал мгновенно, подготовив письмо в горрайисполкомы с требованием составить планы работы с указанием перечня вопросов, выносимых на обсуждение на заседаниях. Он положительно отметил деятельность «комиссий содействия» Сергокалинского, Дахадаевского, Кизилюртского, Каякентского райисполкомов, Ленинского и Советского райисполкомов г. Махачкалы. Комиссии Бабаюртовского, Тарумовского, Новолакского райисполкомов и Кизилюртского горисполкома, напротив, подверглись критике за то, что «по-прежнему занимаются не своим делом». Уполномоченный считал, что они не должны вести атеистическую пропаганду, и указал на некомпетентный подход некоторых исполкомов к подбору кадров. Согласно «Положению», возглавлять комиссии следовало заместителю или секретарю райисполкома. Но Избербашский горисполком утвердил председателем таковой директора кинотеатра «Восток», Буйнакский райисполком поручил эту роль председателю райкома Союза работников сельского хозяйства, а в Сулейман-Стальском и Хивском райисполкомках их возглавили заведующие отделами культуры²⁹.

Для сравнения: в 1967 г. комиссию при Избербашском горсовете возглавляла секретарь горисполкома А.Н. Прохорова, что соответствовало «Положению». При формировании же обновлённой комиссии принцип оказался нару-

²⁷ Там же, д. 57, л. 65, 109.

²⁸ Там же, ф. р-168, оп. 71, д. 95, л. 146–149.

²⁹ Там же, ф. р-1234, оп. 4, д. 101, л. 255–256.

шен. Многие рай- и горисполкомы считали комиссии обузой, мало кто из их сотрудников хотел заниматься этой работой, потому что она требовала общения с верующими и служителями культов, к чему многие партийные и советские активисты оказывались не подготовлены. Особенно тяжело приходилось в сельских районах, где все друг друга знали и были связаны родственными узами. Хотя нарушения законодательства о культах там случались постоянно, активисты зачастую закрывали на них глаза, а фиксировали лишь тогда, когда вмешивались вышестоящие власти. Да и местные жители чаще симпатизировали нарушителям, нежели тем, кто с ними боролся.

Как правило, после вмешательства Совмина или обращения уполномоченного Совета по делам религий, на местах создавали видимость «оживления» антирелигиозной работы. Некоторые в срочном порядке выносили на обсуждение вопрос соблюдения законодательства и предоставляли «наверх» планы работы «комиссий содействия». В частности, 29 декабря 1978 г. такой отчёт в форме «информации» на имя заместителя председателя правительства ДАССР О.А. Алиева поступил от председателя комиссии Дербентского горисполкома А. Самедова. В его отчёте отмечалось, что исполком и комиссия проводят «систематическую работу по неуклонному выполнению и соблюдению законодательства о культах», «постоянно изучают состояние религиозной обстановки, отправления обрядности и характер проповедей духовенства»³⁰. 4 января 1979 г., «выполняя постановление Совета министров ДАССР от 18 сентября 1978 г.», докладывал уполномоченному о проделанной работе исполком Левашинского райсовета «совместно с комиссией по содействию за соблюдением законодательства о религиозных культах». В заслугу себе они записали проведение семинаров-совещаний с председателями и секретарями сельсоветов по соблюдению законодательства о культах; «полное искоренение обучения детей Корану»; отсутствие случаев посещения мечетей детьми школьного возраста; ликвидацию при помощи райкома КПСС и партийной организации «группы сектантов» (последователей суфийского шейха А.-Х. Акушинского. — *И.С.*); отсутствие в районе незарегистрированных служителей культа³¹ и т.д.

Полевой материал, собранный мной в 2008 г. в ряде районов Дагестана, показал, что в десятках населённых пунктов в конце 1970-х — начале 1980-х гг. по-прежнему подпольно обучали детей Корану, незарегистрированные муллы проводили все религиозные обряды, а в редких случаях дети посещали действующие мечети. Жители Левашинского и некоторых других районов выполняли предписания ислама независимо от ужесточения контроля со стороны советских и партийных структур. Власти района и после закрытия мечетей не смогли запретить верующим соблюдать религиозные обряды и покончить с «заштатными» («неофициальными») муллами. Не помогало антирелигиозной борьбе и то, что в даргинских селениях Левашинского и Цудахар Левашинского района на законных основаниях функционировали мечети с зарегистрированными при них кадиями и муэдзинами. На пятничные намазы в эти и другие мечети ходили десятки, а в праздничные дни — сотни верующих из соседних сёл³².

В отчётах о проделанной работе за разные годы менялись акценты, что можно объяснить завершением очередной кампании по борьбе с религиозны-

³⁰ Там же, л. 79–81.

³¹ Там же, л. 72.

³² Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане... С. 268.

ми обрядами и предрассудками. Например, представленный уполномоченному план работы «комиссии содействия» при Левашинском райисполкоме на 1979 г. оказался более скромным, чем вышеупомянутый отчёт 1978 г. Намечалось проведение лишь трёх заседаний комиссии (по одному в квартал), на которых предполагалось обсудить «соблюдение законодательства о культах» и «борьбу с религиозными обрядами» в отдельных населённых пунктах. В качестве ответственных за исполнение плановых вопросов указывались председатели сельсоветов³³. Кайтагский райисполком предоставил отчёт о проделанной комиссией работе 8 января 1979 г. После перечисления её результатов отмечалось, что члены комиссии и исполкома своевременно ознакомлены с постановлением Совмина от 15 сентября 1978 г., вследствие чего комиссия «несколько оживила» и «перестроила» работу «на основе новой Конституции Советского Союза и Дагестанской АССР»³⁴.

Более стандартным выглядит план из девяти пунктов «комиссии содействия» Дербентского райисполкома на 1981 г., подписанный его председателем К. Мирзоевым. В плане перечислены следующие мероприятия: создание комиссий во всех населённых пунктах района; организация контроля за деятельностью зарегистрированных служителей культа (при действующей Дербентской мечети зарегистрированы были трое: двое кадиев для шиитов и суннитов и муэдзин. — *И.С.*); регулярное заслушивание отчётов сельских комиссий; проведение сельских сходов в селениях Деличобан, Великент, Посёлок Ильича, на которых предполагалось обсудить соблюдение законодательства о культах; «регулярное изучение проповеднической деятельности зарегистрированных служителей культа»; выявление случаев коллективного моления в частных домах и последующая передача материалов в административную комиссию при райисполкоме; контроль деятельности духовенства, «чтобы выявить случаи домашнего обучения религии детей и молодёжи»; организация бесед со служителями культа «о требованиях ст. 52 новой Конституции СССР»; проведение семинаров с председателями сельсоветов и членами «комиссий содействия» по вопросам правильного применения исполнения закона о культах; своевременное информирование Совмина республики и уполномоченного Совета по делам религий о проделанной работе³⁵.

Работа некоторых комиссий активизировалась благодаря тому, что их возглавили более энергичные руководители. В частности, в 1978 г. отмечена работа «комиссии содействия» при Акушинском райисполкоме, которую возглавляла заместитель председателя Х.А. Шахбанова. Не реже одного раза в 2–3 месяца она приглашала председателей сельских комиссий на заседания районной или на совещания в райисполком, где им давались указания и инструктаж, а члены комиссии выявляли самых активных мюридов шейха Акушинского, собирали сведения о нарушениях ими законодательства о культах и на сходах жителей (джамаатах) выносили осуждающие их решения³⁶.

30 апреля 1981 г. Совмин ДАССР принял «Положение о комиссиях содействия» при исполкомах районных и городских советов. В основном оно

³³ ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 4, д. 101, л. 76.

³⁴ Там же, л. 102.

³⁵ Там же, д. 105, л. 92–93.

³⁶ Сулаев И.Х. «Компрометировать мюридов перед верующими...». Справка уполномоченного Совета по делам религий при Совете министров СССР по Дагестанской АССР. 1978 г. // Исторический архив. 2009. № 5. С. 215–218.

повторяло всесоюзное «Положение» 1966 г. с добавлением пункта об образовании «при необходимости» «комиссий содействия» при исполкомах сельских и поселковых Советов по решению райгорисполкомов Совета³⁷ (впрочем, в десятках сёл и посёлков такие комиссии уже появились по инициативе районных властей, пусть и во многом формально). «Положение» предписывало комиссиям работать в тесном взаимодействии с другими комиссиями исполкомов, в частности по социалистической законности и охране общественного порядка, по культуре и народному образованию.

Инициатором выпуска республиканского «Положения» явился, скорее всего, С.А. Девришбеков. Сам он ранее работал в правоохранительных органах и заметно активизировал деятельность «комиссий содействия», используя в качестве рычага влияния на их работу исполкомы рай- и горсоветов. В пользу такого предположения говорят многочисленные случаи нарушений законодательства о культах в разных районах и городах республики, выявленные активистами комиссий в конце 1970-х — 1980-х гг. В таких случаях некоторые районные и городские власти практиковали созывы сельских сходов и собраний трудовых коллективов, на которых несколько заранее подготовленных активистов выступали с осуждением нарушителей. На собрания приглашали представителей правоохранительных органов, в частности начальников районных отделов милиции и прокуроров³⁸. Как правило, принимаемые решения оказывались стандартными: «осудить сектантов», «добиться снижения влияния духовенства на учащуюся молодёжь», «улучшить атеистическую работу в школе и среди колхозников»³⁹.

С конца 1970-х гг. «комиссии содействия» неуклонно активизировались, их поддерживали публикации в газетах. Особенно много таковых появилось в 1983—1984 гг., когда в стране началась кампания по борьбе с нарушителями трудовой дисциплины, нетрудовыми доходами и взяточничеством. Республиканские, а вслед за ними районные и городские власти отреагировали на эту кампанию усилением борьбы с нарушителями законодательства о культах, стремясь показать вышестоящим структурам эффективность своей работы.

Как следствие, увеличилось число выявленных нарушений. Расширялась и сеть «комиссий содействия»: они появились практически в каждом большом населённом пункте, к середине 1980-х гг. их в ДАССР насчитывалось 380⁴⁰, а в 1986 г. — 391, из них 50 — при рай- и горисполкомах, 341 — при поселковых и сельских. Комиссии в городах и районах насчитывали 7—9 человек, на селе в них работали 3—5 общественников. В целом в них трудилось 1 500 активистов (в том числе депутаты местных советов), из которых около 70% состояли в КПСС. В соответствии с предписанием уполномоченного и требованиями всесоюзного и республиканского «Положений», в комиссии обычно включались руководители трудовых коллективов, работники народного образования, здравоохранения, культурно-просветительских учреждений, финансовых и правоохранительных органов⁴¹.

³⁷ ЦГА РД, ф. р-168, оп. 71, д. 238, л. 166.

³⁸ См.: Решительный отпор получили религиозные фанатики на сельском сходе в селении Казбековское Хасавюртовского района // Дагестанская правда. 1981. 13 ноября.

³⁹ См.: ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 2544, л. 80.

⁴⁰ Там же, д. 2769, л. 114.

⁴¹ Девришбеков С.А., Абдуллаев Г.Б., Исмаилов А.Ш. Человек, религия, время: статьи. Махачкала, 1987. С. 32—33.

Девришбеков особо выделял Цумадинский район, где были созданы 15 сельских комиссий, которые курировались девятью членами районной комиссии. Председатель последней З.Х. Ахмедова не только осуществляла общее руководство, но и контролировала деятельность единственной в районе Хуштадинской мечети. К.-М. Гаджимагомедов, О.Г. Гаджимурадов, А.Г. Магомедов специализировались на изучении проповеднической деятельности духовенства, в год они прослушивали и записывали 20–30 проповедей; А. Абдурашидова отвечала за изучение влияния религии на женщин и молодёжь; З.А. Магомедов разъяснял населению законы о религиозных культах. В отчётах комиссии зафиксированы выездные заседания в селениях Кваната, Хуштада и Агвали⁴², в которых контроль за религиозными объединениями отличался особой жёсткостью. В частности, в отчёте Хуштадинской комиссии отмечено, что в начале 1980-х гг. составлялась ежеквартальная информация по прослушиванию пятничных проповедей местного кадия⁴³, в которой отражались не только содержание и характер проповеди, но и некоторые данные о присутствовавших верующих.

Появление такого рода отчётов можно рассматривать как результат возросшей требовательности, установки на проведение более конкретной и деятельной работы. В частности, аппарат уполномоченного предписывал членам комиссий не реже двух раз в месяц посещать молитвенные собрания, а по итогам заполнять анкету-рецензию на прослушанную проповедь. Типовая анкета включала следующие вопросы: кто прочитал проповедь, зарегистрирован ли проповедник в органах местной власти; дата проповеди, место её прочтения; какому обряду посвящена проповедь; количество слушателей, соотношение мужчины/женщины, возраст и особо – количество подростков до 18 лет, присутствие детей; на каком языке прочитана проповедь, переводилась ли проповедь с арабского на родные языки, если переводилась, то кем и на какие языки; содержание проповеди, цитирование аятов пророка Мухаммеда, допускались ли в проповеди элементы, разжигающие религиозный фанатизм, суеверия, попытки отчуждения от неверующих, побуждение к отказу от выполнения гражданских и общественных обязанностей (службы в Советской армии, участия в выборах, исполнения законодательства о культах и др.), вмешательство в политическую, экономическую и культурную жизнь Советского государства, призывы против его интересов, рекомендации обучать детей основам ислама, призывы к миру, честному труду, дисциплине, дружбе народов, наставления к правильному поведению в обществе, молитвы за правительство и его руководителей, наличие элементов приспособленчества к современным условиям; влияние проповеди на верующих, особенно на молодёжь, детей и женщин, внешнее впечатление, вызванное проповедью; придерживается ли автор проповеди установок Духовного управления; выводы членов комиссии о проповеди⁴⁴.

Составление подробных анкет объяснялось опасениями властей, вызванными, на мой взгляд, войной в Афганистане, где служили сотни дагестанцев. Хотя СМИ о теневых сторонах этой войны молчали, скудную информацию о потерях среди военных часть населения всё-таки получала, и власти опасались активизации происламских настроений. Как результат, по вышеупомя-

⁴² Там же. С. 34.

⁴³ ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 5, д. 12, л. 27.

⁴⁴ Там же.

нумому образцу 14 января 1983 г. информацию-анкету заполнил председатель Хуштадинского сельсовета М.-Г. Абдурахманов, возглавлявший одновременно «комиссию содействия»⁴⁵.

Большой опыт работы имела комиссия при Советском райисполкоме Махачкалы, которая состояла из 7 членов. Обязанности между ними распределялись следующим образом: заместитель председателя райисполкома Т.П. Брежнева отвечала за общее руководство и обобщение работы комиссии, начальник РОВД К.С. Кайтуев – «за изучение религиозности работников предприятий», заместитель заведующего райфинотделом С. Ржевская – «за выявление формы и метода влияния религиозных объединений на население», заведующий районо А.И. Зайцев – за «анализ влияния духовников на детей школьного возраста», председатель Таркинского поселкового совета А.Ж. Махтибеков контролировал деятельность пригородной мечети⁴⁶.

К числу благополучных комиссий причисляли те, чьи председатели осуществляли не только общий контроль за соблюдением законодательства, но и «присматривали» за действующими мечетями⁴⁷.

Политика перестройки, «гласность» и «плюрализм», празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. и политические реформы способствовали кардинальному изменению отношений государства и Церкви. Правда, подавляющее большинство советско-партийных работников не были готовы к открытым государственно-церковным отношениям. Одни продолжали бороться с «религиозным дурманом», хотя идеологическая работа не давала никакого результата, другие выжидали, чем всё закончится. Но и те и другие по-прежнему создавали видимость работы в своих отчётах и планах. Некоторые, почувствовав «ветер перемен», пошли навстречу ходатайствам верующих. В частности, комиссия содействия при Советском райисполкоме Махачкалы в 1987 г. помогла зарегистрироваться обществу евангельских христиан-баптистов, им создали условия для отправления религиозных служб. В то же время в результате профилактической работы комиссии распалась действовавшая в городе группа адвентистов седьмого дня.

К числу благополучных районов республики, где религиозные объединения были менее активны и, соответственно, законодательство о культах нарушалось реже, относился Ахтынский район, в котором «комиссия содействия» уделяла особое внимание «внедрению новых социалистических обрядов». Из-за отсутствия мечетей и молитвенных домов верующие и неофициальное духовенство выполняли обряды под открытым небом или дома. Комиссии, возглавляемой заместителем райисполкома К.М. Мирзоевой, оставалось «оказывать практическую помощь сельским комиссиям» и контролировать, «правильно ли эксплуатировали бывшие культовые здания в хозяйственных и культурно-бытовых целях сёл». Здание джума-мечети селения Ахты использовалось под краеведческий музей. Его директор Ф. Дагларов являлся заместителем председателя комиссии⁴⁸.

Порой оценка качества работы комиссий исполкомами и уполномоченными зависела от умения их председателей грамотно и своевременно состав-

⁴⁵ ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 2769, л. 114.

⁴⁶ Девришбеков С.А., Абдуллаев Г.Б., Исмаилов А.Ш. Человек, религия, время... С. 35.

⁴⁷ Макатов И.А., Гамзаев Ш.Г., Муслимов С.Ш. Религиозные пережитки и атеистическое воспитание молодёжи. Махачкала, 1977. С. 62.

⁴⁸ Девришбеков С.А., Абдуллаев Г.Б., Исмаилов А.Ш. Человек, религия, время... С. 37.

лять отчёты и от степени знакомства с кураторами из партийных и советских структур. Поэтому многие председатели комиссий составляли планы работы, но отчёты выглядели стандартно: в подведомственных населённых пунктах нарушений законодательства нет благодаря «эффективной работе» активистов⁴⁹. На такого рода отписки, предоставленные комиссиями при Избербашском, Каспийском горисполкомах, Кайтагском, Каякентском, Тляратинском, Ахвахском, Табасаранском и Буйнакском райисполкомах, обратил внимание Девришбеков. Он обвинил служащих в том, что они «глубоко не изучают религиозность населения», «не располагают данными о деятельности незарегистрированных служителей культа», не владеют ситуацией, не знают, когда и где совершаются религиозные обряды и т.д. И он, и активисты знали, что в сотнях населённых пунктов республики похоронные обряды сопровождались службами незарегистрированных мулл и кадиев, религиозными песнопениями, мавлидами и зикрами, что в частных домах отмечались праздники Ураза- и Курбан-Байрам⁵⁰.

Девришбеков обращал внимание и на то, что некоторые комиссии укомплектованы неправильно. Так, в Ахвахском, Гумбетовском, Гунибском, Рутульском, Тарумовском районах в них включили заведующих отделами пропаганды и агитации райкомов КПСС, по должности обязанных вести атеистическую работу. В комиссиях Каякентского и Новолакского районов комиссии возглавляли председатели комитетов народного контроля (их по рекомендации уполномоченного вскоре заменили другими лицами). Девришбеков обвинил отдельных председателей в некомпетентности и формализме⁵¹.

Говоря об эффективности деятельности комиссий, следует отметить, что их усилия давали определённые плоды. За десятилетия атеистической пропаганды в городах и сёлах республики, даже высокогорных, выросло поколение, воспитанное на советских, коммунистических идеалах и ценностях, сложилась прослойка активистов из интеллигенции, рабочих и колхозников, которая осознанно и убеждённо помогала реализовать масштабную задачу по вытеснению традиционной религии из жизни населения, приобщению его к социалистическим ценностям. Именно она стала опорой режима в борьбе с нарушениями законодательства о культах. Существовавшая в Советском Союзе система власти и правоохранительных органов позволяла без особых сложностей выдвигать обвинения и подвергать административным и уголовным санкциям. Усилиями «комиссий содействия» только в 1983 г. 42 жителя ДАССР подверглись наказаниям, из них 35 — «обсуждены» на сельских сходах, предупреждены, получили порицания, шесть — оштрафованы на 25–50 руб., а один привлечён к уголовной ответственности по ч. 1. ст. 142 УК РСФСР «за обучение детей основам ислама»⁵². Антирелигиозные гонения в очередной раз активизировались с выходом постановления Совмина ДАССР от 12 марта 1984 г. № 62 «О мерах по упорядочению сети религиозных объединений и служителей культов ДАССР». С целью проведения в жизнь его положений Девришбеков проверил деятельность 23 мечетей, 4 церквей и 3 синагог, усилился контроль над работой «ко-

⁴⁹ ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 4, д. 51, л. 41–48.

⁵⁰ Девришбеков С.А., Абдуллаев Г.Б., Исмаилов А.Ш. Человек, религия, время... С. 41.

⁵¹ Там же. С. 40.

⁵² Список лиц, наказанных в Дагестанской АССР за нарушение законодательства о религиозных культах в 1983 г., см.: ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 5, д. 18, л. 95–96.

миссий содействия»⁵³. В 1984–1986 гг. на сходах жителей Акушинского района «обсудили» и оштрафовали более 30 нарушителей⁵⁴.

Подводя итоги, отмечу, что для советского политического режима был характерен глубокий разрыв между провозглашённым принципом свободы совести и его реализацией. Создание и работа «комиссий содействия» в Дагестанской АССР проходили в рамках непрекращающейся общесоюзной антирелигиозной кампании. Деятельность этих органов предполагала не просто ограничение и ослабление религиозных организаций и служителей культов, но вытеснение религии из жизни общества. Из-за этого антирелигиозная работа приводила к многочисленным конфликтам с верующими и духовенством разных конфессий. Несмотря на все прилагаемые усилия, комиссии в своих отчётах, как правило, приукрашивали ситуацию, выдавали желаемое за действительное. Конечно, их действия оказывали влияние на сознание населения, но они не смогли вытеснить религию из его жизни. Даже в самые благополучные для режима 1970-е гг. социологические опросы показывали, что процент верующих оставался высоким, а 80–85% верующих считали себя таковыми с детского возраста⁵⁵. Это, конечно же, понимали и вышестоящие чиновники, которые читали такие отчёты. Как следствие, деятельность партийно-советских органов и общественных организаций по искоренению религии и религиозного сознания проходила в сложных условиях, приняв форму затяжного сопротивления, которое продолжалось даже на раннем этапе перестройки.

---

⁵³ ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 2769, л. 114.

⁵⁴ *Девришбеков С.А., Абдуллаев Г.Б., Исмаилов А.Ш.* Человек, религия, время... С. 39.

⁵⁵ *Макатов И.А.* Роль социологических исследований в повышении эффективности атеистической работы // Атеистическое воспитание населения. С. 73.

**Грамоты князей Волконских XVI в.:
дипломатическое исследование***Олег Хоруженко***The 16th century letters of the princes Volkonsky:
a diplomatic research***Oleg Khoruzhenko**(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S0869568722010046

После отмены местничества, в 1686 г. князья Волконские предоставили в Палату родословных дел новую версию своей родословной. Прежняя, получившая широкое распространение в родословных книгах XVI–XVII вв. и периодически всплывавшая в местнических делах, возводила Волконских к Ивашке Толстой Голове – незаконнорожденному сыну тарусского князя Юрия Михайловича от Агапки, проскурницыной дочери. Такое происхождение ставило Волконских в заведомо проигрышное положение в борьбе за чины и должности с представителями «родословных» (т.е. внесённых в Государев родословец) родов. Как известно, в местнических спорах «неродословному с родословным никому счету и мест не бывало»¹. В результате версия о «нечестном» происхождении Волконских серьёзно препятствовала их карьере: «Ото всех мы бедные, и сирые, и беспомочные, и закоснелые... всеконечно погибаем»². Новая версия родословной производила Волконских от князей Конинских. Этот род, хоть и мельком, был упомянут в Государеве родословце: «Конинские князи и Спашские пошли от Торусских³, а захудали и извелись от войны татарские». Волконские посчитали, что Конинские могли бы происходить от героя Куликовской битвы князя Фёдора Тарусского. Трое его сыновей именовались якобы не Тарусскими, а Конинскими. Впрочем, совсем недолго – эти «Конинские пришли жить на Волкону и с того времени начали зватися Волконские»⁴.

В своей челобитной Волконские просили государей о признании новой родословной как об особой милости «за многие службы и крови, и смерти многих сродников». Между тем они приложили к росписи и две грамоты, призванные доказать её состоятельность. Это недатированная жалованная данная и несудимая грамота старицкого князя Андрея Ивановича (княжил в 1519–1537 гг.) князьям Дмитрию и Потулу Волконским на село Опочню «в Волконе» и указная грамота великого князя Ивана Васильевича 1541 г. некоему Ивану

© 2022 г. О.И. Хоруженко

¹ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 905.

² РГАДА, ф. 11, д. 1116, л. 18 об.–19.

³ В иных редакциях родословных книг – «от Оболенских».

⁴ На самом деле князья Конинские вовсе не переименовали себя в Волконских, но и не «извелись», как об этом сказано в Государеве родословце. Они дожили, по крайней мере, до 1530-х гг. (Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. С. 164–165).

Константиновичу в Алексин по тяжбе между князем Иваном Дмитриевичем и княгиней Марией Потуловой Волконскими⁵.

В отношении подлинности грамот сразу были высказаны сомнения — в первую очередь происходившими от тарусско-оболенских князей И.Б. Репниным, М.И. Лыковым и К.О. Щербатовым. Они пытались таким образом уклониться от родства, каковое навязывалось им Волконскими посредством новой версии родословия и прилагаемых к нему грамот. Возникли сомнения и у служителей Палаты.

Успехи князей Волконских на служебном поприще в петровское и последующее время, рост их благосостояния и влияния привели к тому, что версия родословия в редакции 1686 г. была признана официально в 3-й части Общего гербовника (1799) уже при полном непротивлении единокровцев и служителей Герольдии. Одновременно принимались в качестве «доказательств» и грамоты⁶. Иные версии происхождения князей Волконских, в том числе не делавшие им чести⁷, оказались надолго забыты.

Обе грамоты были введены в научный оборот в 1900 г.⁸ и долгое время не вызывали подозрений⁹. В 1996 г. об интерполированности грамоты 1541 г. объявил А.В. Антонов¹⁰, а в 2012 г. сомнения в подлинности обеих грамот были высказаны мною¹¹. Дело в том, что, претендуя на датировку XVI в., грамоты излагают схему родства, противоречащую родословным росписям того времени. Напротив, предполагаемая грамотами схема полностью соответствует новому варианту родословия, сочинённого в конце XVII в. Неизбежный вывод, следующий из этого наблюдения — грамоты Волконских были составлены, или по меньшей мере интерполированы, также в конце XVII в., чтобы послужить подтверждением новой версии родословия.

За достоверность родословий Волконских конца XVII в. и подлинность приложенных к ним актов выступил А.В. Шеков¹², который во многом на основании этих источников выстроил своё видение истории «Волконского кня-

---

⁵ Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 117. Ср.: «Документы интересны тем, что не вошли в число актов, представленных после отмены местничества и затем исследованных А.И. Юшковым и Н.П. Лихачёвым» (Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XII — середина XVI в. М., 2018. С. 27). Действительно, грамоты Волконских не заинтересовали Юшкова и Лихачёва, но в «число актов, представленных после отмены местничества» они всё-таки входят.

⁶ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи: Ч. I—X (1 562 герба). М., 2009. С. 133—134.

⁷ Хоруженко О.И. Родословие как конструкция родовой памяти: текстология родословных росписей князей Волконских XVI—XVII вв. // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 203—234.

⁸ Род князей Волконских: материалы, собранные и обработанные княгиней Е.Г. Волконской. СПб., 1900. С. 17, 19—20.

⁹ Власев Г.А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. Т. 1. Ч. 3. СПб., 1907. С. 328—329; Каштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3 // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 207, 221; Зимин А.А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 181; Бенцианов М.М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. (ч. 1) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4(50). С. 70.

¹⁰ Антонов А.В. Родословные росписи... С. 117. Данные о поновлении теста грамоты содержатся в делопроизводстве Палаты родословных дел (см. ниже).

¹¹ Хоруженко О.И. Родословие как конструкция родовой памяти... С. 203—234.

¹² Шеков А.В. Политическая история и география... С. 27, 28, 32—35, 38.

жества»¹³. Вопрос, представлявшийся при изучении собственно родословий частным, а ответ на него — вполне очевидным по совокупности особенностей происхождения, бытования и содержания актов, после исследования Шекова приобретает существенное значение для политической истории и исторической географии Верхнеокского региона XIII—XVI вв. Это заставляет более детально исследовать аутентичность грамот, представленных в 1687—1688 гг. князьями Волконскими в Палату родословных дел и дошедших до нас в копиях.

Недатированную жалованную данную и несудимую грамоту старицкого князя Андрея Ивановича князьям Дмитрию и Потулу Волконским на село Опочню в Волконе ввела в научный оборот в 1900 г. княгиня Елизавета Григорьевна Волконская (1838—1897), известный богослов, для которой труд о князьях Волконских стал первым и единственным опытом занятий генеалогией. Его издал уже после кончины Волконской её супруг М.С. Волконский (1832—1909), напечатавший «рукопись без всякого изменения, если не считать незначительных поправок корректурного свойства»¹⁴.

В работе 2012 г. высказывались доводы в пользу того, что публикацию грамот, предпринятую Волконской, можно считать примером «научного подлога»¹⁵. Шеков изложил их упрощённо: «О.И. Хоруженко считает эту грамоту “научным подлогом”, так как она известна только по публикации Е.Г. Волконской. Однако никаких других убедительных аргументов в подтверждение своего мнения он не привёл»¹⁶. На самом деле другие аргументы приводились, но, вероятно, были изложены недостаточно развёрнуто.

Текста жалованной данной и несудимой грамоты старицкого князя Андрея Ивановича князьям Дмитрию и Потулу Волконским на село Опочню в Волконе вне работы Волконской действительно не существует. Причём это не тот случай, когда источник погиб или исчез уже после его публикации — такое иногда случалось, и само по себе не свидетельствует о ненадёжности источника. Но дело в том, что грамоты в том виде, как она представлена в работе Е.Г. Волконской, не существовало уже на момент её издания. Нет её и в составе архивных материалов, прямо указанных исследовательницей в качестве источника её публикации. Она ссылалась на «Спб. Гос. Арх. М.И.Д. XI, № 1116». Это следует понимать как Разряд XI Государственного архива Российской империи, дело № 1116. Данная единица хранения отнюдь не утрачена¹⁷ — она и в настоящее время хранится под тем же номером в том же разряде XI РГАДА. На обложке она имеет заголовок, воспроизведённый Е.Г. Волконской: «1794 год. XI. № 1116. Дело о роде князей Волконских. СПб. Государственный Архив. М.И.Д.»¹⁸.

¹³ Вопрос о правомерности термина «княжество» по отношению к вотчинам князей Волконских выходит за рамки данной работы. Тем не менее следует отметить, что его употребление может быть оправданным лишь при наличии каких-либо признаков государственного образования, суверенитета местных князей.

¹⁴ Род князей Волконских... С. VI, 17.

¹⁵ Хоруженко О.И. Родословие как конструкция родовой памяти... С. 218—221.

¹⁶ Шеков А.В. Политическая история и география... С. 27.

¹⁷ Так, вероятно, следует понимать пассаж А.В. Шекова: «Подлинники этих грамот хранились в роде Волконских. Г.Ф. Миллером с них сделаны копии, которые хранились в Государственном архиве Министерства иностранных дел (XI. № 1116) ещё в начале XX в.» (Шеков А.В. Политическая история и география... С. 27). Правильнее — в конце XIX в., к каковому относятся как годы работы Е.Г. Волконской над книгой, так и год её публикации — 1900 г.

¹⁸ РГАДА, ф. 11, д. 1116.

Дело это представляет собой копию докладной выписки Палаты родословных дел 1688 г. с изложением ряда документов, как представленных князьями Волконскими, так и делопроизводственных¹⁹. Изначально копии были изготовлены в Разрядном архиве по запросу Герольдмейстерской конторы Сената в 1788 г. Тогда генерал-аншеф князь Михаил Никитич (1713–1788) и тайный советник сенатор князь Пётр Михайлович (умер в 1794 г.) Волконские запросили в Герольдмейстерской конторе документы по истории своего рода «для предъявления к предводителям дворянства». Вновь эти документы потребовались Герольдмейстерской конторе в марте 1794 г., и копии были сняты в Разрядном архиве заново.

Почему-то Е.Г. Волконская считала, что копию докладной выписки в деле № 1116 сделал Г.Ф. Миллер, причём список грамоты он снял с подлинника²⁰. Миллер действительно изготовил копию (конечно, не с подлинников, а с докладной выписки). Но она хранилась и хранится ныне не в разряде XI Госархива, а в его собрании, знаменитых «портфелях Миллера»²¹. Никакого отношения к копиям 1788 и 1794 гг. Миллер не имел (он умер в 1783 г.). Всё, чем могла располагать Волконская, обратившись к делу № 1116 разряда XI Госархива (как, впрочем, и к «портфелям» Миллера), это краткое изложение грамоты в составе докладной выписки Палаты родословных дел. Мы можем сопоставить текст архивного документа, выдаваемый Волконской за источник публикации, с текстом собственно публикации.

Род князей Волконских... С. 17.	РГАДА, ф. 11, д. 1116, л. 27 об.–28.
Се аз,	
князь Андрей Иоаннович, пожаловал	Князь Андрей Иванович пожаловал
есмя	
князя Дмитрия да князя Потула князь Васильевых детей Константиновича Волконского братним жеребьем Веригиным в Волконе, селом Опочнею с деревнями, со всем тем, что к тому селу и к деревням изстари потягло,	князя Дмитрия да князя Потула князь Васильевых детей Константиновича Волконского брата их жеребьем Веригиным в Волконе, селом Опочнею с деревнями, со всем, что к тому селу и к деревням изьстари потеглу,
и кто у них в том селе и деревнях учнут жити людей,	
и намесницы мои алексинские и их тиуны тех их людей не судят ни в чем,	и чтоб наместником алексинским тех их людей не судить ни в чем,
опричь душегубства и разбоя с поличным, а праведчики и доводчики	
поборов своих у них не берут	и поборов не иматъ.
и не въезжают к ним ни по что. А суд дают и судят тех своих людей князь Дмитрий да князь Потул сами во всем, или кому прикажут. А случится суд смесный тем их людам с городскими людьми, и намесницы мои алексинские и их тиуны судят, а кн[язь] Дмитрий и кн[язь] Потул или их прикащики с ними же судят.	

¹⁹ Состав изложенных в выписке документов см.: Антонов А. В. Родословные росписи... С. 118.

²⁰ Род князей Волконских... С. 16; ср.: Шеков А. В. Политическая история и география... С. 27.

²¹ РГАДА, ф. 199, п. 284, ч. 2, д. 7, л. 25–36 об. (без конца).

Объём архивного текста увеличился в публикации почти в 2,5 раза за счёт предпринятой Волконской реконструкции, границы которой, впрочем, не были обозначены. Следует признать значительные и скрытые от читателя изменения публикатором своего источника, что является признаком «научного подлога». Ссылка на архивный оригинал не указывает на рукописную версию публикуемого текста, как следовало бы ожидать. Она недействительна и лишь камуфлирует подлог.

«Научный подлог» («учёная фальшивка», *un faux d'érudition*) – термин, предложенный Международным словарём по дипломатике 1984 г. Он определяется (в изложении С.М. Каштанова) как «придуманый документ, обычно вставляемый в историческое сочинение либо для подкрепления того или иного тезиса автора, либо для придания пикантности изложению, либо для доказательства древнего происхождения города, учреждения, рода, причастности их к знаменитым событиям и т.п.»²².

Из всех разновидностей поддельных документов Международный словарь по дипломатике лишь для определения «учёной фальшивки» акцентирует внимание на мотивах фальсификатора. Очевидно, такой подход может быть более продуктивным. Именно мотивы («интерес») фальсификатора предлагаются В.П. Козловым в качестве возможного принципа систематизации подлогов²³. Конечно, исчерпывающей типологии фальсификатов, построенной по принципу целеполагания, составить невозможно. На основании уже выявленных прецедентов можно вполне уверенно говорить о фальшивках родословных, антикварных, литературных, имущественно-правовых, политических и т.д.

Дочь светлейшего князя Г.П. Волконского и супругу князя М.С. Волконского вряд ли можно считать беспристрастным исследователем истории своего рода. Поэтому её произведение обладает признаками не только научного, но и родословного подлога.

Реконструкцию Е.Г. Волконской нельзя признать вполне удачной. Оборот «*братним жеребьем Веригиным*» вряд ли мог присутствовать в грамоте первой трети XVI в. Для указания былой владельческой принадлежности использовались конструкции, открывающиеся предлогом «что»: «что была», «что преж того было» и т.п. Напротив, определения «братний», «отчий», «дедов» и т.п. не характерны. Обычные ограничения для праведчиков и доводчиков («*не въезжают*», «*ни всылают*») сокращены в публикации до «*не въезжают*». Формула «а суд дают и судят» вместо общепринятой «а ведают и судят» является, вероятно, следствием неверного прочтения документа, послужившего Волконской основой для формуляра её реконструкции.

Наименее удачно у Волконской получилась статья грамоты о сместном суде. Фразу «А случитца суд сместной тем его людем и хрестьяном з городцкими людьми» следовало бы дополнить словами «или волостными». Отсутствует указание на подлежащее сместному суду население вотчины: «намесницы мой алексинские и их тиуны судят». Обычная формула для несудимых грамот светским землевладельцам, исходивших как от великих, так и от удельных князей (включая известные грамоты Андрея Ивановича), такова: «тиуны тех его

²² Каштанов С.М. О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 27.

²³ Козлов В.П. Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996. С. 3–10.

людей судят», «тиуны тех его людей и хрестьян судят»²⁴. Не стала включать Волконская и обычную статью о неподсудности землевладельца местным властям («А кому будет чего искать на самом [имр.] или на его приказшике, ино их сужу яз, князь Андрей Иванович, или мой боярин введеной»), а также дату грамоты.

Итак, текст жалованной данной и несудимой грамоты князя Андрея Ивановича Старицкого Дмитрию и Потулу Волконским в том виде, в котором она доступна ныне исследователям, появился в самом конце XIX в. в работе Е.Г. Волконской и является её реконструкцией. Правда, эта реконструкция была ею выдана за реально существующий, доступный исследователям архивный документ. Использование этой грамоты в виде сводного текста, включающего как её изложение в выписке 1688 г., так и реконструкцию Волконской, рискованно — их следует чётко различать.

А.В. Шеков посчитал, что грамота князя Андрея Ивановича позволяет говорить о сохранении в первой четверти XVI в. за владениями князей Волконских «вотчинно-княжеского статуса», поскольку эти князья обладали «правом дани и суда»²⁵. Это недоразумение: ни в одной из ипостасей текста грамоты, как мы видели, о дани речь не идёт. Что касается объёма судебного иммунитета, то он развёрнуто обозначен только в реконструкции Волконской, однако никакого специфического «княжеского статуса» не подразумевает. Изъятие из вотчинной подсудности «душегубства и разбоя с поличным», сместный суд для сторон, относящихся к подсудности землевладельца и княжеского наместника — общепотребительные формулы несудимых грамот. Есть они, в частности, в грамотах, данных старицким князем Андреем Ивановичем В. Баранчеву, Г.В. Грязному, Ф.Б. Захарьину-Бороздину. Ни Баранчевы, ни Грязные, ни Бороздины не претендовали на княжеское происхождение. Убрав новации, призванные восполнить недостающие объёмы текста, мы возвращаемся к источнику, который был в распоряжении Волконской — изложению грамоты в выписке Палаты родословных дел 1688 г.

В отношении грамоты старицкого князя служителями Палаты родословных дел сделано следующее примечание: «А в котором году та грамота писана, не ведомо, потому что конца у подлинной грамоты за ветхостию нет»²⁶. Ветхость обеих предъявленных Волконскими грамот отмечали и их оппоненты И.Б. Репнин, М.И. Лыков и К.О. Щербатов: «И тем грамотам верить не мочно, потому что те грамоты драны и черны... и те грамоты им не в оправдание»²⁷. Волконские в принципе не отрицали ветхость грамот: «А грамоты... не черные, и черных мест в них нет, а что... за ветхостью истлели, и то за многими прешедшими летами»²⁸. Отсутствие «конца» у грамоты (действительно, её изложение обрывается после статьи о сместном суде) означает, что представленный документ не имел обычных признаков удостоверения — княжеской печати, дьячьей подписи. В пользу её аутентичности говорит лишь упоминаемая ветхость.

²⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства (далее — АФЗХ). Ч. 2. М., 1956. № 115. С. 108; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века: сборник документов (далее — АСЗ). Т. 1. М., 1997. № 75. С. 60–61; Т. 4. М., 2008. № 16. С. 14–15.

²⁵ Шеков А.В. Политическая история и география... С. 333.

²⁶ РГАДА, ф. 11, д. 1116, л. 28.

²⁷ Там же, л. 10 об., 25–26 об.

²⁸ Там же, л. 17 об., 35 об.

Укрепить доверие к предоставленному Волконскими документу могли бы доказательства, во-первых, реальности существования князя Дмитрия Васильевича, во-вторых – правовых последствий выдачи этой грамоты. Выявленные на сегодня источники таких доказательств не содержат. Во всех вариантах родословия князей Волконских XVI–XVII вв. у князя Василия Константиновича Волконского показано разное количество сыновей, они меняются как старшинством, так и личными прозваниями.

Древнейший, 1519–1537 гг.	Краткий, 3-я четверть XVI в.	Сокращённый, конец XVI в.	Пространный, середины XVII в.	Роспись 1686 г.
Иван Глыш	Иван	Иван Хлыщ	Иван Глыш	Дмитрий
Пётр Верига	Пётр Верига	Пётр Верига	Пётр Верига	Пётр Верига
Ипатий Потул	Дмитрий	Дмитрий Потул	Ипатий Потул	Ипатий Потул
Василий	Василий Потул	Андрей	Василий	
Андрей	Андрей		Андрей	

Согласно более ранним версиям родословия Волконских, Семён Давыдович и Федул Фёдорович (податели росписи) выступали потомками Ипатия Потула и в родовом старшинстве находились ниже потомков Вериги. В новой же версии её авторы, выставя себя потомками старшего брата (Дмитрия Васильевича), становились старшими в роду Волконских. В древнейшем варианте родословия, современном грамоте старицкого князя Андрея Ивановича, как и в пространным варианте, имени Дмитрия Васильевича нет. В кратком и сокращённом вариантах оно присутствует, но здесь у Дмитрия не показано потомства.

Некий князь Дмитрий Волконский упоминается как писец в Старицком уезде в 1519 г.²⁹, он же (Митя), или его тёзка – в разряде того же года³⁰. В обоих случаях отчество князя не указано³¹, что допускает на равных основаниях отождествление его (их) как с искомым Дмитрием Васильевичем, так и с двоюродным братом Василия Константиновича Дмитрием Ивановичем, с племянником и полным тёзкой последнего Дмитрием Ивановичем Немцевым, с Дмитрием (Митяней) Ипатьевичем Потуловым.

Правовых последствий грамота князя Андрея Ивановича, кажется, не имела. Она должна была исключить из числа землевладельцев в Волконе потомков Петра Вериги, но во второй половине XVI в. из всех князей Волконских как раз лишь Веригины числились по Туле, к которой относилась Волкона³².

²⁹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГид). Ч. 1. М., 1813. С. 527; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 102. С. 420.

³⁰ Разрядная книга 1475–1598 г. М., 1966. С. 62; Разрядная книга 1475–1605 г. Т. 1. Ч. 1–3. М., 1977. С. 164.

³¹ Цитируя источник (СГГид. Ч. 1. С. 527), Волконская дополнила его «недостающим» отчеством князя Дмитрия – Васильевич (*Волконская Е. Г.* Род князей Волконских... С. 17). Ср.: *Шеков А. В.* Политическая история и география... С. 263, 333.

³² *Шеков А. В.* Политическая история и география... С. 334. В Дворовой тетради 1550-х гг. по Туле значились только потомки Петра Вериги и Ивана Чёрного, двоюродного брата князя Василия Константиновича (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 165–166.

Краткость изложения грамоты Андрея Ивановича не позволяет провести её полный формулярный анализ. Тем не менее обращает на себя внимание именование адресатов: «князя Дмитрия да князя Потула князь Васильевых детей Константиновича Волконскаго». Такая избыточная, четырёхчастная именная формула, включающая личное имя, отчество, дедичество и (псевдо)фамилию, совершенно не характерна для московских грамот, как великокняжеских, так и удельных. За период великого княжения Василия Ивановича она встречается лишь однажды — в грамоте дмитровского князя Юрия Ивановича «Ивану Васильеву сыну Петровича Плещеева» (1526)³³. Но в этом случае столь подробная идентификация адресата была вынужденной: одновременно действовали Иван Васильев сын Петровича и Иван Васильев сын Андреевича Плещеевы³⁴. Очевидно, что указание на дедичество Волконских в грамоте старицкого князя Андрея Ивановича такой задачи не решало. Но зато оно служило для подкрепления новой версии родословия князей Волконских, разработанной ими в 1686 г. Очевидно, здесь присутствует как минимум интерполяция, хотя нельзя исключить и подложность всего документа.

Вторая грамота, представленная Волконскими, — указная великого князя Ивана Васильевича 1541 г. — приводится в выписке Палаты родословных дел в двух вариантах. Первый (л. 2) воспроизводит список грамоты, изготовленный князьями Саввой (Савелием) Львовичем и Семёном Давыдовичем Волконскими. Второй вариант (л. 28–28 об.) — список, изготовленный в Палате родословных дел, насколько можно судить, с подлинника. Он включает примечания служителей Палаты, отмечающие интерполированность документа. Источником публикации Е.Г. Волконская выбрала, конечно, первый вариант, и воспроизвела его почти без искажений. Наблюдаемые расхождения публикации и её источника, кажется, не преднамеренны.

Род князей Волконских... С. 19–20.	РГАДА, ф. 11, д. 1116. 1) л. 2; 2) 28–28 об.
	В семь тысящъ пятидесятом году (2)
От великого князя Ивана Васильевича всея России	от великаго князя Ивана Васильевича всея России (1, 2)
	писано (2)
в Олексин	в Олексин (1, 2)
Константину..	Ивану Константи... (1, 2)
	— а вичь и прозвание ему, Ивану, в подлинной выдралось, а под тем писано (2)
Бил челом князь Иван княж Дмитриев сын Волконской на княгиню Марью на Потулову.	Бил де челом князь Иван княж Дмитриев сын Волконскаго на княгиню Марью на Потулову (1, 2).
А сказывает, что де у него вступается в его землю отчинную, у половину села Павшина да деревню у Сементину,	А сказывает де, что у него вступается в его землю вотчинную, у половины села Павшина да деревни Сементи... (1, 2)
	— и после сей речи строки с полторы письма разсмотреть за ветхостию не можно, потому что было передрано и клеено, и письма не знать, а ниже того писано (2)

³³ Акты Русского государства, 1505–1526 гг. М., 1975. № 273. С. 275–277.

³⁴ Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 152, 154.

что дана деду отца его, князю Константину Конинскому, после братии его и Спажских князей	
отчина де их,	[перелетчи деи]
за между, и землю пашет, и пожни косит, и лес сечет сильно, и называет де их тою землю, пожни и лес, к своей отчине, к половине села Павшина.	за между землю пашет, и пожни косит, и лес сечет сильно, а называет де их тою землю, пожни и лес, к своей де землех тутощных старожилцов с обе стороны Павшина (1, 2).
А ты б, взяв с собой сотских и десятских, и людей добрых тутощных старожилцов с обе стороны, да к ним бы еси	И ты б, взяв с собой сотских и десятских, и людей добрых тутощных старожилцов с обе стороны, да к ним бы еси (1) И Ивану велено (2)
на ту спорную землю ехал,	на ту спорную землю ехать,
да того бы еси досмотром и обыском обыскал,	да того бы еси досмотрел и обыском обыскал (1), и досмотреть и обыскать (2).
чия то земля и пожни, и лес изстари.	чья то земля и пожни, и лес изстари (1, 2).
А о чем ся сопрут, и ты бы их в том судил,	А о чем ся сопрут, и ты б их в том судил (1),
	и на чертеж бы еси ту землю спорную вычертил (1),
да суда своего и обыска список и чертеж скажи мне, великому князю, поставя предо мною оба исца с очей на очи.	до суда своего и обыску список и чертеж скажи мне, великому князю, поставя предо мною оба исца с очей на очи (1).
Писан на Москве, лета 7050 г., сентября в 18-й день.	Писан на Москве, лета 7050-го году, сентября в 18-й день (1).
У подлинной отписки назади написано было «князь великий» и печать при ней была на черном воску.	У подлинной грамоты назади написано: Князь великий. У той же грамоты печать на черном воску (1).
	— а в списке с той грамоты они, князь Савва и князь Семен, за своими руками написали в том месте, где в подлинной грамоте склеено и письма рассмотреть не можно (2)
	у деревни Сементина, что дано деду отца его, князю Константину Конинскому, после братии его и Спажских князей (2).

Понятно, что самая важная фраза грамоты, подтверждающая происхождение князей Волконских от Конинских, является даже не интерполяцией, а предложенной князьями Саввой и Семёном реконструкцией утраченного или целенаправленно уничтоженного текста, читающейся лишь в их списке. Волконская не посчитала необходимым заострять на этом внимание. Сопоставляя формуляр грамоты 1541 г. с аналогичными, А.В. Антонов и К.В. Баранов выявили ещё одно вмешательство в оригинальный текст: очевидно, фраза «отчина де их за между» заменила изначальную «перелетчи деи за между»³⁵. В целом грамота 1541 г. соответствует формуляру современных ей указных грамот. Но при доказанном наличии в её тексте ряда интерполяций воз-

³⁵ АСЗ. Т. 1. С. 40, примеч. 2.

никает вопрос — не является ли таковой же и упоминание «князя Ивана княж Дмитриева сына Волконского»?

В древнейшем и сокращённом вариантах родословия Волконских внуки князя Василия Константиновича не показаны. В кратком и пространном вариантах это поколение представлено только Веригиными (Василий, Андрей Чайка, Юрий) и Потуловыми (Иван, Василий Ус, Пётр, Дмитрий Митяня/Митяйка и Фёдор). Таким образом, единственным Иваном здесь выступает Иван Потулов (Ипатьев) сын. В духовной Григория Михайловича Валуева (1543/44) соотвечником по долговым обязательствам завещателя значится Иван Потулов³⁶ (тут же упоминается и Дмитрий Потулов Волконский). Князь Пётр Потулов сын Волконского в 1564 г. подписал поручную грамоту³⁷. Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря сын Потула Дмитрий значится с отчеством Ипатьевич (в январе 1558 г. он дважды давал денежные вклады по брату Фёдору)³⁸.

Князь Иван Дмитриевич появляется только в варианте родословной 1686 г. и, в отличие от своих кузенов, иным источникам не известен. Правда, княгиня Волконская обнаружила упоминание о князе Иване Дмитриевиче в свадебном разряде старицкого князя Владимира Андреевича; он «значился у царского королева»³⁹. Но, как и в случае с его отцом Дмитрием Васильевичем, она неправомерно отослала читателя к источнику: князь Иван Волконский здесь значится без отчества⁴⁰. Равным образом это упоминание может быть отнесено и к Ивану Потулову.

Таким образом, обе новые фигуры, введённые в родословную роспись в 1686 г. и обеспечивающие подавшим её князьям Волконским родовое старшинство и происхождение от князей Конинских, известны только по этой росписи и приложенным к ней грамотам. Вывод А.В. Шекова о «достоверности существования этих людей, подтверждаемой источниками»⁴¹, необходимо скорректировать: ни в одном источнике XVI в. имена князей Дмитрия Васильевича и Ивана Дмитриевича не встречаются.

В итоге предположение о подложности обеих грамот, основанное изначально на очевидных мотивах и обстоятельствах их появления в делопроизводственном обороте, подкрепляется рядом доказательств. В грамотах наблюдаются отступления от формуляра и явные интерполяции. Описанные в них реалии не подтверждаются иными источниками XVI в. Введение же актов в научный оборот Е.Г. Волконской было, по сути, попыткой скрыть от читателя данные об их фрагментарности и интерполированности.

Сомнения в подлинности предъявленных Волконскими грамот пока что представляются непреодолимыми — в известных на сегодня источниках нет данных, которые без натяжек и прямых искажений в их цитировании можно было бы истолковать в пользу аутентичности этих актов.

³⁶ АФЗХ. Ч. 2. № 176. С. 170.

³⁷ СГГид. Ч. 1. С. 497, 499.

³⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 115.

³⁹ Род князей Волконских... С. 20. Е.Г. Волконская датировала свадьбу 22 апреля 1558 г. со ссылкой на опубликованный Н.И. Новиковым разряд. В этой публикации он датирован 28 марта 1558 г. (Древняя российская вивлиофика (далее — ДРВ). Ч. 13. М., 1790. С. 82). Правильная дата — 28 марта 1555 г. (Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 62, 91; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 162—163; Ч. 2. С. 267; Ч. 3. С. 486).

⁴⁰ ДРВ. Ч. 13. С. 82; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 62, 91; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 162—163; Ч. 2. С. 267; Ч. 3. С. 486 («коровай нести к церкви... князь Ивану Волконскому»).

⁴¹ Шеков А.В. Политическая история и география... С. 28.

**Таможенные книги XVI–XVIII вв. в отечественной
и зарубежной историографии
(обзор основных исследований и публикаций)**

Алексей Раздорский

**Customs books of the 16th–18th centuries in russian and foreign historiography
(review of basic research and publications)**

Alexey Razdorsky

(The National Library of Russia, Saint Petersburg)

DOI: 10.31857/S0869568722010058

Таможенные книги – основной массовый источник по истории торговли, купечества и таможенного дела России конца XVI – первой половины XVIII в. К настоящему времени выявлено около четырёх тысяч таможенных книг. В них содержатся сведения о географии торговых связей, ассортименте, ценах и объёмах поставок товаров, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин. Данные о социальном и персональном составе участников торговых операций придают им значение важного источника информации для биографических, генеалогических и просопографических разысканий. Они являются междисциплинарным источником, представляя интерес не только для историков, но и для лингвистов.

Вокруг таможенных книг сложилась обширная литература, насчитывающая на сегодняшний день свыше 500 монографий, статей и документальных публикаций. Однако системным образом они до сих пор не выявлялись. В представленном обзоре в хронологическом порядке отражены наиболее значительные исследования по истории торговли, купечества и таможенного дела, основанные на материалах таможенных книг XVI–XVIII вв., а также работы по источниковедению этих документов и публикации их текстов, вышедшие с середины XIX в. до настоящего времени.

Таможенные книги впервые попали в поле зрения исследователей в середине 1850-х гг. Первым обратил внимание на эти документы М.П. Заблоцкий-Десятовский, изучавший историю цен в России¹. Его внимание привлекла таможенная книга Вязьмы 1653/54 г., которую он хотел издать, однако смерть учёного помешала осуществлению замысла. Заблоцкий-Десятовский впервые в отечественной историографии в полной мере оценил значение таможенных книг для изучения экономической истории страны и указал возможности их использования в качестве исторического источника.

В.А. Борисов в статье о торговле Юрьева-Польского привёл записи из таможенной книги 1683/84 г., позволяющие составить представление об ассортименте товаров и ценах на них, указал итоги сбора пошлин с торгующих по месяцам. На основании этих данных автор рассчитал величину годового обо-

---

© 2022 г. А.И. Раздорский

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-19-50262.

¹ *Раздорский А.И.* Из истории изучения таможенных книг XVII в. М.П. Заблоцкий-Десятовским // Отечественные архивы. 2010. № 6. С. 18–22.

рота местного рынка². В работе Г.Н. Потанина по данным таможенной книги Томска 1652/53 г. подробно рассмотрены ассортимент, цены, количество и географическое происхождение различных товаров, порядок сбора пошлин с торгующих, приведены пространные отрывки из текста самого источника³. Таможенные книги Вязьмы 1652/53, 1654/55, 1656/57, 1657/58, 1666/67, 1673/74 и 1674/75 гг. изучил И.П. Виноградов⁴. В его работе приведён список городов, жители которых торговали в Вязьме, указаны общие суммы таможенного сбора за несколько лет, объёмы поставок важнейших товаров. Н.Н. Оглоблин произвёл учёт документов таможенного делопроизводства из фонда Сибирского приказа⁵ и составил к ним указатель, предприняв попытку классифицировать таможенные книги в зависимости от состава и количества фиксированных в них сборов. Всего им учтено 1177 источников: 880 приходных, 55 расходных, 234 соболиные и 8 табачных книг за 1625/26–1717 гг. В статье А.А. Кизеветтера, представляющей собой первый в историографии опыт источникововедческого изучения документов делопроизводства внутренних таможен европейской части страны, на примере таможенной книги г. Хлынова 1746 г. показано значение этих источников, названных «подробнейшими летописями движения русской внутренней торговли»⁶. Ю.В. Готье отметил необходимость изучения таможенных книг и введения их в научный оборот⁷. По материалам таможенных книг Клина 1738, 1740, 1743 и 1750 гг. он охарактеризовал торговую жизнь этого города.

В историографии советского периода приоритет в изучении внутренней торговли по данным таможенных книг принадлежит К.В. Базилевичу. В его статье о торговле Великого Устюга привлечены материалы 15 устюжских таможенных книг 1633/34–1643/44, 1645/46, 1646/47, 1648/49 и 1649/50 гг. Базилевич рассмотрел ассортимент товаров и привёл примеры, иллюстрирующие деятельность на местном рынке ярославских, вологодских, костромских, казанских и устюжских купцов⁸. В работе И.С. Макарова о волостных торжках погостов Сольвычегодского уезда (Ильинского, Лальского, Объячевского и Ношуля) использованы данные 25 сольвычегодских таможенных книг с 1625 по 1678/79 г. Автор перечислил основные предметы торговли, обозначил пути движения товаров, показал деятельность местных купцов⁹.

Таможенные книги привлекали внимание С.В. Бахрушина. В статье о торгах новгородцев Кошкиных приведены извлечённые из «Новгородской» книги

² *Борисов В.А.* Таможенная книга и торговля города Юрьева-Польского в 1684 году // Вестник Императорского Русского географического общества (далее – Вестник ИРГО). Ч. 22. СПб., 1858. Отд. 5. С. 26–29.

³ *Потанин Г.Н.* Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия // Вестник ИРГО. Ч. 27. СПб., 1859. С. 125–144.

⁴ *Виноградов И.П.* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII в. (включительно). М., 1890.

⁵ *Оглоблин Н.Н.* Обзор столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 2. М., 1897. С. 19–46, 68–70, 74–75, 106–120.

⁶ *Кизеветтер А.А.* Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник // Сборник статей, посвящённых Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 76–102.

⁷ *Готье Ю.В.* К вопросу об изучении внутренней торговли России в XVIII столетии // Сергею Фёдоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 454–461.

⁸ *Базилевич К.В.* Торговля Великого Устюга в середине XVII века // Учёные записки Института истории РАН ИОН. Т. 4. М., 1929. С. 89–102.

⁹ *Макаров И.С.* Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в. // Исторические записки (далее – ИЗ). 1937. Т. 1. С. 193–219.

Московской Большой таможни 1693/94 г. сведения об объёмах поставок в Москву чёрных и цветных металлов и суммах пошлин, уплаченных Кошкиными в столичной таможне в 1694 г.¹⁰ В незаконченной монографии Бахрушина — «Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в.» — содержатся наблюдения о торговле Морёвской слободы (Деревская пятна Новгородской земли) на исходе XVI в., сделанные на основе изучения уцелевших отрывков морёвской таможенной книги 1599 г.¹¹ Между 1917 и 1946 гг. Бахрушин подготовил статью о торговле Ярославля в XVII в. (опубликована в 1987 г.). Ярославских таможенных книг XVII в. не сохранилось, поэтому для выявления торговых операций ярославцев автор использовал книги Великого Устюга, Соли Вычегодской, Смоленска, Твери, Верхотурья и Романова, а также «Новгородскую» книгу Московской Большой таможни 1693/94 г.¹²

Отсутствие развёрнутых статистических показателей, полученных в результате обработки таможенных книг, выборочный характер публикации сведений из этих источников были свойственны начальному этапу изучения истории внутренней торговли России XVII — первой половины XVIII в. в советской историографии. Обстоятельные исследования по истории торговли отдельных городов страны в этот период появились уже после Великой Отечественной войны. Среди них следует отметить фундаментальную монографию К.Н. Сербининой о Тихвинском посаде в XVI—XVIII вв., где вопросам развития местной промышленности и торговли уделено особое внимание. К исследованию были привлечены все хранящиеся в Архиве Ленинградского отделения института истории СССР тихвинские таможенные книги с 1623 по 1701 г.¹³ В разделе «Торговля» приведён обширный статистический материал о торговой жизни Тихвинского посада. В подразделе о внутренней торговле содержатся данные о количестве таможенных явок жителей разных городов, социальном составе торговых людей, группировке торговых партий в стоимостном выражении, оборотах конской торговли, ассортименте и объёмах поставок товаров, движении цен на некоторые из них. В подразделе о внешней торговле представлены сведения о количестве и ассортименте товаров, вывозимых в Швецию и ввозимых оттуда, о численности иностранных купцов, приезжавших в Тихвинский посад, величине оборота внешней торговли и её доле в обороте тихвинского рынка.

В монографии В.Н. Шерстобоева проанализированы таможенные книги Илимска 1649, 1658 и 1680 гг. В работе представлены сведения о таможенных сборах, взимавшихся на илимских заставах, количестве зарегистрированных торговцев, их социальном составе, местах выхода и направлениях движения, количестве товарных партий и совокупной стоимости привезённых товаров, объёмах поставок важнейших из них¹⁴. Несколько статей об истории торговли отдельных русских городов в XVII — первой половине XVIII в. напечатано

---

¹⁰ *Бахрушин С.В.* Торги новгородцев Кошкиных // Учёные записки Московского государственного университета. 1940. Вып. 41. С. 35—80.

¹¹ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 194—196.

¹² *Бахрушин С.В.* Ярославские торги в XVII в. // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М., 1987. С. 141—159.

¹³ *Сербинина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.; Л., 1951.

¹⁴ *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т. 1. Иркутск, 1949. С. 98—111.

в 1940–1950-е гг. в «Исторических записках». К.Г. Митяев детально рассмотрел смоленские таможенные книги 1673/74, 1676/77, 1677/78 и 1678/79 гг. Он привёл подробные статистические данные об оборотах оптовой торговли, числе торговых дней, количестве явок торговцев, проследил соотношение оборотов сельскохозяйственных и промышленных товаров, обороты и количество сделок в конской торговле, сезонные колебания в деятельности рынка, географический и социальный состав торгующих¹⁵. И.С. Макаров в статье о пушной торговле Соли Вычегодской, основанной на 24 таможенных книгах 1625/26–1678/79 гг., проанализировал данные о совокупной стоимости привезённой пушнины, цены на соболя, обороты пушной торговли в отдельные годы в целом и по отдельным регионам, географию торговли мехами¹⁶. С.И. Сакович исследовала «Книгу записную мелочных товаров» – черновой список книги Московской Большой таможни 1694 г. – один из немногих известных документов таможенного делопроизводства, фиксирующих исключительно мелочный торг¹⁷. В работе указано общее количество явок товаров и денег на покупку, охарактеризован товарный ассортимент, рассмотрены сезонные колебания в торговле, социальный состав торговцев. Н.И. Привалова изучила таможенную книгу г. Касимова 1654/55 г. В её статье перечислены города, жители которых торговали в Касимове, приведены данные о численности и социальном составе торгующих, величине оборотов, указан общий оборот касимовского рынка, представлены подробные сведения об ассортименте товаров, географии и объёмах их поставок, ценах, рассмотрены торговые пути, проходившие через Касимов, сезонные колебания в торговой деятельности¹⁸. В статье Е.Н. Кушевой представлен общий очерк торговых связей Москвы и дана характеристика товарооборота столичного рынка в 1730–1740-е гг. по данным московских таможенных книг. Задачи подробной статистической обработки этих источников она перед собой не ставила. При подготовке статьи исследовательница проанализировала таможенные книги 1740 г. Были привлечены и книги за более ранние и поздние годы (с 1736 по 1744 г.). Всего ею обследовано около 30 книг, отражающих основные статьи привозной и отпускной московской торговли¹⁹. Торговлю Пскова в середине XVII в. изучала Е.В. Чистякова. Наряду с другими источниками она привлекла единственную сохранившуюся по этому городу за XVII в. таможенную книгу 1670/71 г. В работе проанализированы социальный состав торговцев, география торговых связей Пскова, ассортимент товаров, регистрировавшихся в местной таможне²⁰. Ю.А. Тихонов, изучая таможенные книги Великого Устюга 1652/53–1655/56 гг., уделил внимание развитию ремесла и мелкого товарного производства в городе²¹.

В статье Е.В. Чистяковой о ремесле и торговле Воронежа в середине XVII в. изучены записи воронежской таможенной книги за декабрь–февраль

¹⁵ Митяев К.Г. Обороты и торговые связи смоленского рынка в 70-х годах XVII века // ИЗ. 1942. Т. 13. С. 54–83.

¹⁶ Макаров И.С. Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 148–169.

¹⁷ Сакович С.И. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в. // ИЗ. 1946. Т. 20. С. 130–149.

¹⁸ Привалова Н.И. Торги гор. Касимова в середине XVII века // ИЗ. 1947. Т. 21. С. 105–133.

¹⁹ Кушева Е.Н. Торговля Москвы в 30–40-х годах XVIII в. // ИЗ. 1947. Т. 23. С. 44–104.

²⁰ Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // ИЗ. 1950. Т. 34. С. 198–235.

²¹ Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в середине XVII века // ИЗ. 1952. Т. 39. С. 204–228.

1622/23 г. По данным этого источника установлены состав городов, участвовавших в торговле с Воронежем, количество таможенных явок, приходившихся на каждый из них, а также круг основных товаров, поступавших в продажу²². Статья С.М. Троицкого о хлебном рынке Архангельска в первой четверти XVIII в. основана на материалах таможенных книг Архангельска 1725–1726 гг., Великого Устюга 1722 г., двинской таможни 1719 г. и Колы 1722 г. Эти источники позволили наметить основные регионы, откуда в Архангельск привозился хлеб, показать районы его потребления, пути доставки. В статье представлены данные об объёмах поставок хлеба, определены размеры отпуска хлеба из Архангельска и Холмогор в другие районы, прослежен социальный состав хлеботорговцев²³.

В работе А.А. Преображенского использованы таможенные книги Кунгура 1703 и 1704 гг. и аналогичные источники по Соликамску 1707 и 1710 гг. Первоочередное внимание автор уделит хлебной торговле. По данным кунгурских книг установлено количество судов разных типов, отпущенных с хлебом, объём хлеба, вывезенного за пределы Кунгурского уезда, основные пункты назначения хлебного вывоза, сезонные колебания хлеботорговли, распределение вывезенного хлеба по культурам²⁴.

Б.Б. Кафенгауз представил результаты изучения таможенных книг Новгорода 1714 г., Макарьевской ярмарки 1720 г., Москвы 1723, 1726, 1728, 1731, 1735 и 1737 гг., Благовещенской ярмарки на Ваге 1725 г., Курска 1720 г., Брянска 1726 г. и Болхова 1725 г. Для сопоставительного анализа использовалась книга Московской Большой таможни 1693/94 г. В историографии работ по истории внутренней торговли России XVII – первой половины XVIII в. монография Кафенгауза занимает особое место: здесь впервые предпринята попытка совместить в рамках одного исследования результаты изучения таможенных книг, относящихся к различным регионам страны²⁵.

В монографии Д.И. Тверской, посвящённой исследованию роли Москвы в системе складывающегося всероссийского рынка, использованы книги Московской Большой таможни 1693/94 г. и книга записная мелочных товаров 1694 г.²⁶

Книга о рынке Устюга Великого в XVII в. включает две монографии: А.Ц. Мерзона и Ю.А. Тихонова. Первая посвящена в основном изучению рыночных связей Устюга, вторая – анализу товарного производства в этом городе. Мерзон привлёк к исследованию 15 устюжских таможенных книг за 1633/34–1649/50 гг., Тихонов – 24 книги за 1650/51–1679/80 гг.²⁷

В 1961 г. опубликована статья А.Н. Сперанского о торговле Устюжны Железопольской в первой половине XVII в., написанная ещё в 1930-е гг. Основ-

---

²² Чистякова Е.В. Ремесло и торговля на Воронежском посаде в середине XVII в. // Труды Воронежского государственного университета. 1954. Т. 25. С. 46–62.

²³ Троицкий С.М. Архангельский хлебный рынок в I четв. XVIII века // Труды Московского государственного историко-архивного института (далее – Труды МГИАИ). 1957. Т. 9. С. 177–193.

²⁴ Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956. С. 171–175.

²⁵ Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен). М., 1958.

²⁶ Тверская Д.И. Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959.

²⁷ Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960.

ными источниками исследования послужили таможенные книги этого города 1626/27, 1629/30, 1638/39 гг. Для характеристики торговой деятельности устюженцев в других городах привлечены аналогичные источники по Белоозеру, Романову и Тихвинскому посаду²⁸.

О.И. Кашик проанализировала таможенные книги Илимска 1649 г. (совокупная стоимость товарного привоза, социальный состав торговцев, ассортимент товаров) и 1658 г. (численность торговцев по отдельным городам, количество явленных соболей). Приведены также сведения о торговых операциях отдельных торговых людей, содержащиеся в таможенных книгах Илимска, Иркутска и Нерчинска конца XVII – начала XVIII в.²⁹ В статье А.Н. Копылова о торговле Енисейска в XVII в. изучены разнотипные таможенные книги за 1645/46 г. Автор привёл сведения о совокупной стоимости товаров и денежных суммах, ввезённых и вывезенных из Енисейска, рассмотрел торговые связи города и ассортимент товаров, поступавших на местный рынок³⁰.

Несколько работ по истории торговли на юге европейской части страны в XVII в. опубликовал в 1960-е гг. В.М. Важинский. Не вдаваясь в детальное изучение какого-либо одного рынка, он, опираясь на материалы таможенных книг сразу нескольких десятков южнорусских городов, дал общий обзор развития торговли этого региона³¹. Другая статья Важинского посвящена хлебной торговле на юге России во второй половине XVII в. Наиболее подробно рассмотрены хлебные рынки Белёва, Орла, Мценска, Севска, Брянска³². В 1966 г. исследователь опубликовал статью о торговых связях южнорусских городов в третьей четверти XVII в. В ней приведены общие сведения о географии торговли и ассортименте товаров по 15 городам: Белгороду, Болхову, Верхососенску, Воронежу, Ельцу, Ефремову, Козлову, Курску, Мценску, Обояни, Орлу, Путивлю, Рыльску, Севску и Тамбову³³.

В.С. Бакулин опубликовал статью о торговле Белёва, базирующуюся на материалах семи белёвских таможенных книг 1664/65, 1668/69–1671/72, 1676/77 и 1678/79 гг.³⁴ Он просмотрел также свыше 150 таможенных книг других южнорусских городов и установил количество и состав населённых пунктов, в которых торговали белёвцы. В работе приведены погодные и помесячные данные о количестве таможенных явок, суммах оптового и розничного оборота белёв-

---

²⁸ *Сперанский А.Н.* Торговля Устюжны Железопольской в первой половине XVII в. // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 151–180.

²⁹ *Кашик О.И.* Торговля в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв. (по данным таможенных книг Нерчинска, Иркутска, Илимска) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 187–198.

³⁰ *Копылов А.Н.* Торговые связи енисейского рынка в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 93–111.

³¹ *Важинский В.М.* Развитие рыночных связей в южных русских уездах во второй половине XVII века // Учёные записки Кемеровского государственного педагогического института. 1963. № 5. С. 102–141.

³² *Важинский В.М.* Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII века // Учёные записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. 1963. Т. 127. Вып. 7. С. 3–30.

³³ *Важинский В.М.* Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. // Города феодальной России. Сборник статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 298–307.

³⁴ *Бакулин В.С.* Торговые обороты и социальный состав торговцев на белёвском рынке в 60–70-х годах XVII века // Труды МГИАИ. 1965. Т. 21. С. 289–313.

ского рынка, числе торговых дней в году, рассмотрен ассортимент поступавших в Белёв товаров, цены на некоторые из них, указаны города и регионы, доминирующие в торговле теми или иными продуктами или изделиями. В другой работе Бакулин проанализировал торговлю Орла (главным образом хлебную). Он использовал материалы восьми орловских таможенных книг (1651/52, 1653/54, 1654/55, 1657/58, 1658/59, 1660/61, 1677/78 и 1679/80 гг.). В статье имеются сведения об обороте соляной торговли в городе, дано общее представление об ассортименте товаров и составе городов, откуда они поступали, приведена общая величина оборота орловского рынка в отдельные годы³⁵. В статье А.И. Комиссаренко рассмотрена торговля Хлынова в 1730–1740-е гг. Источниковую базу работы составили 26 хлыновских таможенных книг 1735–1749 гг., в которых зафиксированы торговые операции на городском рынке, а также скупка местными купцами товаров в уезде³⁶.

Источниковой базой монографии О.Н. Вилкова о развитии промышленности и торговли Тобольска в XVII в. послужили 25 тобольских таможенных книг с 1636 по 1695 г., являющихся, по определению автора, «основным и незаменимым источником для характеристики состояния общественного разделения труда, роста товарного производства и товарного обращения, развития рыночных отношений и торговых связей». Основное внимание уделено характеру, объёмам, структуре, динамике, ассортименту и номенклатуре товарообмена через Тобольск между европейской и азиатской частями России и между Россией и странами Востока, национальному и социальному составу торгующих, географии торговых связей города. Эти вопросы историк изучал по трём большим группам товаров: «русским», поступающим из европейской части страны (отечественным и импортным), восточным и сибирским (охотничье-промысловым)³⁷. Таможенные книги по Мангазейскому, Якутскому, Енисейскому и Илимскому уездам стали основным источником исследования и в фундаментальной монографии П.Н. Павлова о пушном промысле в Сибири в XVII в. На основании этих материалов, а также данных таможенных книг Великого Устюга, Сольвычегодска и Тотмы им рассмотрено значение пушнины во внутренней и внешней торговле России того времени. Большую ценность представляют многоаспектные данные о ценах на сибирские меха: об изменениях в динамике цен на них в течение XVII в., о соотношении местных, сибирских, цен на «мягкую рухлядь» с ценами в европейской части страны, в частности, в Москве, о сравнительной стоимости мехов различных зверей по отношению друг к другу, о ценах на меховые изделия. В книге помещены также сведения об объёмах торговли мехами пушных зверей и изделий из них в разных сибирских городах в отдельные годы³⁸.

М.Б. Булгаков по материалам мытных книг г. Романова 1627, 1648/49 и 1649/50 гг. и романовской таможенной книги 1634/35 г. установил количество проплывавших мимо города транзитных торговцев и направление их движения, представил группировку проездов по стоимости провозимых товаров, проследил сезонный цикл в торговом движении по реке. В работе имеются

³⁵ Бакулин В.С. Орёл как хлебный рынок во второй половине XVII в. // Города феодальной России... С. 256–263.

³⁶ Комиссаренко А.И. Хлыновский городской рынок в 30–40-х годах XVIII в. // Города феодальной России... С. 446–455.

³⁷ Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. С. 23.

³⁸ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.

сведения о количестве явок местных и иногородних жителей в романовской таможене, о составе городов, являвшихся торговыми партнёрами Романова³⁹.

В работе С.М. Троицкого изучены данные о хлебной торговле из устюжской таможенной книги 1722 г. Автор отметил, что эти записи однотипны с записями таможенных книг второй половины XVII в., что позволяет сопоставить сведения по изучаемому вопросу за 1650–1670-е и 1722 гг. В статье проанализированы данные о количестве хлебных явок, численности хлебопродавцов и объёме доставленного в Великий Устюг хлеба, об общей сумме сбора пошлин, о суммарном объёме хлеба, привезённого из других уездов⁴⁰.

В статье Ю.П. Балашовой на основе таможенных книг Твери 1667/68, 1668/69 и 1673/74 гг. исследованы торговые контакты этого города. Проанализированы количество товарных и денежных явок, совокупная стоимость доставленных товаров и суммы денег, явленных на покупку, дана общая характеристика товарного ассортимента, показана роль отдельных городов, слобод и торговых сёл в поставках товаров⁴¹. В статье Н.Н. Репина по материалам книг внутренней таможни Архангельска и ведомости портовой таможни 1741 г. рассмотрена торговля экспортными товарами на Архангелогородской ярмарке и показана её связь с внутренними городами России и с европейскими странами⁴². Шведская исследовательница Х. Сундберг опубликовала статью о торговле лошадьми в Новгороде, основанную на материалах местных конских таможенных книг 1611/12 и 1613/14 гг. — наиболее ранних из дошедших до нашего времени документов данного типа⁴³. В работе А.В. Дёмкина по данным таможенных книг Твери и Торжка 1667/68 и 1668/69 гг. рассмотрен вопрос о соотношении областного и местного рынков. К исследованию привлекались также тверские таможенные книги 1619 и 1673/74 гг.⁴⁴ В статье В.М. Проторчиной о торговых связях Воронежа, написанной на основе таможенной книги 1705 г. (ошибочно датированной автором 1706 г.), приведены общее количество товарных и денежных явок в местной таможене, состав городов, упоминаемых в таможенных записях, процентное соотношение доставленных в Воронеж партий продовольственных и ремесленных товаров, подробно охарактеризован товарный ассортимент⁴⁵.

Монография О.Н. Вилкова о социально-экономическом развитии Сибири в конце XVI — начале XVIII в. посвящена главным образом Тобольску. К исследованию привлечена 21 тобольская таможенная книга 1639/40–1703 гг. По

---

³⁹ Булгаков М.Б. Рынок города Романова (на Волге) в первой половине XVII столетия // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1971. № 2. С. 76–91.

⁴⁰ Троицкий С.М. Устюжский хлебный рынок в первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971. С. 234–241.

⁴¹ Балашова Ю.П. Торговые связи Твери во второй половине XVII века // Проблемы исторической географии России. Вып. 2. М., 1982. С. 15–25.

⁴² Репин Н.Н. Торговые связи Архангельска в начале 40-х годов XVIII века (по материалам таможенных документов) // Проблемы исторической географии России. Вып. 2. С. 51–62.

⁴³ Sundberg H. Horse-trading contracts in early seventeenth-century Novgorod: Colour adjectives and other vocabulary in horse description // Scando-Slavica. 1985. Vol. 31. P. 153–167.

⁴⁴ Дёмкин А.В. Тверь и Торжок как центры торговли второй половины XVII в. // Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвящённых памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 315–320.

⁴⁵ Проторчина В.М. Торговые связи Воронежа по таможенной книге 1706 года // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 93–103.

материалам этих источников приведены разнообразные сведения о торговой жизни города, в частности представлены данные о географии торговых путей, ассортименте товаров, ввозимых в Тобольск из различных регионов⁴⁶.

Важное значение для изучения торговли России первой половины XVIII в. имеет исследование А.И. Юхта. Источниковую основу работы составила уникальная коллекция таможенных книг Астрахани 1724–1753 гг. Замысел монографии состоял в том, чтобы «на основе массовых источников, каковыми являются таможенные книги, проследить сдвиги, происшедшие в русско-восточной и европейско-восточной транзитной торговле через Россию в 20–60-е годы XVIII в., а также социально-экономические и внешнеполитические факторы, обусловившие эти изменения». Большая часть книги посвящена изучению внешней торговли. Освещены торговые контакты с Северным Кавказом, Закавказьем и Ираном, Турцией, Средней Азией, рассмотрена коммерческая деятельность Персидской компании, исследованы связи внешнего рынка с внутренним, показано участие купцов различных регионов России, а также зарубежных торговцев в сбыте восточных и местных товаров на внутрироссийском рынке⁴⁷.

В монографии М.Я. Волкова приведены сведения, извлечённые из таможенных книг Новгорода 1714 г., Бежецка 1724 г., Каргополя 1706 и 1717 гг., Москвы 1693/94 г., Архангельска 1710 г., села Лыскова 1726 г. В работе указана, в частности, величина таможенных сборов в Бежецке, объёмы и совокупная стоимость различных товаров, отправленных из Бежецка в другие места, суммы пошлин, собранных каргопольской таможней⁴⁸. В.А. Варенцов изучил новгородские таможенные книги 1610/11 и 1613/14 гг., особенно подробно рассмотрев состояние местного рынка в 1610/11 г. Большую ценность представляют подробные данные об ассортименте и объёмах поставок товаров. Статья позднее составила отдельную главу в монографии того же автора⁴⁹. В основу работы В.М. Леонтьева о торговле Берёзова положены три наиболее полно сохранившиеся таможенные книги этого города (1635/36, 1655/56 и 1667/68 гг.). Автор исследовал сбыт и транзит «русских», «восточных» и сибирских товаров⁵⁰.

Таможенная книга Пскова 1670/71 г., включающая документацию трёх псковских таможен (Большой, Немецкого гостиного двора и Рыбной), изучена А.В. Юрасовым при подготовке диссертационного исследования о внешней торговле города в XVII в.⁵¹ В статье Л.Н. Макеенко о внутренней торговле Пскова в середине XVIII в., основанной на изучении «Книги Псковской Большой таможни записной безвыписным товарам» 1748 г., рассмотрен ассортимент товаров, приведены данные об объёмах и совокупной стоимости сбытого на местном рынке хлеба и скота, отмечены общая стоимость всех проданных

⁴⁶ *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990.

⁴⁷ *Юхта А.И.* Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е гг. XVIII в.). М., 1994.

⁴⁸ *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994.

⁴⁹ *Варенцов В.А.* Торговля и купечество Новгорода по данным таможенных книг 1610/11 и 1613/14 гг. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Н.Б. Голиковой. М., 1994. С. 93–116; *Варенцов В.А.* Торговля и таможенное управление Новгорода в XVI–XVII веках. Новгород, 1996.

⁵⁰ *Леонтьев В.М.* Торговля Берёзова в XVII веке, или Русские в Сибири. Новосибирск, 1995.

⁵¹ *Юрасов А.В.* Внешняя торговля Пскова в XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

за год товаров, итоговая сумма пошлин, собранных с мелочной торговли, прослежены сезонные колебания в деятельности рынка, проанализирован социальный и, отчасти, персональный состав участников торговли, номенклатура, размеры и правила взимания таможенных пошлин⁵².

В монографии А.В. Дёмкина о торговле верхневолжских и заочских городов во второй четверти XVIII в. впервые в отечественной историографии комплексным образом и по единой методической схеме сопоставлены между собой в динамике данные о деятельности местных рынков, относящихся к двум разным регионам страны. Автор проанализировал материалы 63 таможенных книг Клина, калязинской Никольской слободы, Кашина, Бежецка, Алексина, Венёва, Мценска, Новосиля и Черни 1720–1750-х гг. Главная задача исследования состояла в определении типологии оптовых рынков малых городов России. В работе прослежены динамика рыночных оборотов, соотношение совокупной стоимости товарного привоза и отвоза, количество таможенных явок, сезонные колебания в торговле, рассмотрен ассортимент товаров, установлен географический состав торговцев, проанализированы цены на основные товары⁵³.

Материалы опубликованных таможенных книг северорусских и южнорусских городов XVII в. использованы (прежде всего для анализа движения цен) американским исследователем Р. Хелли в монографии об экономике и материальной культуре России XVII – первой четверти XVIII в.⁵⁴ В статье А.Г. Иванова впервые введены в научный оборот сведения о торговле Казани, содержащиеся в отпускной таможенной книге этого города 1741 г. Автор рассмотрел сезонные колебания в товарном отпуске, географию отправки товаров, социальный состав торговцев, распределение числа явок и совокупной стоимости товаров по месяцам, населённым пунктам и социальным группам, ассортимент товарного вывоза⁵⁵.

Мною по материалам 18 таможенных книг Курска 1619–1677/78 гг. комплексному изучению подвергнуты различные сферы торговли этого города: определены территория и состав городов, с которыми Курск поддерживал торговые связи, установлены размеры оборотов местного рынка, изучены ассортимент, объёмы и цены поступавших в город товаров, социальный и персональный состав торгующих, система таможенного обложения. Особое приложение составляют регесты, отражающие основную статистическую и фактологическую информацию, содержащуюся в курских таможенных книгах⁵⁶.

Этапным событием в историографии внутренней торговли России стало издание монографии Ю.А. Мизиса о формировании рынка Центрального Черноземья. Впервые в отечественной исторической науке были сопоставлены показатели таможенных книг различных населённых пунктов как XVII, так и XVIII в. Мизис изучил 69 таможенных книг 24 южнорусских городов (Бел-

⁵² *Макеенко Л.Н.* Внутренняя торговля в Пскове в середине XVIII в. // Псков. 1999. № 10. С. 69–75; № 11. С. 72–75.

⁵³ *Дёмкин А.В.* Купечество и городской рынок в России во второй четверти XVIII века. М., 1999.

⁵⁴ *Hellie R.* The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago; L., 1999.

⁵⁵ *Иванов А.Г.* Таможенная книга на отпускные товары города Казани 1741 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб., 2001. С. 133–139.

⁵⁶ *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. См. также: *Раздорский А.И.* О составлении и публикации регестов таможенных книг XVII–XVIII вв. // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 31–40.

город, Болховец, Валуйки, Верхососенск, Воронеж, Добрый, Елатьма, Елец, Ефремов, Карпов, Козлов, Коротояк, Короча, Лебедянь, Обоянь, Острогожск, Павловск, Романов, Сокольск, Старый Оскол, Тамбов, Усерд, Усмань, Шацк), а также 12 сельских населённых пунктов Тамбовского и Шацкого уездов. В книге рассмотрена торговля отдельно взятых городов и сёл, приведены сведения о составе товаров, поступавших на местные рынки, о социальной структуре торговцев, о сезонных колебаниях в деятельности торгова, о географии торговых связей. Проанализирована также торговля отдельными товарами или группами товаров, представлены данные об ассортименте и количестве таможенных явок тех или иных товаров, главных пунктах их сбыта, мерных и тарных единицах, социальном составе и географической принадлежности продавцов, сезонных колебаниях в торговле, объёмах поставок, ценах. На основе исследованных источников автором сформирована база данных, включающая около 15 тыс. записей. Материалы базы получили отражение в статистических таблицах, составивших обширное приложение к тексту монографии. Содержащийся в них богатый и разнообразный статистический материал обладает самостоятельной информационной ценностью и может быть использован для проведения сопоставительного анализа различных аспектов деятельности местных рынков как в хронологическом, так и в межрегиональном плане. Добиться исчерпывающей точности, полноты и единообразия в передаче статистических показателей автору, однако, не удалось, а таможенные книги по городам, торговля которых подверглась исследованию, использованы им не в полном объёме⁵⁷.

В монографии Т.В. Павлины об истории таможенного дела в Коми крае представлены статистические сведения, извлечённые из таможенной книги Туглимского погоста 1700 г. и объячевских источников XVII в. Материалы таможенных книг Яренска 1722, 1724 и 1741 гг., Усть-Цильмы 1730 г. и Пу-стозерска 1728 г. использованы в кандидатской диссертации этого автора⁵⁸. Псковские таможенные книги XVIII столетия привлекла для написания диссертации О.А. Алексеева, рассмотревшая структуру рынка Псковского края, ассортимент преобладавших в местной торговле товаров, географию торговых связей региона⁵⁹.

В моей монографии о торговле Вязьмы в XVII в. по материалам 17 вяземских таможенных книг 1649/50–1679/80 гг. рассмотрены сезонные колебания в деятельности местного рынка, география торговых связей города, ассортимент, цены и объёмы поставок товаров, социальный состав торговцев, а также номенклатура и значение мерных и тарных единиц и система таможенного обложения. Особый раздел монографии составляют регесты вяземских таможенных книг, статистический и фактологический материал которых впервые введён в научный оборот в полном объёме⁶⁰. В другой работе я по данным

---

⁵⁷ Мизис Ю.А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006.

⁵⁸ Павлина Т.В. «Памятуя присяжную должность...». (Очерки по истории таможенной службы в Коми крае в XV – первой половине XVIII в.). Сыктывкар, 2004. С. 17–32; Павлина Т.В. Таможенное дело и развитие торговли в Коми крае в конце XVI – середине XVIII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.

⁵⁹ Алексеева О.А. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

⁶⁰ Раздорский А.И. Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М., 2010.

частично сохранившихся конских таможенных книг Москвы 1629 и 1630 гг. проанализировал основные показатели торговли лошадьми на столичной конской площадке (количество торговых сделок, число проданных и обмененных лошадей, торговые обороты, цены, географический и социальный состав продавцов и покупателей), а также рассмотрел систему таможенного обложения, действовавшую в конской торговле. Основным объём издания составляют регесты московских конских таможенных книг⁶¹.

Ю.Б. Кауфман на основе сведений, содержащихся в кузнецких таможенных книгах 1695–1702, 1705 и 1713 гг., проследила торговые связи Кузнецка с городами Европейской России. В статье обозначены основные направления товаропотоков, двигавшихся на кузнецкий рынок из-за Урала и шедших с него в обратном направлении, рассмотрены отдельные торговые операции в Кузнецке купцов из городов Европейской России, проанализирован ассортимент скупавшихся здесь товаров, установлено количество торговых сделок с лошадьми⁶². М.М. Дадыкина по материалам тихвинских таможенных книг 1625/26 и 1637/38 гг. изучила торговые связи Тихвинского посада и Ладоги. Она установила общее число таможенных явок, записанных в «новгородские» книги, и число явок ладожан, совокупную стоимость товаров, доставленных ладожанами на тихвинский рынок, и общую сумму денег, явленных ими в тихвинской таможене на покупку в указанные годы, состав товаров, которые в основном привозили торговцы из Ладоги⁶³. Материалы саранской таможенной книги 1691/92 г. использованы С.В. Видяйкиным в работе по экономической истории Саранского уезда второй половины XVII – начала XVIII в. В статье Д.В. Фролова рассмотрен ассортимент товаров, упоминаемых в указанном источнике⁶⁴. Видяйкин исследовал также таможенную книгу Алатыря 1714 г. Он установил и проанализировал общую численность, географический и социальный состав продавцов и покупателей товаров, зарегистрированных в алатырской таможене, совокупную стоимость товаров, ввезённых в Алатырский уезд и вывезенных за его пределы, произвёл группировку товарных партий в стоимостном выражении, охарактеризовал товарный ассортимент⁶⁵.

Первые работы, посвящённые анализу таможенных книг как исторических источников, в историографии советского периода принадлежат К.В. Базилевичу. В 1933 г. он опубликовал статью о них как об источнике экономической истории, продемонстрировав сохранность таможенных книг по разным

---

⁶¹ *Раздорский А.И.* Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М., 2011.

⁶² *Кауфман Ю.Б.* Торговые связи Кузнецка с городами Европейской России в конце XVII – начале XVIII вв. (по материалам таможенных книг) // Из кузнецкой старины. Вып. 2. Новокузнецк, 2011. С. 73–80.

⁶³ *Дадыкина М.М.* Торговые связи Тихвина и Ладоги по материалам тихвинских таможенных книг XVII в. // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб., 2012. С. 277–285.

⁶⁴ *Видяйкин С.В.* Развитие торговли в Мордовском крае в последней трети XVII – начале XVIII в. по данным таможенных книг // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. Т. 23. № 3. С. 42–49; *Фролов Д.В.* Классификация товаров в «Книге города Саранска таможенного и пошлинного сбора» 1691–1692 гг. // Центр и периферия. 2015. № 1. С. 86–96.

⁶⁵ *Видяйкин С.В.* Экономическое развитие Алатырского уезда в первой четверти XVIII в. по данным «Книги алатурская таможи збору» 1714 г. // Экономическая история. 2018. Т. 14. № 4. С. 430–440.

регионам, охарактеризовав состав и отличительные особенности содержащихся в них сведений. Три года спустя увидела свет ещё одна статья Базилевича, посвящённая проблеме внутренней критики таможенных книг. Здесь в общих чертах была рассмотрена и система таможенного обложения в России в XVI — первой половине XVII в., непосредственным образом определявшая порядок ведения таможенных записей⁶⁶.

Статья К.Г. Митяева посвящена источниковедческому анализу, методике обработки и приёмам передачи содержания смоленских таможенных книг. Автор проанализировал структуру этих документов, формуляры отдельных статей, осветил применявшийся им способ «статистико-экономической разработки» данных таможенных книг, в том числе методику создания таблиц и формирования рабочих картотек, отражающих различные статистические показатели⁶⁷.

В учебном пособии по источниковедению «Таможенные книги XVII века», написанном А.Ц. Мерзоном, представлен обзор сохранности этих документов по различным регионам и городам, приведены общие сведения о системе таможенного обложения и организации сбора таможенных пошлин в Московском государстве XVII в. На основе памятников преимущественно северного происхождения Мерзон показал порядок составления таможенных книг, их структуру, состав содержащихся сведений, рассмотрел значение этих источников для изучения процесса складывания всероссийского рынка⁶⁸. В статье того же автора, посвящённой источниковедческому анализу таможенных книг Великого Устюга 1633/34–1679/80 гг., приведены сведения о деятельности местной таможни. Автор показал, каким образом и насколько точно в устюжских таможенных книгах представлены даты, сведения о торговцах, товарах и транспортных средствах⁶⁹.

Б.Б. Кафенгауз опубликовал источниковедческий обзор 143 таможенных книг XVIII в., в настоящее время хранящихся в фонде Камер-коллегии РГАДА. Наиболее подробно им охарактеризованы книги Новгорода, Москвы, Курска, Макарьевской и Благовещенской на Ваге ярмарок, т.е. документы, использованные при подготовке монографии о внутреннем рынке России первой половины XVIII в.⁷⁰ Таможенные книги из указанного фонда с точки зрения их ценности для изучения истории русского языка проанализированы С.И. Котковым⁷¹. В качестве этнографического источника рассмотрел таможенные книги Ирбитской ярмарки В.А. Александров. Продемонстрировав извлечённые из этих памятников богатые фактические данные об ассортименте привозимых товаров и ценах на них, учёный сделал вывод о том, что «таможенные кни-

---

⁶⁶ *Базилевич К.В.* Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. Сб. 1. М.; Л., 1933. С. 110–129; *Базилевич К.В.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в.: (Проблема внутренней критики источника) // Там же. Сб. 2. М.; Л., 1936. С. 71–90.

⁶⁷ *Митяев К.Г.* К вопросу о передаче содержания таможенных книг XVII в. (смоленские таможенные книги) // Труды МГИАИ. Т. 4. 1948. С. 283–300.

⁶⁸ *Мерзон А.Ц.* Таможенные книги XVII века. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957.

⁶⁹ *Мерзон А.Ц.* Устюжские таможенные книги XVII в. // Проблемы источниковедения. Вып. 6. М., 1958. С. 67–129.

⁷⁰ *Кафенгауз Б.Б.* Таможенные книги XVIII века // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1957 год. М., 1958. С. 127–137.

⁷¹ *Котков С.И.* Таможенные книги Камер-коллегии — источники по истории русского языка // Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р.И. Авансова. М., 1972. С. 135–143.

ги... содержат массовый материал, характеризующий историю материальной культуры и быта разных социальных слоёв населения»⁷². О.Н. Вилков посвятил источниковедческую статью тобольским таможенным книгам. Он произвёл учёт этих источников, рассмотрел их палеографические особенности, структуру и содержание. Основной объём работы составляет обзор действовавшей в Тобольске системы таможенных сборов⁷³. В.М. Леонтьев проанализировал степень полноты, достоверности и сопоставимости сведений по истории торговли, заключённых в таможенных книгах Берёзова разных лет⁷⁴. Девять иркутских и девятнадцать нерчинских таможенных книг 1690–1714 гг. изучены в источниковедческом плане Л.В. Машановой, описавшей палеографические и структурные особенности памятников⁷⁵.

Важное значение для источниковедения таможенных книг XVIII в. имеет монография И.А. Малышевой, рассмотревшей делопроизводственный процесс внутренних таможен XVIII в. В её труде дан обзор таможенных материалов того времени, произведена их классификация, изучены состав, структура и формуляр документов. Специальная глава посвящена изучению памятников таможенного дела XVIII в. как источников исторической лексикологии. Малышева привлекла к исследованию в общей сложности 76 таможенных книг XVIII в.⁷⁶ Из подготовленных в начале 2000-х гг. работ лингвистов необходимо упомянуть статью Ю.И. Чайкиной и С.Н. Смольникова о таможенных книгах Великого Устюга 1751–1752 гг., кандидатские диссертации М.В. Мордкович о таможенной книге Архангельска 1719 г. и Ю.Г. Захаровой о сольвычегодских книгах XVIII в.⁷⁷ А.В. Крайковский обратил внимание на проблему достоверности сведений, содержащихся в таможенных книгах северных городов. В ряде его публикаций затронуты вопросы сопоставимости данных таможенных и монастырских приходных книг. Рассмотрена также проблема влияния злоупотреблений таможенников на отражённые в таможенных книгах результаты⁷⁸.

Статья М.Б. Булгакова посвящена таможенной книге Переяславля-Рязанского 1614/15 г. Данный источник носит во многом уникальный харак-

---

⁷² Александров В.А. Таможенные книги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конец XVII – начало XVIII в.) // Советская этнография. 1978. № 3. С. 131–138.

⁷³ Вилков О.Н. Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 5–46.

⁷⁴ Леонтьев В.М. Таможенные приходные книги Берёзова как источник по истории торговли города (по материалам книг: № 79 (1635/36 г.), № 227 (1646/47 г.), № 542 (1667/68 г.)) // Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1987. С. 27–49.

⁷⁵ Машанова Л.В. Иркутские и нерчинские таможенные книги как источник по истории промыслов и торговли Забайкалья конца XVII – начала XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей М., 1989. С. 169–174.

⁷⁶ Малышева И.А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997.

⁷⁷ Чайкина Ю.И., Смольников С.Н. Таможенная книга Устюга Великого 1751–1752 годов как источник для изучения языка и культуры севернорусской провинции XVIII века // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 293–308; Мордкович М.В. Типы лексических замен в архангельской таможенной книге 1719 года. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000; Захарова Ю.Г. Сольвычегодские таможенные книги XVIII века как лингвистический источник. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2002.

⁷⁸ Крайковский А.В. К вопросу о достоверности русских таможенных книг XVII века // Масовые источники отечественной истории. Материалы X всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв. Проблемы изучения и издания». Архангельск, 1999. С. 152–155.

тер. Эта одна из самых ранних таможенных книг, дошедших до наших дней. В ней получил отражение чрезвычайно редкий факт руководства (в течение месяца) сбором таможенных пошлин местного воеводы кн. Ф.П. Бярятинского (подобные прецеденты позднее не встречались — воеводам запрещали вмешиваться в действия таможенной администрации)⁷⁹. В статье М.М. Дадыкиной описаны таможенные книги Тихвинского монастыря 1625/26, 1632/33, 1637/38 и 1658/59 гг., хранящиеся в Государственном архиве Швеции (основной массив тихвинских книг сосредоточен в Архиве СПбИИ РАН)⁸⁰. Автор выполнила сопоставительный анализ записей черновой и белой книг 1632/33 и 1637/38 гг., рассмотрев также практику составления этих документов. Характеристика великоустюжских таможенных книг 1748—1749 и 1751—1752 гг. как исторических источников представлена в статье М.С. Черкасовой. Исследовательница рассмотрела основные типы изданий подобных документов. В статье содержится также краткий обзор исследований и публикаций таможенных книг XVIII столетия⁸¹. Общие сведения о количественном составе, хронологическом охвате и особенностях ведения таможенных книг Псковского края XVIII в. приведены в работе О.А. Алексеевой⁸². В статье Т.В. Жибровой рассмотрены структура и формуляр воронежских таможенных книг 1620-х гг., а также приведены общие сведения о системе ведения такого рода документов⁸³.

В докторской диссертации лингвиста О.В. Бараковой к исследованию привлечены большинство опубликованных таможенных книг XVII в., а также десять неопубликованных тюменских источников XVII—XVIII вв. Исследовательница предприняла попытку классификации таможенных книг по типам. В приложении к диссертации помещён текст тюменской таможенной книги 1663 г.⁸⁴ Великолукские таможенные книги 1669/70, 1670/71, 1671/72 и 1675/76 гг. и комплекс прихода-расходной документации псковской таможни 1670/71 г. проанализированы Ю.В. Кирилловым с точки зрения их использования в качестве историко-лингвистического источника. Автор рассмотрел особенности структуры и формуляра таможенных книг, показал их значение как источника для изучения исторической лексики, фонетики и морфологии⁸⁵. И.А. Малышева подвергла источниковедческому разбору архангельскую таможенную книгу 1710 г. Этот документ классифицирован ею как копия (список) счётных выпи-

⁷⁹ Булаков М.Б. Таможенная книга г. Переяславля-Рязанского 1614/1615 г. как исторический источник // Отечественные архивы. 2005. № 5. С. 35–42.

⁸⁰ Дадыкина М.М. Таможенные книги Тихвинского монастыря в Государственном архиве Стокгольма (Riksarkivet) // Материалы XV всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX веков». К столетию со дня рождения П.А. Колесникова. М., 2008. С. 113–123.

⁸¹ Черкасова М.С. Таможенные книги середины XVIII в.: вопросы изучения и издания // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы к международной научной конференции Вторые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова, 17–19 ноября 2011 г. М., 2011. С. 121–129.

⁸² Алексеева О.А. Источники по истории торговли и промыслов Псковского края в XVIII в. (1725–1800) // Материалы XV всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX веков»... С. 32–39.

⁸³ Жиброва Т.В. Книги кабацкие и таможенные Воронежского уезда XVII века // Край Воронежский. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Воронеж, 2009. С. 23–28.

⁸⁴ Баракова О.В. Деловая письменность XVII века: Концептосфера, субтекстовый состав (на материале таможенных книг Московского государства). Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.

⁸⁵ Кириллов Ю.В. Псковские таможенные книги как лингвистический источник (общерусские и местные особенности в аспекте становления языковых норм). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

сок, которые составлялись в конце года и подводили итог торговым операциям иноземных купцов. В статье рассмотрены палеографические особенности памятника, структура и формуляр отдельных таможенных статей⁸⁶. Предметом изучения Т.Д. Коркиной явились состав, структура, формуляр и лексический материал кеврольских таможенных книг XVIII в.⁸⁷

Для источниковедения таможенных книг важное значение имеет статья Л.А. Тимошиной, посвящённая истории делопроизводства местных таможенных изб в XVII в. Исследовательница выделила четыре этапа подготовки отчётной таможенной документации⁸⁸. Мною опубликован ряд обзоров таможенных книг XVII–XVIII вв., где представлены количественная, географическая, хронологическая и типологическая характеристики архивных собраний этих источников, приведены реестры учётных таможенных книг⁸⁹, а также напечатана статья о вновь выявленной в РГАДА таможенной книге Великого Новгорода 1677/78 г., долгое время остававшейся неизвестной исследователям⁹⁰.

Длительную историю имеет и традиция издания таможенных книг. Первые фрагментарные их публикации появились на рубеже 1840–1850-х гг., когда И.Д. Беляев напечатал отрывки таможенной книги Макарьевской ярмарки 1724 г. и Нижнего Новгорода 1722 г.⁹¹ В 1872 г. опубликована усть-сысольская таможенная книга 1684/85 г. Этот небольшой по объёму документ (четыре листа) включает десять приходных таможенных записей, итоговые показатели мелочного сбора и расходные статьи⁹². В 1902 г. П.М. Головачёв опубликовал фрагменты иркутских таможенных книг 1692/93, 1702 и 1712 гг., а год спустя – фрагменты тюменских 1636/37, 1656/57, 1673/74, 1678/79 и 1697/98 гг.

---

⁸⁶ *Малышева И.А.* Архангельская таможенная книга 1710 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 129–134.

⁸⁷ *Коркина Т.Д.* Памятники региональной деловой письменности первой четверти XVIII века как лингвистический источник (на материале кеврольских таможенных книг). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018.

⁸⁸ *Тимошина Л.А.* Этапы формирования и виды учётной документации местных таможенных изб в XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Четвёртой международной научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.). Н. Новгород, 2018. С. 166–175.

⁸⁹ *Раздорский А.И.* Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА (количественная, хронологическая и географическая характеристика) // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 394–462; *Раздорский А.И.* Таможенные и кабацкие книги XVII века в составе городских книг московских приказов в фондах РГАДА // Русское Средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2012. С. 164–198; *Раздорский А.И.* Таможенные и кабацкие книги XVII–XVIII вв. в фонде Денежного стола Разрядного приказа // АЕ за 2011 год. М., 2014. С. 391–411; *Раздорский А.И.* Таможенные и кабацкие книги XVI–XVIII вв. в Архиве СПбИИ РАН // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 33. СПб., 2015. С. 527–551; *Раздорский А.И.* Таможенные и кабацкие книги в фонде Оружейной палаты РГАДА // АЕ за 2013 год. М., 2019. С. 239–241.

⁹⁰ *Раздорский А.И.* Таможенная книга Великого Новгорода 1677/78 г. как исторический источник // Вестник архивиста. 2020. № 2. С. 331–342.

⁹¹ Книга записная Макарьевской ярмонки Большой таможи, по сибирским отпусным выписям, 1-й половины 724 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1849. Кн. 2. С. 87–104 2-й паг.; Явочная книга нижегородской таможи 1722 года // Там же. 1851. Кн. 11. С. 13–23 5-й паг.

⁹² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. 12. СПб., 1872. № 21. С. 284–285.

В 1911 г. он же издал фрагменты томских таможенных книг 1647/48, 1664/65 и 1678/79 гг.⁹³

В 1950–1951 гг. предпринято издание текстов 20 таможенных книг Великого Устюга, Сольвычегодска и Тотьмы. Работа над публикацией, осуществлённой под руководством А.И. Яковлева, была начата ещё до революции и продолжалась с перерывами более 40 лет – с 1908 по 1949 г. По Устюгу опубликованы книги 1633/34, 1635/36, 1650/51, 1652/53, 1655/56, 1676/77, 1678/79 и 1679/80 гг., по Сольвычегодску – 1634/35, 1635, 1651/52, 1655/56, 1677/78 и 1678/79 гг., по Тотьме – 1634/35, 1635, 1653/54, 1655/56, 1675/76 и 1676/77 гг.⁹⁴ Под редакцией Яковлева опубликована также таможенная книга Саранска 1691/92 г. Издание включает текст самого источника и сделанные на основе имеющихся в нём сведений два кратких обзора саранской торговли того времени⁹⁵. С.И. Сакович осуществила издание «Книги записной мелочных товаров Московской Большой таможни» 1694 г. Она же подготовила к публикации три таможенные книги Московской Большой таможни (Новгородскую, Астраханскую и Малороссийскую), относящиеся к 1693/94 г. Первый документ отражает привоз товаров в Москву через Новгород Великий «из-за Свейского рубежа», второй – через Астрахань из стран Востока, третий – из северских, «польских» городов и Малороссии⁹⁶. Лингвистами С.И. и Н.С. Котковыми опубликованы 18 таможенных книг шести южнорусских городов: Белгорода (1641/42, 1646/47, 1651/52 гг.), Воронежа (1620, 1620/21 гг.), Ельца (1629/30, 1646/47 гг.), Курска (1619, 1623/24, 1626/28, 1628/29, 1641/42 и 1647/48 гг.), Орла 1652 г. и Старого Оскола 1651/52 г.⁹⁷ Е.Б. Французова издала остававшуюся долгое время неизвестной таможенную книгу Вологды 1634/35 г.⁹⁸ Отрывок книги речных проходных пошлин и оброчных сборов Вязниковской слободы Владимирского уезда 1645 г. опубликован в сборнике деловых текстов XVII в.⁹⁹ В.А. Варенцов и Г.М. Коваленко издали две таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 гг.¹⁰⁰

В середине 1990-х гг. началось издание таможенных книг сибирских городов. Первой увидела свет приходная книга Кетского острога 1628/29 г.¹⁰¹

⁹³ Первое столетие Иркутска. Сборник материалов для истории города. СПб., 1902. С. 63–92; Тюмень в XVII столетии. Собрание материалов для истории города. М., 1903. С. 104–129 (датировка двух книг приведена в публикации с ошибками: 1643/44 г. вместо 1673/74 г., 1677/78 г. вместо 1678/79 г.); Томск в XVII веке. Материалы для истории города. СПб., 1911. С. 139–156 (датировка всех трёх книг приведена в публикации с ошибками: 1640 г. вместо 1647/48 г., 1662 вместо 1664/65 г., 1680 г. вместо 1678/79 г.).

⁹⁴ Таможенные книги Московского государства XVII века / Под ред. А.И. Яковлева. Т. 1–3. М.; Л., 1950–1951.

⁹⁵ Саранская таможенная книга за 1692 г. / Под ред. А.И. Яковлева. Саранск, 1951.

⁹⁶ Сакович С.И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. М., 1956; Книги Московской Большой таможни – 1693–1694 гг. Новгородская, Астраханская, Малороссийская. М., 1961.

⁹⁷ Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова. М., 1982.

⁹⁸ Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. Вып. 1–3 / Сост. и авт. введения Е.Б. Французова. М., 1983.

⁹⁹ Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край / Изд. подгот. С.И. Котков и др. М., 1984. С. 141–143.

¹⁰⁰ Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов / Подгот. В.А. Варенцов, Г.М. Коваленко. СПб., 1996.

¹⁰¹ Первое столетие сибирских городов. XVII век / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1996. № 19. С. 59–61.

Затем группа учёных под руководством Д.Я. Резуна опубликовала 17 книг 12 городов: Сургута (1674/75), Тары (1674/75), Туринска (1674/75), Кузнецка (1696/97), Томска (1624/25, 1627 и 1671/72), Верхотурья (1673/74), Тюмени (1672/73), Пелыма (1675/76, 1676/77–1678/79), Тобольска (1673/74), Берёзова (1686/87), Енисейска (1685/86) и Мангазеи (1676/77)¹⁰². Изданию сибирских таможенных книг присущи крупные недостатки. Ряд источников неверно датирован, в опубликованных текстах присутствует большое количество опечаток и неправильных чтений, нет вспомогательных указателей¹⁰³. Пять таможенных книг Великих Лук (1669/70, 1670/71, 1671/72 – черновая и беловая, 1675/76 гг.) изданы А.В. Юрасовым¹⁰⁴. Л.А. Тимошина опубликовала отрывок черновой таможенной книги Холмогор 1658 г. В сопроводительной статье рассмотрены особенности таможенной службы в Двинском устье, личный состав местной таможенной администрации, приведён подробный источниковедческий, археографический и палеографический комментарий к публикуемому документу¹⁰⁵. Таможенную книгу Великого Новгорода 1614/15 г., обнаруженную в Государственном архиве Швеции шведской исследовательницей Л. Нордквист, издал Г.М. Коваленко¹⁰⁶. Небольшую по объёму книгу Невского устья из того же архива открыл и опубликовал А.А. Селин¹⁰⁷. Из собрания Новгородского оккупационного архива происходит и таможенная книга Повенецкого рядка 1612 г. Репродукции всех её 13 листов изданы И.А. Черняковой¹⁰⁸.

Несколько таможенных книг опубликованы мною. Осуществлено издание книги таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г. Публикация сопровождается развёрнутой исследовательской статьёй, а также биографическими и терминологическими комментариями¹⁰⁹. Представляют интерес две таможенные книги городов Слободской Украины – Лебедина 1687/88 г. и Мирополя 1692/93 г.¹¹⁰ По малороссийским городам таможенные книги отсутствуют, но по Слобожанщине, на которую в XVII в. распространялись общероссийские таможенные правила, такие документы имеются. Таможенная книга Морёвской слободы датирована 1599 г. Эта древнейшая из известных таможенных книг дошла лишь в отрывках. Значительная фрагментированность документа заставила использовать при передаче его текста некоторые приёмы,

---

¹⁰² Таможенные книги сибирских городов XVII века / Гл. ред. Д.Я. Резун. Вып. 1–6. Новосибирск, 1997–2004; *Резун Д.Я.* Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 93–96, 101–118.

¹⁰³ *Тимошина Л.А.* О публикации таможенных книг в 1996–1997 годах // *Очерки феодальной России.* Вып. 3. М., 1999. С. 270–283; *Тимошина Л.А.* О публикации таможенных книг в 1999–2000 годах // *Очерки феодальной России.* Вып. 5. М., 2001. С. 223–238.

¹⁰⁴ Таможенные книги города Великие Луки 1669–1676 гг. / Подгот. к печати А.В. Юрасов. М., 1999.

¹⁰⁵ *Тимошина Л.А.* Холмогорская таможенная книга 1658 г. // *Очерки феодальной России.* Вып. 4. М., 2000. С. 186–236.

¹⁰⁶ Новгородская таможенная книга 1614/15 г. / Публ. Г.М. Коваленко // *Новгородский исторический сборник.* Вып. 10. СПб., 2005. С. 384–466.

¹⁰⁷ Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. / Публ. А.А. Селин // *Новгородский исторический сборник.* Вып. 10. С. 475–482.

¹⁰⁸ *Чернякова И.А.* Рабочая тетрадь по курсу русской палеографии. Учебное пособие. Петрозаводск, 2003. С. 88–100.

¹⁰⁹ *Раздорский А.И.* Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г. Исследование. Текст. Комментарии. СПб., 2007.

¹¹⁰ *Раздорский А.И.* Книги таможенного и питейного сбора Лебедина и Мирополя XVII в. // *Сумський історико-архівний журнал.* 2010. № 8/9. С. 17–31.

используемые при публикации берестяных грамот¹¹¹. Особенность таможенной книги Обояни 1653/54 г. заключается в том, что в ней отражено состояние городского рынка в начальный период его формирования – спустя всего три года после завершения строительства Обоянского острога¹¹². Таможенная книга Яицкого Гурьева городка 1725 г., хранящаяся в Государственном архиве Астраханской области, даёт представление о торговле этого окраинного поселения в устье Яика, в частности, о сбыте каспийских тюленей¹¹³.

Ю.Б. Кауфман опубликовала таможенную книгу Кузнецка 1705 г. В предисловии к изданию указано общее количество зарегистрированных в книге товарных партий, приведены сведения об ассортименте упоминаемых товаров и номенклатуре таможенных пошлин¹¹⁴. Г.Н. Чебыкина и М.С. Черкасова издали две разнотипные таможенные книги Великого Устюга середины XVIII в.: записную пошлинную книгу 1748–1749 гг. и досмотровую явочную книгу с записями 1751–1752 гг.¹¹⁵ С.Н. Кистерёв и Л.А. Тимошина опубликовали семь выпусков серии «Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в.»¹¹⁶ – городов Великого Устюга (книги 1634/35, 1636/37 гг.) и Тотьмы (1625/26–1630/31 гг.).

Всего к настоящему времени издано (без учёта фрагментарных публикаций) 90 таможенных книг XVI–XVIII вв. по 35 городским и сельским населённым пунктам России (одна относится к XVI в., 84 – к XVII и пять – к XVIII в.).

Несмотря на то что изучение таможенных книг продолжается более полутора веков, подавляющее большинство документов данного типа до сих пор не исследовано и в научный оборот не введено. В географическом и хронологическом плане эти источники исследованы неравномерно. Монографические исследования, в которых таможенные книги подвергнуты подробному и всестороннему анализу, крайне немногочисленны. Имеется ряд значительных по объёму статей, приближающихся по своему значению к монографическим работам, однако их число также невелико. Изучением таможенных книг занимались преимущественно отечественные исследователи, работы зарубежных авторов, в которых использованы эти источники, носят единичный характер.

В изучении таможенных книг доминирует «моноцентричный» подход, при котором исследованию подвергается комплекс источников, относящихся к отдельно взятому городу. Сведения, извлечённые из документов разных городов и регионов, между собой обычно не сравниваются. Исследования, обобщающие результаты изучения материалов сразу по нескольким городам или группам городов, единичны. В тех случаях, когда изучались таможенные книги разных городов и регионов, хронологические рамки исследований ограничивались лишь одним XVII или XVIII столетием. Если же исследованию подвергались источники двух веков, то они относились только к одному региону.

¹¹¹ Раздорский А.И. «Того ж дни продал старорушанин два луба соли без розмеры». Таможенная книга Морёвской слободы 1599 г. // Исторический архив. 2011. № 5. С. 155–171.

¹¹² Раздорский А.И. Таможенная книга Обояни 1653/54 г. // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 310–323.

¹¹³ Раздорский А.И. Таможенная книга Яицкого Гурьева городка 1725 г. // АЕ за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 438–448.

¹¹⁴ Кауфман Ю.Б. Таможенная книга Кузнецка 1705 г. // Из кузнецкой старины. Вып. 2. Новокузнецк, 2011. С. 148–160.

¹¹⁵ Таможенные книги Великого Устюга середины XVIII века / Сост. Г.М. Чебыкина, М.С. Черкасова. Вологда, 2012.

¹¹⁶ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерёв, Л.А. Тимошина. Вып. 1–7. СПб., 2013–2018.

До сих пор не выработана более или менее унифицированная методика изучения таможенных книг. Эти источники обрабатывались учёными по разной системе, а содержащиеся в них статистические данные, придающие основную ценность этим документам, фронтальной обработке и анализу, как правило, не подвергались. Во многих работах господствует иллюстративный метод передачи содержащихся сведений, приводимых в качестве отдельных примеров, подтверждающих те или иные наблюдения автора. Вследствие этого опубликованные статистические материалы, извлечённые из таможенных книг, существенно отличаются друг от друга по содержанию и полноте, что затрудняет, а зачастую делает невозможным их обобщающий сравнительный анализ. Книги XVII и XVIII вв. изучались почти всегда изолированно друг от друга. При этом таможенные книги XVII в. исследованы в целом лучше, чем аналогичные источники первой половины XVIII в. Причин тому видится несколько. Одна из них — идеологического свойства — состоит в том, что долгое время внимание историков было приковано к XVII в., к которому В.И. Ленин отнёс начало процесса складывания единого всероссийского рынка¹¹⁷. Поиски признаков существования такого рынка в указанном столетии с целью доказательства правильности ленинского тезиса стимулировали активное изучение документов именно XVII в. Исследование же источников XVIII в. такой серьёзной идеологической основы под собой не имело и считалось менее актуальным. Сыграло свою роль и то, что основное внимание историков, обращавшихся к материалам первой половины XVIII в., традиционно привлекали социально-политические и военно-исторические сюжеты, связанные в первую очередь с петровскими реформами, в силу чего вопросы развития торговли и экономики страны раз за разом оказывались на втором плане.

---

¹¹⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 1. М., 1958. С. 153–154.

Города Русского Севера в первой половине XVII в.: социально-экономический рейтинг

Иван Пугач

**Cities of the Russian North in the first half of the 17th century:
socio-economic rating**

Ivan Pugach

(Vologda State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956872201006X

Русский Север — особая историко-культурная и этнографическая область Московского государства, объединявшая в XVII в. Поморье, Вятку и Пермь Великую. На настоящее время общепризнанной является предложенная П.А. Колесниковым концепция историко-географического деления, во многом совпадающая со схемой М.М. Богословского: на территории Поморья в XVI—XVIII вв. сложились пять природно-экономических зон, отличавшихся разной степенью заселённости и различными условиями экономической жизни, определившими хозяйственную специализацию отдельных районов¹.

В административном отношении Русский Север в XVII в. находился в ведении преимущественно двух приказов: Великий Устюг, Соль Вычегодская, Тотма, Устьянские волости и Чаронда — в Устюжской четверти, Вологда, Вятка, Двина, Каргополь, Заонежские погосты, Кеврола, Кольский острог, Мезень, Пермь Великая, Пустозерский острог и Яренск — в Новгородской. В ведении приказа Большой казны находился Важский уезд.

Классические фундаментальные исследования по финансовой истории России XVII в. появились на рубеже XIX—XX вв.² Впоследствии данная тема практически не разрабатывалась, её изучение активизировалось только в 1980-х гг. Основные направления современных изысканий в этой области связаны с государственной политикой, касающейся налогообложения, истори-

---

© 2022 г. И.В. Пугач

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-19-50314 «Города Русского Севера в XVII веке: социально-экономический рейтинг».

¹ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 9–28; *Колесников П.А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 48–62.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; *Милюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1906; *Гурлянд И.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900; *Богословский М.М.* Земское самоуправление... Т. I—II. М., 1909–1912; *Богословский М.М.* Тяглая организация Поморья в XVII веке. М., 1913; *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. М., 1908; *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1–2. М.; СПб., 1915–1916; *Веселовский С.Б.* Из истории Московского государства в XVII веке. М., 2005.

ей налогов и повинностей, изучением государственного бюджета³. Аналогичная историографическая ситуация сложилась и в отношении Русского Севера⁴.

Источники, позволяющие в целом определить уровень социально-экономического развития отдельных городов и уездов Русского Севера и оценить их региональный рейтинг в общегосударственном масштабе, составляют делопроизводственные финансовые материалы — приходо-расходные книги и сметные росписи Устюжской и Новгородской четвертей, а также сметные списки отдельных городов⁵. Из огромного документального наследия опубликованы только четыре приходо-расходные книги Устюжской и Новгородской четвертей за 1619–1621 гг. и два сметных списка — по Пустозерскому острогу за 1628/29 г. и Каргополю за 1644/45 г.⁶

Объём и структура государственных доходов, собираемых на Русском Севере, зависели в первую очередь от демографических и социально-экономических параметров отдельных уездов. Важнейшими показателями, определявшими размер сошного оклада, были плотность аграрного расселения и степень хозяйственного освоения территории. Огромную роль в формировании бюджета играл торгово-промышленный потенциал уездного центра, определявший объём таможенных и кабацких сборов. В крупных городах он значительно превышал размер сошного оклада и составлял большую часть государственных доходов. Рассмотрев основные параметры доходной части бюджета всех уез-

---

³ *Воскобойникова Н.П.* К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века // История СССР. 1986. № 3; *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. М., 2014; *Швейковская Е.Н.* Из истории финансово-налоговой системы в России XVII века // История СССР. 1988. № 5; *Булгаков М.Б.* Государственные службы посадских людей в XVII в. М., 2004; *Лисейцев Д.В.* Государственный бюджет Московского государства 1630–1640-х гг.: опыт реконструкции // Российская история. 2015. № 5.

⁴ *Спицын А.* Подати, сборы и повинности на Вятке в XVII в. Вятка, 1887; *Мауцк М.А.* Фискальная политика Русского государства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII веке. Ч. 1–3. Сыктывкар, 1998; *Мауцк М.А.* Черносошное крестьянство Европейского Севера и государство в XVII в. (налоги, сборы и повинности. Кевроло-Мезенский, Пустозерский, Кайгородский уезды). Сыктывкар, 1990; *Васильев Ю.С.* Влияние крестьянских миров Поморья на податную политику правительства в XVI–XVII вв. // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981; *Пугач И.В.* Бюджет Вологды в середине XVII в. // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Вологда, 2012. С. 199–207; *Пугач И.В.* Кабацкая прибыль на Русском Севере: административно-финансовые параметры к середине XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы VI чтений памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2019. С. 390–395; *Пугач И.В.* Финансовая политика и денежное обращение на Русском Севере в XVII в. (про материалам сметных списков городов Новгородской четверти) // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV–XVII веке. М.; Калуга, 2020. С. 661–673.

⁵ Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись 1495–1718 гг. М., 1972. С. 60–138, 196–286; *Лапто-Данилевский А.С.* Указ. соч. С. 262–282; *Пугач И.В.* Сметные списки как источник по истории русского феодального города // Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков. Материалы XV всероссийской научной конференции. М., 2008. С. 251–261.

⁶ Приходо-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 28. М., 1912 (далее — ПРК-1). С. 117–274; Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983 (далее — ПРК-2); *Мауцк М.А.* Сметный список Пустозерского уезда прихода и расхода денег и мехов за 1628/29 г. // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2016. № 2(34). С. 6–22; *Пугач И.В.* Бюджет Каргополя первой половины XVII в. // Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI — начале XXI в. Материалы XV Каргопольской международной научной конференции. Каргополь, 2018. С. 78–82.

дов Русского Севера, можно оценить уровень их социально-экономического развития и выстроить между ними определённую иерархию. Основные параметры, подвергаемые статистическому анализу, — общие масштабы доходов, их структура и динамика, соотношение доходов посада и уезда, особенности налогообложения отдельных уездов. Анализ проводится по трём хронологическим срезам — 1620/21, 1627/28 и 1643/44 гг. Именно за эти годы сохранились приходные книги, сметные росписи или сметные списки по всем городам Русского Севера.

Необходимо сделать ряд замечаний о методике учёта доходов. В силу сложной системы учёта, особенно в сметных списках, когда он одновременно вёл на трёх уровнях (учёт недоимок, оклад и сбор текущего года, остаток предыдущего года), наиболее оптимальным для анализа является учёт оклада по отдельным статьям дохода. Тем более что он, как правило, соответствовал реальному доходу за предшествующий финансовый год. Сложную систему налогов, сборов и платежей, из которых формировались доходы государевой казны, невозможно свести в один общий раздел. Поэтому в тексте и приложениях в разделе «Доходы» название графы «четвертные» условно, в неё собраны окладные, неокладные и чрезвычайные статьи дохода, а косвенные — таможенные и кабацкие — выделены в отдельные рубрики.

Одна из важнейших особенностей городов Русского Севера — их тесная связь с уездами, что констатировали уже А.С. Лаппо-Данилевский, М.М. Богословский и С.Ф. Платонов⁷. Отделить город и уезд друг от друга на черносошном Севере невозможно ни в административно-финансовом, ни в социально-экономическом отношении. В соответствии с историко-экономическими зонами, выделенными П.А. Колесниковым, рассмотрим основные параметры доходной части бюджета каждого уезда по их иерархическому положению. Их общие параметры, структура и бюджетный рейтинг за 1620–1640-е гг. представлены в таблицах 3–7.

В состав Западного Поморья входили четыре административно-финансовых округа — Каргопольский и Кольский уезды, Заонежские погосты и Чарондская округа. Каргопольский уезд на протяжении XVI–XVII вв. занимал одно из ведущих мест в социально-экономической жизни Русского Севера⁸. Административно-финансовым центром уезда был Каргополь, в середине XVII в. это крупный город, где насчитывалось 534 двора, из них 491 тяглых (343 посадских и 148 бобыльских). По сравнению с 1620/21 г. в городе к середине 1640-х гг. количество посадских дворов увеличилось в 2,3 раза — со 146 до 343⁹.

Общий объём дохода Каргопольского уезда на 1620/21 г. составлял 6444,9 руб. (таможенные доходы — 430,32 руб., кабацкие — 1808,66 руб., сошный оклад — 4205,93 руб., в том числе 1646,64 руб. казачьих хлебных запасов).

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 112–113; Богословский М.М. Земское самоуправление... Т. I. С. 124–126; Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901. С. 38–39.

⁸ Васильев Ю.С. Каргопольский уезд // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада. Л., 1978. С. 37–58; Тормосова Н.И. Каргополье. История исчезнувших волостей. Каргополь, 2011; Побежимов А.И. Историческая география Каргопольского уезда середины XVI — первой четверти XVII вв. // Вестник Нижневаргского государственного университета. 2017. № 2. Отечественная история. С. 37–44.

⁹ Богословский М.М. Земское самоуправление... Т. I. С. 66; Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1919. С. 79–80.

Все доходы с посада составили 2000,69 руб., среди них абсолютно доминировали кабацкие — 1456,53 руб. На Турчасово, небольшой посад на севере уезда, приходилось только 223,09 руб., но и здесь главной статьёй дохода являлась кабацкая прибыль — 173,1 руб.¹⁰

В 1627/28 г. сошный оклад в Каргопольском уезде составил 2245,34 руб. На посад Каргополя приходилось 131,96 руб., Турчасова — 2,36 руб. (в Каргополе тяглых дворов насчитывалось 419, а в Турчасове — 42). Иная ситуация с сошным окладом имела место в сельской округе. На Каргопольскую половину приходилось 983,06 руб., на Турчасовскую — 1127,97 руб. Наиболее доходной статьёй была кабацкая прибыль, её оклад составлял 3460,08 руб. (в Каргополе собрали 2414,78 руб.). Существенный доход приносили таможенные сборы — по каргопольской таможне оклад составил 794,47 руб., по турчасовской — 78,83 руб. Общий доход достиг 8035,28 руб. К 1643/44 г. доходная часть каргопольского бюджета выросла до 9235,65 руб. — прежде всего за счёт таможенных и кабацких сборов, составивших 6350,55 руб.¹¹ На протяжении 1620–1640-х гг. наблюдалось устойчивое социально-экономическое развитие Каргополя и уезда. Среди поморских городов, подведомственных Новгородской четверти, по доходам он занимал третье место после Архангельска и Вологды¹².

Заонежские погосты до середины XVII в. были частью Новгородского уезда, входя в состав Обонежской пятины. Данные об их бюджете фрагментарны. В 1619/20 г. сошный оклад на Олонце составлял 612,82 руб., в Оштинском стане — 313,54 руб.¹³ В сметном списке 1643/44 г. за крестьянами Заонежских погостов за десять предшествующих лет (1632/33–1641/42) числилось 2831,5 руб. доимочных денег¹⁴. Значительные недоимки свидетельствуют о социально-экономических проблемах, отразившихся и в демографии. За 1631–1647 гг. число тяглых дворов в Заонежских погостах сократилось с 8921 до 7201¹⁵. В полном объёме размер окладных доходов с Заонежских погостов и их структура известны только за 1646/47 г. Всего на этот год планировали собрать 6177,03 руб., из них 5039,53 руб. составлял сошный оклад. Наибольшие оклады были в Важенском (486,44 руб.), Кижском (719,14) и Шунском (922,46 руб.) погостах. Кабацкую прибыль — 958,46 руб. — собирали в Вытегорском (23,76), Пудожском (139,33), Важенском (170,72), Кижском (240,43) и Шунском (384,23) погостах. Таможенные доходы были невелики — 179,04 руб., их собирали в Прионежских погостах на Вытегорской (83,69), Мегорской (40,89), Оштинской (39,57) и Кижской (4,9) таможнях¹⁶. К середине XVII в. Заонежские погосты стали самостоятельным Олонецким уездом¹⁷. В Западном Поморье к середине XVII в. по демографическим параметрам они занимали первое, а по бюджетным — второе место.

Крайнюю северную часть Западного Поморья занимал Кольский уезд с центром в Кольском остроге. Зарождение города и хозяйственное освоение полуострова связаны с развитием рыбного промысла поморов, возникновени-

¹⁰ ПРК-2. С. 292–307.

¹¹ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 538–570; кн. 29, л. 201–210 об.

¹² Пугач И.В. Бюджет Каргополя... С. 68–82.

¹³ ПРК-2. С. 12, 13.

¹⁴ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 29, л. 11, 25, 25 об.

¹⁵ Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1989. С. 94.

¹⁶ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 34, л. 41–53 об.

¹⁷ Аграрная история Северо-Запада России XVII века. С. 80, 93.

ем в 1530–1540-х гг. международного торгова и необходимостью защиты государственных интересов на крайнем северо-западе. Система налогообложения и структура доходов в Кольском уезде имели особенности. Основной единицей поземельного оклада являлся лук. С конца XVI в. владельцы луков обязывались жить в волости и «государевы подати платить ежегод, сполна». По дозору 1608–1611 гг. общий оклад составил 167,51 руб. – впятеро выше прежнего¹⁸. Кольский уезд был единственным на Русском Севере, где значительную часть доходов собирали в европейских талерах – ефимках¹⁹. На 1620/21 г. планировали собрать в виде таможенных пошлин 1144 ефимка, в 1627/28 г. – 2085,75, а в 1643/44 г. – 732,25 ефимка. Учитывая их стоимость (в среднем 0,45 руб. за ефимок), от 40 до 61% таможенных пошлин собирали в европейской валюте. Если говорить об общем объёме и структуре государственных доходов, то в 1620/21 г. они составили 2524,69 руб. и 1152 ефимка, в 1627/28 г. – соответственно 2718,67 и 2094,75, а в 1643/44 г. – 1812,53 и 732,25. Большую часть этих доходов (от 82,5 до 91,2%) составляли таможенные пошлины и кабацкая прибыль. В Кольском остроге собирали от 85,5 до 89% от общего сбора, на долю уезда приходилось существенно меньше. Динамика бюджетных показателей на протяжении первой половины XVII в. позволяет говорить о том, что Кольский уезд терял свой экономический потенциал, и к середине 1640-х гг. общая масса доходов здесь за счёт уменьшения основного компонента – таможенных и кабацких сборов сократилась на треть.

Чарондская округа – небольшой район северо-западного Поморья, располагавшийся вокруг озера Воже, в XVI в. была торгово-промысловым центром на древнейшем Онежском торговом пути, связывавшем центральные и северо-западные районы страны с Поморьем. Смута начала XVII в. катастрофически отразилась на демографической и хозяйственной жизни округи²⁰. В сметной росписи Устюжской четверти за 1620/21 г. общий объём доходов с посада и уезда составил 843,18 руб. Большая часть приходится на сошный оклад – 742,15 руб. Незначительны были таможенные и кабацкие доходы – 90,65 руб., что является ярким свидетельством затухания в округе торгово-промысловой активности²¹. В 1626/27 г. весь оклад составил 1924,63 руб., на сошный оклад приходилось 1217,16 руб.; деньги за стрелецкие хлебные запасы составили 503,70 руб. На таможенные пошлины пришлось 124,61 руб., 78,87 руб. составила кабацкая прибыль. К середине 1640-х гг. показатели Чарондской округи несколько улучшились, сошный оклад вместе с оброком с хозяйственных угодий вырос до 1408,10 руб., таможенные пошлины – до 172,11, кабацкие день-

¹⁸ Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Историко-краеведческие исследования. В 3 т. Т. 1. Мурманск, 1997. С. 130; Т. 2. Мурманск, 1997. С. 124; Фёдоров П. В. Центр и северная окраина Российского государства в XVI–XX вв.: динамика стратегических связей (на материалах Кольского Заполярья). Дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2009. С. 52–72.

¹⁹ Пугач И. В. Западноевропейские талеры на Русском Севере: к вопросу о государственной политике и денежном обращении в первой половине XVII в. // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVII в. М.; Калуга, 2019. С. 371–379.

²⁰ Мюллер Р. Б. Крестьяне Чарондской округи в XVII в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вып. IV. Вологда, 1973. С. 278–298; Васильев Ю. С. Борьба с польско-литовскими интервентами на Русском Севере в начале XVII в. Вологда, 1985; Забродина А. А. Население и землевладение Чарондской округи в начале XVII века // Вожега. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2008.

²¹ ПРК-2. С. 378.

ги – до 131,61 руб. Общая сумма оклада на 1643/44 г. достигла 1711,82 руб.²² Оценивая уровень социально-экономической жизни Чарондской округи первой половины XVII в., о некоторой стабильности социально-экономического развития можно говорить только со второй четверти XVII в.²³ При этом округа утратила торгово-промышленное значение; основой экономической жизни стало сельскохозяйственное производство, обеспечивавшее от 82 до 89% поступлений в государственную казну.

Центральное Поморье включало уезды в бассейне рек Сухоны и Двины и их притоков – Вологодский, Тотемский, Устюжский, Соль-Вычегодский, Двинский, Важский²⁴ и Устьянские волости. Основным источником доходов для казны в Центральном Поморье являлся Двинский уезд с административным центром в Холмогорах. В конце XVI в. это был один из крупнейших городов на Русском Севере с развитой торгово-промышленной структурой. В первой четверти XVII в. на холмогорских посадах насчитывалось 316 лавок, 43 лавочных места, 72 амбара, 20 чуланов и 64 кузницы. По описанию 1622–1624 гг. здесь проживали 720 человек, в 1646–1648 гг. – 1203 человека²⁵. Архангельск, один из самых молодых городов Русского Севера, возник в последней четверти XVI в. В 1620-х гг. в городе стояли два гостиных двора – русский (84 казённых амбара и 32 лавки), и немецкий (86 амбаров), а на посаде насчитывалось 70 лавок. В городе было 146 дворов, из них 113 посадских²⁶. По обороту торгового капитала и доходам, взимаемым в казну, в первой половине XVII в. он не имел конкурентов не только на Севере, но и во всём Московском государстве.

Общий объём доходов в 1620/21 г. в целом по Двине составил 28 254,48 руб., из них более половины дали таможенные сборы – 18 193,23 руб., второй статьёй дохода оказалась кабацкая прибыль – 5 998,22 руб. На Архангельск приходилось 13 951,58 руб. таможенных пошлин, а на Холмогоры втрое меньше – 4 241,65 руб. Почти все таможенные доходы в Архангельске собирали в период навигации «на карабельной пристани» (13 615,12 руб.), остальные 336,46 руб. взяли «после карабельные пристани, в осень и зиму»²⁷. Интересно соотношение сошных окладов: в Архангельске он составлял 41 руб., в Холмогорах – 349,44, в уезде – 1 985,46 руб., что свидетельствует об отсутствии прямой зависимости доходов, собираемых в крупных городах, от численности тяглого населения. В Архангельске оброк с 32 государевых лавок (95,91 руб.) оказался в 2,3 раза выше сошного оклада посада. Второй по значимости статьёй дохода

²² РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 26 (1626 г.), л. 65–67; ф. 137, оп. 1, Суздаль, кн. 2, л. 355–370 об.

²³ Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 280–288.

²⁴ Важский уезд в обзор не включён ввиду отсутствия его приходных книг и сметных списков. Об экономической истории уезда см.: Васильев Ю.С. Важский уезд // Аграрная история Северо-Запада России XVI века... С. 59–79; Васильев Ю.С. Материалы писцового делопроизводства по Важскому уезду XVI – первой половины XVII века: каталог // Важский край: источниковедение, история, культура: материалы и исследования. Вып. 3. Вельск, 2006. С. 135–156.

²⁵ Булатов С.В. Русский Север. Кн. 3. Поморье (XVI – начало XVIII вв.). Архангельск, 1999. С. 68–106; Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера. Люди. События. Даты. Архангельск, 1992. С. 89–95; Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 200–201.

²⁶ Богословский М.М. Земское самоуправление... Т. I. С. 119; Булатов С.В. Русский Север. Кн. 3. С. 173–174.

²⁷ ПРК-2. С. 61–67.

являлась кабацкая прибыль. По окладу с Архангельска предполагали собрать 1340,77 руб., с Холмогор — 3262,34, с двинских посадов — 1395,11 руб. Практически по всем кабакам в 1620/21 имелся недобор, суммарно составивший 1665,68 руб. Причины кабацкой недоимки, как правило, указывались одни и те же — неурожай, хлебная дороговизна и, как следствие, «на кабаках питухов мало». В то же время на двинских таможах получили дополнительную прибыль в 1724,1 руб., принятую в счёт «кабацкого недобору»²⁸. Как и с других поморских уездов, с Двины взимали деньги за казачьи хлебные запасы в размере 1064,17 руб. (с посадов 152,03, с уезда 912,14 руб.).

В 1627/28 г. показатели основных статей дохода выросли. Общий размер оклада увеличился до 36458,8 руб., таможенных пошлин — до 25296,37, кабацкой прибыли — до 7303,89 руб. Стрелецких денег с посадов и уезда взяли 957,75 руб.²⁹ К середине 1640-х гг. наметившиеся тенденции сохранялись: значительно выросли таможенные и кабацкие доходы на фоне сокращения сошных окладов. По окладу предстояло собрать 31033,83 руб. таможенных пошлин, 9100,22 — кабацкой прибыли, 3270,92 — сошных, оброчных и других доходов, всего же на 1643/44 г. — 43404,97 руб. Сошный оклад с посадов Архангельска и Холмогор составил 470,32 руб., но получить их не удалось, в доимке оказались 139,84 руб., потому что «посадские люди от податей и от хлебного недороду розбежались, а иные стояли на правеже многое время, а доправить на них за бедность не мочно». Проблемы возникли и со сбором таможенного оклада, особенно в Архангельске. В конечном итоге его недобор составил 1200 руб., поскольку «морские промышленники от хлебново недорода и дорогие цены, и от сальные дешевые покупки розбрелись в верховые города, и таможенных пошлин собрать было не с чево»³⁰. Несмотря на проблемы в сборе государственных доходов в отдельные годы динамика их роста на Двине очевидна. По отношению к 1620/21 г. в 1627/28 г. они увеличились в 1,3, а к 1643/44 г. — в 1,5 раза.

Вся система экономической жизни на Русском Севере в XVII в. строилась вокруг Сухоно-Двинского торгового пути, начинавшегося в Вологде — крупнейшем городе Поморья с высокими темпами социально-экономического развития. После разорения 1612 г. дозор 1617/18 г. зафиксировал в Вологде 220 жилых дворов, по описанию 1626–1628 гг. их было 302, а в 1646 г. — 1357, в том числе 1177 тяглых. По степени хозяйственного освоения и численности населения Вологодский уезд значительно превосходил остальные поморские уезды. На 1628 г. в уезде насчитывалось 27803 дворов, большая часть из них — 27501 — крестьянские³¹.

Общий объём доходов с Вологды и уезда на 1619/20 г. составил 9354,26 руб. Из них примерно по трети пришлось на таможенные пошлины (3192,87) и кабацкую прибыль (3071,15). Основная часть доходов собиралась в Вологде. Сошный оклад был небольшим, для посада Вологды он составлял 94,51, для уезда —

²⁸ Там же. С. 255–256.

²⁹ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 1, л. 45–70, 81–82.

³⁰ Там же, кн. 29, л. 102–143 об.

³¹ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века / Сост. И.В. Пугач и М.С. Черкасова. Т. 1. М., 2008. С. 72–76; Т. 3. Вологда, 2018. С. 174–175, 276–277; Мерцалов А.Е. Очерк города Вологды по писцовой книге 1627 г. // Вологодский сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом. Т. V. Вологда, 1887. С. 5–51; Колесников П.А. Северная деревня... Табл. 6. С. 78–81.

230,4 руб. На этом фоне огромным выглядит чрезвычайный налог «за казачьи хлебные запасы» — 2629,96 руб.³² В целом исполнение населением тяглых обязанностей не вызвало затруднений. Все подати уплатили в срок и практически в полном объёме, недоимки по сошному окладу (5,99 руб.) зафиксированы только с дворцовых сёл, розданных в поместья. Недобор таможенных пошлин по Шуйскому городку составил 2,16 руб., а кабацкой прибыли собрали меньше на 470,33 руб.³³

Более детально структуру государственных доходов с Вологодского уезда позволяет рассмотреть сметный список 1627/28 г.³⁴ Сошный оклад с посада и уезда со всеми оброчными платежами и наддачами составлял 890,19 руб., из которых 331,77 руб. приходились на Вологду. Более трети из них составил оброк с городских бань (134,57 руб.), а оклад тяглого населения остался прежним (94,51 руб.). Среди доходов с уезда наибольшая доля принадлежит оброку с рыбных ловель (232,33 руб.) и сошному окладу (204,90 руб.). Главными, как и прежде, оставались таможенные и кабацкие деньги, составившие 90,4%. Всю кабацкую прибыль в размере 5022,11 руб. успешно собрали, сверх оклада «прибрали» 298,36 руб. Аналогичная картина наблюдается и с таможенными пошлинами. При окладе в 5555,67 руб. на таможе в Вологде и 17,16 руб. в Шуйском городке дополнительный «прибор» составил 257,69 руб. 1627/28-й финансовый год в экономическом отношении оказался благополучным, недоимки по всем статьям составили чуть более 3 руб.

К 1643/44 г. объём поступлений с Вологды увеличился почти вдвое — с 11724,98 до 22553,93 руб. Распределение этой суммы по отдельным статьям дохода ярко характеризует значение Вологды как крупнейшего торгово-промышленного центра Русского Севера. Доля таможенных (10878,61 руб.) и кабацких (10136,82 руб.) доходов составила 92,2%. Всего на Вологду приходилось 21779,25 руб. — 96,6% всех доходов, а на уезд лишь 3,4% — 774,68 руб.³⁵ Структура вологодских доходов первой половины XVII в. и их значительный — почти в 4 раза — рост являются свидетельством устойчивости социально-экономического развития и эффективности функционирования административно-финансовой системы.

Великий Устюг с развитой торговой инфраструктурой и выгодным географическим положением и Устюжский уезд с развитым земледельческим производством занимали в Центральном Поморье третье место по размерам доходов. В 1620-х гг. в городе насчитывалось 203 лавки и амбара, 13 харчевен, 47 кузниц. По описанию 1623—1626 гг. в Устюге зафиксировано 826 дворов, из них 689 посадских (13 лучших, 92 средних, 278 молотчих и 306 худых). В уезде было 7087 дворов, из них 5882 крестьянских³⁶. В 1620/21 г. общий оклад посада и уезда составил 8666,97 руб. На Устюг приходилось 3145,71, на уезд — 5521,26 руб. Структура доходов не вполне традиционна для уезда с крупным городом во главе. Во-первых, доля доходов уездного центра составила только

³² Столь незначительные размеры доходов связаны с тем, что Вологодский уезд, где к концу первой четверти XVII в. практически исчезло черносошное землевладение, был выведен из-под административно-финансового управления Новгородской четверти (История северного крестьянства. Т. 1. Архангельск, 1984. С. 175—176).

³³ ПРК-2. С. 28—39.

³⁴ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 1, л. 378—393.

³⁵ Там же, кн. 29, л. 57—70 об.

³⁶ *Богословский М. М.* Земское самоуправление... Т. I. С. 118—122.

36,3%. Во-вторых, довольно скромны размеры кабацкой прибыли и таможенных сборов — в Устюге соответственно 1 879,09 и 977,68 руб., в уезде — 497 и 112,18 руб., — что составило только 40% от всех доходов. Более половины поступлений составил сошный оклад уезда 4 679,33 руб. Наибольший размер сошного оклада и оброчных платежей приходился на Сухонский (386,84 руб.), Ярокурский (205,42 руб.), Комарицкий (713,85 руб.) станы, Уфтюжскую (215,22 руб.) и Черевковскую (360,90 руб.) волости. Таможенную пошлину собирали в Луженской, Черевковской и Пермогорской волостях (112,18 руб.), а кабацкую прибыль в 20 станах и волостях (497 руб.). В большинстве кабаков уезда сбор не превышал 20–30 руб., только в Черевковской и Пермогорской волостях он составлял 97,35 и 73 руб. соответственно³⁷. Бюджетные параметры на 1626/27 г. в смете доходов и расходов Устюжской четверти довольно лаконичны. Общий объём доходов составил 19 321,87 руб., из них 56,7% (10 949,09 руб.) приходилось на таможенные и кабацкие доходы. Соответственно на сошный оклад и оброчные платежи с хозяйственных объектов посада и уезда — 5 917,89 руб. и около 2 454,9 руб. за стрелецкие хлебные запасы³⁸. Только к 1643/44 г. структура доходов с Устюга Великого и уезда приобрела традиционную для крупных посадов форму. Из 21 256,52 руб. общих доходов 61,1%, или 12 987,88 руб., приходились на посад, а 8 268,64 руб. — на уезд. Сошный оклад с посада составлял 404,46 руб., таможенные сборы — 5 034,31 руб., 7 549,11 руб. — кабацкая прибыль. В уезде ситуация была иной, наибольший доход — 5 304,5 руб. — давал сошный оклад, кабацкая прибыль составляла 2 618,55 руб., таможенные сборы — 345,59 руб.³⁹

Поступательное и устойчивое развитие на протяжении первой половины XVII в., судя по бюджетным показателям, демонстрировала и Соль Вычегодская с уездом. Динамика роста общей прибыли такова: в 1620/21 г. — 4 492,31 руб., в 1627/28 г. — 7 643,22, в 1643/44 г. — 9 236,66 руб. В 1620/21 г. на посад приходилось 1 912,84, на уезд — 2 579,48 руб. В Соли Вычегодской главной статьёй доходов являлась кабацкая прибыль — 1 186,62 руб., затем следуют таможенные сборы — 482,2 руб., а также сошные и оброчные сборы — 244,02 руб. В уезде соотношение обратное: 2 121,91 руб. составил сошный оклад и оброчные платежи, 328,24 руб. — кабацкие деньги и 129,33 руб. — таможенные пошлины. Кабацкую прибыль, кроме посада, собирали в Лальской и Вилегоцкой волостях, а таможенную — в семи волостях (наибольший оклад — 218,79 руб. — был в Лальской волости)⁴⁰. На 1627/28 г. все сборы выросли в 1,7 раза, более половины их дали таможенные и кабацкие сборы. Из 3 582,5 руб. четвертных доходов 2 531,1 составили сошные и оброчные, 1 051,4 — деньги за стрелецкие хлебные запасы⁴¹. Ещё больший разрыв между доходами, собираемыми с посада и уезда, наблюдался в 1643/44 г. Доходы с Соли Вычегодской составили 5 309,17 руб. (57,5%), с уезда — 3 927,49 руб. Как и прежде, структура доходов на посаде и в уезде оказалась диаметрально противоположны. Главными статьями на посаде являлись кабацкая прибыль (3 540,78 руб.) и таможенные пошлины (1 544,47 руб.), а в уезде — сошный оклад (2 644,01 руб.). Большую часть кабацкой прибыли (713,92 из 965,01 руб.)

³⁷ ПРК-2. С. 335–355.

³⁸ РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 26 (1626 г.), л. 56–60, 92.

³⁹ Там же, ф. 137, оп. 1, Суздаль, кн. 2, л. 138–204 об.

⁴⁰ ПРК-2. С. 355–375.

⁴¹ РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 26 (1626 г.), л. 60–62.

и половину таможенных доходов (168,08 из 318,47 руб.) собрали в Лальской волости⁴².

Тотьма являлась одним из крупных центров солеварения Русского государства. В Смутное время город и уезд пережили два значительных разорения — в январе 1613 и ноябре 1618 г. По подсчётам П.А. Колесникова, из 50 запустевших с 1600 по 1620 г. посадских дворов 36 сгорели во время этих набегов, тогда же погибли 22 дворовладельца. В 1625 г. на посаде Тотьмы имелось 229 дворов (131 посадский, 3 бобыльских и 7 оброчных), в 1646 г. — 245 дворов, из них 236 тяглых. В Тотемском уезде в 1620-х гг. насчитывалось 2593, в 1640-е гг. — 2255 дворов⁴³.

В 1620/21 г. основные компоненты казённых доходов по Тотьме оказались примерно равны: из 2354,44 руб. общего оклада 824,02 составила кабацкая прибыль, 738,21 — таможенные пошлины и 791,21 руб. — сошные и оброчные платежи⁴⁴. Кризис, вызванный разорением Смутного времени, был быстро преодолен. В 1627/28 г. совокупный сбор увеличился более чем вдвое и достиг 5188,06 руб. Значительно, до 3604,93 руб., выросли таможенные и кабацкие доходы. Сошный оклад и оброчные платежи с посада и уезда составили 1118,57, а стрелецкие хлебные запасы — 464,57 руб.⁴⁵ Сокращение сельского населения Тотемского уезда к середине XVII в. сказалось на структуре бюджетных доходов. В 1643/44 г. они упали до 3228,05 руб., большую часть из них составили сборы с посада — 2245,39 руб. Показатели уезда на этом фоне довольно скромны. Основная их доля принадлежит сошным и оброчным платежам — 856,92 руб., таможенных пошлин собрали всего 7,23 руб., кабацкой прибыли — 118,51 руб.⁴⁶ Снижение доходов в Тотьме и уезде вызвало озабоченность правительства. Воевода И. Малыгин провёл сыск, выявивший на посаде Тотьмы и в уезде более 300 жилых дворов, прежде числившихся пустыми. С 1634/35 по 1643/44 г. с них накопилось более 4575 руб. доимочных сошных денег, которые предписывалось взыскать в течение пяти лет.

Сравнительно небольшой регион в центральной части Русского Севера, отличавшийся самобытным характером с ярко выраженными формами и традициями земского самоуправления, сохранившимися с середины XVI в., представляли собой Устьянские волости. Здесь во второй половине 1630-х гг. было 271 селение с 1357 жилыми дворами (1280 принадлежали крестьянам). К 1645/46 г. количество поселений выросло до 293, а дворов — до 1977. Во многом это стало следствием уникальной социально-экономической ситуации, особенно в области налогообложения. До середины XVII в. размер сошного оклада здесь определялся «по сотной грамоте с писцовых книг... лета 7073-го года», т.е. итогами описания 1564/65 г.⁴⁷ Сюда правдами и неправдами переселялись крестьяне из других регионов, особенно из Тотемского уезда, где наблюдался значительный рост налогового бремени. Местным властям при-

⁴² Там же, ф. 137, оп. 1, Суздаль, кн. 2, л. 205–274 об.

⁴³ Колесников П.А. Город Тотьма в XVII веке (к вопросу о социально-экономической истории русского поморского города) // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2001. С. 14–16; Богословский М.М. Земское самоуправление... Т. I. С. 122, 129.

⁴⁴ ПРК-2. С. 375.

⁴⁵ РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 26 (1626 г.), л. 62–64.

⁴⁶ Там же, ф. 137, оп. 1, Суздаль, кн. 2, л. 275–344.

⁴⁷ Там же, ф. 1209, кн. 15038, л. 3–63 об., 65–72 об.; ф. 137, оп. 1, Суздаль, кн. 2, л. 345; Колесников П.А. Северная деревня... Табл. 6. С. 78.

ходило принимать меры по возвращению беглецов, которые «розбежались врознь, в Важский уезд и в Устьянские волости, з женами и з детьми, и со всеми животы»⁴⁸. В 1620/21 г. общий оклад всех Устьянских волостей составлял 839,05 руб., в том числе 388,1 руб. за «сибирские хлебные запасы, что им в сибирские города не возить»⁴⁹. С 1622/23 г. по «государеве жаловальной грамоте... Устьянских волостей крестьяном велено платить всяких четвертных доходов по тысяче по пятнатцать алтын на год». В смете доходов и расходов Устюжской четверти за 1626/27 и 1643/44 гг. указана именно эта сумма – 1000,45 руб., её платили ежегодно без недоимок⁵⁰. Можно говорить о стабильном социально-экономическом положении в Устьянских волостях в тот период.

В состав Восточного Поморья входили четыре уезда – Кеврольский, Мезенский, Пустозерский и Яренский, объединенные в три административно-финансовых округа (Кеврольский и Мезенский уезды входили в один округ). Кеврола и Мезень являлись земледельческими районами, они лежали в стороне от основных торговых путей⁵¹. В 1620/21 г. общий сошный оклад по двум уездам составил 1063,05 руб. Наибольший размер оклада был по Кевроле (278,28 руб.), Чаколе (156,07 руб.) и Мезени (153,77 руб.). Практически половину всех доходов – 1267,02 руб. – составляли таможенные и кабацкие сборы. Кабацкую прибыль собирали в Кевроле и Печенге (136,96 руб.) и на Мезени (875,23 руб.), а таможенные пошлины – только в Кевроле (254,82 руб.). Обременительными для населения восточных уездов оставались сборы за «казачьи хлебные запасы». Их оклад на 1620/21 г. увеличили с 90 до 100 руб. с сохи, и он достиг 418,16 руб. С Мезенского уезда собирали также десятинный сбор за морской и пушной промысел – в денежном эквиваленте 35,2 руб. Общий объем всех доходов, взимаемых с Кевролы и Мезени, равнялся 2781,45 руб.⁵² К 1627/28 г. все показатели доходной части значительно выросли. Сошный оклад с Кеврольского уезда составил 1313,58, с Мезени – 354,55 руб. До 169,02 руб. вырос размер десятинного сбора. Вместо казачьих собирали стрелецкие хлебные запасы – 483,75 руб. Появилась новая натуральная повинность – сбор и отправка хлеба в Архангельск на жалованье служилым людям. Из 4873,53 руб. более половины оклада составили кабацкая прибыль (1944,07 руб.) и таможенные сборы (763,79 руб.). В середине 1640-х гг. общий объем сборов несколько уменьшился, изменилась и их структура. Сократился до 1637,39 руб. размер сошного оклада и выросли до 3063,87 руб. таможенные и кабацкие сборы⁵³.

Яренский уезд по финансовым параметрам и вкладу в казну занимал второе место в Восточном Поморье⁵⁴. В 1620/21 г. общий объем доходов по окладу составил 1598,01 руб., из них на таможенные сборы приходилось 359,49, кабацкие – 312,41 руб. Их собирали с двух посадов – Яренска и Турьи. Из 891,91 руб. сошного оклада на долю «казачьих хлебных запасов» падало

⁴⁸ Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. М., 2012. С. 295.

⁴⁹ ПРК-2. С. 377.

⁵⁰ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Суздаль, кн. 2, л. 345–354 об.; ф. 141, оп. 1, д. 26 (1626 г.), л. 64–65.

⁵¹ Мацук М.А. Фискальная политика... С. 71–83, 130–131, 136–137.

⁵² ПРК-2. С. 260–269.

⁵³ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 153–229 об.; кн. 29, л. 148 об.–149.

⁵⁴ Мацук М.А. Взимание с черносошного крестьянства Яренского уезда четвертных налогов (конец XVI–XVII вв.) // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России XVII–XVIII вв. М., 1983. С. 5–25.

409,38 руб.⁵⁵ К 1627/28 г. экономическое состояние уезда значительно улучшилось, общий размер сборов вырос до 2730,4 руб. Сошный оклад с посада и уезда составлял 495,34 руб., стрелецкие хлебные запасы — 368,44 руб. Более чем в 2,5 раза увеличились таможенные и кабацкие сборы (до 946,58 и 827,28 руб. соответственно). О социально-экономическом благополучии Яренского уезда в тот период свидетельствует не только отсутствие недоимок по платежам, но и существенный «прибор» кабацких денег (178,2 руб.)⁵⁶. К середине XVII в. темпы социально-экономического развития Яренского уезда замедлились, хотя структура доходов оставалась примерно прежней. Из 2602,98 руб. годового сбора примерно две трети составили таможенные и кабацкие сборы (1819,02 руб.), остальные 783,97 руб. — окладные и неокладные статьи дохода⁵⁷.

Пустозерский уезд располагался на северо-восточной окраине Русского Севера. По численности населения и хозяйственной активности он занимал последнее место. Вся хозяйственная жизнь протекала в трёх населённых пунктах — Пустозерске, Усть-Цылемской и Ижемской слободах⁵⁸. Положительная динамика доходов имела место только между 1620 и 1628 гг. — с 604,04 руб. сборы выросли до 762,97 руб., а затем к 1644 г. упали до 475,66 руб. Основными статьями доходов были таможенные и кабацкие сборы, укладывающиеся в общую динамику. В 1620/21 г. они составляли 410,28 руб., в 1627/28 г. выросли до 588,74 руб., а в середине 1640-х гг. снизились до 377,52 руб. Об уровне развития земледелия в уезде говорит размер оклада за казачьи хлебные запасы: в 1620/21 г. он составил всего 25 руб. при нормативе 100 руб. с сохи. Но и этот небольшой сбор не смогли взыскать в полном объёме: в доимке числилось 8,34 руб.⁵⁹ К середине XVII в., судя по росту недоимок, проявились кризисные явления. Ярким примером служит ситуация со сбором сошного оклада на 1643/44 г. (97,24 руб.): доимка по нему составила 86,34 руб.⁶⁰

Вятская земля после ликвидации Сибирского ханства превратилась из окраины Московского государства в связующее звено между центральными, поморскими и сибирскими уездами. С конца XVI в. началось активное заселение и освоение края, продолжившееся и в XVII в. На протяжении первой половины XVII в. ведущую роль в социально-экономической жизни Вятки играл Хлынов⁶¹. В 1620/21 г. доход с посада и уезда без учёта податей и повинностей, размер которых указан для всей Вятки, превышал совокупный доход остальных четырёх вятских городов примерно на треть — 3221,02 против 2243,77 руб. Самой значительной статьёй дохода являлась кабацкая прибыль (1625,22 руб.). Таможенные доходы на её фоне выглядят скромно — всего 215,78 руб. Сошный оклад был значительным — 589,8 руб., ещё 478,03 руб. составляли оброчные платежи с торгово-производственных заведений и хозяйственных угодий. В 1620/21 г. выполнение тяглых обязательств, кроме кабацкой прибыли (недоимки достигли 169,09 руб.), не вызвало затруднений. Остальные вятские города с уездами выстраиваются по размеру дохода следующим образом: Слободской (1268,31 руб.), Орлов (471,29 руб.), Котельнич (370,69 руб.) и Шестаков

⁵⁵ ПРК-2. С. 289–292.

⁵⁶ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 497–508.

⁵⁷ Там же, кн. 29, л. 195–200 об.

⁵⁸ Мацук М.А. Фискальная политика... С. 90–92, 131, 140.

⁵⁹ ПРК-2. С. 322; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 716–733 об.; кн. 29, л. 235–241.

⁶⁰ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 29, л. 235–236.

⁶¹ Мацук М.А. Фискальная политика... С. 105–108, 135–135, 143–146.

(133,47 руб.). На все пять посадов Вятки с уездами пропорционально сошному окладу распределялись подати за казачьи хлебные запасы — 2409,06 руб., за пермское ямское строение — 1000 руб., за выдельный хлеб — 304,74 руб. Значительную сумму — 619,33 руб. — в виде оброчных платежей взимали с коринских татар и коринских, верхнечепецких и лекомских остяков. Всего с Вятки по окладу предполагали собрать 9797,91 руб.⁶²

С 1627/28 до 1643/44 г. наблюдается некоторое снижение доходов с 10764,97 до 10387,77 руб. Но более существенным является изменение структуры этих доходов. Более чем в два раза увеличились таможенные и кабацкие сборы (с 3215,03 руб. до 6709,16 руб.). Изменилось и соотношение между этими двумя главными статьями дохода — в двух ведущих городах Вятки таможенные сборы росли, в то время как кабацкие падали. В Хлынове в 1627/28 г. сбор таможенных пошлин по сравнению с 1620/21 г. вырос с 215,78 до 623,46 руб., а кабацкая прибыль снизилась с 1625,22 до 1276,81 руб. В Слободском наблюдалась аналогичная картина: таможенная пошлина увеличилась с 71,07 до 221,02 руб., кабацкая — сократилась с 620,5 до 382,97 руб.⁶³

Размер сошного оклада в отдельных уездах Вятки говорит об уровне земледельческого освоения территории. Из 1498,96 руб. сошных и оброчных доходов на посад Хлынова приходилось 589,8, а на уезд — 478,03 руб. Во втором по экономическому потенциалу Слободском сошный оклад посада и уезда был в три раза ниже — 318,63 руб. В 1627/28 г. сохранились примерно те же суммы, взимаемые за пермское ямское строение — 1000 руб., стрелецкие хлебные запасы — 2522,29, с вятских татар и остяков — 633 руб. Остальные три вятских города с уездами — Орлов, Котельнич и Шестаков — на протяжении 1620–1640-х гг. демонстрируют относительно высокие темпы развития, по отдельным статьям в 2–3 раза, но в абсолютных цифрах они оставались гораздо скромнее Хлынова и даже Слободского. В 1627/28 г. общий объём доходов с Орлова составлял 703,48 руб., с Котельнича — 498,28, с Шестакова — 313,1 руб. В сметном списке 1643/44 г. даны лишь общие итоги по отдельным статьям дохода по всей Вятке⁶⁴. В целом социально-экономическая ситуация в Вятской земле, судя по трём хронологическим срезам, была стабильной, без резких колебаний, как например, в соседней Перми Великой.

Пермь Великая, юго-восточный округ Русского Севера, в первой половине XVII в. состояла из трёх уездов — Чердынского, Соликамского и Кайгородского. Чердынь в начале XVII в. была не только главным центром, но и наиболее освоенным регионом всей Пермской земли. Бюджетные параметры Чердыни и уезда в 1620/21 г. демонстрируют самые высокие показатели сошного оклада по юго-восточному округу⁶⁵, из 2454,98 руб. всех доходов на него приходилось 468,85. За казачьи хлебные запасы предполагали взять 800 руб. Размер оклада таможенных пошлин и кабацкой прибыли соответственно был 121,02 и 687,34 руб.⁶⁶ К 1627/28 г. сошный оклад посада и уезда сократился до 422,16 руб.; практически вдвое уменьшился оклад сбора московским стрельцам за хлебные запасы (с 1093,13 до 558,75 руб.). Это — явное свидетельство сокращения численности тяглого земледельческого населения.

⁶² ПРК-2. С. 278–289.

⁶³ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 376–496 об.; кн. 29, л. 183–194 об.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Мацук М.А. Фискальная политика... С. 117–121, 135, 154–157.

⁶⁶ ПРК-2. С. 269–273.

Традиционно значительными статьями дохода оставались кабацкая прибыль, выросшая до 1029,04 руб., и таможенные сборы — 99,43 руб. Общий доход (без учёта ясака) составил 2218,01 руб.⁶⁷ К середине 1640-х гг. он увеличился до 3068,17 руб. Темпы его роста значительно уступали не только Соли Камской, но даже Кайгородку. Сошный оклад с посада и уезда составил 437,94, а таможенные и кабацкие доходы — 2461,15 руб.⁶⁸ Хозяйственный кризис отразился и на численности населения. В Чердыни за вторую четверть XVII в. численность дворов сократилась с 304 до 147. Запустение уезда оказалось ещё значительнее — до 60%. По итогам переписи 1647 г. людей в Чердынском уезде насчитывалось 1204, пустых дворов и дворовых мест — 1217 (ранее там проживало 1796 человек)⁶⁹.

Соль Камская с уездом по общему объёму доходов уже в 1620/21 г. опережала Чердынь, но только за счёт сбора таможенных пошлин и кабацкой прибыли (417,57 и 1931,04 руб. соответственно). При этом сошный оклад с посада и уезда был значительно меньше (139,09 руб.), за казачьи хлебные запасы брали 200 руб.⁷⁰ Положительные тенденции хозяйственного развития посада и уезда подтверждают параметры дохода за 1627/28 г., составившего 3064,53 руб. В прежнем объёме сохранился только сошный оклад, на 52,65 руб. увеличились доходы с новых хозяйственных угодий, на 20,36 руб. с новых варниц. Более чем в два раза выросли таможенные доходы — до 876,05 руб., но несколько упали (до 1775,8 руб.) кабацкие⁷¹. Вторая четверть XVII в. по бюджетным и демографическим показателям посада и уезда характеризовалась бурным подъёмом. С 1627/28 по 1643/44 г. общий объём доходов вырос в три раза — до 9241,08 руб. О бурном росте экономики свидетельствуют выросшие почти в четыре раза (до 8602,61 руб.) таможенные и кабацкие доходы⁷². Свидетельством социально-экономического подъёма являются и демографические параметры. За 1620–1640-е гг. количество тяглых дворов в Соли Камской выросло с 375 до 530, а в уезде дворов стало больше почти в шесть раз (2304). Численность населения выросла почти в 16 раз (с 523 до 8305 человек). Причины упадка Чердыни и роста Соли Камской, к середине XVII в. обеспечивавшей почти две трети всех поступлений в казну с Перми Великой, вполне закономерны. С 1597 г. главный путь в Сибирь стал проходить через Соль Камскую, минуя Чердынь, что нанесло значительный экономический удар по положению последней. Пострадала Чердынь и в административном отношении: из неё в 1613 г. выделились в самостоятельные уезды Соль Камская и Кайгородок, а с 1636 г. она и вовсе попала под власть соликамских воевод⁷³.

Кайгородок в 1620/21 г. значительно уступал по объёму доходов как Чердыни, так и Соли Камской. При этом, судя по сошному окладу с посада и уезда

⁶⁷ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 310–331 об.

⁶⁸ Там же, кн. 29, л. 156–163.

⁶⁹ *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. III. Экономические очерки Перми Великой: Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI и XVII вв. Пермь, 1891. С. 6–7; Вып. II. Пермь Великая в XVII веке. Пермь, 1890. С. 46–47; *Смирнов П.П.* Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 65, 70.

⁷⁰ ПРК-2. С. 273–276.

⁷¹ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 333–341 об.

⁷² Там же, кн. 29, л. 164–174.

⁷³ *Дмитриев А.А.* Указ. соч. Вып. II. С. 46–47, 58–62; Вып. III. С. 111–123; *Смирнов П.П.* Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 70, 71.

(301,26 руб.) и окладу за казачьи хлебные запасы (200 руб.), он не уступал Соли Камской по степени хозяйственного освоения. При общем объёме доходной части в 963,43 руб. кабацкая прибыль составила 305,04 руб., а таможенные сборы — 118,53 руб.⁷⁴ К 1627/28 г. общий размер оклада вырос до 1320,83 руб., в то время как рост кабацких доходов оказался незначительным (до 343,11 руб.), при этом в три раза увеличились таможенные сборы. Сокращение размера сошного оклада до 226,77 руб. свидетельствует о сокращении тяглого населения. Наибольшей статьёй дохода по этому показателю стали стрелецкие деньги, собираемые по 90 руб. с сохи (всего 371,26 руб.). Судя по данным сметного списка 1643/44 г., в уезде значительно активизировалась торговая деятельность: более половины доходов составили таможенные пошлины (1052,62 из 1918,01 руб.). Большая часть доходов собиралась в самом Кайгородке (не менее 1500 руб.)⁷⁵. Бюджетные параметры 1620–1640-х гг. не очень согласуются с выводами П.П. Смирнова о том, что Кайгородок переживал сильный упадок, а убыль дворов с 1639 по 1646 г. составила 39,2%⁷⁶.

Так выглядит общий обзор финансовой жизни на Русском Севере в первой половине XVII в., а именно её важнейшего компонента — доходов государственной казны. При всех разночтениях в деталях, в целом общая картина представляется адекватной реальному соотношению социально-экономических параметров отдельных административно-территориальных и финансовых округов. Это позволяет провести их сравнительный анализ и выстроить своего рода государственный рейтинг как отдельных регионов, так и всех городов-уездов в пределах Русского Севера. Рейтинговый коэффициент регионов (табл. 1) определяется по сумме доходов всех уездов за 1643/44 г., начиная с наименьшего показателя — Восточного Поморья, где он составляет 1.

Рейтинговый коэффициент городов (табл. 2) составлен по сумме доходов на 1643/44 г., начиная с Пустозерского уезда с коэффициентом 1. Следует заметить, что рейтинг отдельных городов в середине XVII в. не всегда совпадает с их местом в 1620/21 или 1627/28 гг.

Таблица 1

**Бюджетный рейтинг регионов Русского Севера
в середине XVII в. (руб.)**

Регион	Доход	Рейтинг
Центральное Поморье	100680,58	13
Западное Поморье	19266,54	2,5
Пермь Великая	14227,26	1,8
Вятка	10387,77	1,3
Восточное Поморье	7761,90	1

⁷⁴ ПРК-2. С. 276–278.

⁷⁵ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 356–371; кн. 29, л. 174 об.–182 об.

⁷⁶ Смирнов П.П. Указ. соч. Т. 1. Вып. 2. С. 70.

**Бюджетный рейтинг городов Русского Севера
первой половины XVII в. (руб.)**

Административно-финансовый округ	1620/21	1627/28	1643/44	Рейтинг
Двина	28 254,48	36 458,80	43 404,97	91,4
Вологда	9 354,25	11 485,18	22 553,93	47,5
Устюг Великий	8 666,97	19 321,87	21 256,52	44,7
Пермь Великая*	6 348,51	6 630,37	14 227,26	30
Вятка	9 797,915	10 764,97	10 387,77	21,9
Соль Вычегодская	4 492,31	7 643,22	9 236,66	19,4
Каргополь*	6 444,90	8 026,85	9 235,65	19,4
Заонежские погосты**	—	—	6 177,03	13
Кеврола и Мезень*	2 781,45	4 873,53	4 701,26	9,9
Тотьма	2 354,44	5 188,06	3 228,05	6,8
Яренск	1 598,01	2 730,40	2 602,98	5,5
Кольский острог***	3 178,09	3 661,31	2 142,04	4,5
Чаронда	843,18	1 924,63	1 711,82	3,6
Устьянские волости	839,05	1 000,45	1 000,45	2,1
Пустозерск*	604,04	762,97	475,66	1

* В таблице не учтён оклад в натуральной форме.

** Данные за 1646/47 г.

*** Ефимки, собранные в виде таможенных пошлин, переведены в рубли из расчёта 0,45 руб. за ефимок.

Становление абсолютизма и бюрократизация государственной системы управления, трансформация социальной структуры общества, развитие товарно-денежных отношений и формирование всероссийского рынка во многом предопределили основные направления и темпы социально-экономического развития России XVII в., оказали влияние на формирование региональных особенностей. Необходимость упорядочивания общегосударственных институтов в управленческой сфере и сложность внешнеполитических задач стали объективной основой для роста бюрократической системы управления, усиления вооружённых сил и, как следствие, привели к значительному росту государственных расходов. В этих условиях в обеспечении государевой казны возросла роль

отдельных крупных регионов. Заметную роль во всех этих процессах, прежде всего в финансовой сфере, стал играть Русский Север, фактически превратившийся в крупного «донора» в Московском царстве на весь XVII в. Например, доходы Устюжской четверти в первой половине XVII в. на 80–90% обеспечивались пятью поморскими городами, и только на 10–20% – 17 замосковными.

Решающую роль в условиях постоянного роста налогового бремени стали играть города, приобретшие на Русском Севере ярко выраженные административно-финансовые и фискальные функции по исполнению государственного интереса в сфере бюджетных поступлений. Обеспечить эти потребности можно было только с помощью сильной воеводской власти и разветвлённой системы уездной приказной бюрократии. При всём многообразии социально-экономических параметров русского феодального города XVII в. и его региональных особенностях важнейшим критерием, в котором аккумуляровался весь демографический и хозяйственный потенциал самого города и уезда, являлся общий размер доходов и структура бюджета. Именно его следует считать объективным и главным критерием для определения социально-экономического рейтинга городов Русского Севера.

Таблица 3

Западное Поморье: бюджетный рейтинг

Административно-финансовый округ	Год	Доходы			
		четвертные	таможенные	кабацкие	всего
Каргопольский уезд	1620/21	4 205,9275	430,315	1 808,6575	6 444,9
	1627/28	3 695,8975	873,305	3 457,65	8 026,8525
	1643/44	2 885,105	6 350,545		9 235,65
Заонежские погосты	1646/47	5 039,5275	179,04	958,4575	6 177,025
Кольский уезд	1620/21	320,435 8 еф.	1 270,60 1 144 еф.	933,655	2 524,69 1 452 еф.
	1627/28	317,525 9 еф.	615,01 2 085,75 еф.	1 786,135	2 718,67 2 094,75 еф.
	1643/44	371,9575 9 еф.	1 440,5675 723,25 еф.		1 812,525 732,25 еф.
Чарондская округа	1620/21	752,53	90,65		843,18
	1627/28	1 720,855	78,8725	124,605	1 924,6325
	1643/44	1 408,1025	172,1125	131,6075	1 711,8225

Составлено и подсчитано по: ПРК-2. С. 292–307, 317–321, 378; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 524–620, 674–714; кн. 29, л. 201–210 об., 223–234 об.; кн. 34, л. 41–53 об.; оп. 1, Суздаль, кн. 2, л. 355–370 об.; ф. 141, оп. 1, л. 26 (1626 г.), л. 65–67.

Центральное Поморье: бюджетный рейтинг

Административно-финансовый округ	Год	Доходы			
		четвертные	таможенные	кабацкие	всего
Двинский уезд	1620/21	4 063,0275	18 193,225	5 998,2225	28 254,475
	1627/28	3 858,545	25 296,365	7 303,8925	36 458,8025
	1643/44	3 270,915	31 033,8325	9 100,2175	43 404,965
Вологодский уезд	1620/21	3 090,2425	3 192,8675	3 071,1475	9 354,2575
	1627/28	890,19	5 572,8225	5 022,105	11 485,1175
	1643/44	1 538,4925	10 878,61	10 136,8225	22 553,925
Устюжский уезд	1620/21	5 201,0275	1 089,855	2 376,0875	8 666,97
	1627/28	8 372,7875	10 949,085		19 321,8725
	1643/44	5 708,9625	5 379,895	10 167,66	21 256,5175
Сольвычегодский уезд	1620/21	2 365,9275	611,5275	1 514,855	4 492,31
	1627/28	3 582,4975	4 060,72		7 643,2175
	1643/44	2 867,935	1 862,9425	4 505,78	9 236,6575
Тотемский уезд	1620/21	791,2125	738,2125	824,0175	2 354,4425
	1627/28	1 583,1375	3 604,925		5 188,0625
	1643/44	943,2825	1 132,2575	1 152,505	3 228,045
Устьянские волости	1620/21	839,05	—	—	839,05
	1627/28	1 000,45	—	—	1 000,45
	1643/44	1 000,45	—	—	1 000,45

Составлено и подсчитано по: ПРК-2. С. 28–30, 250–260, 335–377; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 1, л. 375–454 об.; ч. 2, л. 36–148 об.; кн. 29, л. 57–70 об., 102–143 об.; оп. 1, Суздаль, кн. 2, л. 138–354 об.; ф. 141, оп. 1, д. 26 (1626 г.), л. 56–65.

Восточное Поморье: бюджетный рейтинг

Административно-финансовый округ	Год	Доходы			
		четвертные	таможенные	кабацкие	всего
Кеврольский и Мезенский уезды	1620/21	1 514,435	254,8225	1 012,1925	2 781,45
	1627/28	2 165,6775	763,785	1 944,07	4 873,5325
	1643/44	1 637,3875	3 063,8725		4 701,26

Яренский уезд	1620/21	926,115	359,49	312,405	1 598,01
	1627/28	956,545	946,575	827,28	2 730,40
	1643/44	783,9675	1 819,015		2 602,9825
Пустозерский уезд	1620/21	193,76	176,90	233,375	604,035
	1627/28	174,225	234,73	354,01	762,965
	1643/44	98,14	377,5175		475,6575

Составлено и подсчитано по: ПРК-2. С. 260–269, 289–292, 322; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 153–229 об., 497–522 об., 716–748 об.; кн. 29, л. 146–155, 195–200 об., 235–241.

Таблица 6

Вятка: бюджетный рейтинг

Административно-финансовый округ	Год	Доходы			
		четвертные	таможенные	кабацкие	всего
Хлынов с уездом	1620/21	1 380,025	215,775	1 625,215	3 221,015
Слободской с уездом		576,74	71,07	620,50	1 268,31
Орлов с уездом		266,2075	36,045	169,04	471,2925
Котельнич с уездом		189,845	39,82	141,025	370,69
Шестаков с уездом		62,5025	11,905	59,065	133,4725
С татар и остяков		619,33	–	–	619,33
За пермское ямское строенье		1 000	–	–	1 000
За выдельной хлеб		304,7425	–	–	304,7425
За казачьи хлебные запасы		2 409,055	–	–	2 409,055
Всего с Вятки		6 808,4475	374,615	2 614,845	9 797,9075
Хлынов с уездом		1627/28	1 830,155	623,4625	1 276,81
Слободской с уездом	760,405		221,02	382,9725	1 364,3975
Орлов с уездом	384,6075		100,84	218,035	703,4825
Котельнич с уездом	267,1225		111,315	119,8375	498,275
Шестаков с уездом	152,36		40,5475	120,19	313,0975
За пермское ямское строенье	1 000		–	–	1 000
Стрелецкие хлебные запасы	2 522,2925		–	–	2 522,2925
С татар и остяков	632,9975		–	–	632,9975
Всего с Вятки	7 549,94		1 097,185	2 117,845	10 764,97
Всего с Вятки	1643/44		3 678,6175	6 709,155	

Составлено и подсчитано по: ПРК-2. С. 278–289; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 378–483; кн. 29, л. 183–194 об.

Пермь Великая: бюджетный рейтинг

Административно-финансовый округ	Год	Доходы			
		четвертные	таможенные	кабацкие	всего
Соль Камская и уезд	1620/21	581,50	417,57	1931,035	2930,105
Чердынь и уезд		1646,6125	121,02	687,3425	2454,975
Кайгородок и уезд		539,865	118,53	305,0375	963,4325
Всего		2767,9775	657,12	2923,415	6348,5125
Соль Камская и уезд	1627/28	412,675	876,05	1775,8025	3064,5275
Чердынь и уезд		1089,535	99,43	1029,0425	2218,0075
Кайгородок и уезд		685,1575	319,565	343,1075	1347,83
Всего		2187,3675	1295,045	3147,9525	6630,365
Соль Камская и уезд	1643/44	638,4725	8602,61		9241,0825
Чердынь и уезд		607,025	2461,145		3068,17
Кайгородок и уезд		493,125	1424,8825		1918,0075
Всего		1738,6225	12488,6375		14227,26

Составлено и подсчитано по: ПРК-2. С. 269–278; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, ч. 2, л. 310–331 об., 333–341 об. 356–371; кн. 29, л. 156–182 об.

Девиантное поведение, лень, пьянство и наказание российского чиновника по материалам межевого делопроизводства второй половины XVIII в.

Алексей Голубинский

**Deviant behavior, laziness, drunkenness and punishment
of a Russian official based on the materials of the survey documentation
of the second half of the 18th century**

Alexey Golubinsky

*(Russian State Archive of Ancient Documents; Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S0869568722010071

С началом работ по Генеральному межеванию¹ образовался ряд новых социальных отношений, основными из которых стали связи землемер—землевладелец, землемер—государство, землемер—межевой персонал, землемер—общество². Незнание сравнительно нового технически, но чрезвычайно важного в имущественном плане действия провоцировало его участников на попытки улучшения его результатов и собственного быта альтернативными методами. Вследствие этого повседневная жизнь российских землемеров и канцелярских служителей межевого ведомства XVIII в. не обходилась и без разного рода преступлений. Исходное состояние напряжённости в земельной сфере иллюстрирует цитата из указа Елизаветы Петровны 1745 г.: «Какия своевольства и противности нашим указам при межевании наших земель от новгородских помещиков и монастырей учинены, и сколько при том людей безчеловечно перебито и переранено, в которых непотребных поступках не токмо мирские, но и монахи замешались»³. Как отмечают В.Б. Безгин и Д.П. Жеребчиков, «под влиянием модернизации конца XIX — начала XX в., когда ощущался динамизм социальных процессов, разрушение привычных норм социального контроля неизбежно приводило к количественному росту отклонений, их качественному изменению»⁴. Бесспорно, этот

© 2022 г. А.А. Голубинский

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Генеральное межевание — общегосударственное мероприятие по разграничению и описанию территорий — началось в 1754 г. и продолжалось до 1917 г. В ходе него были подготовлены около 600 тыс. планов земельных владений, созданы текстовые описания, отразившие специфику ландшафта, расселения, дорожной сети, демографии и истории владений. В результате появились обобщённые по единой программе уездные и губернские карты и атласы, был сформирован комплекс городских планов.

² *Афанасьев В.* Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 70.

³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елисаветы Петровны. Т. II. 1744—1745 гг. СПб., 1907. С. 436.

⁴ *Безгин В.Б., Жеребчиков Д.П.* Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Modern Research of Social Problems. 2015. № 5(49). С. 191—192.

тезис справедлив и для первой половины XVIII в., что показано, в частности, в работе Д.О. Серова⁵.

В своё время я пришёл к выводу о преобладании такого типа преступления, как неотдача денег по векселям (22 случая за 1780–1789 гг.)⁶. Хотя в ряде случаев этот вид нарушения вкупе с другими влёт за собой печальные для землемера и его карьеры последствия⁷, в данном исследовании ставится задача рассмотреть и иные виды противоправной деятельности в первые годы Генерального межевания. Дела подобного рода рассматривались на заседаниях Межевой канцелярии, получавшей от межевых контор информацию о правонарушениях, требовавших беспристрастного судебного решения. Высшей судебной инстанцией, куда попадали дела о проступках землемеров, являлась Межевая экспедиция Сената.

Повседневность межевания, в том числе и проступки, до настоящего времени в историографии практически не рассматривались⁸. Исследователь может опираться лишь на историографию, посвящённую повседневности чиновничества как такового, в том числе и его девиантного поведения⁹. Обуславливала это специфика проведения межевого процесса – землемер фактически не имел постоянного места пребывания, живя в атмосфере циклического физического и морального напряжения. Полевой межевой процесс ограничивался лишь тёплым временем года; в остальное же время он занимался оформлением планов. В известной степени именно эта повседневность и становилась причиной криминальных поступков землемера – иллюзия безответственности, вызываемая сменой места жительства, взаимодействие с постоянно изменявшимся кругом людей, за исключением собственной землемерной команды, усталость – всё это провоцировало землемера на совершение противоправных действий. В зимнее время, когда землемер разбирал «полевые записки» и на их основе составлял готовые планы, его жизнь напоминала быт военного, вынужденного обитать на выделяемых местным купечеством квартирах, без семьи, без постоянного дружеского круга. Отпуска предоставлялись землемерам не каждый год,

⁵ Серов Д.О. Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.

⁶ Голубинский А.А. Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок Генерального межевания. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 72–73.

⁷ РГАДА, ф. 1294, оп. 2, д. 3709, л. 1–1 об.

⁸ Исключение составляет исследование А.Б. Каменского (*Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. М., 2006. С. 341–356*). В современной историографии эти вопросы обойдены стороной (См.: *Clergeot P. Aux origines du cadastre général parcellaire français. Proceedings. Ecole National de Sciences Géographiques (ENSG) and IGN. Marne la Vallée, Paris, April 13–17, 2003* (URL: http://figs1.fig.net/resources/proceedings/fig_proceedings/fig_2003/PS_1/PS1_2_Clergeot.pdf. Дата обращения: 27.09.2021); *El Catastro de Ensenada: magna averiguación fiscal para alivio de los vasallos y mejor conocimiento de los reinos: 1749–1756. Madrid, 2006*).

⁹ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 3. С. 121–139; Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49; Павлова Д.С. К вопросу о злоупотреблениях чиновников местных финансовых учреждений в последней четверти XVIII – первой половине XIX века (на материале Верхневолжских губерний) // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3(60). С. 208–213; Малкова Н.Г. К вопросу о причинах взятничества чиновников в России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. № 3(71). Ч. 1. С. 116–120; Пашков Е.В. Пьянство в России конца XIX – начала XX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 164. С. 25–32; Шенелёв Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX века. М., 1999.

длительность их не превышала, как правило, 29 дней. С учётом длительности перемещений, времени на семейную жизнь фактически не оставалось.

Землемер был подсуден нескольким организациям. Если участниками судебного процесса оказывались сотрудники городских администраций, землемеры попадали под разбирательство «фергер и кригсрехта» — военного суда; окончательное решение находилось в компетенции сенатских органов власти¹⁰, любая мера пресечения обязательно рассматривалась и подтверждалась Межевой экспедицией.

Деятельность землемера была узкоспециализированной, и в его отношении принцип соразмерности и однотипности наказания содеянному мог использоваться лишь относительно. Землемерная практика не подразумевала приёма незаконных взяток от землевладельцев, так называемых акциденций (существовала практика взятия платы за приложение печати, за гербовую бумагу, за оформление выкупленной земли и т.д., но деньги никогда не адресовались землемеру лично); вся система проведения межевого процесса настраивалась на максимальную прозрачность и минимальное взаимодействие межевщика и землевладельцев.

Изучение делопроизводственной документации дало возможность проследить специфику самих девиантных поступков. Обычными видами криминального поведения были невозвращение денег по векселям, пьянство и взяточничество (что, впрочем, справедливо и в отношении чиновничества в целом)¹¹. Специфическими формами преступлений являлись неправильно проведённое межевание, доносы по неправильному межеванию, фальсификация меж. Порядочность землемерных кадров при приёме на работу неоднократно становилась объектом законодательства, где неисполнение служебных обязанностей сравнивались с нелояльностью к правящему монарху¹².

Мелкие размолвки были на меже нормой, они даже часто не влекли развёрнутого делопроизводства и внушительного наказания. Например, не получило развития заявление, что «поверенной полковницы Анны Лукинишны Шишковой слугитель Андреян Федоров... не имея смежности госпожи ево дач, в шумном озарте останова ево (землемера. — А.Г.) вдруг, начал грубо говорить и азартным образом... будто он, землемер, межевание производит несправедливо... [и] будто бы сие межевание производится все пустое»¹³. Сравнительно мягко пресекалось использование служебного положения в личных и семейных целях, в том числе и для сравнительно высокопоставленных членов межевых контор. Так, выяснилось, что 1-й член Тульской межевой конторы барон Дельвиг «межевал в чужой дистанции дачу свойственника своего... бес поверенного», за что «означенному барону Дельвиху за предписанной непорядок сказать репреманд (выговор. — А.Г.)». Фиксировались прогулы: «копеист... без позволения отлучился... а второи... в непозволенной отлучке был пять дней.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 17. С. 579; Акишин М.О. Военно-судебная реформа Петра Великого // Меншиковские чтения. 2016. № 7(17). С. 11–32. В целом функционирование военных судов середины XVIII в. ассоциируется в историографии с петровским временем (Петухов Н.А. История военных судов в России. М., 2003; Григорьев О.В. Генезис органов судебного правосудия (середина XVI — начало XXI вв.) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 9–12).

¹¹ ПСЗ-1. Т. 18. С. 682–683. Благодарю А.В. Антонова за указание на данный материал.

¹² Там же. Т. 17. С. 579–580, 717; Пулькин М.В. Девиантное поведение в XVIII — начале XX в. // Культурно-историческая психология. 2008. Т. 4. № 2. С. 84–90.

¹³ РГАДА, ф. 1294, оп. 2, д. 6393, л. 1.

приказали... в страх другим наказать палками». Названные правонарушения находились в ведении межевых контор¹⁴.

Более серьёзные правонарушения (или случаи рецидива) относились к рассмотрению Межевой канцелярии, причём это касалось и временно переданных в её ведение лиц, например, солдат, охранявших землемерную партию. Так, она зафиксировала случай, когда «Глуховскаго баталиона солдат Иван Казлов сего июля 16го числа незнаемо куда самоволно от команды отлучился и снес с собою казенных вещей: шляпу, кафтан, камзол и штаны с пуговицами, тесак с портупей и пряжкой, после коего из вещей ружье без трешетки и пыжевника не имеетца»¹⁵. Это была лишь «верхушка айсберга» — пойманный солдат сознался, что руководитель его партии заставлял его избивать местных купцов, чтобы, в частности, безденежно топить бани и предоставлять дрова для отопления¹⁶.

Многочисленные случаи пьянства землемеров иногда описывались в документах Межевой канцелярии красочно, подробно, с вводными и назидательными включениями. Новгородская межевая контора отправила в Межевую канцелярию донесение, свидетельствовавшее, что «состоящие во оной канторе секретари Иван Прокофьев, Николай Матвеев, будучи худого и пьяного поведения, возложенныя на них дела никаким порядком не исправляют, как генеральной регламент и подтвердительныя сенатския указы повелевают, но упражняются во всегдашнем пьянстве и лености, отлучаются часто по немалому времени от своих должностей и приводят дела в существительное запущение, за что от перваго сей канторы члена неоднократно в присутствии оным секретарем чинены были выговоры»¹⁷.

На грани (или за гранью) корректности делопроизводства лежат случаи незначительных для второй половины XVIII в. несовпадений ожидаемой площади земельных владений и реальной. Не исключено, что при пассивной позиции землевладельца или поверенного описанные ниже случаи вполне могли пройти незамеченными. С первыми же сигналами о недостоверности межевания Межевая канцелярия пыталась по возможности тщательнее проводить верификацию создаваемых планов и заботилась о корректировке материалов: «Предоставленной от землемера прапорщика Огорокова деревням хутору Золотову с протчими владения гвардии капитан порудчика Петра Егорова сына Пашкова по поверке ево оказалось против прежняго свидетельства разницы в неудобности четыре десятины две тысячи сто восемь сажень, удобной же земли количество согласно с первым показанием, причём и тот план с межевою и поданной от землемера Веничанского с подписанием прапорщика Огорокова репорт представил. Приказали оные репорты и план с книгою отдать в повытье и оказавшуюся неверность внести в сочиняемую по тому делу выписку, а как оной землемер во учиненной им на оном плане переправке находится под следствием»¹⁸.

Сравнительно лояльно межевые власти относились к замене землемеров на учеников (даже не помощников). Как и в предыдущем случае, если бы не принципиальная позиция отводчика, представляется, что подобная замена

¹⁴ Там же, д. 4126, л. 4; ф. 1321, оп. 6, д. 2087, л. 145, 155.

¹⁵ Там же, ф. 1294, оп. 2, д. 4036, л. 1.

¹⁶ Там же, л. 5.

¹⁷ Там же, д. 4070, л. 1–1 об.

¹⁸ Там же, д. 3932, л. 1.

осталась бы незамеченной. Об этом свидетельствует номинальное наказание за упущение: «Бывшаго пошехонского землемера прапорщика Масленицкаго помощник сержант Белоусов репортом прописывал, что за болезнью ево послан был ученик Наум Семенов в Пошехонской уезд в село Одинцово... сам владелец подпорутчик Иван Федоров сын Ахматов, явясь, для учинения вышеписанного отводу ево не допустил и с межи согнал, и называл ево партией пугачевой, и хотел изрезать в кусье, и притом говорил: у нас де при размежевании партий не имеетца, в чем и засвидетельствовано бывшими при том понятыми сторонними людьми». По итогам дела в Костромскую межевую контору послали указ с предписанием, «что на место землемера Масленицкаго определен другой землемер, следовательно, для принятия предписанного спора и надлежало быть землемеру или за болезнью ево самому помощнику Белоусову, не командирова ученика Семенова, а для того канторе подтвердить, чтоб на межу для отводу земель по писменным от землемеров приказать, в случае их болезней выходили сами помощники, а учеников никогда не посылали под опасением неупустительного штрафа»¹⁹.

Воздействие на проштрафившихся землемеров и сотрудников контор осуществлялось и способом временного понижения в должности. В одном из документов Межевой канцелярии описан случай борьбы с пьянством через заключение канцеляриста в здании межевой конторы и временное понижение в должности до подканцеляриста. Характерного для других дел указания на арест нет. Примечательно, что воспитательное значение наказания было направлено не только на других служащих канцелярии, но и на него самого. Так, канцелярист Алексей Куров данную для переписки ведомость о продажных землях не переписал, «отзываясь тем, будто был он болен, но о болезни своей он знать никому не дал и по посылкам в ево квартиру апреля 3 и 4 числ не сыскан, сей же день в присутствии представлен был, но болезни в нем никакой не примечено, а усмотрена на глазах опухоль, которая, как видно, произошла не от болезни, но от непрерывного пьянства, следственно и порученного ему не исполнил он единственно от лености и нерадения». В наказание Курова за леность и пьянство «в страх другим, равно чтоб и сам он мог впредь от того воздержаться, написать до усмотрения в подканцеляристы, и чтоб ево от пьянства воздержать, для того держать ево в канцелярии неделю и для исполнения в выше и к экзекуторским делам дать с сего копии»²⁰.

Делопроизводство землемера А.А. Унковского сосредоточило в себе сразу несколько описаний вымышленных и реальных правонарушений: «деревни... Тетевинной сначала произведен был спор, а наконец с обеих сторон поверенные развелись полюбовно, и подали ко мне полюбовную скаску, по которой... межа утверждена с поставкою белых столбов, но без повереннаго... а по утверждению той межи оная скаска по приезде моем на станцию отдана была для приобщения к делу команды моей помощнику Анофриеву, он Анофриев, в самое то ж время и при мне не знаемо для чего ту скаску изорвал... отняв у него изорванную скаску, спросил, по какому резону он то зделал, на что он мне отвечал, для того-де, что ты не знаешь, о чем к тебе пишет господин первой член и не разумеешь-де, что делать надлежит, похваляясь притом, что будто межевание препоручено ему, Анофриеву, а не мне; и для того то он меня ни во что не по-

¹⁹ Там же, д. 3917, л. 1–2.

²⁰ Там же, д. 3904.

читает, а что захочет, то будто и зделает... господин первой член подполковник Ваксель не объявил об вине моей никакой канторской резолюции, приказал токмо словесно, орестовав, держать меня за караулом, давая только хлеб и воду трой сутки, в которые я безвинно так и содержался... но что он, господин подполковник Ваксель, выступя из благопристойности, приказал ему... взяв меня, проговоря притом как сущаго злодея, посадить в пустой сарай, где к поруганию был содержан два часа». Землемер, описавший свою службу как беспорочную, жаловался Межевой канцелярии на самоуправство подчинённого и немилость первого члена межевой конторы; всё это осложнилось непростым прохождением межи, уничтожением полевой записки и межевых знаков, вмешательством его знакомого, бежавшего из другой межевой конторы. При разборе деятельности землемера начали выясняться нестыковки в его показаниях. В частности, послали солдата «осмотреть столбы, на которых местах столбов не имеется». От первого члена конторы В.С. Вакселя пришла совсем нелестная трактовка работы землемера: «Межеваемые вами дачи в свяске фигур оказываются неверными, для поверки которых сами не ходит и показанному помощнику запрещается, грозя за то бить палками». Дело перешло в разбирательство Межевой канцелярии, приказавшей произвести почерковедческую экспертизу разорванного полюбовного развода (Утверждения межи по взаимному согласию. — А.Г.) («полюбовный развод... подлинно ль... подписан руками поверенных, изыскать»)²¹.

Результатом расследования стал приговор Межевой канцелярии, свидетельствующий, что никакого межевания на ставшей предметом разбора территории не было, «землемер Унковский посылал копеиста Савельева с салдатом Калашниковым, чтобы назначить ямы без поверенных и понятых». Нашлись свидетели, видевшие, как Унковский, «передрав ту скаску пополам, положил в карман». Полюбовная скаска писалась не по просьбе поверенных, а по приказанию землемера Унковского, т.е. «изодранная скаска сочинена им самим без согласия... поверенных... что он, Унковский, арестом и постом штрафован был всею канторою, а не одним Вакселем и не в сарае, а в жилом покое, за ослушание ево команды, нездачу дел вступившему на ево место землемеру, за неверные планы и незнание самых легчайших задач... подлежал бы немалому штрафованию. Но, как Межевой канцелярии известно, что он, будучи потом в Смоленском наместничестве уездным землемером, там умер, то затем канцелярия сие дело и предала Воли Божией»²². Данный сценарий преступления, сочетающий фальсификацию и «обработку» поверенных, не единственный в рассмотренных делах. Сохранилось дело о подделке полюбовного развода канцеляристом Судоплатовым. Подписи на разводе были сделаны, как оказалось, не на меже. Далее записано дело о взятках, данных землемерам, в свою очередь, предлагавших мзду поверенному²³.

Для ускорения делопроизводства в 1770-х гг. дела о землемерах одной конторы и однотипных проступках начали объединяться в объёмные дела, но с сохранением самобытной неформальной лексики. «Поверенной... писал, что Захаров (землемер. — А.Г.) весьма люден, требует про всех стол, то есть напитки и харч, к тому ж и на взятки очень лаком и межует неусердно, помалу и при межевании как с ним, поверенным, так и с работными людьми дерется».

²¹ Там же, д. 3759, л. 12–13, 17, 19–19 об.

²² Там же, л. 70–70 об.

²³ Там же, ф. 1321, оп. 6, д. 2087, л. 778 об., 803–805.

Описывая объём незаконных трат, указывается: «Землемер Захаров... приказал капралу бить хозяина палкою и с той квартиры по прозье не сходит, видно, для лакомства. Со дня же квартирования ево в селе Городце издержано на него самото с людьми и лошадьми и за наем про него к Макарью Желтоводскому лодки и за оковку колес восемьдесят пять рублей, да августа 4-го поднесено ему, Захарову, при свидетелях сто рублей да помощнику двадцать рублей». Другой же землемер Чагин, «хотя... ничего не возьмет, так на то же наведет, больше у них простоит. И если окажется примерная земля (земля, на которую было невозможно доказать право собственности. — А.Г.), сверх дач, вырежет в государевы. А видно-де, что ему хочется взять... взятку немалую, но того они от него не могли добиться, чево ему от них хочется, только что с миром велеть посоветовать, если-де довольно, так и скажет, что доволен, а буде мало, не возьмет, к нему они представляли, дать или нет... А графа Толстова с командою испосланных на прикосновенную между хороших крестьян не знаемо за что прибили человек здесять до полусмерти»²⁴. Подобных примеров можно привести немало: «В Московскую Межевую канцелярию Суднаго приказа из четвертаго депортамента доношение. Сего 1779-го году июля 16-го дня в сем депортаменте бил челом государственной Вотчинной коллегии канцелярист Петр Алексеев сын Шафоростов оной Межевой канцелярии на землемера прапорщика Петра Романова сына Булыгина в бою и бещестии»²⁵.

Слабость и фамильярность сотрудников межевой конторы послужила мотивом к переписке с первым членом конторы Логином Андреевичем Витовтовым: «Безпрестанная жалобы каманды вашей на многих землемеров, а особливо на графа Толстого, выводят уже меня из терпения. Неоднократно писал я к вам о удержании их в пределах должности, но ничто не успеваеет. Севодни две отписки мне даны... для усмотрения и усмирения землемеров. Я думаю, известно вам, что Колобов (начальник одной из межевых контор. — А.Г.) судится за слабость и потворство землемерам, жаль будет, если и вы себя доведете до тово же. К предупреждению того советую вам всеми силами стараться о точном исполнении возложенной на вас должности»²⁶.

В контексте изучения повседневности межевого процесса не так важно, действительно ли имели место описанные правонарушения, или они были средством давления на землемеров с целью проведения межевания в пользу того или иного владельца. Среди поверенных и землевладельцев попадались порой большие знатоки межевого законодательства, не упускавшие малейшей возможности повлиять на ситуацию. Так случилось с землемером Миллером, отказавшимся принять спорный отвод: «Землемер порутчик Миллер оказался виновным в неприятии... споров и утверждения... межи по назначенным на плане нарескам... которые указом межевой канцелярии... уничтожены». В наказание было велено «производить ему свое дело, только без шпаги с таковым подтверждением, естли он, Миллер, впред в таковых противных законам поступках окажется, то он, Миллер, как нерадетельной о своей должности из числа землемеров будет исключен»²⁷. Естественно, в интересах самих межевщиков и землевладельцев было скорейшее и бесспорное прохождение межевания. Данный случай наводит на мысль о недопущении межевым начальством

²⁴ Там же, л. 2, 11; ф. 1294, оп. 2, д. 4274, л. 1–1 об.

²⁵ Там же, ф. 1294, оп. 2, д. 4024, л. 1.

²⁶ Там же, л. 3.

²⁷ Там же, д. 4056, л. 2 об., 3.

тенденций упрощать межевое дело и использовать предыдущие межевые наработки. Этот случай косвенно решает спор об отсутствии землемеров на меже. Самая минимальная возможность дискредитации межевого процесса становилась для правительства побудительным мотивом максимально открыто и правдиво расследовать любой случай, в том числе и такой, когда на «артиллерии порутчика Лермантова... в неправильном межевании и во взятках... шести рублей, меду пуда, лисиц и куниц по паре»²⁸.

Карающим резолюциям всегда предшествовали длительные периоды увещевания, профилактические аресты в помещении канторы, лишение пищи и перевод на хлеб и воду — всё для перевоспитания оступившегося. Подготовленных землемеров в XVIII в. не хватало, их набирали из офицеров-артиллеристов, инженеров, выпускников или недоучек гражданских, военных и церковных учебных заведений. Мерой воздействия могло стать и лишение землемера дворянского достоинства. Так, по донесению Новгородской канторы за непорядочные поступки отстранён был землемер Кутузов: «За пьянство, и за необойдение указанной пропорции верст, и за неприсылку в свое время планов штрафован арестом на неделю со справлением своей должности токмо без шпаги». Этот землемер гонялся с ножом за своим помощником, когда тот попробовал напомнить ему об отправлении должности, и его уволили. Но как же нужно было забросить выполнение дел и надоесть коллегам-землемерам и канцеляристам, чтобы вызвать в отношении себя проверки, экспертизы и последующее исключение из состава межевой канторы? В делах Нижегородской межевой канторы отмечено: «Двух уездных землемеров — порутчика Хоменева и прапорщика Федорова — за невоздержное их состояние велено исключить и с прописанием того дать им аттестаты»²⁹.

Один из канцеляристов, Прокофьев, «в кантору по учиненной ему повеске не поехал и самовольно из города отлучился... начуя в квартире своей, а поутру рано из оной квартиры уезжая, бывает неведомо где, а для исправления по должности ево дел в кантору не является, отчего по экспедиции ево в течение дел последовало великое запущение». Другой фигурант — Матвеев — продолжил череду пьяных секретарских служителей. Ему следовало зафиксировать пьянство Прокофьева: «О штрафах секретаря Прокофьева... велено ему, Матвееву, выправясь с определениями сей канторы, те штрафы вписать, коим Матвеевым сего февраля по 13-е число всего того исполнено не было». Однако на пьянстве попался и сам Матвеев: «Кантора ж таковому ево, секретаря Матвеева, медлению не находит никакой другой причины, как только от всегдашнего ево, Матвеева, примеченного пьянства, за которое он минувшаго генваря 31-го дня и штрафован троесуточным в канторе арестом, но как он, Матвеев, и от того поведения своего себя не поправил и в должности своей время от времени становится слабее, то для поправления его состояния и для приведения в порядок запущенных им дел приказали ево, Матвеева, в другой раз арестом на две недели и те учиненныя ему штрафы взнестъ в отправляемые ныне списки»³⁰.

Обвинение в пьянстве становилось и инструментом неправомерного воздействия на подчинённых сотрудников кантор и межевых партий. Михаил Лычагин из Смоленской межевой канторы сетовал, что «в ведомстве... в ко-

²⁸ Там же, л. 120.

²⁹ Там же, ф. 1321, оп. 6, д. 3064, л. 163–163 об.

³⁰ Там же, д. 3778, л. 1, 3, 5, 5 об.

манде землемера Брежнева, от коего чинимые мне нестерпимыя и бесчеловечныя побои привели меня в болезнь, почему я Смоленскую межевую кантору просил об отставке меня от дел, но он, землемер Брежнев, узнав о сем, представил канторе на меня репортом, будто я оброщался в пьянстве и нерадив к моей должности. Смоленская межевая кантора, уверяена на ево одном представлении, определила меня отослать в военную службу, чего я убоясь, отлучился оттуда бес позволения и, прибегая к защищению вышней команды, слезно прошу определить меня по благорасмотрению Межевой канцелярии, кроме Смоленской межевой канторы». Приведя несколько аттестатов своего беспорочного поведения, Лычагин добился положительного для себя решения Межевой канцелярии по переводу в иное место службы³¹. Но развитие событий при рассмотрении дел о болезни чаще всего было иным. В донесении чертёжного директора Муравьёва, что землемер Чайковский к должности не является и об увольнении его от межевых дел, говорится: «Чертежной землемер прапорщик Чайковский в чертежную хождение имеет весьма редкое, так что прошлаго января с 10 по 21 и с 22 по 1-е число февраля совсем к должности не являлся, рапортуясь больным, нарочно ж посланные неоднократно за ним караульные солдаты в квартире его не получали». Землемера уволили³².

Чем более практическим являлся вопрос, чем больше он касался сущности самого межевого процесса, тем более специфическим и профессиональным становился лексикон описания. В противоположность этому, более распространёнными с точки зрения описания становились неформальные дела, как, например, дело землемера секунд-майора Петра Дмитриевича Хвошинского. Его обвиняли в том, что он «не принял скаски поверенного... княгини Кугушевой», которая под угрозой потери имения «решилась ехать к нему... была под разными претекстами удержана и, наконец, землемером Хвошинским бита и насилием лишена чести»³³. Рассматривавшие данную челобитную сотрудники Межевой канцелярии оказались в сложной ситуации – княгиня красочно описала подробности произошедшего и меру морального падения землемера. Продолжительное время, проведённое на квартире землемера, как она думала, для составления скаски, «тем самым вымыслом и довели до ночных часов. Сие ж недозволительное и особливо и конечное ко опасности время заставляло узнавать женщине, будущей в несчастных приключениях, лишится столь яростными руками похищенную и чести, увидя, во-первых, сверх угрожаемого взору, когда выняв из сундука тот землемер Хвошинской золотой монетою денег до тысячи рублей, отдавая мне, сказал, что если я склонна буду к заразительному и незаконному уничтожению по ево желанию моей чести, то не только он тем мне будет служить, но что касательно и сверх должности в силу законов: ко услугам на приобретение из чужаго владения до несколько десятин отмежевать к моим дачам». Княгиня лично приехала в Москву на заседание Межевой канцелярии. Военный суд, собрав свидетельские показания, выяснил, что челобитную Кугушевой составили более трёх месяцев спустя после предполагаемого преступления, в то время как месяцем после описываемого ею насилия она защищала свои интересы в Ливенской воеводской канцелярии. В показаниях Хвошинского (в случае обвинительного приговора ему грозила смертная

---

³¹ Там же, ф. 1294, оп. 2, д. 3835, л. 1–1 об.

³² Там же, д. 3829, л. 1.

³³ Там же, д. 4294, л. 1.

казнь или вечная служба на галерах) также выявили несоответствия и попытки оказать влияние на свидетелей. Доказательства стороны княгини оказались недостаточными, землемера освободили. Повторное разбирательство, проведенное уже в Межевой экспедиции, пришло к новой трактовке произошедшего, основанной на обоюдном согласии, в связи с чем их обоих рекомендовали «для церковного покаяния заключить на шесть недель в монастырь»³⁴.

Представители Церкви не всегда были верными помощниками землемеров в их деле. Бывало, что они выступали против межевщиков, священники объявляли споры, а самое главное, обвиняли землемеров в нечестности и вымогательстве взятки. Специфика ситуации заключалась в том, что священнослужителя нельзя привлечь к присяге; священников, спорящих друг с другом, по действовавшему закону следовало подвергнуть тому наказанию, которое готовили для ответчика. Но, не желая потерять в священнослужителях помощников (они объявляли о начале межевания, приводили его участников к присяге, подписывались за неграмотных, увещевали спорщиков), сама Межевая канцелярия перед сообщением в духовное правление ходатайствовала о снижении объема санкций и штрафов³⁵.

Имели место и масштабные противоправные поступки в отношении землемеров. В Волоколамске в январе 1769 г. «волоколамские купцы многолюдно человек до тридцати з дубьем и поленьями во-первых, близ самой канторы, пели песни, а потом, приступая к воротам, необычайно кричав, говорили, кто не выйдет ис канторы, бить до смерти... а находящиеся на карауле солдаты, опасаясь смертнаго себе убивства, по причине много бывших пред тем от тех купцов озорничеств и наглых нападений, остались в покоях безвыходно. Но когда те купцы от канторы не отступили и потому ж кричали необычайно, то во осторожность... принуждены выйти... на караул... со обнаженными тесаками и при помощь приказных служителей ис состоящей на улице толпы поймали дву человек... а протчие разбежались... Но спустя час времени уже тех купцов собралось человек до семидесят... Сторожа капрала... били смертно поленьями, прокололи шоку насквозь, левую руку перебили». За сотрудниками межевой канторы устроили настоящую охоту, не прекращавшуюся в течение многих месяцев до конца 1772 г., а пресечение подобной деятельности осложнялось родственными связями внутри волоколамского купеческого общества, попытки усмирения с привлечением сил извне сталкивались с тем, что, например, «злодеи побежали в ров под земляную городовую крепость, за которыми бежать и ловить было опасно»³⁶. Начальники землемерных партий именно в это время требовали немедленно компенсировать неполный состав военных команд своих партий. Выяснилось, что «по репортам от баталионов... представлено, что за неимением людей... ныне командировать неково»; нормальное состояние военной команды при межевании — восемь человек; пришлось искать военных в других соединениях. Представляется, что причиной возникновения этой ситуации стала проблема с постоянным в купеческих домах³⁷.

Обстоятельства, вызывавшие трения с местным населением, происходили во время межевания не только в ходе полевой работы — они проявлялись и при расселении на зимние квартиры. Ситуация с отводом помещений землемеру

³⁴ Там же, л. 2 об., 65, 70–72, 84 об.

³⁵ Там же, д. 4061, л. 4–6 об.

³⁶ Там же, л. 1–2, 22–26, 40. Благодарю В.В. Зубарева за информацию об этом деле.

³⁷ Там же, д. 45, л. 57, 70.

и его команде имела ряд особенностей, связанных с необходимостью получения обширного помещения для чертёжной. Среди межевых планов имеются и весьма большие, по 4–5, а иногда и 10 м по большей стороне. В связи с этим поиск подходящего помещения оборачивался судебными разбирательствами с местными властями и купечеством. Так, «Белиовской квартермейстер отвел [землемеру] Беляеву с командою девять квартир, в том числе и дом купца Мамонова, которой квартермейстером и назначиван был под чертежную, но присланной от Беляева для приему квартир солдат, сказав, что для чертежной не годится, и истребовал ево себе в квартиру, а для чертежной назначен дом купца Тамилина; на что и билеты хозяевам даны были, но Беляев по приезде своем, осмотря квартиры и найдя дом Тамилина неспособным, поставил к нему салдата, а чертежную ввел к Мамонову, щитая равным постоем, не истребовав на то дозволения от городничего, за что военной суд приговорил ево, Беляева, по силе Межевой инструкции 30-й главы 6-го и полковничей инструкции 1-й главы 7 пунктов, арестовать на неделю со исправлением должности»³⁸.

Ни одного случая самозванства землемеров с целью получения денег не обнаружено, однако даже самая нижняя позиция в межевой иерархии давала возможность представиться высоким чиновником. Так было в 1768 г. с самозванным казначеем Флорищевой пустыни подканцеляристом Егором Ивановым. 38 лет отроду, он «в 753-м году определен в тое ж Волоколамскую воеводскую канцелярию в кописцы, где и находился 755 года по апрель месяц, а во оном апреле месяце, по силе указа бывшей в Москве Сенатской конторы, выслан он ко определению к делам в Московскую губернскую межевую канцелярию». С 1765 по 1767 г. он сменил пять землемерных партий, а потом «767 года декабря по 18 число... зачал он пьянствовать, и в том пьянстве взят»³⁹. За время службы он приобрёл уровень письменной культуры, позволивший ему подделывать несколько указов межевой конторы, с лёгкостью сойти за казначея Флорищевой пустыни; убедив приказчиков в своём праве распоряжаться доверенными деньгами, обманом продал за 7 руб. лес.

Исследование криминального поведения участников Генерального межевания выявило как общие для российского чиновничества типы предосудительного поведения — неисполнение служебных обязанностей, пьянство, взяточничество, — так и специфические типы правонарушений, вызванные особенностями работы землемера. Разбор проступков, связанных с нарушением служебных обязанностей (неправильное межевание), получил уже к 1770-м гг. солидную правовую базу. Он обыкновенно проводился в короткое время и описывался максимально формализованным языком. В противоположность этому в отношении пьянства, взяточничества и более тяжких правонарушений язык и стиль оформления следствия по землемерным делам показал значительно меньшую формализацию, что говорит об ограниченном количестве подобного рода нарушений. Описанные выше прецеденты не должны вводить в заблуждение относительно общего криминогенного фона вокруг межевания — к концу XVIII в. этот процесс стал намного более спокойным и рутинным, свидетельством чему сотни тысяч земельных дач, оформленных в краткие сроки без нарушений закона.

³⁸ Там же, д. 4113.

³⁹ Там же, ф. 479, оп. 2, д. 84, л. 10–14. Благодарю О.Е. Кошелеву за информацию об этом деле.

Сотрудники межевого ведомства были подсудны военным судам, Судному приказу и своим собственным органам власти — Межевой канцелярии и Межевой экспедиции. Исследование показало двойственность их подходов к правонарушениям — те из них, что не мешали проведению межевания, в частности не требовали замены должностных лиц на меже, рассматривались в упрощённом порядке. Лишь серьёзные, получившие широкий общественный резонанс проступки становились основанием для судебного производства и приговора. Органы власти, напротив, чрезвычайно чутко относились ко всему, что нарушало авторитет межевания: подробно разбирались дела, связанные с разного рода фальсификациями как на меже (с целью завладения имуществом), так и имевшие целью продвижение по службе и устранение неугодных.

Судопроизводство по межевым делам даёт аргументы в пользу аутентичности полевых материалов Генерального межевания, т.е. позволяет решить, пожалуй, основную связанную с ним источниковедческую проблему. Ещё во второй половине XIX — начале XX в. землемерная практика XVIII столетия подверглась критике, выразившейся в общем недоверии к текстовым материалам и планам Екатерининского времени⁴⁰. Реакции землемерного начальства, подробность разбирательств, тщательность подбора аргументации при решении дел о проступках землемеров — всё это свидетельствует о том, что достоверность и престиж этого государственного дела не была для них пустым звуком, а труд в ходе Генерального межевания создал атмосферу невольной позитивной девиации — принуждения к добросовестному выполнению служебных обязанностей и образования межевого социального лифта⁴¹.

---

⁴⁰ Голубинский А.А. Грамотность крестьянства... С. 67–69.

⁴¹ Голубинский А.А. Судьба землемера. Степан Хрулёв // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти Л.В. Милова. М., 2013. С. 404–410.

**Введение всеобщего начального обучения
в Пермской губернии: государственная политика
и общественные инициативы**

Светлана Голикова, Людмила Дашкевич

**Introduction of universal primary education in Perm Province:
State policy and public initiatives**

Svetlana Golikova, Lyudmila Dashkevich

*(both – Institute of History and Archeology, Ural branch
of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)*

DOI: 10.31857/S0869568722010083

Создание массовой школы и введение всеобщего обучения считались в западных странах в Новое время важным условием индустриального развития и успехов в торговле. В императорской России прогрессивная общественность видела в безграмотности главную причину отсталости и несчастий страны, вплоть до падения её обороноспособности. Неудивительно, что уже на рубеже XIX–XX вв. введение всеобщего обучения стало злободневной темой, о которой писали книги и статьи В.П. Вахтеров, П.Ф. Каптерев, В.И. Чарнолуцкий, Н.В. Чехов и др.¹ Однако и дореволюционные идеологи и публицисты, и немногочисленные последующие исследователи данного сюжета² освещали преимущественно споры и шаги, предпринимавшиеся на общероссийском уровне, тогда как региональные инициативы и опыт создания массовой школы изучены недостаточно. Между тем историки признают, что общественно-педагогическое движение, охватившее в начале XX в. практически всю Россию, дало большой импульс разработке и реализации реформы. Перми при этом особенно повезло: в 1905 г. «Журнал Министерства народного просвещения» опубликовал три объёмных статьи С.Г. Сироткина, вошедшие впоследствии в его книгу «Вопрос о всеобщем обучении в Пермской губернии»³. В ней анализировались различные проекты, составлявшиеся в крае до 1904 г., правда, об их воплощении в жизнь говорилось мало. Более того, собственно масштабное осуществление долго вынашиваемых планов началось уже после выхода данного издания. Поэтому и то, как вызревал замысел

© 2022 г. С.В. Голикова, Л.А. Дашкевич

¹ *Вахтеров В.П.* Всеобщее обучение. М., 1897; *Каптерев П.Ф.* Современные задачи народного образования в России. СПб., 1913; *Чарнолуцкий В.И.* Итоги общественной мысли в области образования. СПб., 1906; *Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912.

² Подробнее см.: *Елисафенко М.К.* Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX – начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996; *Зубков И.В.* Министерство народного просвещения и подготовка введения всеобщего обучения в России // Российская история. 2013. № 2. С. 62–86; *Невоструев Н.А.* Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX века. Дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2006; *Войтеховская М.П., Кочурина С.А., Сухачева Н.И.* Вопрос о введении всеобщего обучения в деятельности государственных дум Российской империи // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 6(34). С. 199–213.

³ *Сироткин С.Г.* Вопрос о всеобщем обучении в Пермской губернии (очерк истории этого вопроса в период 1894–1904 гг.). СПб., 1905.

расширения и совершенствования системы начального образования в Пермской губ., и попытки реализации тех или иных образовательных инициатив требуют дополнительного рассмотрения.

Ещё в годы Крымской войны авторы статей «Морского сборника», «Русского вестника», «Библиотеки для чтения» и других журналов ратовали за уничтожение сословных и конфессиональных ограничений в сфере просвещения и доказывали необходимость предоставления населению доступа к качественным знаниям.

Межведомственный комитет, созданный для разработки школьного устава, изучал европейский опыт массового образования. В Пруссии обязательное бесплатное обучение детей было введено ещё в 1794 г. Во Франции закон 1850 г. предписывал всем общинам содержать школы для мальчиков, а насчитывавшим свыше 800 жителей — и для девочек. В Англии народные школы учреждались на общественные и частные деньги, без всякого участия со стороны государства: правительство только выдавало пособия и то лишь в тех случаях, когда об этом просило само учебное заведение. Составленный в Петербурге проект Положения о начальных училищах, опубликованный в 1862 г. и широко обсуждавшийся в прессе, включал нормы, близкие к французским. Так, в городах предлагалось открыть по одному училищу на каждую тысячу душ, а в селениях — в каждом приходе (волости)⁴. Проект этот, однако, не осуществился. Либеральный министр народного просвещения А.В. Головнин, учитывая отсутствие необходимых средств у казны и сомнения в готовности населения взять соответствующие расходы на себя, предпочёл пойти по английскому пути, опираясь на инициативу частных лиц и обществ. В Положении о начальных народных училищах 1864 г. задача организации всеобщего обучения не ставилась, как, впрочем, и в новом Положении 1874 г., разработанном при консервативно настроенном преемнике и антагонисте Головнина гр. Д.А. Толстом. С 1864 г. заботы об открытии и содержании начальных учебных заведений легли в основном на плечи органов земского и городского самоуправления. Тем не менее, хотя среди земских деятелей было немало сторонников скорейшего просвещения народа, списочная численность народных школ в 1864–1872 гг. сократилась почти вдвое — с 30 тыс. до 17064 человек⁵.

В 1876 г. директорам народных училищ циркулярно разослали «Вопросы по поводу предположения о введении обязательного обучения в начальных училищах». Руководству учебного ведомства требовались данные о том, какая часть детей от 7 до 14 лет посещает училища и многие ли не имеют такой возможности, сколько нужно построить зданий и подготовить учителей для обеспечения всеобщего начального образования, везде ли следует учить девочек или в отдельных местностях можно от этого отказаться, как финансировать вновь возводимые школы и необходимо ли участие в этом государства и, наконец, можно ли вести обязательное обучение в отдельных местностях, о чём говорилось в некоторых земских ходатайствах. Предвидя, что расходы будут слишком велики, министерство интересовалось, какими «паллиативными» мерами можно увеличить количество учеников в уже существующих учебных заведениях, например, проводя занятия в две смены или набирая

⁴ Чехов Н.В. Указ. соч. С. 186. Для сравнения, в Пермской губ. в начале 1870-х гг. одно училище приходилось на 8500 человек (Доклад Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию. Пермь, 1873).

⁵ Вахтеров В.П. Указ. соч. С. 9–10.

группы по временам года, как это делалось в некоторых кантонах Швейцарии (летом обучать маленьких ребят, не вовлечённых в полевые работы, зимой — старших). Неясным оставалось и то, кто будет гарантировать обязательность обучения и каким образом будут наказывать родителей, уклоняющихся от исполнения закона⁶.

Пермские училищные власти собрали необходимые сведения, обратившись за помощью к земству. Судя по сохранившимся в фонде верхотурского уездного земства ответам председателя уездной земской управы А.И. Кронеберга и земских учителей, почти все педагоги поддерживали введение всеобщего обязательного обучения. В частности, новопаньшинский учитель А.А. Попов призывал немедленно строить школы в сёлах «по одинаково изданному образцу», а там, где они уже существуют, делать их посещение обязательным⁷. Кронеберг, обобщив поступившие из разных мест материалы, также не видел затруднений в том, чтобы разрешить отдельным уездам или волостям вводить обязательное обучение. По его мнению, длительность курса должна была при этом составлять в деревнях — 4, а на горных заводах — 3 года, поскольку дети мастеровых, менее занятые на домашних работах, могли больше времени уделять урокам⁸.

Главное препятствие для перехода к всеобщему образованию Кронеберг видел в малочисленности учебных заведений. В период опроса в Верхотурском уезде учились лишь 25% детей школьного возраста, тогда как около двух тысяч ребят были лишены такой возможности. Для изменения ситуации не хватало ещё по меньшей мере 200 училищ на расстоянии не более двух вёрст от места жительства учеников. Между тем, по расчётам Кронеберга, содержание каждого из них обошлось бы не менее, чем в 500—700 руб.: 300—360 руб. — на оплату труда учителя, ещё 180 руб. — его помощнику, без которого трудно было обойтись при численности учащихся свыше 50—60 человек, 60 руб. — законоучителю, 120 руб. — на наём помещения и прислуги, отопление и освещение здания⁹.

Понимая, что быстро получить соответствующую сумму ни из казны, ни из земского бюджета не удастся, Кронеберг предложил воспользоваться проектом, предложенным в 1873 г. гласными вятского земства Красовским, Дитриксоном и Полумордвиновым, и поручить занятия в местностях с «разбросанным» населением «переездным» наставникам, а в больших горнозаводских селениях открыть воскресные школы или школы грамоты на средства заводладельцев. «Необходимо потребовать, — писал Кронеберг, — чтобы ни на какие заводы, фабрики или вообще промышленные предприятия не принимались на работу дети моложе 12 или 13-летнего возраста. Затем было бы весьма полезно всех заводчиков и фабрикантов обязать, чтобы они при всех заводах или фабриках открыли классы грамотности для рабочих»¹⁰.

«Паллиативные» меры, намеченные министерством, председатель уездной земской управы признал бесполезными, «потому что, во-первых, только правильно организованная школа с систематическим преподаванием может развить надлежащим порядком умственные способности учащихся, что особенно

⁶ Государственный архив Свердловской области, ф. 435, оп. 1, д. 288, л. 1—14 об.

⁷ Там же, л. 41 об.

⁸ Там же, л. 93 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 95.

важно при начальном обучении, и во-вторых, правильно организованная школа имеет весьма значительное воспитательное значение, так как только школа может направить все нравственные качества крестьянских детей в хорошую сторону»¹¹. Вместе с тем, как и все местные педагоги, он отмечал, что «делать для девочек исключение в этом случае не предвидится никакой надобности ни по каким особым местным условиям»¹².

Чтобы контролировать соблюдение закона об обязательном обучении, Кронеберг рекомендовал создать в каждом селении особый училищный комитет, включив в него попечителя училища, учителя, священника и несколько выборных от местного общества. Это избавило бы преподавателей от нареканий со стороны родителей при предоставлении сведений о непосещении школы детьми. Особо оговаривалось, что «ранее введения общего обязательного обучения было бы весьма полезно обязать все сельские общества, чтоб каждое из них открыло на свой счёт школу с известным пособием от земства с тем, чтобы выбор учителей был бы предоставлен земствам, тогда бы учителя могли бы считать себя не настолько зависимыми от обществ»¹³.

В 1881 г. Министерство народного просвещения свело воедино и напечатало полученные из разных губерний ответы, констатировав, что переход к обязательному начальному образованию для страны непосилен: в ней следовало построить ещё 247 тыс. школ, выделив на их содержание около 76 млн руб. в год, бюджет же учебного ведомства составлял лишь 1 млн 200 тыс. руб. В результате, по словам Н.В. Чехова, «вопрос этот сошёл с очереди на целые десятки лет»¹⁴. Тем не менее отдельные шаги в намеченном направлении делались. Так, 12 июня 1884 г. вышел закон, предусматривавший обучение малолетних рабочих¹⁵.

Для распространения грамотности правительство с 1880-х гг. активно использовало ресурсы Церкви. 13 июля 1884 г. были утверждены «Правила о церковно-приходских школах», которые надолго стали в России основным типом народных училищ, что объяснялось как прагматическими, так и идеологическими мотивами. С 1884 по 1905 г. выдававшиеся им государственные субсидии возросли с 55 тыс. до 10 млн руб.¹⁶ Вместе с тем земским учреждениям с 1884 г. запрещалось увеличивать статьи необязательных расходов (к ним относилось и финансирование школ) более, чем на 3% в год. Впрочем, по наблюдениям М.К. Елисафенко, уездные земства Пермской губ. поддерживали церковно-приходские школы (их количество в губернии возросло в 1870–1895 гг. с 39 до 168) и направляли деньги на их развитие¹⁷.

Новые тенденции в образовательной деятельности органов местного самоуправления наметились в 1890-е гг. В январе 1894 г., выступив с докладом в Московском комитете грамотности, инспектор народных училищ и известный педагог В.П. Вахтеров предложил изменить методику расчёта затрат на всеобщее обучение. По мнению докладчика, им нужно было прежде всего охватить детей 8–10 лет (примерно 6,7% населения), включая всех мальчиков

¹¹ Там же, л. 92 об.

¹² Там же, л. 93.

¹³ Там же, л. 95.

¹⁴ Чехов Н.В. Указ. соч. С. 187.

¹⁵ ПСЗ-III. Т. 4. СПб., 1887. № 2316. С. 365–368.

¹⁶ Невоструев Н.А. Образование и развитие... С. 69.

¹⁷ Елисафенко М.К. Земство и начальное образование на Урале... С. 139.

и девочек в городах, а в сёлах, кроме мальчиков, лишь 20% девочек. Для них уже было бы достаточно построить 25 тыс. новых школ в волостях и 6 тыс. — в городах, их содержание стоило бы около 11 млн руб. (332 руб. на школу). Эти расходы предлагалось распределить между казной, земствами и сельскими обществами¹⁸. Современники критиковали Вахтерова за заниженные показатели расчётов, однако, как признаёт И. В. Зубков, они позволили перевести проблему всеобщего обучения из разряда утопий в практическую плоскость¹⁹.

Идеи всеобуча стали обсуждаться публично. На Втором съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, проходившем в Москве в декабре 1895 — январе 1896 г., была создана специальная девятая секция «общих вопросов», на заседаниях которой большое внимание уделялось народной школе. В частности, тот же Вахтеров в своём докладе рекомендовал отложить споры об обязательности обучения и сосредоточиться на его общедоступности. Намечался даже определённый порядок действий: «Местные компетентные учреждения разрабатывают поезда сети, планы и сметы всеобщего обучения, на основании этих работ законом определяется минимум школ и расходов с точным распределением последних между казною, земством и сельскими обществами, фабриками и другими учреждениями»²⁰. Секция поддержала эти предложения, а в решениях съезда говорилось о том, что население может усвоить технические и профессиональные знания, лишь получив предварительно начальное образование.

На Урале знали об идеях Вахтерова и его единомышленников. Во II съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, членом-учредителем которого являлся пермский купец И. И. Любимов, участвовали 30 уральских делегатов от городских дум, учебных заведений и общественных организаций²¹. В конце XIX в. о всеобщем обучении в Пермской губ. размышлял и директор народных училищ А. П. Раменский. Анализируя состояние школьного дела в регионе в 1893 г., он пришёл к выводу, что «при настоящих условиях, когда сознание необходимости образования сильно пробуждается в крестьянском населении, уже благовременно поставить вопрос о всеобщем начальном образовании»²². Успешное его разрешение в губернии Раменский связывал с распространением земством «нормальных» одноклассных училищ с трёхлетним курсом обучения и 50–60 учащимися (финансирование каждого из них составляло бы 320 руб. при готовом помещении, отоплении, освещении и найме прислуги). Новые школы надлежало строить сначала в многолюдных русских поселениях (900–1 000 жителей), затем они должны были появиться там, где проживало 600–900 человек, но имелась возможность набрать необходимое число учеников из соседних деревень, находящихся на расстоянии не далее трёх вёрст. В тех местах, где насчитывалось

---

¹⁸ Вахтеров В. П. Указ. соч. С. 19–21, 23, 26.

¹⁹ Зубков И. В. Министерство народного просвещения... С. 65.

²⁰ Дневник высочайше разрешённого Второго съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, издаваемый комитетом съезда. № 1. М., 1895. С. 78.

²¹ Мирников И. А. Алфавитный список членов съезда со статистическими сведениями о его составе. Список трудов съезда. Краткий отчёт о суммах комитета съезда и отчёт по выставке. СПб., 1898.

²² Раменский А. П. Отчёт о состоянии народных училищ Пермской губернии за 1893 год. Пермь, 1895. С. 112.

менее 500 крестьян и не имелось поблизости более крупных центров с «нормальным» училищем, надлежало устраивать на первое время школы грамоты или вести подвижное обучение. По замыслу директора, эта сеть начальных учебных заведений охватывала бы как русские, так и «иностранческие» (языческие и мусульманские) сёла²³.

Данная программа легла в основу официального ходатайства, представленного Раменским XXV очередной сессии пермского губернского собрания. Однако его записка, прочитанная на заседании 15 декабря 1894 г., понимания гласных не встретила. Сметная комиссия губернского земства настаивала на том, что «вопрос о всеобщем обучении — вопрос государственный и не может быть решён силами местного земства»²⁴. Собрание утвердило её заключение единогласно. Несмотря на это Раменский в мае 1895 г. обратился к уездным земским управам с предложением взять на себя заботу о школах. Распространение грамотности он называл нравственной обязанностью «каждого более или менее образованного человека»²⁵. Между тем без содействия гласных дело не могло идти успешно, поскольку многое зависело от правильного составления школьной сети, определения центров школьных районов, удобных путей сообщения между сёлами, способности сельских обществ брать на себя часть расходов и т.п.

Первой приступила к обсуждению циркуляра директора народных училищ земская управа Екатеринбургского уезда. Её председатель Н.А. Клепинин, один из старейших земских деятелей Урала, являлся горячим сторонником идеи всеобщего образования. К разработке проекта школьной сети он приступил, совместно с заведующим учебным столом управы Киселёвым, в 1895 г., после возвращения из Санкт-Петербурга, где принял участие в одном из заседаний Комитета грамотности. Их проект управа в целом одобрила, хотя и с некоторыми изменениями. Согласно составленной авторами статистической таблице, за восемь лет в уезде планировалось прибавить к 88 уже существовавшим земским училищам ещё 82, дополнительные расходы достигли бы при этом в первый год 67 тыс., а в последующие — по 55 тыс. Эту сумму управа признала слишком большой для уездного земства, рекомендовав собранию открыть только 77 школ (47 нормальных и 30 упрощённых), что позволило бы учить всех местных мальчиков и половину девочек²⁶.

В октябре 1895 г. доклад управы был представлен XXVI уездному земскому собранию, которое сочло необходимым увеличить сроки создания школьной сети до 12 лет, положив в основу её «нормальные» училища, поскольку судьба школ грамоты слишком сильно зависела от личных качеств духовных лиц. Желая облегчить постройку зданий, собрание ходатайствовало перед Министерством земледелия и государственных имуществ о бесплатном отпуске леса и камня из казённых дач, а МВД просило разрешить частичное покрытие чрезвычайных расходов за счёт сумм, освобождёвшихся согласно закону 1 июня 1895 г. от содержания судебно-административных учреждений (47 тыс.

²³ Там же. С. 113–114.

²⁴ *Сироткин С.Г.* Вопрос о всеобщем обучении в Пермской губернии. (Очерк истории этого вопроса в период 1894–1904 гг.) Глава I // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 7. Отд. 3. С. 104.

²⁵ *Сироткин С.Г.* Вопрос о всеобщем обучении в Пермской губернии. (Исторический очерк) Глава II // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 1. Отд. 3. С. 10.

²⁶ Там же. С. 14–15.

руб. ежегодно)²⁷. Однако в их употреблении на народное образование было отказано.

Таким образом, программа Клепинина не была полностью реализована, но, как признавал С.Г. Сироткин, за ней «остаётся честь первого опыта в Пермской губернии серьёзной, подробной разработки на довольно широких основаниях поуездной школьной сети, настойчивого проведения в ней типа земских училищ, честь инициативы в возбуждении весьма важных ходатайств перед правительством по вопросу о всеобщем обучении»²⁸. В 1895–1897 гг. вслед за екатеринбургским свои школьные сети наметили ирбитское, красноуфимское, осинское, чердынское, соликамское, верхотурское, оханское, кунгурское, камышловское, шадринское и пермское уездные земства. Вместе с тем к началу XX в., как писал В.В. Стогов, «едва ли в каком другом государстве педагогическая литература в течение стольких лет и по стольким поводам и отдельным явлениям народной жизни так подробно разрабатывала вопрос о всеобщем обучении, как в России. В продолжение десятилетий те интеллигентные люди нашей родины, заветной мечтой которых было всеобщее народное образование, будучи лишены возможности непосредственно работать в области народного образования, посвятили и отдали все свои силы литературной работе по вопросам воспитания и обучения. Если присоединить сюда же работу образовательных обществ, комитетов грамотности и педагогических кружков, то можно сказать, что теоретически вопрос о введении всеобщего обучения был признан и разработан в России уже давно»²⁹. Это отчётливо сознавали и в правительственных структурах. Так, обратив внимание на проект, подготовленный в 1904 г. для Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности членом Государственного совета А.Н. Куломзиным, Министерство народного просвещения просило попечителей учебных округов высказать свои соображения и «доставить надлежащие сведения о возможности введения всеобщего обучения в империи». Отвечая на этот запрос, попечитель Оренбургского учебного округа (куда входила Пермская губ.) Н.Ч. Зайончковский отмечал: «Для достижения общедоступности школы на всём пространстве Российской империи по плану статс-секретаря Куломзина потребны такие громадные суммы, значительно превышающие сделанные им расчёты, что поневоле останавливаешься перед ними совершенно беспомощно и не усматриваешь никакой возможности, по крайней мере, в пределах источников и средств, им указываемых, организации соответствующей школьной сети не только в 15, но и в 25 лет. Между тем отлагать дело общего начального образования русского народа не только на ещё более продолжительный, но даже и на последний из указанных сроков было бы прямо опасно для самых жизненных интересов России: в течение четверти века она настолько отстала бы от своих западных и, частью, восточных соседей, что культурно-экономическая борьба с ними сделалась бы ей почти непосильной»³⁰.

События 1904–1907 гг. подтвердили эти опасения и, по словам Стогова, «представители правительства также стали повторять слова о неотложно-

²⁷ Там же. С. 16.

²⁸ Там же.

²⁹ *Стогов В.В.* Приближаемся ли мы к осуществлению всеобщего обучения? // Пермская земская неделя. 1909. № 35. Стб. 3.

³⁰ Записка по вопросу о всеобщем начальном обучении, с приложением сведений о начальном образовании в России за 1903 год. СПб., 1906. С. 55.

сти образования для широких масс населения». В заметке Г. Кузьменко на школу указывалось как на «единственное средство вывести страну из нищеты и унижения», её автор утверждал также, что к этому мнению «после пережитых родиной тяжёлых испытаний, присоединились даже прежние противники образования»³¹.

Социальная база движения за всеобщее образование стремительно расширялась, причём ему сочувствовали практически все политические силы. Как указывал в 1906 г. В.И. Чарнолуцкий, это подтверждалось «всевозможными общественными заявлениями, записками, петициями, постановлениями и т.д., опубликованными с конца 1904 года по настоящее время, а также платформами, программами и уставами возникших у нас с того же времени политических партий, союзов и других общественных организаций новой формации»³². К нему присоединялись «сельскохозяйственные общества, педагогические общества, длинный ряд разных крестьянских собраний и сходов, учительские общества и собрания, общества психиатров и ветеринаров, медицинские и санитарные советы, присяжные заседатели нескольких сессий, множество собраний граждан в сёлах и городах, собрания библиотечных обществ, городские думы и земские собрания, фабриканты и заводчики, собрания рабочих, собрания воспитанников учительских семинарий, записки о нуждах школ разных национальностей и т.д.»³³. Вскоре появились общественные организации, стремившиеся «объединить деятелей на поприще народного образования и помогать им при осуществлении в жизнь принципов нового строя». Наиболее заметными из них стали «Всероссийский союз учителей» и «Лига образования».

Наконец, 20 февраля 1907 г. Министерство народного просвещения внесло в Государственную думу законопроект о введении всеобщего начального обучения, разрешив земствам подтверждать своё согласие с условиями государственного финансирования по телеграфу³⁴. Земские деятели, поначалу недоверчиво взиравшие на изменение правительственного курса после того, как закон 1900 г. о «пределности земского обложения» похоронил их замыслы о самостоятельном введении всеобщего образования, воспользовались сложившейся ситуацией и направили в министерство многословные телеграммы. Первоначально учебное ведомство заключило договоры с Осинским, Оханским, Пермским, Камышловским, Чердынским и Кунгурским уездами. За один «школьный комплект» (учитель и 50 учеников) оно выплачивало земству 390 руб. в год на жалованье учителю (360 руб.) и законоучителю (30 руб.). Высвобождавшиеся благодаря этой казённой субсидии средства в уезде следовало тратить исключительно на школьные нужды. К 1910 г. в договорные отношения с министерством вступили все уездные земства Пермской губ. и многие крупные города. Предполагалось, что стоимость введения здесь всеобщего обучения составит 2 687 600 руб., а школьная сеть за десять лет увеличится на 1 590 училищ³⁵. По министерской смете 1910 г. органам самоуправления губернии предназначалось 1 074 148 руб. В 1911 г. выплаты возросли до 1,3 млн руб., в 1912 г. — до

³¹ Стогов В.В. Указ. соч. Стб. 2–3, 6; Кузьменко Г. Грамотность в деревне // Пермская земская неделя. 1908. № 30. Стб. 2–3.

³² Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С. 5.

³³ Там же. С. 40.

³⁴ Подробнее см.: Зубков И.В. Министерство народного просвещения...

³⁵ Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь, 1911. С. 113.

1,5 млн, а в 1913 г. — до 1 710 930 руб.³⁶ Солидные бюджетные вливания вскоре потеснили земское финансирование. В 1909 г. они достигли 30%, 1910 г. — 47%, 1911 г. — 48%, в 1912 г. впервые перевалили за половину, составив 56%, в 1913 г. поднялись до 57%, тогда как удельный вес земских трат сократился с 59% в 1909 г. до 38% в 1913 г. При этом абсолютные показатели земских вложений в народное образование постоянно росли: в 1908 г. — более 1 220 тыс. руб., 1909 г. — более 1 270 тыс. руб., 1910 г. — свыше 1 364 тыс. руб., 1911 г. — более 1 451 тыс. руб., 1912 г. — 1 584 046 руб.³⁷

Благодаря средствам казны и земства план заполнения школьных сетей в Пермской губ. выполнялся. В 1909 г. в ней находилось 2 225 народных школ учебного и духовного ведомств. В 1910 г. их количество достигло 2 422, в 1911 г. выросло до 2 582, 1912 г. — до 2 707, 1913 г. — до 2 863, 1914 г. — до 2 984³⁸. Соответственно этому расширялись ряды педагогов: в 1907 г. — 2 867, 1908 г. — 3 071, 1909 г. — 3 356, 1910 г. — 3 661, 1911 г. — 4 101, 1912 г. — 4 490, 1913 г. — 4 822, 1914 г. — 5 104 человек³⁹.

В результате начальное образование становилось если ещё и не всеобщим, то значительно более доступным. Если в 1908 г. на одну школу приходилось 1 548 сельских жителей и 145 детей школьного возраста, то в 1913 г. уже 1 220 и 115 соответственно⁴⁰. Городское население получило доступ к образованию ещё раньше. В небольших городах со стабильным населением (Соликамске, Чердыни, Оханске, Осе, Красноуфимске, Кунгуре, Верхотурье и Камышловe) «общедоступность» обучения считалась обеспеченной уже в 1910 г.⁴¹

Согласно школьной переписи 1911 г. в губернии имелось 1745 училищ Министерства народного просвещения (120 229 учеников), 666 церковно-приходских школ (30 416 учащихся) и 72 школы грамоты (2 028 детей)⁴². На 1 января 1915 г. до контрольных цифр всеобща в Пермской губ. недоставало 17,8% школьных комплектов, хотя нужно учесть, что на каждого учителя приходилось уже 33 ребёнка вместо расчётных 50⁴³.

Столь быстрое поступательное развитие объяснялось и громадным государственным финансированием, и выбором такой его формы, которая постоянно стимулировала органы местного самоуправления на денежные вложения по

---

³⁶ Обзор Пермской губернии за 1910 год. С. 113; Обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь, 1912. С. 112; Обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь, 1913. С. 132; Обзор Пермской губернии за 1913 год. Пермь, 1914. С. 128.

³⁷ Обзор Пермской губернии за 1908 год. Пермь, 1909. С. 107; Обзор Пермской губернии за 1909 год. Пермь, 1910. С. 112; Обзор Пермской губернии за 1910 год. С. 116; Обзор Пермской губернии за 1911 год. С. 116; Обзор Пермской губернии за 1912 год. С. 135; Обзор Пермской губернии за 1913 год. С. 131.

³⁸ Обзор Пермской губернии за 1909 год. С. 108; Обзор Пермской губернии за 1910 год. С. 113; Обзор Пермской губернии за 1911 год. С. 113; Обзор Пермской губернии за 1912 год. С. 132; Обзор Пермской губернии за 1913 год. С. 128; Обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь, 1915. С. 125.

³⁹ Обзор Пермской губернии за 1908 год. С. 106; Обзор Пермской губернии за 1909 год. С. 110; Обзор Пермской губернии за 1910 год. С. 114; Обзор Пермской губернии за 1911 год. С. 114; Обзор Пермской губернии за 1912 год. С. 133; Обзор Пермской губернии за 1913 год. С. 130; Обзор Пермской губернии за 1914 год. С. 126.

⁴⁰ Обзор Пермской губернии за 1908 год. С. 104; Обзор Пермской губернии за 1913 год. С. 128.

⁴¹ Обзор Пермской губернии за 1910 год. С. 112–113.

⁴² Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений. Вып. 1. 1907–1913 гг. СПб., 1913. С. 110.

⁴³ Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 году. Пг., 1916. С. IV–V.

принципу «пятьдесят на пятьдесят», и опытом уездных земств, и длительной подготовкой, позволившей проработать массу деталей, и отношением к реформе самого населения. Вахтеров ещё в 1897 г. констатировал, что с данной задачей «одна администрация» не справится, и ей понадобится привлечение общественности⁴⁴. В 1908 г. корреспондент «Пермской земской недели» В. Юнг полагал, что «делу скорейшего введения всеобщего обучения могла бы оказать существеннейшие услуги частная широкая инициатива (почин)»⁴⁵. Особое значение при этом имела позиция крестьянства. В газете пермского земства в 1909 г. признавали: «Вообще более близкое участие сельского населения в школьном деле, вытекающее из сознания необходимости просвещения для народа, крайне важно для успешного проведения в жизнь мысли о всеобщем обучении»⁴⁶. Только заинтересованность крестьян могла превратить всеобщее обучение из «чего-то внешнего, навязанного народу» в «его собственное кровное дело, к которому лежит его душа»⁴⁷.

Проект Министерства народного просвещения, как известно, так и не превратился в закон, однако, судя по достижениям начальной школы Пермской губ., надежды Вахтерова на то, что если всеобщее обучение станет «почти всеми признанной потребностью», то решение законодателей сведётся к «простой санкции», во многом оправдались⁴⁸. А быстрые успехи в начале XX в. в решении крупной социальной задачи, ещё недавно считавшейся непосильной, ярко свидетельствовали о тех перспективах, которые открывались при сотрудничестве власти и общества.

---

⁴⁴ Вахтеров В.П. Указ. соч. С. 34.

⁴⁵ Юнг В. Судьба начальной школы (Два школьных законопроекта) // Пермская земская неделя. 1908. № 39. Стб. 10.

⁴⁶ С-н Н. Что такое «всеобщее обучение» // Пермская земская неделя. 1909. № 9. Стб. 8.

⁴⁷ Кантрев П.Ф. Указ. соч. С. 6.

⁴⁸ Вахтеров В.П. Указ. соч. С. 84–85.

«Социально-чуждые элементы» в советской системе труда по материалам Архангельска (1929–1939)

Елизавета Хатанзейская

The «socially alien» in the Soviet labor system on the materials of Arkhangelsk (1929–1939)

Elizaveta Khatanzeiskaia

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722010095

Одной из особенностей советской социальной политики было создание системы ограничений для «неблагонадёжных», «социально-вредных», «социально-опасных» элементов. Они имели крайне ограниченный доступ к материальным ресурсам, среднему и высшему образованию, социальному страхованию (пенсии, пособия по утрате трудоспособности и т.д.), не могли голосовать на выборах. Их социальное пространство складывалось стихийно и определялось не столько теорией, сколько практикой. Как отмечает Т.М. Смирнова, «данная социальная категория не только не была юридически оформлена, но и вообще не существовала в рамках официальной социальной структуры»¹. Подобная ситуация создавала огромные возможности для дискриминации широкого круга лиц, представлявших фактически любую социальную группу.

Важным элементом этой системы стало выделение категории граждан, лишённых избирательных прав – «лишенцев». Согласно ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г., лишёнными избирательных прав объявлялись лица, прибегающие к наёмному труду с целью извлечения прибыли («кулаки», городские предприниматели и кустари), живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий и имущества), частные торговцы, коммерческие посредники, служители религиозных культов всех вероисповеданий и монахи, руководители, служащие и агенты полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены династии Романовых, а также «осуждённые за преступления с поражением в политических правах (в том числе осуждённые по политическим мотивам)»². На деле границы группы «лишенцев» были шире, в неё входили лица с «подозрительными» социальными или политическими связями, представители дворянства, буржуазии, духовенства, царского чиновничества, интеллигенции, зажиточные крестьяне, служащие и офицеры белых правительств и армий. Местные власти зачастую толковали закон на свой лад³.

Важнейшим элементом социальной политики советской власти было закрепление в подзаконных актах и ведомственных инструкциях последствий поражения в избирательных правах. «Лишенец» не мог избирать и быть избран-

© 2022 г. Е.В. Хатанзейская

¹ Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 гг. М., 2003. С. 24.

² Конституция РСФСР в редакции от 18 мая 1929 г., раздел IV, глава 6 «О выборах в Советы» (URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/chapter/6/#block_46000).

³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 293.

ным в органы власти, занимать государственные должности, учиться в средних специальных и высших учебных заведениях, не получал пособий, пенсий, компенсаций и карточек (в 1929–1934 гг.)⁴. Он получал заниженную заработную плату, сталкивался с дискриминацией в больницах, судах, жилищных и налоговых ведомствах, а при службе в вооружённых силах его направляли в штрафную роту или тыловое ополчение.

В 1928–1931 гг. во всех государственных учреждениях прошли «чистки» с целью удаления из них «лишенцев» и других «социально-чуждых» лиц. Секретное постановление правительства, изданное в августе 1930 г., предписывало отправлять их «на лесозаготовки, торфоразработки, на уборку снега, в места, где испытывают острую нехватку рабочей силы»⁵. Все государственные учреждения и организации Архангельска регулярно получали запросы на предмет биографии этих работников, их должности на службе до 1917 г., квалификации и возможности замены⁶.

«Лишенцы» зачастую являлись интеллектуальным ядром многих местных организаций и учреждений. Так, в 1929 г. в аппарате управления треста «Северолес» они составляли 11% (40 человек), в основном – юристы, экономисты, инженеры, специалисты в сфере лесного дела, бывшие лесопромышленники, судовладельцы и т.д. На заседании партийной ячейки предприятия было решено удалить все «чуждые советской власти элементы», постепенно заменяя их «партийцами, либо преданными советской власти беспартийными работниками»⁷. С 1929 г. ОГПУ запрашивало информацию о каждом сотруднике, в особенности о лицах «политически неблагонадёжных», «чуждого социального происхождения» и служивших в рядах белых⁸. В течение года аппарат полномочного представителя ОГПУ по Северному краю в Архангельске получил материалы на 1156 лиц, из которых к концу октября было «вычищено» 587⁹.

В то же время государство нуждалось в специалистах дореволюционной школы. Особенно сильно дефицит кадров проявился при переходе к политике «форсированной индустриализации» и после образования Северного края – «валютного цеха страны» с центром в Архангельске. Согласно статистическим данным Севкрайкома, в 1929 г. во всём регионе насчитывалось 5 тыс. научно-технических кадров, а для выполнения задач первой пятилетки необходимо было минимум 14 тыс. Проблема усугублялась тем, что основную часть имевшихся специалистов составляли представители «бывших эксплуататорских классов», принудительно высланные и бежавшие от репрессий. Руководители на местах понимали, что помимо этого «притока извне» необходимо было создавать местную систему образования и подготовки¹⁰. Поначалу результаты оказались весьма скромными. Открытый в Архангельске в 1929 г. Лесотехнический ин-

⁴ Фёдорова Н.А. Лишенцы 1920-х гг.: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. Т. 5. 2007. № 4. С. 483.

⁵ Кринко Е.Ф. Лишение избирательных прав как форма репрессий: юридическое закрепление и практика применения // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 г. Материалы VI международной научной конференции. Краснодар, 2010. С. 194.

⁶ Государственный архив Архангельской обл., отдел документов социально-политической истории (далее – ГА АО ОДСПИ), ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 1–74.

⁷ Там же, л. 34.

⁸ Там же, д. 2022, л. 1–2.

⁹ Там же, ф. 290, оп. 1, д. 19, л. 5.

¹⁰ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 2022, л. 7, 7 об.

ститут к 1932 г. смог выпустить лишь 70 человек. Контролирующие партийные органы отмечали невысокую квалификацию работников лесной отрасли, их неосведомлённость о достижениях «иностранной технической мысли»¹¹. Первый выпуск Архангельского медицинского института ожидался только в 1937 г., но лечебные учреждения города ещё в конце 1920-х гг. остро нуждались в хирургах, терапевтах, фельдшерах, акушерах, дантистах, фармацевтах¹².

Неудивительно, что руководство предприятий и организаций, стремясь сохранить кадровый состав, отмечало в отчётах ценность многих сотрудников «чуждого социального происхождения». Так, в сведениях о служащих губернского статистического отдела упомянут «бывший белый офицер» Г.Ф. Флоровский, заведующий секцией статистики труда. Руководство характеризовало его как «хорошо квалифицированного и научно-образованного работника», замена которого «в ближайшее время» невозможна¹³. Другой офицер белогвардейских войск, Е.К. Сибирцев, восстановленный в правах в 1927 г., вёл «инструкторскую работу по разработке бюджетов крестьянских хозяйств», имел «и практическую, и теоретическую квалификацию»¹⁴.

Благодаря этим рекомендациям решения по многим «неблагонадёжным» откладывались. В 1928 г. в Архангельском губернском земельном управлении были выявлены 5 человек, служивших в войсках генерала Е.К. Миллера и адмирала А.В. Колчака, однако из-за дефицита специалистов всех их оставили в аппарате¹⁵. В индустриальном техникуме из рекомендовавшихся к «замене» 15 человек, служивших в белых армиях, пятеро сохранили работу¹⁶. Из правления «Северолеса» не был уволен Е.С. Вальков — бывший судовладелец, помощник заведующего пароходным отделом¹⁷. Решили оставить и заведующего управлением финансов Г.А. Каряпина, «служившего в армии Миллера в должности прапорщика», но «работника высокой квалификации, опытного в своём деле»¹⁸.

Однако большинство руководителей мгновенно выполняли указания «сверху». Так, аппарат Госторга в ответ на партийный запрос о выполнении директивы сообщил, что в организации нет «лишенцев», а трое, что были, уволены сразу после выхода постановления горкома ВКП(б)¹⁹. Контора Росгосстраха предоставила сведения о пяти работниках, лишённых избирательных прав, двоих из которых уволили немедленно, остальных — позже, «по заключению комиссии»²⁰.

¹¹ Там же, ф. 290, оп. 1, д. 39, л. 22.

¹² Фактически в каждом номере газеты «Правда Севера» за 1929–1930 гг. встречаются объявления о приёме на работу данных категорий специалистов.

¹³ ГА АО ОДСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 23.

¹⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 25.

¹⁵ Там же, л. 14.

¹⁶ Там же, л. 11–12.

¹⁷ Впоследствии его всё же уволили как «лишенца» (Там же, д. 2022, л. 4–5).

¹⁸ Там же, д. 1768, л. 28.

¹⁹ Речь идёт о постановлении горкома ВКП(б) «О ходе чистки и проверке аппарата городского комитета ВКП(б), городских советских партийных и хозяйственных организаций» 1929 г. (ГА АО ОДСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 2–3). Аналогичные постановления были приняты и в ряде других городов СССР, в частности, в Ленинграде. См.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, ф. Р-1203, оп. 1, д. 241, л. 1–24; ф. Р-7, оп. 1, д. 3813; ф. Р-2574Л, оп. 1, д. 760; и др.

²⁰ ГА АО ОДСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 17.

В связи с ростом промышленной инфраструктуры, ротацией кадров и хроническим дефицитом работников, в местной прессе 1930–1935 гг. постоянно публиковались объявления о приёме на работу людей различных профессий. Лесозаводам требовались бухгалтеры, экономисты и счётные работники, почте – сортировщики посылок, доставщики. Архангельским пищевым предприятиям требовались опытные завхозы, счетоводы, бондари. «Северолес» искал инженеров-техников, газета «Правда Севера» – машинисток. Дискриминационные процессы в сфере труда привели к оттоку специалистов из ведущих отраслей экономики. В то же время коммунисты и молодые выпускники вузов, заменявшие «социально чуждых» специалистов, не всегда справлялись с работой, зачастую не имели того же уровня квалификации и опыта.

Дефицит кадров в Архангельске во многом отражал общую ситуацию в стране, что вынудило Центр реагировать. 22 марта и 10 апреля 1930 г. ЦИК СССР направил на места директиву «О пересмотре списков лишённых избирательных прав с целью исправить грубые нарушения»²¹. 15 апреля в Архангельске была создана краевая комиссия по пересмотру дел «лишенцев», в которую вошли представители рабоче-крестьянской инспекции, ОГПУ, прокуратуры, профессиональных организаций. Как показала проверка, ни в одной организации не имелось точных сведений о количестве «лишенцев», а сведения о них заполнялись «на обрывках бумаги, что затрудняло прочтение»²². В списках встречаются бедняки и середняки, продававшие хлеб и нанимавшие рабочую силу на 2–3 дня. Выполняя план, местные органы власти заносили в списки даже грудных детей и умерших. Были случаи лишения избирательных прав однофамильцев²³. В ходе работы комиссии списки были заметно сокращены (табл. 1–3).

Одновременно продолжались «чистки» в государственном аппарате, предприятиях и учреждениях. В прессе началась кампания против «кулаков», обвиняемых в срыве темпов роста промышленного производства. В «Правде Севера» сообщалось о комиссии «по чистке аппарата», которая «принимает любые компрометирующие материалы на сотрудников» организаций, предприятий и учреждений города²⁴.

До массовой высылки на Север крестьян-спецпереселенцев административно-высланные были самой разнообразной и многочисленной социальной группой²⁵. В неё могли входить как рядовые граждане, так и выдающиеся ученые. Яркий пример – знаменитый физик Б.Л. Розинг, высланный из Ленинграда в результате громкого «академического дела». В Котласе он работал на одном из лесозаводов и параллельно читал лекции для инженерно-технических работников о физике, механике и свойствах древесины. Переехав в Архангельск, учёный считал большой удачей получение койки в гостиничной комнате на 14 человек, а хлебную карточку от лесотехнического института получил лишь спустя 1,5 года²⁶.

²¹ Там же, ф. 290, оп. 1, д. 391, л. 2.

²² Там же, л. 3.

²³ Там же, л. 2–3.

²⁴ Правда Севера. 1930. 1 сентября.

²⁵ Подробнее см.: *Хатанзейская Е. В.* Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 93–104.

²⁶ Подробнее см.: *Купайгородская А. П.* Борис Львович Розинг // Деятели русской науки XIX–XX вв. Вып. 1. СПб., 2001. С. 90.

Таблица 1

**Результаты работы комиссии о лишении избирательных прав по трём округам
Северного края (Архангельскому, Вологодскому, Северодвинскому)
и Архангельску в апреле 1930 г.**

Причины лишения избирательных прав	Числилось	Осталось
Прибегали к наёмному труду	2 441	1 896
Жили на нетрудовые доходы	1 525	1 172
Торговцы и посредники	4 328	3 754
Служители религиозного культа	1 935	1 857
Агенты полиции и жандармерии	1 758	1 558
Поражённые в правах по суду	1 171	939
Число семей лиц, лишённых избирательных прав	7 310	6 215
Душевнобольные	477	463
Всего	20 945	17 854

Составлено по: ГА АО ОДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 391, л. 4.

Таблица 2

Работа окружных комиссий по разбору дел о лишении избирательных прав

Территориальная единица	Всего разобрано	Отказано	Из списка исключены	Удовлетворено требованиям	На рассмотрении
Вологодский округ	519	2,6%	нет данных	2,6%	15,3%
Архангельский округ	1 907	990	365	480	72
Архангельск	454	237	—	117	—

Составлено по: ГА АО ОДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 391, л. 5–6.

Таблица 3

**Сводные статистические данные краевой комиссии
(отчёт в Крайком ВКП(б) по отдельным социальным категориям граждан)**

Категории граждан, лишённых избирательных прав	Разобрано	Восстановлено	Отказано	Не пересмотрено	Всего
Лица, прибегавшие к наёмному труду	30	10	18	2	60
Лица, живущие на нетрудовые доходы	63	18	38	7	126
Торговцы и посредники	192	58	120	15	385
Служители религиозного культа	26	14	11	1	52
Агенты полиции и жандармерии	60	16	38	6	120
Воевавшие в рядах белых армий	46	11	31	4	92
Члены семей лишенцев	111	60	40	11	222

Составлено по: ГА АО ОДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 391, л. 7.

С усилением продовольственного кризиса в стране снабжение «лишенцев» сокращалось в первую очередь. Постановлением Крайторготдела от 7 марта 1931 г. снизилась норма выдачи хлеба административно-ссылным рабочим архангельских лесозаводов до 650 г в день рабочему первой категории и 250 г — четвёртой²⁷. С 1 марта 1931 г. административно-ссылным был прекращён отпуск обедов в столовых, а с 10 марта — на лесозаводах и промышленных предприятиях Архангельска²⁸. Согласно нормам карточного снабжения в 1930 г., административно-высланным полагалась самая низкая норма хлеба (600 г рабочим и 300 г служащим), им не выдавали мясо, животное масло, макароны, чай²⁹.

Расширялась дискриминация и в сфере образования. В газетных объявлениях о наборе учащихся отмечалось, что в учебные заведения принимаются лица «правильного социального происхождения»³⁰. Так, педагогический техникум принимал в 1930 г. на одногодичные курсы только детей рабочих, батраков, колхозников³¹. Для поступления в Архангельский медицинский техникум на сестринское отделение в 1929—1930 гг. необходимо было предоставить документы о социальном происхождении и наличии у родителей гражданских прав. Эти же сведения требовались и при поступлении в школы фабрично-заводского обучения³².

Помимо экономических мер воздействия и ряда социальных запретов, живущий в Архангельске человек «чуждого социального происхождения» обрекался на каждодневное унижение. Обязательной была ежемесячная отметка в комендатуре города. Сосланный историк и краевед В.И. Смирнов так описывал эту процедуру: «Самые потрясающие очереди можно видеть на регистрации ссыльных “на тринадцатом” (комендатура лагерного пункта на Набережной ул., д. 17). Здесь, как тени из ада Данте, стоят, сидят и бродят по двору, вновь встают в очередь — в дождь и в непогоду — люди, не выдержавшие экзамена на социалистическую зрелость. Но и здесь вне очереди получают отметку о своей явке на документе высланные врачи, инженеры, техники и вообще люди, одетые получше и с портфелями»³³.

Несмотря на социальную дискриминацию, «лица чуждого социального происхождения» формировали интеллектуальный потенциал и кадровый костяк местной системы высшего образования и здравоохранения. К началу 1934 г. из 129 работников Лесотехнического института 81 являлся «административно-ссылным», в Медицинском институте таковых насчитывалось 8³⁴. Среди них оказались выдающийся хирург В.Ф. Войно-Ясенецкий (епископ Лука), профессор В.В. Преображенский, личный врач семьи Л.Н. Толстого Д.В. Никитин. В архангельской ссылке находились и известные историки — Н.И. Ульянов, М.В. Клочков, Н.Я. Новомбергский. В Водорослевом институте в 1933 г. из 32 сотрудников 19 были «чуждого социального происхождения», в том числе химик А.И. Ведринский, исследователь состава беломорских водорослей и их

²⁷ ГА АО ОДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 947, л. 20.

²⁸ Там же, л. 21.

²⁹ Там же, д. 431, л. 15.

³⁰ Правда Севера. 1930. 26 июля, 30 июля, 1 августа, 7 августа, 29 августа.

³¹ Там же. 30 августа.

³² Там же. 13 июля.

³³ Смирнов В.И. Город Архангельск в начале 1930-х гг. (Из записок ссыльного краеведа). Архангельск, 2012. С. 40—41.

³⁴ ГА АО ОДСПИ, ф. 834, оп. 1, д. 198, л. 27.

комплексной химической переработки³⁵. В 1933 г. он разработал метод получения альгиновой кислоты и альгината кальция, в 1934 г. внедрил в производство Архангельского агарового завода методику получения агара из беломорской анфельции³⁶. Другой заметной фигурой Водорослевого института был потомственный дворянин А.Г. Гемп, в 1935 г. работавший начальником научных экспедиций по обследованию запасов водорослей Белого моря³⁷.

Важной стратегией выживания для представителей дореволюционной интеллигенции была частая смена работы, рода деятельности, а нередко — и места жительства. Организации и учреждения стремились «прибрать к рукам» специалистов, которых не хватало в условиях Крайнего Севера. Тем не менее репрессии сильно ударили по квалифицированным кадрам. Так, в 1934 г. в Маймаксанской районной больнице сняли с работы 13 человек с «чуждым социальным происхождением», хотя учреждение и без того нуждалось в работниках³⁸. Всего по Архангельску и его окрестностям на 25 декабря 1934 г. были выявлены 4 265 административно-ссылных граждан, из которых большинство работали в организациях центрального Октябрьского района города (3 373 человек)³⁹.

В 1935 г. участились случаи увольнения «социально-чуждых» лиц, в том числе ссыльных, из предприятий и учреждений города, даже с незначительных должностей. В начале 1935 г. горком ВКП(б) вновь направил на предприятия и в учреждения директиву из Центра с разъяснением, чтобы высланные не допускались к работе в плановых органах, учебных заведениях, на должности экономистов и старших бухгалтеров, им запрещалась литературная деятельность⁴⁰. Однако они могли работать счетоводами, кладовщиками, кассирами, продавцами, конторщиками. Лица, имевшие высшее техническое образование, были вправе устроиться по своей специальности. О каждом приёме на работу или увольнении осуждённых за «политические преступления» организациям следовало сообщать в НКВД и согласовывать своё решение с райкомом ВКП(б)⁴¹.

В 1935 г. директор Архангельского водорослевого института был снят с работы и исключён из партии «за засорение аппарата враждебными элементами», а директор Северной рыбно-хозяйственной научной станции — «за связь с врагом народа»⁴². На животноводческой станции НКВД выявило 13 «социально-чуждых» лиц, в санитарно-бактериологическом институте — 9 специалистов «поповско-дворянского происхождения»⁴³. По требованию комсомольской организации из аппарата Госбанка были уволены административно-высланные экономист и специалист. В школе лесозавода

---

³⁵ Как записано в информационной сводке ОГПУ, А.И. Ведринский являлся «поручиком царской армии, был на территории белых в Гражданскую войну, выслан в Архангельск как проживающий на территории Деникина; во время Интервенции привлекался по ст. 58» (ГА АО ОДСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 1768, л. 11–12).

³⁶ Автобиография профессора А.И. Ведринского 1953 г. (Архив музея Истории медицины Северного государственного медицинского университета, ф. 1, оп. 1, д. 599). См. также: ГА АО ОДСПИ, ф. 296, оп. 1, д. 421, л. 8.

³⁷ ГА АО ОДСПИ, ф. 296, оп. 1, д. 421, л. 8.

³⁸ Там же, ф. 834, оп. 1, д. 178, л. 144.

³⁹ Там же, д. 198, л. 29. Подробнее см.: *Хатанзейская Е.В.* Архангельск в системе спецколонизации Северного края...

⁴⁰ Аналогичные директивы были направлены из Москвы в 1933 и 1934 гг.

⁴¹ ГА АО ОДСПИ, ф. 834, оп. 1, д. 278, л. 6–7.

⁴² Там же, ф. 296, оп. 1, д. 421, л. 7.

⁴³ Там же, л. 8.

№ 16–17 сняли с работы за «троцкизм» учителя математики⁴⁴. Усилились проверки ответственных сотрудников, имевших родственников «чуждого социального происхождения» или проживавших за границей. В эпоху Большого террора эти сведения представляли собой отягчающие обстоятельства, в особенности для лиц, уже арестовывавшихся органами НКВД. В 1936–1937 гг. выяснилось, что на лесобирже № 29 в «административно-хозяйственном аппарате на руководящих должностях оказались бывшие белогвардейцы»⁴⁵. По материалам проверки 1936 г. «ссылные граждане» работали в «Северолесе», «Сульфиттресте», «Сульфатстрое», Архангельской городской электростанции, на Судоремонтном заводе № 2⁴⁶.

Летом 1936 г., после предоставления ЦК ВКП(б) органам НКВД «чрезвычайных полномочий» сроком на один год вплоть до «полного разгрома врагов народа» архангельский горком ВКП(б) 29 сентября 1936 г. провёл два совещания: «О проверке учреждений и организаций органами НКВД» и «О революционной бдительности»⁴⁷. На всех предприятиях города были сформированы списки «классово-чуждых элементов», подлежащих замене⁴⁸. В 1937 г. увольнения по политическим мотивам стали массовыми⁴⁹. Репрессировано руководство и ключевые сотрудники Северного морского и речного пароходства, порта. «Классово-чуждым» оказался весь руководящий состав предприятия «Архпристань» (27 человек). На предприятии «Рыбтрест» выявлены 44 работника «чуждого социального происхождения», которых немедленно уволили. На руководящих должностях «Сульфатстроя» были выявлены 40 «врагов народа», в основном по принципу социального происхождения⁵⁰. Репрессиям подверглось и руководство важнейшего оборонного предприятия «Судострой»⁵¹, Архангельского бумажного комбината им. К.Е. Ворошилова, а также строительства завода № 6⁵².

Репрессии кадрового состава так или иначе коснулись всех архангельских предприятий⁵³. Увольнение с работы по политическим мотивам в этот период нередко подразумевало арест, в том числе членов семьи. За ноябрь–декабрь 1937 г. в Архангельске были арестованы 1 100 руководящих работников. Взамен на ответственную работу выдвинули около 4 тыс. человек⁵⁴. В докладной записке на имя И.В. Сталина «Об обстановке и о работе партийной организации» от 27 ноября 1937 г. первый секретарь горкома А. Никаноров, репрессированный в 1940 г., писал: «В обкоме имеется только два заведующих отделами, остальных нет. Буквально пустой облизполком, нет ни одного управляющего лесных трестов, т[ак] к[ак] они все арестованы»⁵⁵.

⁴⁴ Там же, ф. 834, оп. 1, д. 287, л. 1–2.

⁴⁵ Там же, д. 413, л. 2.

⁴⁶ Там же, д. 412, л. 18.

⁴⁷ Там же, д. 420, л. 45.

⁴⁸ Там же, д. 664, л. 238.

⁴⁹ Там же, л. 177.

⁵⁰ Там же, л. 175.

⁵¹ Ханталин Р.А. Москва–Архангельск: хроника репрессий 1930-х гг. // Репрессии в Архангельске: 1937–1938 гг. Документы и материалы. Архангельск, 1999. С. 47.

⁵² ГА АО ОДСПИ, ф. 834, оп. 1, д. 606, л. 67.

⁵³ Там же, д. 664, л. 174; д. 665, 666, 667.

⁵⁴ Там же, ф. 296, оп. 1, д. 304, л. 1.

⁵⁵ Шубин С.И., Смирнова М.А., Трофименко В.Г. Северный край (1929–1936) в истории России. Архангельск, 2009. С. 258.

К 1939 г. потери стали невосполнимыми. В докладной записке ЦК ВКП(б) от 26 июля секретарь обкома сообщил, что «высшие учебные заведения Архангельска остро нуждаются в научных работниках»⁵⁶. В 1938–1939 учебном году в педагогическом институте остались лишь один профессор и 6 доцентов, в Лесотехническом институте — 5 профессоров и 30 доцентов. Из 24 сотрудников Института иностранных языков ни один не имел учёного звания. Школы и больницы также испытывали острый дефицит квалифицированных кадров. В 1939 г. мединститут выпустил 130 врачей, но все они разъехались по районам области⁵⁷.

Формально после принятия Конституции 1936 г. на высшем законодательном уровне все «социально-чуждые» элементы получили те же права, что и другие советские граждане, но фактически дискриминация сохранялась. Анкета с графой «социальное происхождение» играла важную роль при поступлении в учебное заведение, устройстве на работу, получении жилья. Компрометирующие сведения шепетильно проверялись НКВД. Человек «чуждого социального происхождения» в любой момент мог быть уволен с работы, отправлен в лагерь, расстрелян. Жестокие репрессии, сопровождавшиеся разрушением привычного уклада жизни, лишением имущества, смертью как социальной, так и физической, наводили страх и на окружение арестованных. За исследуемый период были дважды «вычищены» руководство и кадровый костяк ключевых предприятий Архангельской обл., технические специалисты, врачи, преподаватели вузов, учителя и др. Под пристальным вниманием местных органов НКВД оказались в первую очередь ранее судимые, в особенности — по политическим статьям.

Таким образом, в советской экономике, образовании, культуре широко применялись знания и опыт обширной, искусственно созданной законодательством категории «социально-чуждых». За свой труд они получали, как правило, низкие зарплаты, что было выгодно государству, особенно в период становления местной системы образования, здравоохранения и промышленности. Нередко им приходилось выбирать: работать по специальности, или же занять место рядового рабочего или служащего, сократив риски возможного преследования за своё «происхождение». Эта дискриминационная политика усложняла процесс передачи опыта от дореволюционных специалистов, что отражалось и на производстве, и на подготовке кадров. Террор, нерациональное использование человеческих ресурсов и интеллектуального потенциала приводили к крупным просчётам, срывам планов, влияли на все сферы жизни страны. В целом, декларировавшееся в Конституции 1936 г. равенство всех граждан в правах не отражало сложившуюся к тому времени советскую социальную иерархию.

---

⁵⁶ ГА АО ОДСПИ, ф. 296, оп. 1, д. 469, л. 18.

⁵⁷ Там же, л. 69.

Трансформация социально-экономических норм в обществе Западной Белоруссии, 1939–1941 гг.: попытка институционального анализа

Янина Карпенкина

**The transformation of socio-economic rules in the society of Western
Belorussia, 1939–1941: an attempt of the institutional analysis**

Yanina Karpenkina

(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722010101

Присоединение восточных польских воеводств (Западных Белоруссии и Украины) к СССР в сентябре 1939 г. до сих пор остаётся предметом острых дискуссий¹. Основное внимание обращается на следующие сюжеты: административно-территориальное деление новых территорий БССР и УССР, национальная политика, создание плановой экономики, органов местного управления, образования и идеологического воспитания. Рассматривая преимущественно меры советской власти, исследователи оперируют такими понятиями как «репрессии», «индоктринация», «идеология», «пропаганда», «национализация». Между тем важную и недооценённую роль в советизации² присоединённого региона играли неформальные социальные практики, которые не регламентировались нормативно-правовыми актами. Цель настоящего исследования – анализ экономических и властных отношений, сложившихся в Западной Белоруссии в 1939–1941 гг.

Как пишет Д. Норт, «социальные институты – это созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»³. Основным аспектом в институциональном анализе выступает совокупность и взаимовлияние индивидуальных акторов и институциональной среды, создающей неформальные правила – неписанные и «социально санкционированные» кодексы поведения человека⁴. Наравне с формальным, неформальное

© 2022 г. Я.В. Карпенкина

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ См.: Репрессии против поляков и польских граждан / Сост. А.Э. Гурьянов. М., 1997; *Sleszyński W.* Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie: Propaganda i indoktrynacja. Białystok, 2001; *Jasiewicz K.* Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939–1941 (Białostocczyzna, Nowogródzczyzna, Polésie, Wileńszczyzna). Warszawa, 2001; *Gross J. T.* Revolution from abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton, 2002; *Sowietyzacja i rusyfikacja północno-wschodnich ziem II Rzeczypospolitej, 1939–1941* / Red. M. Gnatowski, D. Bockowski. Białystok, 2003; *Strzembosz T., Wnuk R.* Czerwone bagno: konspiracja i partyzantka antysowiecka w Augustowskiem, wrzesień 1939 – czerwiec 1941. Gdańsk: Muzeum II Wojny Światowej. Warszawa, 2009; Восень 1939 года ў гістарычнай традыцыі і вуснай гісторыі / Рэд. А. Смалянчук. Мінск, 2015.

² Под советизацией я понимаю мероприятия, направленные на создание государственных и административных структур, конструирование нового образа жизни для граждан присоединённого региона по укоренившимся в СССР образцам.

³ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 28.

⁴ Там же. С. 60. См. также: *Остром Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М., 2010.

также является обязательным для человека стандартом поведения⁵. Применяя этот методологический фокус, я рассматриваю экономические и некоторые социальные изменения в обществе западных областей, привнесённые политикой советизации и, в частности, командированными советскими служащими («восточниками», как их тогда называли). В качестве примера приведён случай, произошедший в 1940–1941 гг. в районном финансовом отделении (райфо) г. Постава Вилейской обл.⁶ На удивление целостно сохранившееся партийное расследование повествует о служебных злоупотреблениях «номенклатуры», проливает свет на экономические и управленческие практики, расширяет представление о повседневной жизни в Западной Белоруссии накануне Великой Отечественной войны⁷.

10 мая 1940 г. торговец мануфактурой Гуревич, проживавший в Поставах, получил налоговый счёт на сумму 3330 руб.⁸ 12 ноября 1940 г. во время обыска в его квартире сотрудники НКВД изъяли мужские костюмы, пальто, головные уборы и другие вещи якобы в счёт погашения неуплаченного налога⁹. Финансовому инспектору Сергею Диковичу дали поручение принести конфискованные вещи в райфо¹⁰, где он стал свидетелем их нелегального распределения между заведующим Нестеровым, его женой и заместителем заведующего Вилейского областного финотдела (облфо) Кресиным¹¹. Пользуясь случаем, фининспектор попросил у Нестерова разрешение приобрести за 180 руб. (весьма скромная по тем временам цена) мужской шерстяной костюм и фуражку¹². Свои приобретения Дикович показал местному торговцу Александру Теляку, у которого снимал комнату. Тот оценил костюм в 1 тыс. руб., и Дикович предложил продать его на «чёрном рынке» за 800 руб., из которых 200 обещал отдать за посредничество. Однако Теляк отказался помочь в этом деликатном вопросе, после чего в отношениях соседей наметился разрыв, а через два месяца Дикович съехал со съёмной квартиры.

Теляк вместе с тремя компаньонами занимался торговлей мясом согласно патенту, полученному в марте 1941 г. Однако начисленный спустя месяц налог торговец смог уплатить лишь наполовину. В ответ райфо подало на него в суд, было возбуждено уголовное дело. Дикович имел представление о реальной платёжеспособности Теляка и заявлял, что на самом деле тот живёт «роскошно» и «систематически пьянствует»¹³. Являлось ли это стремлением выслужить-

⁵ В то же время индивиды сами влияют на социальную среду, поддерживая или изменяя те или иные институализированные практики.

⁶ Вилейская обл. была создана в Западной Белоруссии в сентябре 1939 г. и просуществовала до 1944 г.

⁷ Государственный областной архив Минской области (далее – ГА МО), ф. 653П, оп. 1, д. 50.

⁸ Согласно справке районного финотдела, размер налога определялся исходя из финансовых возможностей Гуревича. См.: Там же, л. 64.

⁹ При этом Гуревич спустя шесть дней после начисления налога был освобождён от его уплаты по причине неплатёжеспособности.

¹⁰ По закону, конфискованные в счёт неуплаты налога товары становились частью государственного товарного фонда и подлежали реализации через государственную торговую сеть. Для этого конфискат сначала оценивали в райфо, а потом отправляли в райторг для последующей продажи населению.

¹¹ Примечательно, что Кресин был направлен в район с целью курирования процесса подготовки местной парторганизации к выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Однако вопрос конфискованных костюмов его занимал явно больше.

¹² ГА МО, ф. 653П, оп. 1, д. 50, л. 49.

¹³ Там же, л. 43.

ся или желанием отомстить, но показания инспектора склонили решение суда не в пользу торговца.

Теляк решил расквитаться с бывшим соседом, сообщив в прокуратуру Поставского района о незаконной покупке Диковичем костюма и о попытках его незаконной продажи. В своём доносе торговец писал: «[Дикович] сказал, что если я продам этот костюм, то он принесёт другой, но я ему ответил, что этим делом заниматься не хочу потому, что не есть я шпикулянт¹⁴... За последнее время он не стал платить за квартиру, и [я] должен был ему отказать [в аренде]. С тех пор дружеские отношения кончились, и тогда он стал наводить на меня ложные показания»¹⁵. Прокурор переслал эти свидетельства Нестерову. Этим бы, скорее всего, дело и закончилось, однако второй экземпляр своего доноса Теляк направил в Наркомат финансов БССР. В конце апреля 1941 г. финотдел Вилейской обл. получил распоряжение провести по делу «глубокую проверку» и «привлечь виновных к ответственности»¹⁶. Руководитель областного финотдела Горфункель, тоже получивший один из конфискованных костюмов Гуревича, поручил одному из своих доверенных подчинённых, фининспектору Луконину, составить отчётные материалы по якобы проведённому расследованию.

Разумеется, в подготовленном отчёте не упоминалось множество фактов незаконного распределения товаров. Так, Луконин писал о том, что со склада райфо было продано всего пять костюмов, хотя на самом деле — как минимум в три раза больше. Но самое важное — в материалах проверки говорилось, что, поскольку Дикович отрицает факт его предложения перепродать костюм, а свидетелей беседы нет, то «в этой части заявление Теляка является клеветническим»¹⁷. Акценты в отчёте были смещены с практики незаконного присвоения товаров со склада на безответственное поведение Диковича. Однако и в таком виде материалы расследования Луконина показались руководству облфо достаточно рискованными. Поэтому, когда в начале мая 1941 г. в Вилейку прибыла проверка из Наркомфина БССР и потребовала показать отчёт, Горфункель ответил, что он хранится у Кресина, который якобы в командировке. После отъезда проверяющих он велел в срочном порядке уволить Диковича. В составленной Нестеровым служебной записке были приведены следующие факты недобросовестного поведения: снизил сумму некоторых налоговых начислений на 50%; проявлял грубость к людям, «ранее угнетённым польскими властями»; опоздал на работу на 6 минут; в день католической Пасхи напился до того, что «потерял облик советского служащего» и залез на чердак конторы райфо, откуда пришлось его вытаскивать¹⁸. Отсутствие в характеристике упоминаний о тяжких нарушениях фининспектором своих должностных обязательств указывает на то, что, видимо, Дикович являлся неплохим работником. Он был не лучше и не хуже большинства своих коллег: так же вёл разгульный образ жизни, так же пренебрежительно относился к местному населению, так же по примеру руководства злоупотреблял служебным положением.

¹⁴ Грамматический полонизм, имевший хождение в этом регионе.

¹⁵ ГА МО, ф. 653П, оп. 1, д. 50, л. 47. Орфография и пунктуация сохранены.

¹⁶ Там же.

¹⁷ При этом, согласно устным показаниям Диковича, при разговоре о продаже костюма присутствовала жена Теляка (Там же, л. 42, 50).

¹⁸ Там же, л. 42. См. также: *Карпенкина Я.В.* Советские граждане в Западной Белоруссии, 1939—1941 гг. // Вопросы истории. 2018. № 6. С. 48—56.

По иронии судьбы, Дикович сам передал на подпись Горфункелю запечатанный в конверт приказ о своём увольнении. Заведующий облфо, как и Нестеров, ничего инспектору не сказал. 10 мая 1941 г. Горфункель отчитался о результатах расследования, сообщив, что «изложенные факты в заявлении Теляка в основном правильные»¹⁹, поэтому Дикович снят с работы. Это вполне удовлетворило Наркомфин БССР. Материалы по расследованию этого происшествия были рассредоточены по архивным делам областного финотдела, а большую часть переписки по этому делу Кресин хранил в своём столе.

Но и на этом история не закончилась. В начале июня 1941 г. из Вилейки в Поставы с рабочим визитом приехал один из фининспекторов. Зайдя в контору райфо, он с удивлением увидел Диковича и рассказал, что, согласно документам, того уже несколько недель как уволили. Позже Дикович вспоминал: «Зав. облфо Горфункель сговорившись с зав. Поставским райфо чтобы меня снять с работы, а сами оправдываются... и [Горфункель] меня не спросил [о причинах увольнения], так как я также в докладной записке упомянул бы остальных»²⁰. Вероятно, Дикович решил расквитаться с обидчиками и проинформировал вышестоящие инстанции (предположительно, Наркомфин БССР) об участии своего бывшего руководства в распределении конфискованных костюмов.

В том же месяце прокуратура Вилейской обл. начала проверку деятельности Кресина и Горфункеля, выявив их многочисленные злоупотребления. Кроме того, стало известно, что вместе с одеждой у Гуревича конфисковали ряд других ценных по тем временам вещей: ящик мелкого электрооборудования, отрезки кожи, кусок резины и 252 польских золотых серебром²¹. В отчёте Луколина отмечалось, что костюмов было 18, хотя на самом деле 26, не считая ещё брюк, головных уборов, мужских и женских пальто²². Систематически занижалась и стоимость вещей. Так, костюмы были оценены в 180 руб. (фактическая стоимость – 700–800 руб.), пальто – в 175 при реальной цене 400–500 руб. и т.д. Получив такую «скидку» на товар, руководящие работники распределили между собой «абсолютное его большинство»²³. К примеру, Кресин со склада райфо «взял» брюки, шляпу и три костюма. Достались вещи также редактору районной газеты, заведующим Сберкассой, районо и райторгом, старшему налоговому и бюджетному инспекторам²⁴.

Только в мае 1941 г., когда шло расследование по доносу Теляка, и Дикович уже был уволен, райфо постфактум документально оформило начисление налога на торговца Гуревича. Лишь тогда, спустя полгода после изъятия костюмов, поставскому городскому потребительскому обществу (горпо) пришлось перечислить в государственный фонд вырученные за продажу этого конфиската деньги. Но из причитавшихся 7350 руб. в счёт погашения недоимки по налогам Гуревича было передано только 3896. Куда подевались неучтённые 3454 руб. – неизвестно.

В следственных документах приведены некоторые личностные и профессиональные характеристики основных обвиняемых. Отмечалось, что Горфункель

¹⁹ ГА МО, ф. 653П, оп. 1, д. 50, л. 45.

²⁰ Там же, л. 56.

²¹ Там же, л. 64.

²² Там же, л. 42, 65.

²³ Там же, л. 64.

²⁴ Там же, л. 64–65.

совершал многочисленные нарушения прав подчинённых, например — увольнял «по сокращению штата» или понижал в должности наиболее своевольных и активных специалистов²⁵. Его заместитель Кресин во время одной из поездок в Поставы в «пьяном угаре организовал свадьбу» местных учителя и активистки, а утром «расстроил» этот «брак»²⁶. На следующий день свидетельство о браке было аннулировано, а прокурор Поставского района возбудил уголовное дело, вскоре прекращённое, так как бывшая невеста отказалась от своих претензий к Кресину²⁷.

За злоупотребления служебным положением и «несоциалистическое поведение» Кресин и Горфункель в июне 1941 г. были уволены, исключены из партии и подлежали суду. Предположительно, такая же участь ожидала заведующего райфо Нестерова и руководство горпо. Но 6 июля Поставы оккупировала германская армия, разбирательства по этим делам были прерваны и уже не возобновились.

«Восточники» и теневая экономика в Западной Белоруссии. Одной из основных мер советизации новых областей в 1939–1941 гг. стало командирование туда «восточников» — советских военных и гражданских служащих, из которых должен был сложиться административно-управленческий костяк. К началу 1941 г. все ключевые позиции в Западной Белоруссии оказались заполнены «надёжными» кадрами. Куда более серьёзные трудности возникли с созданием позитивного образа СССР. Встреча двух «миров» (западного и советского) в 1939 г. вызывала у их представителей обоюдный культурный шок. «Восточники» застали на «освобождаемой» территории невиданное ими изобилие товаров. Местное население с удивлением наблюдало, как советские граждане скупали всё, что лежало на полках магазинов. Особенно активными покупателями стали руководящие работники из других областей страны, нередко оформлявшие в этих целях командировки²⁸. Один из красноармейцев не мог понять, «в чём заключается освобождение Польши», если там «живут лучше, чем у нас». Другой в разговоре также отмечал, что «население Западной Белоруссии живёт лучше, чем население Советского Союза. Когда проезжал по деревням в праздник, то видел, что все хорошо одеты, многие имеют велосипеды»²⁹.

В 1939–1940 г. ситуация с продовольственным снабжением в Советском Союзе значительно ухудшилась. Быстро росли цены на ткани, головные уборы, бельё, трикотаж, стеклянную посуду, в ряде регионов из продажи исчезли хлеб и мука, вводились продовольственные карточки. Из-за дороговизны килограммы и литры, как меры веса, исчезли из употребления, продукты покупали стаканами (молоко), поштучно (картофель), и даже блюдечками (муку)³⁰.

²⁵ Там же, л. 60–63.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Там же, л. 65.

²⁸ В данном случае ситуации в Западной Белоруссии и Западной Украине были идентичны. Так, в сводке управления НКВД УССР за январь 1940 г. сообщалось, что выездные бригады Наркомтекстиля и Наркомлегпрома «большую часть времени посвятили личным закупкам и не привезли данных о промышленности, что было основной задачей их поездки» (*Баран В.К.* Экономические преобразования в Западной Украине в 1939–1941 годах // *Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы.* СПб., 2011. С. 172).

²⁹ НКВД в Западной Белоруссии: сентябрь–декабрь 1939 г.: документы и материалы / Сост. В.Д. Селеменев, А.Р. Дюков. Минск; М., 2019. С. 62, 70.

³⁰ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. М., 2008. С. 207–219.

Перебои со снабжением наблюдались в армии и на военно-промышленных объектах. Наиболее тяжёлое положение сложилось зимой–весной 1940 г.³¹ и совпало с направлением «восточников» в новые территории Белоруссии.

Сентябрьская военная кампания нанесла существенный материальный урон и разрушила прежние торговые связи в западных областях. Уже в октябре 1939 г. в Минск и Москву шли многочисленные доклады о перебоях в заводе продовольствия и опустении магазинов³². Советское руководство в 1939–1941 гг. стремилось решить эту проблему – продовольственные и сырьевые поставки в западные области БССР превышали объём обеспечения восточных областей республики; нормы продажи товаров в одни руки были больше, чем в остальных регионах страны. Но этого оказалось недостаточно, острый дефицит сохранялся³³. Так, поставки в Белостокскую обл. в III квартале 1940 г. не превышали 20–30% от запланированной нормы, некоторая продукция (например, валяная обувь) не поступала вовсе³⁴. Приобретая территории с населением более 12 млн человек, Советский Союз оказался не в состоянии должным образом обеспечить их даже основными товарами.

Серьёзно усугубляли продовольственный кризис меры новой власти по борьбе с частным рынком. Главным инструментом стали налоги, уже в ноябре 1939 г. повышенные на 50% для владельцев торгово-промышленных предприятий и прочих лиц с «нетрудовыми доходами» (например, землевладельцев)³⁵. Работы лишились торговцы десятков тысяч разорившихся лавок, до войны бывших основой торговой инфраструктуры в Восточной Польше. Не имея иных возможностей заработать, большинство из них продолжили свою деятельность подпольно. В нелегальных сделках купли-продажи участвовали даже юридические лица: предприятия приобретали на «чёрном» рынке необходимое оборудование, а рестораны – продукты питания³⁶.

Несмотря на суровое наказание (лишение свободы на 5–10 лет без права применения амнистии³⁷) в Советском Союзе спекуляция стала распространённым и прибыльным занятием³⁸. Дж. Хесслер отметила, что колоссальные

³¹ Там же.

³² НКВД в Западной Беларуси... С. 28, 75.

³³ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НА РБ), ф. 4П, оп. 1, д. 14536, л. 9.

³⁴ Yad Vashem Archive. Спецсообщения и докладные работников НКВД, суда и прокуратуры об антисоветской деятельности контрреволюционных и враждебных элементов (RG-М.41*3097. Item ID: 6195191, л. 5–6).

³⁵ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 14728, л. 55–57.

³⁶ В довоенной Польше также имела место «теневая» экономика. Но в отличие от «советского варианта», на польском «чёрном» рынке торговали не продуктами первой необходимости, а валютой и предметами роскоши, добытыми с помощью контрабанды и грабежа (*Дюллен С.* Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е. М., 2019. С. 131–148; *Полуян И.* Западная Белоруссия в период экономического кризиса (1929–1933 гг.). Минск, 1991; *Ляхоўскі У., Наішчынец К.* Кантрабанда ў БССР у 1920–1930-х гг.: сацыяльна-эканамічнае вымярэнне // *Архе Пачатак*. 2015. № 11. С. 295–323). Соответственно, в межвоенные годы участие местных жителей в работе «чёрного» рынка не было всеобщим.

³⁷ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1937. С. 166–168.

³⁸ О роли спекуляции в советской плановой экономике см. подробнее: *Nove A.* An economic history of the USSR 1917–1991. L., 1992; *Ledeneva A.V.* Russia's economy of favours: Blat, networking and informal exchange. Cambridge, 1998; *Hessler J.* A Social history of Soviet trade. Trade policy, retail practices, and consumption, 1917–1953. Princeton; Oxford, 2004; *Heinzen J.* The art of the bribe: corruption under Stalin, 1943–1953. New Haven; L., 2016; *Хлевнюк О.В.* «Толкачи». Параллельные стимулы в сталинской экономической системе. 1930-е – 1950-е годы // *Cahiers du Monde Russe*. 2018. Т. 59. № 2–3. С. 233–254; *The soviet economy and the approach of war, 1937–1939* / Ed. by R.W. Davies,

масштабы и разнообразные формы частной торговли в СССР позволяют говорить о формировании в сталинском обществе особой «культуры дефицита». Для неё характерна ситуация, при которой каждый может одновременно быть и продавцом, и покупателем. Дж. Хейнцен предлагает рассматривать коррупцию в СССР как разновидность «искусства», «практику, которую мы можем понимать как тип переговоров, формируемых культурными контекстами и отношениями, а не просто как социально опасное преступление или моральное зло»³⁹. На примере Магнитогорска С. Коткин показал, что ввиду почти полного отсутствия государственной торговой инфраструктуры и товаров народного потребления, потребительский спрос насыщался почти исключительно за счёт нелегальной рыночной активности общества. Такая модель способствовала стабилизации сталинского режима, но в то же время размывала понятия законности и преступности⁴⁰.

Поскольку в западных областях БССР процесс налаживания советской торговой сети проходил не слишком успешно, в начале 1940 г. республиканское правительство пошло на временное сохранение предпринимательства, выдавая патенты на занятия кустарным ремеслом, мелкой торговлей. Однако из-за высоких налогов многие торговцы и кустари массово сдавали патенты уже через несколько месяцев после получения. Популярной стала практика, при которой за одним патентом скрывались нелегальные предприятия и группировки (вероятно, такой формат работы давал больше возможности уплатить требуемый налог).

В Западной Белоруссии на первое место по доходности вышла спекуляция мясными продуктами. Не желая вступать в колхозы и обобществлять своё имущество, крестьяне массово продавали свой скот нелегальным скупщикам⁴¹. Так, в декабре 1940 г. в Белостоке были задержаны пять человек, которые занимались перепродажей мяса, имея лишь один патент. Кроме скота и большого количества овчин, у них при аресте обнаружили 131 тыс. руб.(!)⁴². В связи с этим можно предположить, что материальный достаток поставского торговца мясом Теляка действительно мог быть сравнительно высоким. Характерно также, что он держал предприятие, в котором кроме него работали ещё по крайней мере три человека, не имевших патента.

Советская экономическая модель, со свойственным ей балансом официального и «теневое», в считанные месяцы была экстраполирована на новое пограничье. Во многом этому поспособствовали «восточники», учившие новых сограждан «искусству» жить по-советски⁴³. Одной из привнесённых практик «культуры дефицита» стало давно известное в СССР закрытое распределение товаров⁴⁴. Популярным был вариант продажи по «магазинным спискам»⁴⁵, в которые включались, как правило, привилегированные местные чиновники.

M. Harrison, O. Khlevniuk, S.G. Wheatcroft. L., 2018; *Khlevniuk O. The Pavlenko construction enterprise. Large-scale private entrepreneurialism in Stalin's USSR // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71. № 6. P. 892–906.*

³⁹ *Heinzen J. The art of the bribe... P. 95.*

⁴⁰ *Kotkin S. Magnetic mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. P. 279.*

⁴¹ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 16867, л. 3.

⁴² Там же, д. 16848, л. 228.

⁴³ *Pinchuk B.-C. Shtetl Jews under Soviet Rule: Eastern Poland on the eve of the Holocaust. Oxford, 1990. P. 63.*

⁴⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 220, л. 54–55.

⁴⁵ Там же, д. 225, л. 55.

Дефицит нередко доставляли на дом. Мойше Канторович, житель местечка Шершев (недалеко от Бреста), в 1939 г. работал курьером в местном отделении райпотребсоюза. Свои должностные обязанности он вспоминал так: «Товары всегда доставляли в небольшом количестве, и население... даже не знало об их поступлении. В мои задачи входило тайно разносить эти товары по домам восточников... Причём я должен был вручать дефицитные товары именно жёнам восточников. Это делалось на случай обнаружения этих махинаций, чтобы восточники могли сделать вид, что сами лично не были осведомлены о данной схеме и не участвовали в ней»⁴⁶.

Для того чтобы разобраться в сути поведения «восточников», необходимо обратиться к истории неформальных связей в среде сталинской бюрократии. Как известно, номенклатура важнейших должностей, подлежащих утверждению в Москве, была принята в 1926 г. с целью введения повсеместного партийного контроля. Однако эта мера так и не привела к жёсткой централизации. Сложная система подчинения включала разнообразные и многочисленные нелегальные каналы и связи⁴⁷. Важной частью социальной иерархии на всех уровнях стал клиентелизм. Лояльность и личное продвижение шли рука об руку, а «отношения покровительства пронизывали всё советское общество»⁴⁸.

На пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. И.В. Сталин говорил в том, что нередко местные руководители подбирают себе подчинённых не по мотивам и компетенциям, а по знакомству или землячеству⁴⁹. Действительно, все более или менее влиятельные советские чиновники разных ведомств и учреждений стремились к тому, чтобы с ними работали «свои» люди. Это давало возможность контролировать поток информации, идущий к высшему начальству, а также по-своему понимать директивы и указания, спущенные «сверху». Такие патрон-клиентские отношения (в документах тех лет – «семейственность») предоставляли региональным и отраслевым ведомствам относительную независимость.

Порицаемая на официальном уровне, эта социальная модель фактически являлась общепринятой. Преданность окружения была исключительно важна для сохранения влияния и власти⁵⁰. Как пишет О.В. Хлевнюк, для краевых и областных руководителей «моральная чистота... не входила в число первостепенных критериев оценки работника, по крайней мере, до тех пор, пока “морально-бытовое разложение” не выходило за определённые рамки и не становилось предметом громкого скандала, который *не удавалось* замять (курсив мой. – Я.К.)»⁵¹. Эта специфика зафиксирована и в деле поставского райфо. Горфункель стремился держать рядом только лояльных подчинённых, а Нестеров до последнего не решался отправить в отставку провинившегося Диковича.

---

⁴⁶ *Kantorowitz M.* My mother's bequest: from Shershev to Auschwitz to Newfoundland [Canada], 2004. P. 186.

⁴⁷ См.: *Хлевнюк О.В.* Система центр–регионы в 1930–1950-е годы. Предпосылки политизации «номенклатуры» // *Cahiers du Monde Russe*. 2003. Т. 44. № 2–3. С. 253–268. См. также: *Gregory P.R.* The political economy of Stalinism. Cambridge, 2004. P. 110–242.

⁴⁸ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 134.

⁴⁹ Там же. С. 44.

⁵⁰ *Хлевнюк О.В.* Центр–региональные отношения в 1930-е годы. Лоббирование и клиентелизм в сталинской системе управления // *Вестник Московского университета*. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2004. № 3. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 14.

В советской властной системе довоенных лет прослеживалось весьма терпимое отношение к «морально-бытовому разложению». В архивных документах западных областей БССР часто упоминаются банкеты (нередко за счёт госсредств) и «хулиганские» происшествия во время них, свидетельства многочисленных злоупотреблений служебным положением «восточников», их связей с «сомнительными женщинами» и с «чуждым спекулятивным элементом»⁵². Важнейшим способом формирования «круговой поруки» были коллективные нарушения «партийной морали». Хлевнюк объясняет этот феномен тем, что «в сталинской системе руководители нередко предпочитали иметь дело со скомпрометированными подчинёнными, которые нуждались в защите, а следовательно, зависели от своего патрона»⁵³. Так создавались «административные клики», состоящие из начальников местных учреждений и партийной «номенклатуры». Неслучайно в распределении конфискованных у Гуревича костюмов участвовали только ключевые поставские чиновники (редактор районной газеты, заведующие районо, Сберкассой, райторга и «д[ругие] р[уководители]»⁵⁴).

Власть, с присущими ей «византийскими» нравами, направляла на места не директивы с чёткими инструкциями, а «сигналы» о проблеме, которую необходимо как-то решать. Как пишет Ш. Фицпатрик, иногда это приводило «к самым нелепым результатам, когда, например, определённые категории должностных лиц не ставились в известность об инструкциях, имевших к ним непосредственное отношение, потому что инструкции были секретными»⁵⁵. Эта социальная практика сильно напоминает процедуру увольнения Диковича.

В Западной Белоруссии советская социальная иерархия и поддерживающие её нормы приобрели свою специфику. В 1939–1941 гг. местному обществу была присуща ярко выраженная дихотомия «свой–чужой», а на взаимоотношения между социальными группами влияли межкультурные противоречия. «Восточники» ощущали себя в регионе хозяевами, относились к населению снисходительно, нередко – пренебрежительно. По свидетельству современницы, они «были нашими господами и имели право на всё»⁵⁶. Такое положение способствовало нарастанию социальной напряжённости. Белостокский школьный учитель в ноябре 1940 г. жаловался, что коммунисты «только издеваются над народом... Я поссорился с заведующим отделом народного образования Горошко из-за того, что он называет меня товарищем; сыт[ый] голодному не товарищ. Они приехали из восточных областей, получают большую зарплату, а нас морят голодом, называя товарищами»⁵⁷. Характерная для взаимоотношений «западников» и «восточников» мнительность частично объясняет взаимное недоверие Теляка и Диковича, а также неготовность торговца помочь финансисту с продажей костюма.

Патрон-клиентские связи возникали и в отношениях между приезжими и местными, чему сильно способствовала жилищная политика советской власти. В 1940 г. всё частное жильё, превышавшее определённую «жилищную

⁵² См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 218–240.

⁵³ Хлевнюк О. В. Центр-региональные отношения... С. 14–15.

⁵⁴ ГА МО, ф. 653П, оп. 1, д. 50, л. 64–65.

⁵⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм... С. 37–38.

⁵⁶ Ватова О. Всё самое важное. М., 2014. С. 47.

⁵⁷ НА РБ, ф. 4П, оп. 1, д. 15345, л. 21.

норму»⁵⁸, было муниципализировано или национализировано. Как правило, эти помещения превращались в коммуналки, а бывшим хозяевам приходилось на равных условиях делить место с новыми жильцами⁵⁹. Некоторые «западники» стремились поселить у себя приезжих советских чиновников. Хозяева предлагали им лучшие комнаты и всячески старались поддерживать добрососедские отношения, добываясь таким путём расположения и защиты. К примеру, в Белостоке в январе 1940 г. «восточник» Лебедев, руководитель областной конторы Заготльна, вселился на квартиру к бывшему владельцу фабрики, а через неделю принял его на работу и защитил от окончательного выселения, подключив свои связи в Горжилуправлении⁶⁰. Аналогичный случай зафиксирован в воспоминаниях М. Канторовича. В 1940 г. его дядя, бывший крупный торговец, «взял» к себе на квартиру «восточника», благодаря чему не только избежал национализации своего жилья, но получил для себя и для ряда своих родственников «хлебные» должности в райпотребсоюзе⁶¹. Схожую картину можно увидеть и в поставской истории. Вероятно, Теляк пригласил к себе Диковича в качестве жильца с определённым умыслом, ведь его соседом становился фининспектор — важнейшая для торговца фигура.

Впрочем, сталинская административно-управленческая система не отличалась стабильностью, и выбросить чиновника «с положенной ему орбиты казённого кружения»⁶² мог любой, даже самый незначительный случай. При определённом стечении обстоятельств на свет извлекались скрытые в обычное время подробности «номенклатурной» жизни. Зачастую поводом служила личная обида одного из членов «бюрократического семейства», что и произошло в поставском райфо. При этом наказание «маленького человека», винтика большой коррумпированной системы, было весьма в духе сталинской властной иерархии. Советский политический режим имел обыкновение отрекаться от своих слуг, наказывая их за свои же грехи. Ровно это и произошло с Диковичем, а позже и с его коллегами Кресиным и Горфункелем в 1940–1941 гг.

* * *

Советизацию бывших польских территорий прервало нападение Германии на СССР. Столь непродолжительное, но весьма тесное соседство советских граждан с местным населением способствовало их постепенному сближению. Тем не менее новоприобретённое в 1939 г. западное пограничье по культуре и уровню жизни отличалось от СССР. Попав в этот инокультурный регион, «восточники» в определённой степени переживали десоветизацию. Некоторые из них возвращались к религии⁶³, многие пересматривали свои политические убеждения и абсолютно все увлечённо занимались самообеспечением.

⁵⁸ Норма «жилплощади» разнилась. Например, в Белостоке в апреле 1940 г. она составляла 4,2 кв. м на человека (РГАСПИ, ф. 17, оп. 22, д. 228, л. 41; д. 220, л. 129).

⁵⁹ Реже в таких помещениях открывались конторы многочисленных советских «учреждений» (См.: Карпенкина Я. В. «Квартирный вопрос» в Западной Белоруссии и еврейское население, 1939–1940 гг. // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 45. 2018. № 1. P. 73–98).

⁶⁰ НА РБ, ф. 4, оп. 1, д. 15268, л. 2.

⁶¹ Kantorowicz M. My mother's Bequest... P. 190–191.

⁶² Лейбович О. Маленький человек сталинской эпохи: попытка институционального анализа // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции, Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 171.

⁶³ ГА МО, ф. 614, оп. 1, д. 31, л. 8.

Если рассматривать процесс советизации западных областей в широком контексте, то в 1939–1941 гг. этот регион предстаёт в виде своего рода «советского социума в миниатюре». Случай в Поставах наглядно демонстрирует, как порождённый планово-распределительной экономикой дефицит формировал специфическую норму социальных отношений и своеобразные этические представления. По образному выражению С. Коткина, советская система представляла собой «сплав» законного и «теневого», при этом неформальные и нелегальные подсистемы способствовали стабилизации политического режима⁶⁴.

Я.Т. Гросс назвал политику советизации западных областей БССР и УССР «революцией из-за границы»⁶⁵. Этот концепт нуждается в некотором уточнении, но в 1939–1941 гг. действительно наблюдался весьма интенсивный «экспорт» советских институтов, привнесение формальных и неформальных практик социальной коммуникации (в данном случае, секретного распределения, лоббизма, клиентелизма, системы «сигналов из центра»). Ценности и образы мыслей «восточников» также ощутимо влияли на социальную среду в новом пограничье. К 1941 г. нормой экономического поведения в западных областях стало распределение нелегально конфискованных товаров, которые были спрятаны для продажи на нелегальном рынке.

История, произошедшая в Поставах в 1940–1941 гг., могла в то время произойти практически в любом уголке СССР. К июню 1941 г. создание советской институциональной среды в новом пограничье было в целом завершено, чего нельзя сказать о «ментальной» советизации. Местные жители, тем не менее, успели ощутить все «прелести» советской повседневности. В июле 1945 г., согласно советско-польским соглашениям о репатриации, часть выходцев из Западных Белоруссии и Украины вновь получила статус польских граждан⁶⁶. К августу 1946 г. из Советского Союза в Польшу возвратились 228 814 бывших польских граждан. Массовая волна послевоенной репатриации среди прочего указывает на отношение «западников» к советской социальной среде, которая была сформирована в эпоху сталинизма.

---

⁶⁴ *Kotkin S. Magnetic mountain... P. 536.*

⁶⁵ *Gross J. T. Revolution from abroad...*

⁶⁶ В документах шла речь о поляках и евреях, которые до 17 сентября 1939 г. состояли в польском гражданстве (ГА РФ, ф. 9415, оп. 3, д. 1400). Основанием для репатриации мог быть советский паспорт с соответствующей отметкой о принадлежности заявителя к польскому гражданству, а также военный билет, свидетельство о рождении, диплом и т.п. (*Пискунов С.А. Возвращение на Родину: Участие переселенческих органов РСФСР в репатриации польских и советских граждан в 1945–1946 гг. // Социум и власть. 2012. № 5(37). С. 111, 112.*)

**Иностранцы в СССР: режимные ограничения и контроль
от «венгерской осени» до «чехословацкой весны»
(вторая половина 1950-х — 1960-е гг.)**

Виктор Иванов

**Foreigners in the USSR: regime restrictions and control over them
from the Hungarian autumn to the Czechoslovak spring
(second half of the 1950s–1960s)**

Viktor Ivanov

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.31857/S0869568722010113

Противоборствующие послевоенные системы (СССР и Запад) рассматривали свои культурные и интеллектуальные связи не только сквозь призму превосходства и неполноценности, как это происходило в 1920–1940-х гг.¹, но и через новые алгоритмы холодной войны 1950–1960-х гг. Одними из первых это почувствовали граждане, пребывавшие в статусе «иностранцев». Многие, с чем они столкнулись в эти годы в Советском Союзе, было «замешано» на избыточной, как им представлялось, подозрительности и излишне строгом контроле за ними со стороны системы.

Вообще отношение к иностранным гражданам в эти годы как никогда ранее отражало весь спектр непростых межгосударственных и внутривнутриполитических проблем, подпитываемых «плохой родословной» так называемого иностранного вопроса не только в СССР, но и в других государствах мира. Хотя их правительства и провозгласили общие принципы отношений между народами и странами, на практике они предпочитали более осмотрительную и избирательную тактику общения и работы с иностранцами. Не обходилось и без политико-идеологического лицемерия. Причём нередко о проблемных местах в организации въезда, пребывания, перемещения и выезда иностранцев в открытых публикациях не сообщалось, а материалы служебной (закрытой) переписки по этим вопросам были практически недоступны для исследовательского анализа и обобщения.

Такое положение отразилось на историографии проблемы, в которой преобладали тематические работы преимущественно организационно-правового, идеологического, пропагандистского направления. Они обходили вниманием комплексы противоречий и узлы напряжения, касавшиеся пребывающих в СССР иностранцев, в частности, проблемы, связанные с режимными ограничениями и специальными мерами контроля. В отдельных публикациях они маскировались. Так, в работе М.М. Богуславского и А.А. Рубанова утверждалось о легкодоступности получения въездных виз в СССР гражданам капиталисти-

---

© 2022 г. В.А. Иванов

¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / Пер. с англ. В. Макарова. М., 2015. С. 19–20.

ческих стран, придерживающимся реакционных взглядов, говорилось о полной свободе передвижения иностранцев по территории страны, в частности посещения ими «по своему выбору» предприятий, колхозов и других объектов². Помимо этого, во многих работах вопросы режимных ограничений и контроля за иностранцами вовсе не обозначались. Обошёл их молчанием даже вышедший в 1986 г. сборник нормативных актов по вопросам иностранного туризма в СССР³. Это касается и ряда более поздних работ по данной теме.

Впрочем, в исследованиях конца 1960-х — начала 2000-х гг. вышеупомянутые темы всё же затрагивались⁴. Это были важные попытки осмыслить то, как режиссировалась система различного рода ограничений и наблюдений за иностранцами, находящимися в стране. Однако в них практически опущены или представлены недостаточно полно надлежащие аргументации и пояснения, природа некоторых ограничительных мер осталась неясной. Между тем без понимания существа мотивации властных структур невозможно уяснить важные аспекты конфликта двух политико-идеологических систем.

Некоторые исследователи развивали тезис об идеологической опасности иностранцев для советского общества, объясняя этим необходимость наблюдения и контроля за ними, а также попыток воздействия на их представления, формирования «правильных» впечатлений. Наиболее заметной работой по проблеме идеологической обработки иностранцев стал коллективный труд «Советское зазеркалье. Иностранцы в СССР в 1930–1980-е годы»⁵. В нём не только упоминаются соответствующие методики и инструкции, но и приводятся примеры ведения самими иностранцами пропагандистских акций, сбора ими материалов о жизни в СССР и др. Из-за этого органы советской пропаганды и агитации считали их «опасными каналами возможного распространения антисоветских настроений», чем, в свою очередь, обосновывалась необходимость тщательного наблюдения за ними⁶. Уже в 1950–1960-х гг. оформилась «охранительная» тенденция, выразившаяся в стремлении советских властей к тотальному идеологическому контролю за иностранцами⁷. Как и в 1920–1940-х гг., их учили тому, как следует наблюдать за советской действительностью и интерпретировать увиденное⁸.

---

² *Богуславский М.М., Рубанов А.А.* Правовое положение иностранцев в СССР / Изд. 2, перераб. и доп. М., 1962. С. 45–46, 51, 53. Позже Л.Н. Галенская в учебном пособии с аналогичным названием фактически продублировала эти тезисы, напомнив учащимся, в частности, о дверях, широко открытых для иностранцев, знакомящихся с жизнью советской страны (с. 47).

³ Сборник нормативных актов по вопросам иностранного туризма в СССР / Под ред. В.И. Гордеева. Ч. 1. М., 1986.

⁴ *Ананьев М.А.* Международный туризм. М., 1968; *Крымская А.С.* Советский образ жизни глазами американских стажёров 50-х — 70-х гг. XX века: из воспоминаний и интервью // Новейшая история России. 2013. № 2; *Кисиль В.И., Пастухов В.П.* Правовой статус иностранцев в СССР. Учебное пособие. М., 1987; *Альбац Е.* Мина замедленного действия. Политический портрет КГБ. М., 1992; *Варлен-Бевз М.Г.* Развитие законодательства о гражданстве на территории СССР (1917–1991 гг.) // Право и жизнь. 1998. № 14; *Барановский В.Д.* Холодная война. XX век. М., 2018; и др.

⁵ Советское зазеркалье. Иностранцы в СССР в 1930–1980-е годы: учебное пособие / Авт.: В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, К.А. Мазин, А.А. Федупин, Й.Й. Шнайден. М., 2007.

⁶ *Силина Л.В.* Иностранцы в СССР и выезд советских граждан за рубеж в 1960-е гг. (по материалам отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС) // Наука и школа. 2010. № 4. С. 136.

⁷ *Хриун В.А.* Иностранцы в Советской России в 1950-е — 1960-е гг. (на материалах Ленинграда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 5.

⁸ *Нагорная О.С.* Зазеркалье советской модерности: внешнеполитические презентации СССР в эпоху «великого перелома» // Российская история. 2017. № 3. С. 166.

Источниковую базу данной статьи составили опубликованные в режиме «для служебного пользования» сборники документов 1969–1985 гг. Они содержат материалы, отражающие специфику деятельности различных учреждений и ведомств, работавших с иностранцами в 1950–1960-х гг.⁹ Их анализ позволил составить представление о практике государственного контроля над иностранными гражданами, характере запретов и ограничений по отношению к ним в эти годы.

С позиции советского руководства принцип мирного сосуществования двух мировых систем вовсе не означал терпимости к «западной культурной дипломатии» (научным, деловым, творческим контактам, обменам, туризму и др.). Напротив, предполагалось, что некоторые иностранцы, приезжающие в СССР, «по определению» собирают порочащие материалы или ведут «враждебную пропаганду»¹⁰. У подобного мнения, казалось, имелись основания. Так, например, в январе 1956 г. в местные органы внутренних дел поступило распоряжение союзного МВД «О полётах иностранных воздушных шаров над территорией СССР», в котором сообщалось о содержании шаров, сбитых ПВО на большой высоте, в том числе над территориями стран народной демократии. В них находились передающая и приёмная радиоаппаратура, кино- и фотокамеры, листовки антисоветского содержания. Первичная информация о минировании подобных грузов вскоре была опровергнута¹¹, а в июне того же года 2-е главное управление КГБ при Совете министров СССР (СМ СССР) предупредило о подготовке на английской авиабазе в Ливерпуле очередной операции по запуску больших воздушных шаров¹².

К середине 1950-х гг. органы госбезопасности создали и поддерживали жёсткий контрразведывательный режим, эффективность которого достигалась, среди прочего, за счёт максимального ограничения контактов советских граждан с иностранцами¹³. Венгерские события 1956 г. не только ускорили «перенастройку» КГБ и МВД на новые внутренние задачи, но и существенно скорректировали их позицию по «иностранному вопросу». Он, как и раньше, контролировался на уровне Президиума ЦК КПСС. Причём государственные и общественные организации обязывались беспрекословно выполнять все предписания «органов», касавшиеся иностранцев. Перемены отражали, по крайней мере, два важных положения: ужесточение процесса регулирования пребывания иностранцев в стране и более обстоятельный контроль «органов» и других формирований (народные дружины, группы актива, гиды-переводчики и др.) над иностранцами (не только из капиталистических, но и из стран «народной демократии») на предмет их идеологической и пропагандистской

---

⁹ Сборник нормативных актов по вопросам иностранного туризма в СССР / Под ред. В.Е. Иванова. М., 1969; Положение о порядке работы с иностранными делегациями и специалистами. М., 1981; Методические рекомендации по порядку приёма иностранцев. В помощь министерствам, ведомствам, предприятиям, учреждениям и организациям. Тбилиси, 1985; Некоторые вопросы протокольной практики. Тбилиси, 1985; Краткое методическое руководство по приёму иностранных делегаций и отдельных иностранцев, прибывающих в Советский Союз по линии Минрыбхоза СССР. М., 1986.

¹⁰ Советское зазеркалье... С. 245.

¹¹ Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. (далее – ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл.), ф. 1, оп. 1, д. 298, л. 4–5.

¹² Там же, л. 29.

¹³ Христовов В.С. История страны в документах архивов ФСБ России. Сборник статей и материалов. М., 2013. С. 729–730.

деятельности среди советских граждан. Руководство страны считало эти меры вынужденными в свете кризисных событий в Польше, ГДР, Венгрии и других восточноевропейских странах, а также усилившейся активности зарубежных спецслужб и их эмиссаров¹⁴.

Стереотипы о «враждебном Западе» нередко поддерживались открытыми признаниями самих организаторов антисоветских акций¹⁵. По оценке органов госбезопасности, им было «сподручнее» работать с незначительным количеством находящихся в стране иностранцев, изолируя их от контактов с гражданами. Это позволяло успешно формировать «определённый менталитет у советских людей, основными чертами которого стали боязнь общения с иностранцами и подозрительность в отношении представителей европейских государств»¹⁶.

Однако остановить постоянно расширявшийся со второй половины 1950-х гг. поток иностранцев в соцстраны в форме массового туризма, научного, культурного и образовательного обменов, частных и деловых поездок оказалось невозможно, даже прибегая к аргументации об «опасном и агрессивном Западе». В этой связи советское руководство намеренно изыскивало, как считалось, эффективные и скрытые от западной общественности и прибывающих иностранцев способы более тщательного контроля за ними.

Анализ архивных материалов, относящихся к этому периоду, показывает, что одной из сфер, где ограничительные меры должны были, с точки зрения властей, сработать наиболее результативно, стала регламентация въезда, перемещения и выезда из СССР. Причём вводимые ограничения не прописывались в общедоступных и открытых юридических актах, а содержались в основном в закрытых ведомственных нормативных документах (предписаниях, приказах, директивах, инструкциях, рекомендациях и т.п.).

Въезд, пребывание и выезд иностранцев (если не имелось специальных соглашений) носили разрешительный характер. Допуская въезд, власть желала знать мотивы и цели поездки, по крайней мере, для того чтобы содействовать их реализации или своевременно остановить эту процедуру и т.п. В этой связи, к примеру, стремились не допускать въезда лиц (даже из «братских» стран), имевших двойное гражданство¹⁷. Правда, вплоть до 1956 г. непризнание такового не получало юридического выражения ни в положениях о гражданстве СССР 1924, 1930 и 1931 гг., ни в законе о гражданстве (1938)¹⁸. Эта неопределённость нередко использовалась для отказа во въезде тем иностранцам, пребывание которых, по оценке «органов», считалось нежелательным. События в странах соцлагеря ускорили принятие соглашений по этой проблеме, подписантами которых стали Венгрия, Румыния, Чехословакия, Болгария и др.¹⁹

---

¹⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2003. С. 212, 985; Лубянка: органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ. 1917–1991. Справочник / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2003. С. 691.

¹⁵ *Пачета И.М.* Дезинформация. Тайная стратегия абсолютной власти / Пер. с англ. А.Б. Мовчан. М., 2016. С. 466.

¹⁶ *Хаустов В.Н.* Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения – потенциальные «агенты буржуазных разведок» // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. М., 2008. С. 219.

¹⁷ *Смирнова Е.С.* Регулирование конституционно-правового статуса иностранцев в советской и постсоветской России // Россия и современный мир. 2004. № 1. С. 101.

¹⁸ *Варлен-Без М.Г.* Развитие законодательства о гражданстве... С. 133.

¹⁹ Ведомости Верховного совета СССР. 1956. № 16; 1958. № 1, 4, 5, 7–9, 17, 35; 1963. № 30.

Впрочем, надо отметить, что многие детали и темы, относившиеся к безгражданству, правовому положению иностранцев, праву убежища и другим вопросам, не получили окончательного разрешения и в международном праве, о чём не раз заявляли отечественные юристы-международники²⁰. Но и «разрешительная система» въезда, пребывания и выезда иностранных граждан, широко распространённая в других странах²¹, в Советском Союзе воспринималась скорее как ограничительная, жёстко регламентируемая, не допускающая импровизации и конформизма. В связи с этим возникало немало проблем как у иностранцев, так и у принимающей стороны.

Так, например, к весне 1957 г. в советских посольствах и консульствах на территории ФРГ, Японии, Италии, Финляндии и ряда других стран скопилось большое количество заявлений от организаций, учреждений и частных лиц, желавших в составе делегаций и туристических групп посетить летом этого же года места погребений бывших военнопленных и интернированных из этих государств, захороненных в СССР в 1940–1950-х гг. Немногочисленные ходатайства иностранных граждан об эксгумации и отправке на родину останков их умерших родственников из числа таковых отложились к этому времени также в МВД и Генеральной прокуратуре СССР. Выяснилось, что к такому повороту дел власти были не готовы. Прошедшая в апреле 1957 г. коллегия МВД рассмотрела вопрос о состоянии кладбищ, организованных в своё время лагерями и спецгоспиталями для захоронения умерших, и констатировала их крайнюю запущенность, невозможность персонального установления искомых могил и т.п.²² Фактически на местах требования директив бывшего Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР № 28/2/23 от 24 августа 1944 г. и № 25/74 от 7 декабря 1945 г. по вопросам захоронений военнопленных не выполнялись²³. При таком состоянии о допуске иностранцев к местам захоронений их соотечественников не могло идти речи. Видимо, этим и объясняется то, что в диппредставительствах за границей, не объясняя причин, стали заявлять, что посещать подобные места «не представляется возможным», а внутри страны в начале марта 1960 г. МВД СССР обязало Главное управление мест заключения МВД РСФСР срочно восстановить эти кладбища и «не допускать их посещение представителями иностранных государств и иностранными делегациями, передачу им данных о кладбищах и захороненных на них лицах»²⁴.

Не увенчались успехом и предпринятые в эти годы попытки иностранцев разыскать на территории СССР своих родственников, расстрелянных, осуждённых и пропавших без вести в 1930–1940-х гг. Определённую роль в этом сыграл совместный приказ КГБ и МВД от 28 января 1961 г., который на основании решения Президиума СМ СССР от 15 декабря 1959 г. ввёл в действие инструкцию «О порядке исполнения запросов Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР о розыске на территории РСФСР советских и иностранных граждан, а также лиц без гражданства». Фактически

²⁰ *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Камо грядеши... К 60-летию деятельности Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. 2009. № 1. С. 134–135.

²¹ *Галенская Л.Н.* Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1982. С. 35–40.

²² ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 215, л. 121–122.

²³ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорюлько. М., 2000. С. 462–463, 479–480.

²⁴ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 250, л. 11.

давать иностранцам информацию по существу вопроса запрещалось. Так, п. 11 предписывал органу КГБ или МВД, готовящему ответ исполкому организации, руководствоваться следующим: «В ответе в капиталистическую страну об иностранном гражданине и лице без гражданства, содержащемся в местах лишения свободы, сообщается о том, что местонахождение разыскиваемого не установлено... В посылаемом за границу ответе об иностранце или лице без гражданства, умершем в заключении или расстрелянном, сообщается только о дате смерти без указания каких-либо других обстоятельств к ней относящихся»²⁵.

Вместе с тем в редких случаях, учитывая дружеское расположение того или иного зарубежного правительства к политике Советского государства, руководство страны позволяло удовлетворить его просьбы относительно судьбы их соотечественников. Так получилось, например, с французскими гражданами, уклончиво названными в официальной переписке 1967–1968 гг. «жертвами Второй мировой войны». Речь, в частности, шла о захороненных на территории Ленинградской обл. в годы Великой Отечественной войны 55 французах, которые, скорее всего, оказались там среди немецких, румынских, итальянских и других военнопленных. Причём Министерство охраны общественного порядка СССР (МООП) с ссылкой на «решение инстанций» (Политбюро и КГБ) поручило своему Ленинградскому управлению провести с апреля 1968 г. тщательное расследование обстоятельств смерти и захоронения в регионе французских граждан и решить вопрос о возможной эксгумации и отправке на родину их останков²⁶.

Увеличение во второй половине 1950-х гг. количества иностранцев-туристов и частных лиц из капстран в СССР привело к заметному учащению с их стороны нарушений предписаний пограничного режима, попыток выяснить «условия жизни, быта советских граждан и их настроения с фиксацией всего увиденного и услышанного ими». Это подтолкнуло органы власти к введению дополнительных ограничительных мер не только по отношению к ним, но и к некоторым группам населения страны. Так, в конце марта 1956 г. председатель исполкома Ленгорсовета Н.И. Смирнов в письме начальнику Консульского управления МИД СССР А.П. Власову просил «прекратить направление репатриированных советских граждан на место жительства в Ленинград», потому что город не в состоянии удовлетворить их жилищные нужды, а они в свою очередь «могли высказывать иностранцам своё недовольство, что является нежелательным»²⁷. Когда 14 и 15 июля 1960 г. Выборг и Выборгский район посетили сразу около 2 тыс. иностранцев, для контроля за ними мобилизовали сотни активистов и все правоохранительные органы этих территорий²⁸. Держать подобные «ударные вахты» оказалось делом весьма затратным, поэтому уже осенью распоряжением СМ РСФСР № 5762-рс более 10 небольших населённых пунктов Ленинградской обл. исключили из погранзоны. Чуть позже в их число попал и сам Выборг, хотя особый паспортный режим в нём сохранился²⁹.

²⁵ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобл.), ф. 1, оп. 8, п. 1, л. 18, 20 об.

²⁶ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 350, т. 1, л. 212–214.

²⁷ Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб), ф. 7384, оп. 36, д. 523, л. 16.

²⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб), ф. 24, оп. 113, д. 152, л. 44.

²⁹ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 253, л. 60, 133.

Ограничения коснулись и процедуры въезда в СССР иностранцев из соц-стран, особенно по частным делам. Хотя СМ СССР ещё в январе 1953 г. принял по этому вопросу специальное постановление, которое наделило органы внутренних дел правом разрешения подобных ходатайств, окончательное заключение всё же выносили органы госбезопасности. Причём решения по ходатайствам из Вьетнама, ГДР, КНР, КНДР, Кубы, Югославии и Албании принимались только Министерством государственной безопасности³⁰. Разногласия с МВД по этим проблемам попытались снять введением в конце сентября 1953 г. специальной инструкции³¹. Позже, 10 июля 1966 г., руководители КГБ при СМ СССР, министерств путей сообщения, морского флота и гражданской авиации СССР подписали совместный закрытый документ, содержащий список 556 железнодорожных станций, разъездов и других остановочных пунктов, 222 морских, речных портов и портпунктов, а также 141 аэропорта и аэродрома, расположенных в погранзоне СССР, куда запрещалось въезжать без пропусков органов милиции³². Во исполнение постановления СМ СССР № 164–66 от 23 февраля 1967 г. Госкомитет по науке и технике и КГБ 24 июня 1968 г. утвердили «Общесоюзный перечень промышленных предприятий, НИИ и проектно-конструкторских организаций, разрешённых для посещения иностранцами». Только в Ленинграде определялось 52 таких объекта, в числе которых не было ни одного оборонного и режимного учреждения³³.

Под более тщательным контролем оказался и сам процесс перемещения иностранцев по территории Советского Союза. Система контроля, помимо специальных нормативных документов, выстраивалась в этот период в соответствии с введённой в действие в мае 1949 г. инструкцией «О порядке проживания и передвижения иностранцев и лиц без гражданства на территории СССР»³⁴. Из её содержания нельзя было сделать однозначного вывода о том, в частности, что туристы пользовались полной свободой передвижения, как это утверждалось советской стороной³⁵. Новшеством (и в какой-то мере послаблением) в процедуре прописки иностранцев стало решение СМ СССР № 687 от 3 февраля 1956 г., предписывавшее осуществлять её не посредством сверки национальных паспортов и личной явки в отделения милиции, а через «ответственных лиц»: уполномоченных по контролю за иностранцами от госучреждений, предприятий и учебных заведений³⁶.

По оценке органов внутренних дел, в деятельности этих уполномоченных наблюдалось немало нарушений и отступлений. Так, ОВИР УВД Леноблгорисполкомов ежегодно фиксировал от 50 до 80 эпизодов нарушений студентами-иностранцами правил проживания и передвижения. Это вынудило секретариат обкома КПСС в 1959 г. принять закрытое постановление «О нарушениях иностранными учащимися Правил проживания и передвижения по территории Советского Союза»³⁷, требовавшее от органов милиции усилить контроль в первую очередь за «ответственными лицами», которые пустили этот процесс на самотёк.

³⁰ Там же, д. 281, л. 70–70 об.

³¹ Там же, л. 265–300.

³² Там же, д. 318, т. 2, л. 266–283 об.

³³ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 36, д. 728, л. 48, 110–113.

³⁴ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 182, л. 104 об.

³⁵ *Богуславский М.М., Рубанов А.А.* Правовое положение иностранцев... С. 51.

³⁶ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 1, оп. 1, д. 298, л. 22.

³⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 139, д. 51, л. 141.

После 1956 г. «набрал обороты» и приостановленный с осени 1953 г. процесс увеличения числа режимных городов и территорий, куда не допускались иностранцы. Так, например, перечень режимных районов вокруг Ленинграда увеличился с 5 до 16, а в ряде мест вдоль границы СССР стали восстанавливаться ранее ликвидированные запретно-пограничные зоны³⁸. Подобные шаги формально объяснялись реорганизацией системы ПВО и созданием новой военно-технической инфраструктуры военных округов. Понимая, что подобные запреты коснутся советских представительств и граждан за рубежом, СМ СССР постановлением № 958–441 от 6 августа 1957 г. внёс некоторые изменения в порядок передвижения по территории страны работников иностранных посольств и миссий в надежде на аналогичные шаги со стороны зарубежных правительств³⁹. Причём послам и персоналу посольств стран «народной демократии» упомянутое решение разрешало свободно посещать 20 городов и ещё ряд местностей СССР, находившихся в запретных зонах. В свою очередь посольствам и миссиям капиталистических государств дополнительно открывались на правах взаимности только 10 крупных городов: Ашхабад, Батуми, Вильнюс, Дробыч, Ереван, Луцк, Молотов, Ровно, Свердловск, Тернополь и несколько районов страны (в основном в Средней Азии)⁴⁰.

Как подмечали иностранцы, посещавшие в конце 1950-х гг. советские города, в них невозможно было приобрести их планы и путеводители, а также более полные карты областных и республиканских территорий⁴¹. Только с начала 1960-х гг. в главных городах страны стали выпускать эти материалы на русском и иностранных языках (этого требовали Конвенция о дорожном движении и протокол о дорожных знаках и сигналах 1949 г. и Конвенция о таможенных льготах для туристов и дополнительный протокол к ней 1954 г., подписанные Советским Союзом)⁴².

Присоединение СССР к конвенции о международном автомобильном сообщении открыло иностранцам возможность приезжать в страну на своих автомобилях. Автотуризм превратился в наиболее распространённый вид путешествий. Его удельный вес в европейском туризме достиг к 1967 г. почти 90%⁴³. Москва, Ленинград, Киев и Минск с начала 1960-х гг. стали самыми посещаемыми иностранными автотуристами городами страны⁴⁴. Следуя общему правилу усиления контроля за иностранцами, власть предприняла меры по более жёсткой регламентации маршрутов их движения и процедуры наблюдения за ними. В связи с этим СМ СССР секретным распоряжением № 3512-рс от 16 декабря 1959 г. обязал МВД обеспечить контроль и поддержание порядка при движении автомобилей иностранцев, следующих по установленным для них

³⁸ На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. М., 2010. С. 31–32.

³⁹ Действовало до середины 1967 г.

⁴⁰ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Лен обл., ф. 2, оп. 1, д. 209, л. 31–32.

⁴¹ *Кёттен В.* В Россию и другие страны. Сентиментальные путешествия / Пер. с нем. Е.А. Зачевского. СПб., 2002. С. 27. Обнаруженные у иностранцев (особенно у туристов) дорожные альбомы и карты СССР, изготовленные за рубежом, изымались и заменялись отечественными аналогами.

⁴² ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 9, л. 14.

⁴³ *Соколов Ю.Н.* Международный туризм и его правовое регулирование: учебное пособие. М., 1969. С. 48.

⁴⁴ *Дворниченко В.В.* Туризм в СССР и деятельность советских профсоюзов по его развитию (1917–1984 гг.). М., 1985. С. 132.

дорогам⁴⁵. В РСФСР это касалось Московской, Калининской, Новгородской, Ленинградской, Смоленской, Орловской, Курской, Белгородской и Тульской областей. На установленных дорогах с 1 апреля 1960 г. выставлялись постоянно действующие специальные посты ГАИ и обеспечивался контроль над их деятельностью. Комплектование данных постов, их материально-техническое и специальное обеспечение и оборудование осуществлялись совместно с соответствующими подразделениями местных управлений КГБ.

Тем временем к середине 1959 г. во многих регионах страны накопилось немало информации об иностранцах, нарушающих режимы проживания и передвижения. Так, на территории Ленинградской обл. проживали без национальных паспортов и не контролировались сотрудниками ОВД десятки иностранцев. Некоторые из них «осели» здесь на три и более месяцев. По данным погранслужбы, за период с сентября 1958 по апрель 1959 г. на ленинградском участке северо-западной границы оказались задержаны граждане Польши А. Шпиляревич с супругой, К. Каспирович, У. Шеляновска, а также жители Финляндии И. Стилерен и И. Гюкинен и другие иностранцы, длительное время пребывавшие в регионе без соответствующей регистрации. Выяснилось, например, что на территории Волосовского района более трёх месяцев жил с просроченным паспортом гражданин Франции Рюнарво. В Гатчинском и Винницком районах в аналогичном положении оказались финские граждане Э. Новолайнен и У. Розмейзель⁴⁶. Выступавший в начале июня 1960 г. с докладом перед партактивом Всеволожска (Ленинградская обл.) сотрудник областного управления КГБ СССР А.П. Лупанов обратил внимание на участившиеся случаи посещения колхозов и совхозов района, где проживало финское население, туристами из Финляндии под видом родственников⁴⁷. Подобные факты фиксировались и в других пограничных районах страны.

Хотя в июле 1966 г. Президиум Верховного совета СССР принял указ «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злостные нарушения правил передвижения на территории СССР»⁴⁸, этот акт учёл некоторые аспекты по «закрытым» городам и районам из-за разногласий и постоянно вносимых изменений и уточнений со стороны Министерства обороны (МО), МИД и КГБ. Часть таких территорий то попадала в согласуемые списки, то исключалась из них. Причём военное ведомство весьма болезненно реагировало на «покушения» на подведомственные ему районы.

Одним из документов, которым попытались урегулировать этот и другие спорные вопросы, стало закрытое постановление СМ СССР № 479–153 от 16 июня 1966 г. «О порядке передвижения иностранцев по территории СССР», содержавшее «Перечень городов и районов СССР, закрытых для посещения иностранцами»⁴⁹. Согласно постановлению, такое посещение допускалось только с разрешения СМ СССР по просьбам министерств и ведомств, предварительно согласованным с МО и КГБ. Если в открытых районах и городах проходили мероприятия оборонного характера, то МО, МИД и КГБ могли не разрешать иностранцам их посещение. В Ленинградской обл., к примеру, дополнительно объявили закрытыми район к западу от р. Волхов (за исключе-

⁴⁵ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 209, л. 25–27.

⁴⁶ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 333, л. 165–166.

⁴⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 113, д. 152, л. 59.

⁴⁸ Ведомости Верховного совета СССР. 1966. № 30, ст. 59.

⁴⁹ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Ленобл., ф. 2, оп. 1, д. 318, т. 2, л. 210–214.

нием Ленинграда, Зеленогорска, Гатчины, Петрокрепости), 30-километровую зону вокруг Ленинграда, запретили проезд автотранспорта по шоссе Москва–Ленинград, Ленинград–Выборг–Торфяновка⁵⁰. Это постановление содержало список стран, чьи послы, посланники, советники, военные атташе и их помощники, а также официальные представители могли на условиях взаимности передвигаться по территории СССР без ограничения. В этот список вошли Албания, Венгрия, ГДР, Северный Вьетнам, Китай, Северная Корея, Монголия, Болгария, Польша, Куба, Румыния, Югославия и Чехословакия⁵¹.

Иностранцы, прибывавшие в СССР, хорошо знали об ответственности (в том числе уголовной) за незаконный въезд в страну и выезд из неё, нарушение правил проживания, прописки и передвижения по её территории. Летом 1966 г. президиумы Верховных советов СССР и РСФСР приняли ряд указов, усиливавших административную ответственность за эти нарушения, а также установивших уголовную ответственность тех же лиц за злостное нарушение правил передвижения по территории СССР⁵². Под понятием «злостное нарушение», скорее всего, имелись ввиду не злонамеренность мотивов и враждебность действий субъекта правонарушения, а умышленное, неоднократно и осознанно совершаемое им противоправное деяние. В указе Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1966 г. «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злостное нарушение правил передвижения на территории СССР» «злостными деяниями» назывались: изменение места жительства и времени выезда с него; посещение пунктов, не указанных в визах на въезд; уклонение от маршрута следования, указанного в проездных документах, совершённое без специального на то разрешения. Лица, дважды подвергнутые административному взысканию за нарушение правил, могли привлекаться по указу и к лишению свободы до одного года. ОВД на местах предписывалось усилить контроль за соблюдением иностранцами «Правил проживания в СССР», утверждённых постановлением СМ СССР № 227–109 от 6 марта 1962 г. и объявленных приказом КГБ 29 марта того же года⁵³.

Специальные указания по усилению контроля над передвижением иностранцев нашли отражение в «Инструкции о порядке осуществления органами милиции контроля за движением иностранцев по открытым для них автомобильным дорогам», утверждённой в начале июля 1967 г. министром охраны общественного порядка СССР Н.А. Щёлоковым. Сотрудники милиции, а также лица, несущие службу на специальных постах ГАИ, теперь располагали более понятными указаниями и наставлениями. Так, например, более чётко регламентировался порядок представления сведений по линии как милиции, так и КГБ, особенно по иностранцам, самовольно уклоняющимся от маршрута. Инструкция запрещала в 25-километровой пограничной полосе фотографиро-

⁵⁰ Там же, л. 212. На территории Ленинградской обл. находились объекты важного оборонного значения, доступ к которым облегчали развитая дорожная сеть и отсутствие должной системы контроля на подступах к ним. Так, например, произошло с секретными объектами и режимной кольцевой системой бетонной дороги (КБД) С-100, на которой неоднократно задерживались иностранные автотуристы, якобы сбившиеся с пути и т.п. Проникновение происходило потому, что на пересечении радиальных дорог области с КБД С-100 не были выставлены постоянные посты с целью исключения подобных проникновений (Там же, д. 209, л. 36).

⁵¹ Там же, л. 214.

⁵² Сборник правовых актов по вопросам пребывания в СССР иностранцев и лиц без гражданства / Под ред. Б.В. Бойцова. М., 1977. С. 197.

⁵³ ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и Лен обл., ф. 2, оп. 1, д. 318, т. 2, л. 215.

вание и зарисовки всех видов военной техники и вооружений, военных объектов и учреждений, складов горючего, морских портов, железнодорожных узлов, тоннелей, плотин, мостов, НИИ и КБ, промышленных предприятий, электростанций и радиостанций. Запрещались «перспективные надземные съёмки и зарисовки промышленных городов» и др.⁵⁴

С марта 1967 г. совместным приказом МООП и КГБ во исполнение постановления правительства № 94–35 от 3 февраля 1967 г. в органы охраны общественного порядка из КГБ передавались всесоюзная общесправочная и статистическая картотека на иностранцев, учётные дела на тех из них, кто проходил по персональному учёту этих карточек, право выдачи разрешений на въезд по частным делам и учёт проживающих в стране иностранцев⁵⁵. Этот порядок с небольшими изменениями и дополнениями сохранялся вплоть до декабря 1990 г. За КГБ оставили лишь функцию специальной проверки въезжающих по частным делам, а также осуществление контроля за въездом и выездом граждан капиталистических стран и лиц без гражданства.

Режимные ограничения и дополнительные меры контроля широко применялись властями по отношению к иностранцам, пытавшимся расширить контакты с советскими гражданами. В конце 1950-х – 1960-е гг. интерес к советской действительности заметно возрос⁵⁶, как следствие, увеличилось количество негативных откликов о бытовой действительности и образе социализма⁵⁷. Во многом поэтому для иностранцев долгие годы сохранялись территориальные и экспозиционные (объектовые) ограничения⁵⁸, а немногочисленные зарубежные выставки часто посещались организованным порядком. Так, закрытое решение президиума ЦК КПСС запретило демонстрацию на открывшейся в Москве летом 1959 г. американской выставке бытовых вещей⁵⁹. Летом 1962 г. на проходившей в Ленинграде международной выставке «Медицина США» по настоянию управляющего отделением Всесоюзной торговой палаты Н. Степанцова и заведующей отделом агитации и пропаганды обкома КПСС В. Чурсиной отстранили от демонстрации стенда «Кабинет врача» некую Н. Зарен. Её обвинили в том, что она рассказывала посетителям не о достижениях медицины, а о превосходстве американского образа жизни и о лишениях людей в СССР⁶⁰.

Чаше, чем в прошлые годы, власти стали пресекать попытки иностранцев посещать квартиры советских граждан и другие не заявленные официально места. В крупных городах приходилось «устраивать» показ своеобразных «потёмкинских деревень»⁶¹. В том же Ленинграде весной 1963 г. председатель облсовета профсоюзов А. Слепухин рекомендовал обкому партии организовать подбор и подготовку на посещаемых иностранцами предприятиях

⁵⁴ Там же, д. 331, т. 2, л. 141–144. К инструкции прилагался перечень автомобильных дорог, открытых для движения иностранных туристов. В этом списке фигурировала 21 дорога, причём некоторые из них предназначались только для туристов конкретных стран. Например, проезд по трассе Москва–Львов–Чернополь–Черновцы–Порубное разрешался лишь туристам из Польши.

⁵⁵ Там же, д. 329, л. 10 об.–11.

⁵⁶ Орлов И.Б., Машкова А.М. Иностранный молодёжный туризм в СССР в 1958–1964 годах // Российская история. 2011. № 6. С. 159.

⁵⁷ Советское зазеркалье... С. 203.

⁵⁸ Там же. С. 148.

⁵⁹ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 173, 965.

⁶⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 14, л. 156.

⁶¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента... С. 176.

нескольких «образцовых квартир рабочих для показа их иностранным делегациям»⁶². Предложение приняли, и вскоре секретарь обкома Г.В. Романов утвердил «список объектов, выделенных для показа иностранным делегациям и туристам», руководители которых отвечали и за «образцовые» квартиры рабочих и служащих⁶³. Список содержал 338 объектов, в том числе несколько домов престарелых в Стрельне и Пушкино⁶⁴. Партийное руководство города держало выполнение решения на особом контроле, требуя от райкомов ежегодного отчёта о проделанной работе. Так, в апреле 1965 г. завотделом Василеостровского райкома Виноградов сообщал, что им наконец-то удалось добиться от дирекции завода «Севкабель» выделения и оборудования «образцовой квартиры ИТР» для посещения её иностранцами. Также он представил список аналогичных квартир рабочих и инженерно-технических работников, закреплённых за заводом «Пневматика»⁶⁵. Из Невского райкома заведующему отделом агитации и пропаганды обкома Е.Я. Зазерскому сообщали о готовности пяти «образцовых квартир» рабочих и ИТР завода им. В.И. Ленина. Здесь же указывалось, что районное руководство продолжает работу по подготовке аналогичных квартир по другим 14 объектам, определённым для посещения иностранцами⁶⁶. Опекаемые «принимающей стороной» иностранцы умышленно погружались в лубочный мир «достижений социализма», который большинство из них считало абсолютно неуместным, а советские моряки, вернувшиеся из заграничья, — ещё и карикатурным⁶⁷. Это особенно бросалось в глаза в начале 1960-х гг., когда серьёзно обсуждался вопрос о введении карточек для стабилизации снабжения населения хлебом и другими продуктами⁶⁸.

Всякого рода ограничения обильно подпитывались как старыми советскими идеологическими практиками, так и новыми подходами, продиктованными обострениями холодной войны. Иностранцы подвергались организованному идеологическому воздействию со стороны государства. Причём принципиальные корректировки в идеологическую работу с ними внесла не столько, как полагает И.И. Шнайден, «Пражская весна»⁶⁹, сколько венгерские события. Уже в декабре 1956 г. Ленинградский обком просил ЦК партии увеличить штаты

⁶² ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 14, л. 110.

⁶³ Там же, ф. 8437, оп. 3, д. 135, л. 49–50.

⁶⁴ Там же, л. 74–84.

⁶⁵ Там же, ф. 24, оп. 137, д. 25, л. 1–2.

⁶⁶ Там же, л. 6–10. За подготовку «благополучных» квартир рабочих и ИТР отвечали райкомы и парткомы. Ремонт и «начинка» квартир осуществлялись за счёт предприятий с минимальным участием самих жильцов. Степень готовности таких квартир оценивала специальная группа. Так, комиссия по подготовке к приёму иностранных делегаций кондитерской фабрики им. Самойловой (Ленинград) в составе А.М. Бейлис, З.В. Белоусовой, Т.С. Драпкиной, Н.Н. Калиновской, А.Н. Орловой, С.И. Парамоновой и Г.Н. Рубинской тщательно inspectировала каждую квартиру, внося предложения и корректировки. По оценкам очевидцев, эти квартиры не имели «буржуазных излишеств»: отечественные холодильник, телевизор, стиральная машина, пылесос, магнитофон, радиоприёмник, телефон, разнообразная посуда, мебель улучшенной модельности, несколько ковровых изделий и некоторые другие вещи (велосипед, лыжи, фотоаппарат и др.).

⁶⁷ *Иванова А.С.* История торговой сети «Берёзка» в СССР (конец 1950-х — 1980-е гг.) // *Российская история.* 2012. № 5. С. 176.

⁶⁸ ЦГАИПД СПб, ф. 8550, оп. 1, д. 1, л. 8–9.

⁶⁹ *Шнайден И.И.* Изменения идеологических подходов работы с туристами из соцстран в связи с событиями «Пражской весны» 1968 г. // *Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг.* Всероссийская научная конференция. Сборник статей. М., 2004. С. 170.

отдела пропаганды и агитации, в составе которого в 1957 г. создали специальную (идеологическую) группу по обслуживанию иностранцев⁷⁰.

В обосновании усиления идеологического контроля и контрпропагандистских акций по отношению к иностранцам доминировал, как всегда, тезис о подрывной сущности и враждебности Запада в отношении СССР и стран «народной демократии». И.Б. Орлов и А.М. Машкова отметили, что почти все американские группы, посетившие СССР в 1950–1960-х гг., «были дисциплинированы и хорошо подготовлены для идеологических споров с советской молодёжью»⁷¹. Управляющий Ленинградским отделением общества «Интурист» В. Сорокин в «Отчёте об итогах информационно-пропагандистской работы с иностранными туристами в 1967 г.» отмечал, что «туристы из США и Англии прибывали в СССР, пройдя предварительную идеологическую обработку»⁷².

Настороженность по отношению к иностранцам способствовала проявлению элементов подозрительности и даже шпиономании. Подобные настроения масс нередко подогревали ответственные работники и разного рода функционеры. Так, руководитель «Интуриста» В.А. Анкудинов убеждал подчинённых, что среди туристов всегда имеются открытые и скрытые враги⁷³, а заместитель председателя Ленгорсуда А.Н. Барканов в январе 1957 г. призывал коллег не идти ни на какие контакты с иностранцами⁷⁴. В июле 1960 г. выступавшие в том же суде его председатель С.Е. Соловьёв и члены суда Т.В. Никитенко, Н.А. Ермаков и Э.А. Гершкович клеймили всех иностранцев, «посещающих наш город и заседания городского суда, выведывающих различные секреты»⁷⁵. Представитель Дзержинского райкома А.П. Шамаев, выступая перед судьями Леноблсуда, привёл данные о количестве туристов, посетивших город в 1960 г., и заявил, что из 100 тыс., «говоря грубо, процентов 60–70... будет послано сюда со шпионской целью»⁷⁶. Председатель Совета по иностранному туризму РСФСР К. Куприн, отправляя в июле 1968 г. председателю Ленгорисполкома А.А. Сизову рекомендации по подготовке к приёму и обслуживанию иностранцев в связи со 100-летием со дня рождения Ленина, напоминал о необходимости «повышать политическую бдительность, бороться с идеологическими диверсиями... всех работников»⁷⁷. В КГБ после венгерских событий «активировали» тезис о том, что у западных спецслужб и антисоветских эмигрантских организаций есть на кого положиться «внутри нашей страны»⁷⁸. Под подозрением оказались бывшие политзаключённые и диссидентствующие активисты. В марте 1961 г. КГБ распространил очередную ориентировку местным органам, указав адреса возможных контактов с представителями заграничного «Центрального объединения политических эмигрантов»⁷⁹. Оперсостав нацеливался на внимательное изучение иностранного окружения бывших политзаключённых,

⁷⁰ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 3, л. 1, 2, 3.

⁷¹ Орлов И.Б., Машкова А.М. Иностранцы молодёжный туризм в СССР... С. 157.

⁷² ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 36, д. 728, л. 13.

⁷³ Советское зазеркалье... С. 245.

⁷⁴ ЦГАИПД СПб, ф. 1711, оп. 7, д. 4, л. 2.

⁷⁵ Там же, д. 13, л. 19–20.

⁷⁶ Там же, ф. 744, оп. 8, д. 13, л. 48.

⁷⁷ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 36, д. 728, л. 115 об.

⁷⁸ Лубянка: органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ... С. 691.

⁷⁹ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобл., ф. 1, оп. 8, п. 9, л. 75–104.

их контактов и возможных акций. Тщательному контролю подвергались их настроения, оценки и суждения о событиях в Венгрии⁸⁰.

Между тем из спецсообщений и донесений видно, что в этот период не наблюдалось ни «бума» антисоветских выступлений, ни активизации при помощи иностранцев некоей «пятой колонны». На Западе, по воспоминаниям А. Дубчека, слишком плохо представляли себе советскую политическую систему⁸¹, чтобы инспирировать в соцлагере преобразования, подрывающие его единство⁸².

Идеологические органы заметно тревожили резкие изменения взглядов, подходов и оценок на всё советское у интуристов. Особенно наглядно это проявлялось у обучающихся в вузах страны студентов и аспирантов. Так, ректорату Педагогического института им. А.И. Герцена в 1956–1957 гг. приходилось неоднократно улаживать конфликтные ситуации, инициированные венгерскими и польскими учащимися⁸³. Власти пытались всеми мерами искоренить «крамолу», исходящую, как они считали, от антисоветски настроенных иностранцев. Проректор Университета дружбы народов им. П. Лумумбы Романов на одном из совещаний в 1962 г. признавался, что «наиболее авторитетных и неутомимых (студентов-троцкистов. – *В.И.*) “поддавливали” на организации пьянок и отчисляли»⁸⁴. По его словам, в вузе иностранных студентов условно делили на четыре группы. В первую входили «друзья по идеологии, близкие к нам товарищи, стремящиеся воспринимать от нас всё хорошее». Вторую группу представляли «напропагандированные ежи», которые «приезжали с определённым настроением». Эту группу надо «больше показывать всем», так как они «боялись огласки». Наибольшую опасность представляла третья группа – «идеалисты»: «Они приезжают в Советский Союз, создав себе образ идеального общества, в котором нет никаких пороков. И когда сталкиваются со сложными, не решёнными сторонами нашей жизни – пьянством, воровством, хулиганством и, если хотите, бюрократизмом, у них начинается резкий психологический спад: они сразу ничего хорошего не видят, видят только одно чёрное. С этой категорией очень тяжело работать, и письма от неё идут пассивные, унылые, они говорят: мы разочаровались в социализме вообще и в Советском Союзе. Это очень тяжёлая категория, у неё депрессивное состояние». К четвёртой группе относились «вражеские элементы, которые попадают к нам с определёнными целями. Тут единственная задача – разоблачать»⁸⁵.

С мест нередко требовали от центральных властей более радикальных мер по противодействию буржуазной идеологии, особенно в 1960-е гг. В свою очередь руководители партии и государства признавали, что в послевоенное десятилетие проиграли идеологическое противоборство с Западом⁸⁶. Например,

---

⁸⁰ «В Венгрии наелись социализма, поворачивают к капитализму». Отклики советских граждан на события 1956 года // Родина. 2016. № 10. С. 128.

⁸¹ В августе 68-го: взгляд с другой стороны. К выходу русского перевода воспоминаний Александра Дубчека / Публ. Ю.В. Богданова // Российская история. 2009. № 4. С. 152.

⁸² *Христофоров В.С.* История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг. Учебное пособие. М., 2015. С. 386–387.

⁸³ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 106, д. 60, л. 43.

⁸⁴ Там же, д. 109, л. 176.

⁸⁵ Там же, л. 79–80. Проблема оказалась настолько чувствительной для властей всех уровней, что вынудила ЦК КПСС и СМ СССР принять 25 мая 1964 г. постановление «О мерах по усилению политической и учебно-воспитательной работы среди иностранных учащихся, обучающихся в СССР» (Там же, оп. 113, д. 61, л. 8–9).

⁸⁶ *Петров Н.* КГБ и чехословацкий кризис 1968 года: общие предпосылки введения советских войск и оккупации Чехословакии в 1968 г. // «Пражская весна» и международный кризис

Ленинградский обком в одной из справок для ЦК партии в 1956 г. писал: «Сегодня нашим врагам зачастую нет надобности засылать в страну идеологических диверсантов. Значительно проще организовать серию антисоветских радиопередач, которые, хотим мы или нет, прослушиваются значительной частью населения»⁸⁷. В ответ на это в апреле 1963 г. Президиум ЦК указал принять меры по глушению зарубежных радиостанций и прекратить выпуск в продажу для населения радиоприёмников с коротковолновым диапазоном⁸⁸.

Малоэффективными оказались и усилия властей в центре и на местах по созданию «групп актива», состоявших из высококвалифицированных и политически подготовленных работников, контактировавших по должности и характеру деятельности с иностранцами. Так, в конце 1950-х гг. в качестве положительного опыта работы таких формирований упоминалась «группа актива» из числа членов Куйбышевских райкомов КПСС и ВЛКСМ, а также преподавателей и студентов герценовского пединститута, идеологически «разгромившая» прибывшую в Ленинград группу американских студентов и молодых туристов⁸⁹. Правда, в архивных материалах можно встретить прямо противоположные оценки советской молодёжью результативности деятельности таких групп и «идеологической трескотни» разного рода пропагандистов.

Одним из важных элементов усиливающегося идеологического контроля за иностранцами в СССР в эти годы считались работники системы «Интуриста». Утверждённая приказом правления этой организации от 15 апреля 1967 г. должностная инструкция для гидов-переводчиков предписывала им не только проявлять бдительность при работе с иностранцами, хранить государственную и служебную тайну, вести наступательную идеологическую работу, но и осуществлять ряд мер, резко ограничивающих нежелательные для властей поступки, действия и акции⁹⁰. Между тем разнообразные встречи советских граждан с иностранцами в принципе было невозможно пресечь, хотя в центре и на местах требовали усиления бдительности по отношению к иностранцам, их попыткам идеологической обработки (особенно молодёжи). Дж. Мэтлок откровенно делился в воспоминаниях «секретами» того, как в 1960-е гг. они совместно с молодыми советскими «нонконформистами, ставшими впоследствии диссидентами», вычисляли и изолировали информаторов КГБ, посещавших вместе с ними дом четы Мэтлок в Москве⁹¹.

Подводя итог, отмечу, что во второй половине 1950-х — 1960-е гг. о наступлении эпохи «мира без границ» и «встречи цивилизаций» можно было только мечтать. Анализ использованных материалов показал, что на характер отношений существенное влияние оказывали господствующие в этот период в СССР стереотипы, проистекавшие в основном из тезисов: «агрессивный Запад», «иностранцы-шпионы и идеологические диверсанты» и т.п. Впрочем, ни одна из двух систем не форсировала сближение, предпочитая извлекать из начавшегося «движения иностранцев» свои выгоды, прежде всего идеологические.

1968 года. Статьи, исследования, документы / Гл. ред. Н.Г. Томилина, С. Карнер, А.О. Чубарьян. М., 2010. С. 98.

⁸⁷ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 21, л. 21.

⁸⁸ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 702, 1133.

⁸⁹ ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 137, д. 4, л. 34.

⁹⁰ Сборник нормативных актов... С. 391–396.

⁹¹ Мэтлок Дж. Ф. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и В. Мисюченко. М., 2003. С. 12.

Ежи В. Борейша и Россия*Piętro Глушковский***Jerzy W. Borejsza and Russia***Piotr Gluszkowski**(University of Warsaw, Poland)*

DOI: 10.31857/S0869568722010125

Профессор Ежи Борейша — один из самых известных в России польских историков. Его труды по истории тоталитаризма, XIX в. (особенно восстания 1863 г.) являются классикой исторической науки, переведены на иностранные языки. Многие российские исследователи не только изучили их, но и были лично знакомы с самим учёным. Все его друзья, ученики и сотрудники знали об особом, эмоциональном отношении Борейши к России и Советскому Союзу¹. В этой статье я постараюсь показать, каким образом он познакомился с Россией и что его с ней связывало, а также остановлюсь на тех важных для российской истории научных проблемах, которыми он занимался на протяжении жизни.

Ежи Войцех Борейша родился в 1935 г. Его отец, известный интеллектуал еврейского происхождения, внёс огромный вклад в возрождение польской культуры после Второй мировой войны. Благодаря знакомству с П. Пикассо, П. Нерудой и И.Г. Эренбургом он мог вести себя относительно независимо от чиновников и помогать деятелям культуры². О масштабах его активности свидетельствуют переписка с большинством выдающихся писателей страны и тиражи созданного им издательства «Czytelnik» («Читатель»)³. В 1948 г. ему удалось организовать Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира, в котором участвовали практически все видные левые интеллигенты, среди которых Д. Хаксли, Д. Лукач, Б. Брехт и др. Независимость Борейши-старшего не нравилась многим в руководстве Польской объединённой рабочей партии (ПОРП). В 1952 г. он погиб в автомобильной катастрофе, обстоятельства которой до сих пор не выяснены⁴.

Несмотря на любовь отца к русской культуре, Борейша-младший попал в СССР случайно, даже насильно. В 1952 г. члены ЦК ПОРП Э. Охаб, Ф. Мазур и З. Новак решили отправить 17-летнего выпускника варшавского лицея в Казань, проигнорировав его протесты и желание поступить на филологический факультет столичного университета. Молодой человек уезжал из Польши убеждённый, что «Сталин является самым великим из живущих людей, а СССР — самая лучшая страна в мире. Я был пропитан пропагандой из школы, газет, книг и круга знакомых»⁵. Несмотря на то что Казанский государственный университет считался одним из лучших в Советском Союзе, семья и друзья Ежи

© 2022 г. П. Глушковский

¹ *Wolos M.* Prof. Borejsza otaczał się młodzieżą (URL: <https://dzieje.pl/edukacja/m-wolos>).

² *Krasucki E.* Międzynarodowy komunista. Jerzy Borejsza. Biografia polityczna. Warszawa, 2009. S. 157–171.

³ Na rogu Stalina i Trzech Krzyży. Listy do Jerzego Borejszy 1944–1952 / Ed. by G.P. Bąbiak. Warszawa, 2014.

⁴ *Krasucki E.* Międzynarodowy komunista... S. 238–240.

⁵ *Borejsza J.W.* Ostaniec czyli ostatni świadek historii. Warszawa, 2018. S. 134.

не сомневались в том, что это ссылка. Дети высокопоставленных чиновников обычно уезжали в Москву или Ленинград, отличавшиеся значительно лучшими условиями жизни. Обучение в столичных городах воспринималось как поощрение и давало шанс на успешную карьеру в аппарате власти. В провинциальные же города (даже «миллионники») отправлялись студенты без протекции.

Попав в Казань, молодой идеалист долго не мог свыкнуться с обстановкой, в которой ему довелось оказаться. «Бедность, бюрократия, алкоголизм и орудовавшие в городе преступники сводили на нет ту пропаганду, которой пропитали меня молодёжные организации и школьные книги варшавских времён», — вспоминал он. Шоком для него оказались как смерть Сталина, так и реакция на неё многих жителей, которые громко и с радостью говорили: «Старый подход», не обращая внимания на доносчиков⁶.

В то же время Казанский университет всегда славился выдающимися учёными, прежде всего химиками, физиками и лингвистами, в том числе польского происхождения. Программа исторического факультета, напротив, отличалась сильной идеологизированностью. Однако Борейше удалось попасть на курсы лучших преподавателей, прежде всего А.С. Шофмана, читавшего историю Древнего Рима⁷.

За прожитый в Казани год Ежи повзрослел. Он пока ещё верил в идеологию, считая, что бедная и криминализованная Казань — исключение для Советского Союза. И когда в 1953 г. удалось переехать в Москву, она показалась ему настоящей идиллией. Борейша стал студентом кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ и обитателем общежития на ул. Стромынка, 32, через которое прошли И. Пеликан, З. Млынарж, И. Лалуха, а позже и М.С. Горбачёв. В университете ему посчастливилось встретиться с группой талантливых, амбициозных студентов и выдающимися преподавателями, такими как И.М. Рейснер, П.А. Зайончковский, А.В. Адо, И.М. Белявская, С.А. Никитин и И.А. Воронков⁸. Особенно помог последний, отговоривший третьекурсника Борейшу от возвращения в Варшаву: «Если вернётесь по собственному желанию, тогда у Вас в Польше жизни не будет»⁹. Понимая, что студенту скучно в Москве, он обеспечил ему доступ к архивам. Последние университетские годы Борейша редко посещал занятия, но регулярно работал (прежде всего в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства) с уникальными документами XIX в., микрофильмы и выписки из которых хранились у него до конца жизни и не разгодились ему, его друзьям и ученикам. «Кажется, я был первым поляком, который почти сразу после 1953 года получил настолько широкий доступ к архивам XIX века», — отмечал он¹⁰. В ГА РФ хранятся письма учёного с просьбой подобрать материалы о польской эмиграции, II Интернационале и польском рабочем движении 1880—1890-х гг.¹¹ В одном из последних писем можно прочесть следующее: «Прошу переслать мой заказ (12 требований) около 1000 кадров в Варшаву на имя генерального секретаря Генриха Яблонского (для тов. Борейши Е.). Я бы просил в июле

⁶ Ibid. S. 153.

⁷ Ibid. S. 151—152.

⁸ Ibid. S. 162—164.

⁹ Ibid. S. 161.

¹⁰ Ibid. S. 163.

¹¹ ГА РФ, ф. Р-5142, оп. 8, д. 811, л. 1—122.

переслать карточку Горвица и, по возможности, письма Обрезкова по секретному архиву, необходимые мне для статьи»¹².

Как за любым иностранцем, за ним внимательно следили. В 2000 г. один из московских историков подарил ему архивный документ — характеристику, составленную на него во время обучения: «Он не коммунист. По убеждениям он шведский социал-демократ, но русофил»¹³. По мнению Борейши, эта вполне справедливая оценка позволила ему без проблем окончить МГУ. После этого он вернулся в Варшаву и поступил в аспирантуру университета, где посещал семинары Г. Яблонского, С. Кеневича и В. Кули. Его научным руководителем выступал Яблонский, но в равной степени Борейша считал учителями также Кеневича, благодаря которому овладел научным аппаратом историка XIX в., и Г. Верещицкого, убеждения и мировоззрение которого оказались ему наиболее близки¹⁴. Все эти учёные — крупные авторитеты европейской исторической науки и, без сомнения, стали прекрасными примерами для подражания.

Уже в начале 1960-х гг. Борейша считался одним из главных в мире специалистов по II Интернационалу, польской эмиграции и Парижской коммуне. Будучи аспирантом I-го курса, он начал публиковаться в престижных научных журналах Польши¹⁵. Он быстро проявил себя и как талантливый популяризатор науки, печатаясь в таких изданиях, как «Polityka», «Walka Młodych» и «Mówią Wieki». В 1963 г. молодой учёный издал свою первую книгу о польской эмиграции¹⁶. Прекрасно владея русским языком, он подрабатывал как переводчик: к годовщине начала Январского восстания 1863 г. подготовил перевод воспоминаний военного министра Д.А. Милютинина за 1863–1864 гг. К сожалению, текст задержала цензура, и он сгинул в спецхране. Однако оперативность и коммуникабельность Борейши оказались замечены мэтрами польской историографии, которые назначили его секретарём комитета по организации юбилея Январского восстания. 50 лет спустя его избрали руководителем комитета по организации празднования 150-летия восстания.

Для развития научной карьеры Борейши существенное значение имело также блестящее владение им французским, хорошее знание английского и неплохое — славянских языков. В 1960–1980-х гг. он дополнительно выучил немецкий и итальянский — в такой степени, что мог читать на этих языках по несколько лекционных пар подряд.

В 1960-е гг. историк работал в университете, и этот период явился для него очень плодотворным: научные достижения шли рука об руку с быстрой научной карьерой. В 1968 г. он защитил докторскую диссертацию, посвящённую жизни и деятельности секретаря А. Мицкевича А. Леви, биография которого долгое время оставалась загадкой для историков литературы¹⁷. Книга на эту тему дважды переиздавалась и до сих пор является одним из основных источников информации о парижском периоде жизни польского поэта.

¹² ГА РФ, ф. Р-5142, оп. 8, д. 811, л. 114.

¹³ *Borejsza J.W.* Ostatnie czyli ostatni świadek historii. S. 159.

¹⁴ *Borejsza J.W.* Wywiad z T. Siewierskim. Literatura piękna zachęciła mnie do historii // Nowe Książki. 2019. № 2. S. 5.

¹⁵ *Borejsza J.W.* Drugi Proletariat 1888–1889 i początki jego działalności // Z Pola Walki. 1958. № 2. S. 21–56.

¹⁶ *Borejsza J.W.* W kręgu wielkich wygnańców 1848–1895. Warszawa, 1963.

¹⁷ *Borejsza J.W.* Sekretarz Adama Mickiewicza. Armand Lévy i jego czasy 1827–1891. Warszawa, 1969 (II ed.: Wrocław, 1977; III ed.: Gdańsk, 2006).

1968 год, тем временем, оказался вехой в интеллектуальной истории Польши. Театральная постановка режиссёром К. Деймеком поэмы «Дзяды» Мицкевича попала под запрет цензуры. Последовавшие за этим протесты студентов и части интеллигенции послужили для властей предлогом к началу антисемитской кампании, в ходе которой из ПНР выехали тысячи граждан. Несмотря на то что из-за интенсивной работы над книгой Борейша не принимал активного участия в протестах¹⁸, гонения задел и его: зазвучали угрозы увольнения из университета. К счастью, у него нашлось много покровителей, которые не хотели чрезмерной политизации заведения. В 1970 г., благодаря влиятельному профессору А. Гейштору, он прочитал доклад о франко-прусской войне 1870–1871 гг. и Парижской коммуне на XIII международном конгрессе исторических наук, прошедшем в Москве¹⁹. Это была явная демонстрация в отношении «академической фракции карьеристов», которая показала, что «Москва» ценит научные достижения польского выпускника МГУ. Спустя год Борейшу приятно удивило предложение профессора Т. Цесляка, сделанное от имени Польской Академии наук (ПАН) – возглавить делегацию в Москву на празднование годовщины 100-летия Парижской коммуны. Заявив, что он является *persona non grata* в Варшавском университете, Борейша услышал: «Это не имеет для меня никакого значения. Я хочу, чтобы всё прошло хорошо. Только Вы знаете бегло русский и французский. Только Вы работали с французами по истории Парижской коммуны»²⁰. Таким образом, историк оказался в высоком статусе на престижной конференции, организованной АН СССР, где выступал цвет советской науки и многие влиятельные деятели во главе с П.Н. Поспеловым²¹. По всей видимости, это также помогло на несколько лет снять вопрос об увольнении.

Московские друзья хорошо понимали сложную ситуацию Борейши и многократно пытались помочь ему, показывая, что именно этот историк нужен советской науке в стенах университета. В 1974 г. А.И. Рогов и В.К. Волков запросили из Варшавы лекцию по итальянскому тоталитаризму, причём с распоряжением, чтобы приехал именно Борейша. Однако лекция, призванная усилить его позиции, не понравилась доносчикам, которые увидели в выступлении сравнение итальянского фашизма с Советским Союзом времён Л.И. Брежнева²². Профессиональные историки также заметили много аналогий, смеялись и прерывали оратора аплодисментами. Но после «итальянского доклада» уже никто не приглашал его в СССР. Последним аккордом Борейши в стенах исторического факультета стал доклад о советской агрессии против Финляндии в ноябре 1939 г.

В 1975 г. Борейшу вынудили сменить университет на Институт истории ПАН. Он очень сожалел о потере контактов со студентами, однако вскоре стал известен как один из лучших исследователей истории XIX в., особенно восстания 1863 г. и польской эмиграции в Европе. Его книги переводились на иностранные языки, среди них – биография В. Врублевского, участника восстания 1863 г., генерала Парижской коммуны и члена Польской социалистической

---

¹⁸ *Borejsza J. W.* Ostaniec czyli ostatni świadek historii. S. 227–229.

¹⁹ *Ibid.* S. 236.

²⁰ *Ibid.* S. 192.

²¹ *Ibid.* S. 193.

²² *Ibid.* S. 241.

партии²³. В 1970–1980-х гг. Борейшу неоднократно приглашали в качестве стипендиата в престижные академические центры: Женеву, Париж, Рим, Берлин, Мюнхен, Бонн и др. В это время он начал заниматься историей итальянского фашизма, а затем немецкого нацизма. Благодаря знанию истории и реалий СССР он легко мог проводить сравнения с советским тоталитаризмом. Приобрели известность книги о феномене итальянского фашизма, о его пропаганде и влиянии в Центральной и Юго-Восточной Европе²⁴ (вторую быстро перевели на итальянский язык²⁵).

Более известной в мире стала его работа о антиславизме А. Гитлера, в которой показано, что австриец Гитлер воспринял взгляды на славян, характерные для большинства представителей немецкого общества, только после Первой мировой войны. Утверждалось также, что, наряду с евреями, он планировал уничтожить большинство русских как своих славянских врагов № 1, а впоследствии также и поляков²⁶. Несмотря на протесты части немецких историков, Борейша опубликовал эту концепцию во многих странах²⁷ и многократно отстаивал её положения на международных конференциях. В самом сжатом виде она отражена в книге «Смешные сто миллионов славян»²⁸. Со временем историки тоталитаризма признали Борейшу одним из главных авторитетов в этой области и особенно ценили его за компаративистский подход, на основании которого он издал много статей и книг в нескольких странах²⁹. В исследованиях он проводил идею о том, что организация массовой ненависти в любой политической системе может привести к катастрофическим результатам: «Ненависть всегда является стройматериалом для авторитарных и тоталитарных государственных режимов»³⁰.

В 1990–1991 гг. Борейша преподавал (как приглашённый профессор) в Гейдельбергском университете. В 1991–1996 гг. он работал директором Польского научного центра в Париже и оказался очень успешным руководителем: Центр превратился в престижное исследовательское учреждение. За научные достижения и вклад в польско-французский диалог учёный получил Орден Почётного Легиона. Затем он преподавал в Дижонском университете (Франция), но уже тогда планировал возвращение на родину. Не забывал также и давние научные

---

²³ *Borejsza J.W.* Patriota bez paszportu [Biografia Walerego Wróblewskiego 1836–1908]. Warszawa, 1970 (II ed.: Warszawa, 1982; III ed.: Warszawa, 2009); Перевод: *Borejsza J.W.* Patriotas be paso. Vilnius, 1973.

²⁴ *Borejsza J.W.* Musolini był pierwszy. Warszawa, 1979 (II ed.: Warszawa, 1989); *Borejsza J.W.* Rzym a wspólnota faszystowska. O penetracji faszyzmu włoskiego w Europie Środkowej, Południowej i Wschodniej. Warszawa, 1981.

²⁵ *Borejsza J.W.* Il fascismo e l'Europa orientale. Dalla propaganda all'aggressione. Bari; Roma, 1981.

²⁶ *Borejsza J.W.* Antyslawizm Adolfa Hitlera. Warszawa, 1988.

²⁷ *Borejsza J.W.* Anti-slavism: Hitler's vision of the Germans // Polish perspectives. 1988. № 2. S. 23–39 [также изд. нем. и фр.]; *Borejsza J.W.* Unvollendete Vergangenheit // Zeitschrift für Literatur und Politik. 1988. H. 46. S. 39–52; *Borejsza J.W.* Racisme et antislavisme chez Hitler // La politique nazie d'extermination / Ed. by F. Bédarida. P., 1989. S. 57–74.

²⁸ *Borejsza J.W.* Śmieszne sto milionów Stowian... Warszawa, 2006; *Borejsza J.W.* A ridiculous hundred million Slavs: concerning Adolf Hitler's world view. Warszawa, 2017.

²⁹ *Borejsza J.W.* Schulen des Hasses. Frankfurt a/M, 1999; *Borejsza J.W.* Szkoły nienawiści. Historia faszyzmów Europejskich 1919–1945. Wrocław, 2000; *Borejsza J.W.* La escalada del odio. Movimientos y sistemas autoritarios y fascistas en Europa 1919–1945. Madrid, 2002; *Borejsza J.W.* Totalitarianism and authoritarianism in Europe: short- and long-term perspectives / Ed. by J.W. Borejsza, K. Ziemerem. N.Y.; Oxford, 2006.

³⁰ *Borejsza J.W.* Stulecie zagłady. Gdańsk; Warszawa, 2011. S. 54.

интересы, с удовольствием занимаясь историей России и Советского Союза. Он попытался перевести на польский язык и издать книгу о народниках, написанную его итальянским другом и покровителем Ф. Вентури³¹.

С 2001 по 2010 г. Борейша заведовал отделом истории тоталитарных систем Института истории ПАН. Возможно, именно это послужило ему стимулом активно заняться судьбами польских коммунистов в Коминтерне. В 2006–2011 гг. он несколько раз приезжал в Россию, работал по этой теме в РГАСПИ и других архивах, участвуя в конференциях и помогая молодым историкам в поисках документов и материалов. К сожалению, Борейше и его сотрудникам не удалось создать польско-российскую рабочую группу по изучению всего материала, касающегося истории поляков в Коминтерне, и издать тома документов «Коминтерн и Польша». Результатом работы группы стали важные монографии по этой теме³².

В XXI в. Борейша не забыл о своей любви к XIX столетию. Он продолжал поиски в российских архивах, планируя совместно с З.И. Перегудовой выяснить судьбу С. Бжозовского и ответить на вопрос, был ли он секретным сотрудником охранки? В 2007 г. он организовал крупнейшую конференцию, посвящённую годовщине Крымской войны, на которую прибыли учёные из Франции, Великобритании, Турции, Германии и, конечно, России (в том числе В.Я. Гросул, Л.Е. Горизонтов, О.В. Павленко, В.О. Бобровников). Эта война никогда не была его страстью, но он не понимал, почему никто в Европе не вспоминает об одном из важнейших событий XIX в. Результатом конференции стали две книги³³. В 2010 г. профессор предпринял новое издание своей самой известной работы об этом периоде – «Прекрасный XIX век»³⁴. Многие разделы он тогда опубликовал впервые.

В научно-сентиментальных путешествиях по России Борейша не ограничивался Москвой. Он посетил Санкт-Петербург и Казань, и эти поездки оказались для него особенно важны. В 2009 г. он предложил руководству Казанского университета создать в университетском городке улицу польских профессоров, а также поместить на главном здании мемориальную доску И.А. Бодуэну де Куртенэ на трёх языках. Первую идею ему реализовать не удалось, но вторая воплотилась в жизнь в 2011 г.³⁵ Кроме того, он прочитал в актовом зале КГУ доклад о роли поляков в жизни Казани и представил студентам книгу о польско-казанских взаимоотношениях³⁶.

Борейше не удалось организовать издание серии, посвящённой польско-российским и польско-советским связям. Он запланировал перевод лучших книг, написанных российскими авторами, на польский язык, однако найти спонсоров не получилось: несмотря на большой интерес в Польше к истории отношений с Россией, научные книги не могли принести прибыли изда-

³¹ *Venturi F.* Il populismo Russo. Torino, 1952.

³² *Wolos M.* O Piłsudskim, Dmowskim i zamachu majowym. Dyplomacja sowiecka wobec Polski w okresie kryzysu politycznego 1925–1926. Kraków, 2013.

³³ *Polacy i ziemie Polskie w dobie wojny Krymskiej* / Ed. by G.P. Bąbiak, J.W. Borejsza. Warszawa, 2008; *The Crimean War 1853–1856. Colonial skirmish or rehearsal for World War? Empires, nations, and individuals* / Ed. by J.W. Borejsza. Warszawa, 2011.

³⁴ *Borejsza J.W.* Piękny wiek XIX. Warszawa, 2010.

³⁵ Газета Казанского федерального университета (URL: http://ku.kpfu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1565:2011-11-01-12-24-36).

³⁶ *Polonia* в Казани и в Волго-Уралье в XIX–XX в. / Под ред. Р.А. Циунчука, М.М. Мягкова, П. Глушковского. Казань, 2011.

тельствам. Остаётся лишь надеяться, что в будущем найдётся государственный институт, заинтересованный в воплощении этой идеи. Тем не менее, благодаря усилиям профессора и несмотря на политическую конъюнктуру, польским читателям стали всё же доступны несколько важных российских книг, в том числе «История власти в СССР» Р.Г. Пихои³⁷.

В последнее десятилетие жизни Борейша многократно посещал Россию. Во время практически всех своих поездок он встречался со студентами, читал открытые лекции в РГГУ, РАНХиГС, посольстве Польши, трижды в Казани. От имени многих польских институтов и вузов вёл переговоры с российскими коллегами, благодаря которым заключались договоры, начинались научные проекты и даже была создана уникальная польско-российская магистерская программа двойного диплома (РГГУ – Университет Николая Коперника в Торуни). Борейше всегда доставляло радость встречаться и общаться с российскими историками. Многих из них он считал своими друзьями – Ю.Н. Афанасьева, Н.С. Лебедеву, М.М. Наринского, О.В. Павленко, З.И. Перегудову, Р.Г. Пихою, А.О. Чубарьяна и др.

В последнее время он уделял много внимания проблематике «исторической правды», часто высказывал свою позицию на конференциях и в ведущих польских газетах и журналах³⁸. Переживал, что публицисты сосредоточились на XX в., забывая, что польский менталитет формировался на протяжении многих столетий, не мог понять, почему важная публикация польско-российской группы по сложным вопросам межгосударственных отношений ограничилась только периодом 1917–2008 гг.³⁹, почему в ней не нашлось места статьям о XIX в., о поляках в Российской империи, для которых Москва, Казань или Санкт-Петербург стали второй родиной. Такое ограничение исследований он считал большой ошибкой. Резко критиковал также позицию представителей польской власти, которые считали всех коммунистов и строителей ПНР «рабами» Советского Союза⁴⁰.

Звания, степени и награды, которых удостоился Е.В. Борейша, можно перечислять долго. Мне кажется более правильным в заключение сказать о нём как о педагоге. Он воспитал десятки учеников, многие из которых (например, Е. Эйслер) входят в число самых известных историков Польши. В 2010 г. десять самых молодых учеников подарили ему том текстов, посвящённых XX в., а точнее, роли личности в тоталитарных и авторитарных системах⁴¹. Большинство учеников Борейши остались в науке; многие из них профессионально занимаются историей России и Советского Союза.

В первые дни после смерти профессора многократно цитировался фрагмент его «Воспоминаний»: «Быть может, я и удостоюсь траурного извещения при входе в Институт истории Польской академии наук на Рыночной площади Старого города в Варшаве. Я не создал никакого эпохального труда. Я не принадлежал ни к какому кружку историков. Часто был индивидуалистом, аут-

³⁷ *Pichoja R.* Historia władzy w Związku Radzieckim 1945–1991. Warszawa, 2011.

³⁸ *Wolosz M.* «Niespełniony pisarz, który został historykiem». Jerzy Wojciech Borejsza (22 sierpnia 1935–28 lipca 2019) // *Dzieje Najnowsze. Rocznik LIII.* 2021. № 1. С. 238.

³⁹ Белые пятна – чёрные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010.

⁴⁰ *Borejsza J.W.* Lustracja towarzysza Mandarynki // *Gazeta Wyborcza.* 2016. 14 мая.

⁴¹ *Trudny wiek XX. Jednostka, system, epoka* / Ed. by G.P. Bąbiak, J. Nalewajko-Kulikow. Warszawa, 2010.

сайдером... Как профессиональный историк после 1970 г. я занялся фашизмом, потому что его изучение показывало, насколько родственной ему является вся система советского блока, решительным противником которого я был, и как мало общего у неё было с социалистическими и коммунистическими утопиями... Итоги мои таковы: воссоздание крупных фрагментов европейского “прекрасного XIX века”, а также биографии двух фигур второго или третьего плана... Ещё, возможно, кое-кто заметит, что я несколько обогатил знание о европейских тоталитарных режимах, о несостоявшемся фашистском интернационале (“Рим и фашистское содружество”), а в польский исторический словарь ввёл такие понятия, как “прекрасный девятнадцатый век” и “антиславизм Адольфа Гитлера”, и что всегда очень плохо реагировал на использование словосочетания “историческая политика” вместо “исторической правды”. Достаточно заглянуть в мою книгу “Столетие уничтожения”. Как историк я упрямо утверждаю, что это понятие ожидающей нас катастрофы мы вынуждены распространить и на XXI век. Увы»⁴². «Воспоминания» вышли в конце 2018 г., когда их автор чувствовал себя вполне здоровым. У него было много научных планов. Несмотря на болезнь, за несколько недель до смерти он составил план своей следующей книги: «Станислав Мендельсон и конец Европы» о ключевой фигуре социалистического движения XIX в. Борейша собрал также материал для книги «Приходит новый порядок» о деятельности фашистских интернационалов на протяжении целого столетия⁴³.

Е.В. Борейша был связан с многими зарубежными странами, но ни одна не повлияла на него так сильно, как Россия. Его «Воспоминания» – важный источник по истории Советского Союза, а его студенческие наблюдения актуальны до сих пор. Большинство трудов Борейши хорошо показывают, насколько сильно история России связана с историей Польши и Западной Европы. Очень жаль, что они практически не переведены на русский язык, и хочу выразить надежду, что скоро это положение изменится.

---

⁴² *Borejsza J. W.* Ostatnie czyli ostatni świadek historii. S. 527–529.

⁴³ *Borejsza J. W.* Wywiad z T. Siewierskim... S. 8.

Георгий Хрусталёв-Носарь в эпоху революционных потрясений (1905–1917)

Илья Стрекалов

**George Khrustalev-Nossar in the era of revolutionary upheavals
(1905–1917)**

Ilya Strekalov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722010137

Председатель Петербургского совета рабочих депутатов 1905 г. Георгий Степанович Носарь (Хрусталёв-Носарь) относится к числу известных, но слабо изученных лиц революционного периода. Сын крестьянина из Полтавской губ., прибыв в Петербург, он стал участником сначала студенческих беспорядков 1899 г., а затем и рабочего движения 1905 г., с осени 1905 по осень 1909 г. формально принадлежал к меньшевистской фракции РСДРП. В 1907 г. суд приговорил его к ссылке в Сибирь, но ему удалось совершить побег и на десять лет обосноваться в Париже. После начала Первой мировой войны Носарь решил вернуться в Россию, но был арестован на границе и отправлен в Дом предварительного заключения, откуда его освободили 27 февраля 1917 г. Тогда же он включился в создание Петроградского совета рабочих депутатов. Однако к этому времени социал-демократы уже считали его предателем идей социализма, вышедшим из партии и критиковавшим её недостатки. Поэтому сколько-нибудь видного места при новой власти для Носаря не нашлось. Весной 1919 г. он был расстрелян большевиками на Полтавщине.

Неудивительно, что впоследствии роль Носаря в рабочем и революционном движении всячески принижалась. А.Г. Шляпников, один из немногих большевиков, присутствовавших на организационном заседании Петроградского совета рабочих депутатов 27 февраля 1917 г., вспоминал о предотвращённой им попытке провести Георгия Степановича в руководство новой организации: «Не зная настоящего политического лица Хрусталёва, рабочие могли принять его кандидатуру как желанную... Но был бы величайший позор для питерского пролетариата, если бы он допустил избрание в свой центр одного из позорнейших ренегатов»¹.

В 1920-е гг. о Носаре обычно писали как о «случайной личности», ненадолго оказавшейся «на гребне» революционной «волны». В.А. Канторович сравнивал его со священником Георгием Гапоном: «В свете революции оба казались фигурами почти легендарными; при обыкновенном освещении поражали убожеством политической мысли и ограниченным представлением об историческом процессе... Популярность таких “вождей”, как Хрусталёв-Носарь, длится до тех пор, пока налицо живая связь их с массой». Но затем «революция

© 2022 г. И.Н. Стрекалов

¹ Шляпников А.Г. Семнадцатый год. Кн. 1. М.; Пг., 1923. С. 147.

не могла почтительно расшаркаться перед Носарём и, потупив взор, сделать вид, что не замечает настоящего только потому, что было такое ослепительное прошлое». «К несчастью для Хрусталёва, — констатировал публицист, — его личное влияние было весьма ограничено. Революция подчинялась своим неизменным законам, и не суетной, тщеславной натуре Хрусталёва суждено было прокладывать пути истории»².

Наиболее полно подобное отношение выразил социал-демократ Д.Ф. Сверчков — член исполнительного комитета Петербургского совета 1905 г., лично знавший его председателя и выпускавший документально-обличительные книги, посвящённые Гапону, Носарю и А.Ф. Керенскому, которые, как утверждал автор, несмотря на популярность у народных масс, в какой-то момент противопоставили свои личные, корыстные и тщеславные цели интересам рабочего движения и революции. При этом Сверчков опирался не только на собственные воспоминания, но и на сохранившиеся документы Департамента полиции МВД, публикации периодической печати и книгу Носаря «Из недавнего прошлого», изданную в Переяславе в 1918 г. и впоследствии утраченную. Как утверждал Сверчков, Носарь поддерживал связь с партией «лишь постольку, поскольку это способствовало его карьере», и после издания Манифеста 17 октября 1905 г. «был нами (социал-демократами. — И.С.) отстранён от политического руководства выступлениями петербургских рабочих»³.

Ещё раньше о Носаре как «объективно случайном» лидере движения 1905 г. писал Л.Д. Троцкий, фактически руководивший исполкомом Петербургского совета в последнюю неделю его существования. И во время, и после революции между ними шла довольно острая полемика. В книге «1905» Троцкий признавал энергичность и деловитость Носаря, однако председатель Совета изображался им как «посредственный оратор, импульсивная натура без политического прошлого и без политической физиономии». Лишь «радикально-уличная пресса, с одной стороны, и реакционно-полицейская, с другой, в течение нескольких недель создали вокруг этой фигуры историческую легенду»⁴. Аналогичные оценки содержатся на страницах «Сочинений» Троцкого и в его автобиографии, где Носарь характеризуется как «случайная в революции фигура» и человек, который «председательствовал, но политически не руководил»⁵.

Не менее строго рассматривалась тогда и деятельность Носаря в 1917 г. на Украине. По словам С. Розена, в Переяславе «опытный демагог» вёл себя дружелюбно только с крестьянами, к солдатам относится уважительно, а с остальными был «груб, нетерпим, резок». Его авторитет объяснялся исключительно выступлениями против царских чиновников, крупных помещиков и земских служащих, обвинявшихся им в злоупотреблениях. Но к осени среди крестьян начались конфликты, влияние Носаря упало, и к ноябрю того же года он оставил все свои административные обязанности⁶.

² Канторович В. Хрусталёв-Носарь // Былое. 1925. № 4. С. 120, 133.

³ Сверчков Д.Ф. Г.С. Носарь-Хрусталёв. Опыт политической биографии. Л., 1925. С. 18, 33.

⁴ Троцкий Л.Д. 1905. М., 1922. С. 198.

⁵ Троцкий Л.Д. Сочинения. Сер. 1. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1925. С. 611–612; Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 1. Берлин, 1930. С. 209.

⁶ Розен С. «Переяславская республика» и её герой Хрусталёв-Носарь // Летопись революции. 1927. № 2. С. 124–128.

В последующие десятилетия председатель Петербургского совета 1905 г. неизменно предстал перед читателями отечественных исторических трудов как «не имевший твёрдых политических убеждений, человек случайный в рабочем движении»⁷, опиравшийся на поддержку исключительно меньшевиков и эсеров. С.И. Черномордик, рассуждая о событиях осени 1905 г., сетовал на то, что «петербургский пролетариат, вписавший немало блестящих страниц в историю революционного движения, всё более демобилизовался и ослаблялся троцкистским руководством Петербургского совета, во главе которого оказался беспринципный авантюрист Хрусталёв-Носарь»⁸. Э.Н. Бурджалов возмущался тем, как вёл себя в февральские дни 1917 г. этот «ренегат», «клеветник и антисемит»: «Дискредитировав себя открытым сотрудничеством с буржуазией и предательством рабочих интересов, он намеревался теперь “по старой памяти” возглавить Совет»⁹. Носаря осуждали как «видного меньшевика» и «организатора контрреволюционного заговора» в Переяславе весной 1919 г. (причём это был «заговор троцкистов и петлюровцев») ¹⁰, как ставленника «черносотенных элементов» и помещиков, боровшегося на Переяславщине с местным Советом рабочих и солдатских депутатов и с большевиками¹¹. По мнению В.К. Чания, в Петербурге в октябре 1905 г. Носарь делал «всё для того, чтобы сорвать революционную деятельность советов, дезориентировать рабочих, обмануть их»¹². В книге Т.П. Бондаревской он выведен как будущий «ликвидатор» и «петлюровец»¹³. В томе «Литературного наследства», посвящённом В.Я. Брюсову, его упомянули как «политического авантюриста»¹⁴. Самые скудные сведения о Носаре содержала и монография У.А. Шустера¹⁵.

Западные авторы, обращавшиеся к истории Петербургского совета 1905 г., зачастую оказывались под влиянием Троцкого¹⁶. Так, И. Дойчер полагал, что Носарь тогда «сыграл лишь эпизодическую роль», а «идейным руководителем Совета был Троцкий»¹⁷. Только Я. Тэтчер пришёл к выводу о том, что как формальным председателем, так и реальным лидером Совета был именно Носарь,

⁷ Смолин И. Петербургский совет в 1905 г. // Борьба классов. 1935. № 7–8. С. 100.

⁸ Черномордик С.И. Декабрьское вооружённое восстание 1905 года и Московский совет рабочих депутатов // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 9.

⁹ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 213.

¹⁰ Лихолат А.В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917–1922 гг.). М., 1954. С. 333.

¹¹ Сікорський М.І. Боротьба трудящих за встановлення радянської влади на Переяславщині // Наукові записки Переяслав-Хмельницького державного історичного музею. Вип. 1. Переяслав-Хм., 1959. С. 13.

¹² Чания В.К. Советы в Первой русской революции. Сухуми, 1972. С. 13, 107.

¹³ Бондаревская Т.П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л., 1975. С. 156.

¹⁴ Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 700–701.

¹⁵ Шустер У.А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976. С. 105.

¹⁶ Eastman M. Leon Trotsky: The Portrait of a Youth. N.Y., 1925. P. V–VI.

¹⁷ Дойчер И. Троцкий. Вооружённый пророк. 1879–1921 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2006. С. 143. См. также: Roberts J.P. Lenin, Trotsky and the Theory of Permanent Revolution. L., 2007. P. 36–37; Rubenstein J. Leon Trotsky. A Revolutionary's Life. New Haven, 2011. P. 44; Service R. Trotsky. A biography. Massachusetts, 2009. P. 92. Схожие суждения встречаются и у отечественных исследователей: Старцев В.И. Л.Д. Троцкий (Страницы политической биографии). М., 1989. С. 12; Чернявский Г. Лев Троцкий. М., 2012. С. 81; Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Кн. 1. М., 2012. С. 171; Емельянов Ю.В. Троцкий. Мифы и личность. М., 2018. С. 200–201; Тутков Е.П., Подрепный Е.И. Лев Троцкий – «раскрученный бренд» революции. Арзамас, 2018. С. 45–46.

а Троцкий в 1905 г. являлся лишь подававшим надежды агитатором, спустя многие годы преувеличивавшим в мемуарах собственное значение¹⁸.

С конца 1980-х гг. о Носаре стали отзываться более взвешенно, а иногда и с заметным сочувствием. Эмигрантский историк Д. Поспеловский уже в 1987 г. утверждал, что «он был как раз той фигурой, которую власть могла бы использовать для ведения рабочего дела по чисто профсоюзному пути. Однако этого не произошло»¹⁹. В 1991 г. на личность председателя Петроградского совета обратили внимание В.И. Старцев и Б.Д. Гальперина²⁰. В 1994 г. В. Савин, публикуя документальное свидетельство о расстреле чекистами Носаря в мае 1919 г., видел в погибшем прежде всего «личность российского интеллигента начала века с изрядной долей политического темперамента, замешанного на либеральных и социально-демократических идеях»²¹. В XXI в. вышли работы Г.З. Головкова²² и С.Я. Махониной²³, в которых, помимо прочего, вскользь оспаривались и стереотипные суждения о Носаре как незначительной и «случайной» фигуре. В 1990–2000-е гг. проявляли интерес к Георгию Степановичу и украинские историки²⁴.

Так или иначе, в настоящее время в историографии признаётся необходимость, преодолевая сложившиеся штампы, проследить сложный путь этого человека в революционную эпоху и выявить особенности его убеждений, используя весь спектр как опубликованных, так и архивных материалов.

Положение пролетариата волновало Георгия Степановича ещё до революции. Будучи юристом по образованию и помощником присяжного поверенного, он защищал интересы рабочих в трудовых спорах в суде. Примерно через неделю после событий 9 января 1905 г. Носарь пришёл на квартиру к студенту-пропагандисту Всеволоду Эйхенбауму (Волину) и заявил ему: «Лично я революционер и симпатизирую рабочему движению. Однако до настоящего времени я не знаю никого из рабочих. В либеральных, оппозиционных кругах у меня, напротив, знакомств немало. И у меня есть идея. Я знаю, что тысячи рабочих, их жён и детей уже сейчас терпят ужасные лишения, связанные со стачкой. Но мне также известно, что многие богатые буржуа, со своей стороны, хотят, но не знают, как помочь этим несчастным. Короче, я мог бы собрать значительные средства в пользу бастующих. Речь идёт о том, чтобы распределить их организованно, по справедливости и с пользой. Для этого необходимо иметь контакты в рабочей среде. Я подумал о Вас». На следующий день он принёс несколько тысяч рублей, которые потом распределили среди бастующих. Тогда, как вспоминал Волин в эмиграции в 1930-е гг., «каждый день у меня про-

¹⁸ *Thatcher I.D.* Leon Trotsky and 1905 // *The Russian Revolution of 1905. Centenary perspectives*. L., 2005. P. 244; *Thatcher I.D.* Trotsky. L., 2003. P. 35–36.

¹⁹ *Поспеловский Д.* На путях к рабочему праву. Франкфурт-на-Майне, 1987. С. 132.

²⁰ *Гальперина Б.Д., Старцев В.И.* Предисловие // Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. Л., 1991. С. 10.

²¹ *Савин В.* «Комитет решил уничтожить врага диктатуры». Как погиб Хрусталёв-Носарь // *Источник*. 1996. № 4. С. 93–94.

²² *Головков Г.З.* Бунт по-русски: палачи и жертвы. Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005. С. 202, 204.

²³ *Махонина С.Я.* Кумиры русских революций в оценке современников // *Русская литература и журналистика в движении времени*. 2016. № 1. С. 262.

²⁴ *Дембіцький С. Г.С.* Хрусталёв-Носар. Політик і людина // *Наукові записки з української історії*. Збірник наукових статей. Вип. 21. Переяслав-Хм., 2008. С. 184. *Лисенко А.* Георгій Степанович Носар // *Переяславська земля і світ людини*. Переяслав-Хм., 1998. С. 135.

исходили собрания четырёх десятков рабочих нашего квартала... Мы с моими учениками... решили... вступить в революционные партии и таким образом заняться реальным делом. Ибо все мы считали происходящие события прологом грядущей революции». Носарь стал часто появляться на этих встречах, в ходе которых, если верить мемуаристу, и возникла мысль создать комитет или совет, который «следил бы за развитием событий, служил бы связующим звеном между рабочими, разъяснял бы им ситуацию и мог бы, в случае необходимости, объединить вокруг себя революционные силы трудящихся»²⁵. По свидетельству Волина, именно как делегат этого «совета» Носарь был избран затем в комиссию сенатора Н.В. Шидловского, пытавшуюся в январе–феврале 1905 г. выяснить с помощью выборных делегатов причины недовольства и беспорядков на столичных заводах.

В целом это подтверждается и документами Департамента полиции МВД, расследовавшего с конца февраля 1905 г. дело о «Рабочем союзе Санкт-Петербургского комитета Партии социалистов-революционеров», в принадлежности к которому обвинялся и Эйхенбаум. Участники данного сообщества после «Кровавого воскресенья» составили «Манифест» с подписью «Совет представителей петербургского рабочего союза Партии социалистов-революционеров» и в нём призывали перейти в «царство социализма», установив с помощью «классовой народной революции» «социалистический строй, основанный на общественном владении средствами производства»²⁶. 2 апреля рабочий В. Матвеев (из крестьян Гжатского уезда Смоленской губ.) сообщил на допросе, что ещё до 9 января к нему подошла незнакомая девушка, узнала, где он работает, и дала адрес Эйхенбаума, помогавшего, по её словам, бедным и нуждающимся пролетариям. Тот действительно передал Матвееву деньги и велел раздать их на заводе под расписку. В середине января Матвеев застал у Эйхенбаума «полную комнату народа, человек 20 или более. Были там Всеволод, Николаев и кроме того Георгий Степанович Носарь, Локтов, Шутов и Тудер... Происходило обсуждение того, что именно должны требовать рабочие в комиссии сенатора Шидловского. Помню, говорили, что: свободы печати, слова, неприкосновенности личности. Кроме того, говорили речи о непригодности существующего строя в государстве, о виновности министров и тому подобное. В точности речей передать не могу. Говорил по преимуществу Носарь»²⁷. Впрочем, согласно этим показаниям, в обсуждении требований участвовали все собравшиеся.

Задумав стать делегатом рабочих в комиссии Шидловского, Носарь, как известно, получил документы выборщика от Никольской мануфактуры П.А. Хрусталёва²⁸. В научной литературе при этом часто утверждается, что мандат был получен обманом. Однако у Носаря к тому времени сложились вполне доверительные отношения с текстильщиками. Ткачи с Никольской фабрики сами наши его, каким-то образом узнав, что через него можно достать деньги для стачечников. Помощник присяжного поверенного передал им 150 руб., после чего «увлёк их в хождение по министерским передним, чтобы через начальство как-нибудь повлиять на несговорчивого фабриканта, а когда это не удалось, взялся высудить для них у Чешера через мировой суд оплату за дни забастов-

²⁵ Волин В.М. Неизвестная революция. 1917–1921. М., 2005. С. 67–68.

²⁶ ГА РФ, ф. 102, 7 делопроизводство, 1905 г., оп. 120, д. 1141, л. 5.

²⁷ Там же, д. 1141, л. 20.

²⁸ Шустер У.А. Петербургские рабочие... С. 105.

ки». Так, в конце января Носарь водил нескольких рабочих (в том числе и Хрусталёва) к министру финансов В.Н. Коковцову²⁹. В составленном ими (возможно, при участии Носаря) прошении говорилось о необходимости учредить посреднические комиссии и предоставить трудящимся свободу слова, союзов, собраний, сходок и стачек³⁰. Его подписали и подали пять человек.

Сам Хрусталёв рассказывал, что Носарь попросил его организовать некое предварительное собрание выборщиков, которое состоялось под видом чаепития в доме Герда на станции Удельная Финляндской железной дороги. Во время беседы «Носарь сделал предложение, чтобы его провели в комиссию Шидловского, доказывая, что опасно было бы оставить там без руководства слишком неопытных представителей массы». После его речи Хрусталёв добровольно передал ему свои документы делегата комиссии³¹.

Носарь настаивал на том, чтобы выборы в комиссию проводились свободно и открыто, поскольку «случайное представительство рабочих не только не способно выяснить нужды рабочих, но оно вызовет ещё большее волнение в рядах рабочего класса»³². Тогда же, обращаясь к Шидловскому, он писал: «Если в течение ближайших дней не будут исполнены желания рабочих, изложенные в поданном Вам прошении депутатов фабрики Чешера, то в Петербурге начнётся опять всеобщая забастовка, и тогда комиссия будет бессильна разрешить задачу». Для предотвращения этого Носарь предлагал сенатору как можно скорее открыть 11 отделов гапоновского «Собрания» и выражал готовность взять на себя личную ответственность за последствия такого шага³³. Общаясь с текстильщиками и представителями других отраслей, Носарь вёл себя активно, «но не выдвигался, не посягал на первенствующую роль и свято соблюдал принцип рабочего самоуправления и общего голосования»³⁴.

Тем не менее 18 февраля Шидловский объявил, что ходатайства об открытии 11 отделов, освобождении арестованных и обеспечении неприкосновенности личности и жилищ не могут быть им удовлетворены, поскольку «они выходят за пределы возложенных на комиссию задач»³⁵. В тот же день Хрусталёв-Носарь, переодетый рабочим, был задержан полицией. Своё появление на выборах он объяснил желанием собрать информацию для диссертации, посвящённой рабочему вопросу. Как бы то ни было, «история с проникновением в число выборщиков в комиссию Шидловского Носаря с чужими документами нашумела в Петербурге»³⁶. С весны 1905 г. Георгий Степанович примкнул к «леволиберальной» группе «Союза освобождения»³⁷, но уже в июле

---

²⁹ *Перазич В.* Текстильщики в комиссии Шидловского // Красная летопись. 1930. № 6. С. 52, 61.

³⁰ 1905 год на ткацкой фабрике Чешера // Первая русская революция в Петербурге 1905 г. Сб. 2. Л., 1925. С. 17.

³¹ Там же. С. 53.

³² Хроника // Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены. 1905. № 2. С. 109.

³³ *Невский В.* Выборы в комиссию сенатора Шидловского (1905 г.) // Архив истории труда в России. 1922. Кн. 3. С. 89.

³⁴ С. С. Дело Совета рабочих депутатов // Пережитое. 1907. № 1. С. 11.

³⁵ Хроника. С. 106.

³⁶ *Сверчков Д. Ф.* Г. С. Хрусталёв-Носарь... С. 9.

³⁷ *Васильев П.* Синдикалистские и другие группы в профессиональном движении 1905–07 гг. // Материалы по истории проф[союзного] движения в Петербурге за 1905–1907 гг. Л., 1926. С. 194. См. также: *Сверчков Д. Ф.* Г. С. Хрусталёв-Носарь... С. 9. *Перазич В.* Указ. соч. С. 54.

его арестовали жандармы. В момент задержания в его квартире находились 16 рабочих, литератор А. Покровский и студент Технологического института А. Маковецкий. В охранном отделении считали, что «задержанные у Носаря лица состоят членами союза рабочих группы “Освобождение”», собравшимися под его руководством на сходку для обсуждения программы своей организации и действий, приуроченных к полугодовщине январских беспорядков³⁸. Правда, как признал прокурор, на формальном дознании данные предположения не подтвердились. Между тем меньшевику П. Колокольникову рабочие рассказывали о собраниях «освобожденцев», которые Носарь проводил на Выборгской стороне, на даче в Лесной и на Удельной. Колокольников вспоминал и о знакомстве с «проектом общерабочего союза», оказавшимся среди полученных им тогда же бумаг литератора Покровского. В нём намечалось объединение автономных первичных (заводских) ячеек в районные, а затем — в городские, которые составили бы уже всероссийский союз. Предполагалось, что он останется беспартийным, но к проекту его организации прилагалась политическая программа, близкая к «освобожденчеству»³⁹.

Под арестом Носарь находился вплоть до начала сентября. После освобождения он попытался вновь включиться в создание профессионального союза текстильщиков. Но к тому времени в Петербурге усилилось влияние социал-демократов, фактически перехвативших инициативу⁴⁰. Тогда в конце сентября Носарь принял участие в забастовке московских печатников. На Всероссийскую конференцию профессиональных союзов, также проходившую в Москве, он прибыл уже как представитель и юрисконсульт петербургского Союза рабочих печатного дела⁴¹. По свидетельству Колокольникова, на совещаниях 6–7 октября «Хрусталёв скромно сидел у стенки, направо от председателя, и выступал только с небольшими репликами»⁴². Вернувшись в Петербург, Носарь 12 октября выступил на митинге профессионального союза с докладом о действиях москвичей⁴³. В результате именно печатники на фоне разраставшейся в начале октября 1905 г. в столице всеобщей забастовки включили Носаря в число десяти своих депутатов в формировавшийся тогда Совет. А на втором его заседании после долгих споров беспартийный помощник присяжного поверенного был избран председателем⁴⁴.

Как писал Носарь в 1906 г., «стачечная революция родила Совет»⁴⁵. Призыв выбирать представителей в «рабочий совет» Георгий Степанович бросил в массы 12 октября на митинге в Технологическом институте после рассказа об образовании в сентябре московского Совета депутатов типографских рабочих⁴⁶.

³⁸ ГА РФ, ф. 124, оп. 43, д. 1073, л. 7.

³⁹ Колокольников П. (Дмитриев К.). Отрывки из воспоминаний. 1905–1907 гг. // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 2. М., 1924. С. 232.

⁴⁰ Перазич В. Указ. соч. С. 61.

⁴¹ История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Кн. 1. Л., 1925. С. 183. Юрисконсульту Союза он стал 2 октября (Там же. С. 431).

⁴² Колокольников П. (Дмитриев К.). Указ. соч. С. 232.

⁴³ Сверчков Д. Ф. Г. С. Хрусталёв-Носарь... С. 30.

⁴⁴ Там же. С. 12.

⁴⁵ Хрусталёв-Носарь Г. История Совета рабочих депутатов (до 26-го ноября 1905 г.) // История Совета рабочих депутатов г. Санкт-Петербурга. СПб., 1906. С. 61.

⁴⁶ Это подтверждал и Н. В. Крыленко, вспоминавший в 1920-е гг.: «Кульминационным пунктом моей работы этой эпохи было председательствование на митинге в Технологическом институте 13 октября, где имело место и первое выступление Хрусталёва-Носаря с предложением

Публикуя в 1913 г. в «Биржевых ведомостях» «Гласное обращение к Троцкому-Бронштейну», он вспоминал: «Будучи социал-демократом, я не вёл борьбы с социал-демократией, но восставал против социал-демократов, стоящих левее здравого смысла, которые в погоне за левизной требовали бойкота комиссии Шидловского, превращения совета в партийное учреждение, отстаивали партийные профессиональные союзы и отдавали на разграбление кооперативное движение. Но, борясь с такими социал-демократами, я и мои ближайшие друзья-рабочие создали совет рабочих депутатов. Официальная социал-демократия не принимала в его создании никакого участия. Генезис совета относится к стачечному комитету, образованному нами 9-го января и председателем которого я состоял вплоть до моего ареста, к организационным выступлениям по проведению комиссии Шидловского, к собраниям рабочих, организованным мною летом 1905 года на Удельной»⁴⁷.

Позднее Сверчков утверждал, что они «сдуру согласились» на выбор Носаря председателем, но он так и не стал «политическим руководителем Совета»⁴⁸. Гр. С.Ю. Витте после окончания революции писал, что А.С. Суворин и его газета «Новое время», назвав Совет «правительством Носаря» ради увеличения розничной продажи своего издания, «придали совершенно исключительное значение этому Совету и Носарю, сосредоточив на этом прыще революции весь революционный вопрос 1905 г.»⁴⁹.

Однако именно по инициативе Носаря Совет принял своё первое решение, потребовав от городской думы снабжать рабочее население продовольствием, предоставить помещение для заседаний депутатов и прекратить обеспечение нужд полиции и жандармерии⁵⁰. Он же формировал «дружины самообороны», защищавшие членов Совета, которым уже стало опасно возвращаться домой, и городских обывателей от нападений черносотенцев⁵¹.

14 октября Совет постановил наладить выпуск собственного информационного бюллетеня — «Известий». Название нового печатного органа предложил Носарь⁵², и уже 16 октября в столовой курсов Лесгафта он обсуждал издание газеты с депутатами-печатниками П. Васильевым и М. Горшковым⁵³. В итоге начали выходить «Известия Совета рабочих депутатов». Депутат от Ижорского судостроительного завода А.И. Шишкин на допросе в полиции показал, что на одном из заседаний Носарь заявил о необходимости «провести 8-часовой рабочий день революционным путём»: вносить средства в общий стачечный фонд, во время забастовки не платить за квартиры и продукты, рассчитываясь за них лишь после её окончания. 1 ноября председатель

образования Совета рабочих депутатов» (*Крыленко Н.В.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 466).

⁴⁷ *Носарь-Хрусталёв Г.* Гласное обращение к Троцкому-Бронштейну // Биржевые ведомости. 1913. 9 мая. № 13538. См. также: *Глинский Б.Б.* Развенчанные герои революции 1905 г. Г.С. Хрусталёв-Носарь // Исторический вестник. Т. 132. 1913. № 6. С. 993–994.

⁴⁸ О пятом годе // Красная летопись. 1931. № 1. С. 129.

⁴⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. Т. 2. СПб., 2003. С. 267.

⁵⁰ *Сверчков Д.Ф.* На заре революции. Изд. 3. Л., 1925. С. 124–125.

⁵¹ *Хрусталёв-Носарь Г.* История Совета рабочих депутатов... С. 93; *Глинский Б.Б.* Указ. соч. С. 990.

⁵² *Хрусталёв-Носарь Г.* История Совета рабочих депутатов... С. 77.

⁵³ Вооружённые захваты типографий в Петербурге в 1905 году // Красная летопись. 1930. № 5. С. 47.

Совета распорядился, чтобы каждый район столицы провёл у себя забастовку, потребовал закрытия контор, учреждений, аптек, прекращения представлений в театрах⁵⁴. Другой депутат Совета, Е.А. Аксанов, вспоминал, что общий тон их деятельности задавали речи таких ораторов, как Носарь, и «хлётские» резолюции Троцкого⁵⁵.

При этом Носарь понимал смысл деятельности Петербургского совета совершенно иначе, нежели социал-демократы. Он исходил из того, что «Совет не был политической партией, не был кружком заговорщиков... Совет был выборной пролетарской организацией... Программа Совета и его методы борьбы разделялись всей рабочей массой, они признавались революционной демократией, крестьянским союзом и др[угими] организациями». Совет представлялся ему выразителем интересов народных масс, он желал, чтобы его решениям подчинялись «вследствие нравственного авторитета, а не под воздействием материальной силы» или в силу какого-либо закона. Георгий Степанович верил в то, что пролетариат в ходе революционных событий достиг высокой степени сознательности и «образцово постиг строй парламентской жизни»⁵⁶. И это позволяло ему надеяться на то, что Петербургский совет будет взаимодействовать с органами местного самоуправления и государственной власти, а не противостоять им, и уж тем более в его планы не входило вооружённое восстание.

Так или иначе, Носарь проявлял инициативу и уж точно не был номинальной фигурой, случайно оказавшейся во главе Совета. Рабочие ему доверяли, и когда 26 ноября 1905 г. он вновь оказался под арестом, печатники выступили с заявлением: «Возмущённые диким нападением полицейской банды на наше Бюро и на помещение Совета рабочих депутатов и захватом председателя Совета, юрисконсульта нашего Союза, товарища Хрусталёва-Носаря... мы требуем немедленного освобождения Хрусталёва... и протестуем против наглого вторжения полиции в помещение нашего Союза»⁵⁷. Их представительница, Татьяна Рубинчик, на суде по делу Совета свидетельствовала, что рабочие были взволнованы арестом его председателя, поскольку «в лице Хрусталёва теряли не только представителя, но и горячо любимого человека»⁵⁸. Члены боевых дружин, как вспоминал депутат А. Пискарёв, даже собирались захватить в заложники К.П. Победоносцева, который после отставки с поста обер-прокурора Святейшего Синода часто приходил в построенную под его руководством школу у Московской заставы, однако они сами оказались под стражей незадолго до осуществления своего замысла⁵⁹.

Троцкий воспользовался арестом Носаря для радикализации действий Совета: 27 ноября депутаты под руководством социал-демократического президиума (Троцкий, Сверчков и П.А. Злыднев) проголосовали за резолюцию о вооружённом восстании. Троцкий, будучи членом исполкома, рьяно отстаивал эту идею и раньше, однако, несмотря на всё его красноречие, большинство поддерживало Носаря, рассчитывавшего на мирную победу революции и по-

⁵⁴ ГА РФ, ф. 102, оп. 308, д. 216, л. 12.

⁵⁵ *Хрусталёв-Носарь Г.* История Совета рабочих депутатов... С. 25.

⁵⁶ Там же. С. 149–150, 153.

⁵⁷ История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Кн. 1. С. 236.

⁵⁸ Процесс Совета рабочих депутатов (К истории революции 1905 года). СПб., 1906. С. 147.

⁵⁹ *Пискарёв А.* Воспоминания члена Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 года // Красная летопись. 1925. № 4. С. 111–112.

следующие реформы. Как показал на следствии Я. Вернстрем, на заседаниях Совета «некоторые ораторы употребляли слишком резкие выражения, так, например, сравнивали самодержавие с гидрой, которую нужно уничтожить. Таких Хрусталёв останавливал»⁶⁰. Резолюция о восстании вызвала решительный ответ власти: 3 декабря во время заседания исполнительный комитет Совета был арестован.

Пока шло следствие, ЦК РСДРП призывал Троцкого не говорить на суде о том, что целью деятельности Совета являлось вооружённое восстание. Но Лев Давидович в июне 1906 г. подготовил коллективный ответ, в котором утверждалось, что, хотя технически никакого выступления не готовилось, «идейно-организационная подготовка восстания была неизбежным выводом и результатом из борьбы рабочих масс (а значит, и деятельности совета) во всём её объёме»⁶¹. Любопытно, что под этим письмом в числе прочих подписался и Носарь. Судя по свидетельству Сверчкова, Георгий Степанович согласился на это под давлением Троцкого и остальных членов исполкома. Более того, он даже изменил показания: если прежде призывы к вооружённому восстанию им отрицались, то на суде прозвучало заявление о том, что его деятельность в Совете «была направлена к насильственному ниспровержению существующего строя»⁶². Но, вероятно, именно с тех пор между ним и Троцким возникло идейное и личное противостояние.

Осенью 1906 г. членов исполкома Совета осудили, приговорив к ссылке в Обдорск. Однако некоторым из них в 1907 г. удалось совершить побег. Когда скрылся Троцкий, Сверчкова сразу же отправили к месту поселения, но Носарь, ссылаясь на состояние здоровья и запрет врачей, задержался в Берёзове, откуда местные жители и ссыльные помогли ему бежать.

С 1907 по 1915 г. Георгий Степанович жил в эмиграции в Париже, где бедствовал, несмотря на активную публицистическую деятельность и сотрудничество с различными журналами и газетами. В ноябре 1909 г. он просил «освобожденца» С.Н. Прокоповича, вместе с которым вёл работу в рабочих кружках весной—летом 1905 г., дать ему денег в долг⁶³. В 1911 г. Носарь писал брату Виктору в Петербург о том, что не смог завершить книгу «Моя жизнь»: «Начались проливные дожди, гололедица. Прощай, ночлег в Булонском лесу. Перейду в ночлежку. По французскому закону жить без квартиры или комнаты не разрешается, иначе арестуют как бродягу»⁶⁴. Чуть позже он сообщил ему, что разгружает по ночам овощи на центральном рынке, покупает в основном хлеб и картофель, но постоянно чувствует «проклятый голод»⁶⁵.

В Париже Носарь тяжело заболел туберкулёзом, и весной 1912 г. по заводам и фабрикам Петербурга распространялось открытое письмо, в котором некий «рабочий», ссылаясь на письмо от Георгия Степановича, призывал собрать средства на его лечение. При этом утверждалось, что помощь ему является «честной и прямой обязанностью» столичного пролетариата

⁶⁰ ГА РФ, ф. 102, 7 делопроизводство, 1905 г., д. 6409, т. 2, л. 220 об.

⁶¹ Троцкий Л.Д. В Центральный комитет Российской социал-демократической партии // Троцкий Л.Д. Сочинения. Сер. 1. Т. 2. Ч. 1. С. 461.

⁶² Процесс Совета рабочих депутатов (К истории революции 1905 года). С. 74.

⁶³ Hoover Institution Archives (далее – НИА). Okhrana Records. Index № XIIIc (1). Folder № 1Н. Doc. 1397.

⁶⁴ Ibid. Doc. 1496.

⁶⁵ Ibid. Doc. 1497.

и даже составляет «священный долг» трудящихся⁶⁶. Согласно поступившему 16 мая донесению агента Петербургского охранного отделения «Ивановой», пожертвования для Носаря собирал тогда, в частности, слесарь Т. Зиновьев (крестьянин из Тульской губ., работавший ранее на петербургском заводе Семёнова). Так, только на Орудийном заводе было собрано 40 руб., но подобные сборы производились и на других предприятиях⁶⁷. Деньги предполагалось передать брату эмигранта, который учился в гимназии Гуревича. Виктор сам ходил по фабрикам, но результат его усилий оказался довольно скромным. Тем не менее он не терял бодрости и 23 мая 1912 г. уверял больного: «Симпатия рабочих к тебе крайне велика, и если бы не такое грустное время, то собрали бы солидно»⁶⁸. Но тогда же приходилось изыскивать возможности для оказания материальной поддержки жертвам Ленского расстрела, и это помешало собрать необходимую сумму. Год спустя Носарь упомянул об этой истории в открытом письме в «Новое время»: «Мне была оказана раз поддержка петербургскими рабочими в размере 200 (двести) франков. Узнав о моей болезни, они собрали двести франков и открыли подписку в мою пользу. Я был тронут такой поддержкой, но предложил товарищам прекратить подписку»⁶⁹.

Между тем в марте 1913 г. Носаря арестовали в Париже по подозрению в похищении двух рубашек и часов у И. Циммермана. Обвинение в краже и злоупотреблении доверием потерпевшего во многом оказалось надуманным и опровергнутым в ходе судебного заседания. В итоге суд приговорил Носаря к заключению в тюрьму на месяц условно (без непосредственного применения наказания). И хотя Георгий Степанович ещё в 1909 г. вышел из РСДРП и перестал общаться с большей частью русской эмиграции, в печати этот случай подали как пример того, насколько бывшие революционеры морально выродились и нравственно пали. Прежние товарищи поспешили отмежеваться от и так не столь симпатичного им Носаря любыми способами. Троцкий 21 марта опубликовал в меньшевистской газете «Луч» заметку «Хрусталёв», в которой напоминал: «Имя Хрусталёва в ноябре 1905 г. приобрело колоссальную популярность. Оно повторялось во всех газетах и на всех перекрёстках. Огромная политическая инициатива, проявленная Петербургским рабочим советом, его энергия, решимость, его авторитет в массах, — всё это сразу встало перед пробуждённым российским обывателем, как таинственная загадка». Однако «Хрусталёв светил двойным светом: партии и массы. Но и тот и другой свет был отражённым, т.е. чужим». Как председатель он будто бы сразу осознал свою «политическую беспомощность» и покорно следовал за социал-демократами⁷⁰. 26 апреля, сетуя в письме к брату на то, «как жизнь жестока и несправедлива к нам», Георгий Степанович отметил: «Троцкий не удержался, чтобы свести счёты со мною. Подлец и убийца из-за угла»⁷¹. 9 мая он напомнил своему антагонисту, в нападках которого звучали «партийное злопыхательство» и «личная вражда»: «Вы лишены права ссылаться на прессу, так как та же пресса обвиняла вас и всех членов совета в краже общественных денег, и это недобросовест-

⁶⁶ ГА РФ, ф. 1741, оп. 1, д. 26969, л. 1.

⁶⁷ Там же, ф. 111, оп. 4, д. 42, л. 8.

⁶⁸ НИА. Okhrana records. Index № XIIIc (1). Folder № 1E. Doc. 990.

⁶⁹ Глинский Б.Б. Указ. соч. С. 991.

⁷⁰ Троцкий Л. Хрусталёв // Луч. 1913. 21 марта. № 67.

⁷¹ НИА. Okhrana records. Index № XIIIc (1). Folder № 1C. Doc. 604.

ное обвинение оставило свой грязный след в следственном материале по делу совета рабочих депутатов»⁷².

Носарю пришлось защищаться. 20 апреля он указал брату Виктору на тех, «кто мне мстит»: «Партийцы — за выход из партии и противопартийную пропаганду. Евреи — за то, что я — “антисемит”»⁷³. Тогда же на страницах «Нового времени» Носарь опроверг обвинения, выдвинутые Циммерманом, дистанцировался от эмигрантской среды и попытался рассеять подозрения в своём антисемитизме: «Правда, я не скрывал и не скрываю: я — не юдофил, — признался он. — Но в качестве не юдофила я организовывал дружины самообороны в 1905 году и в числе других пресёк возможность еврейского погрома в Петербурге в октябрьские дни»⁷⁴.

Когда началась Первая мировая война, Георгий Степанович решил вернуться в Россию. Однако на границе в октябре 1915 г. его ждали жандармы, не забывшие о побеге 1907 г. Следующие полтора года он провёл в Доме предварительного заключения. Его надежды на амнистию на основании манифеста, подписанного Николаем II 21 февраля 1913 г. по случаю 300-летия Дома Романовых, не оправдались, поскольку годичный срок, в течение которого можно было воспользоваться этим правом, истёк, пока Носарь боролся с обострением туберкулёза. В октябре 1916 г. суд приговорил его к трём годам каторжных работ, разрешив обратиться к императору с ходатайством о помиловании. Последовавшее обжалование приговора ни к чему не привело⁷⁵.

27 февраля 1917 г. в ходе в вспыхнувшей в Петрограде революции арестанты, содержащиеся в Доме предварительного заключения, были освобождены. Выйдя из тюрьмы, Носарь тут же произнёс перед собравшейся толпой речь, в которой делился революционным опытом Совета рабочих депутатов 1905 г. и якобы призывал сжечь здание Петроградского окружного суда⁷⁶. Как рассказал З.Н. Гиппиус её знакомый И. Пугачёв (впоследствии — депутат Петроградского совета), рабочие и солдаты встретили Носаря восторженно: «Ну, — несколько сумбурно говорил поэтессе матрос, — привезли в Думу — к депутатам. Те сейчас согласились, пусть он какую хочет должность берёт и министров выбирает. Стал он, значит, глава совета рабочих депутатов. Потом говорит: поедемте на Финляндский вокзал вызванные войска встречать, чтобы они сразу стали за народ... Ну, и уехали»⁷⁷. Кн. Л.Л. Васильчикова вспоминала, как видела Носаря, стоявшего «с офицерской шашкой поверх штатского пальто» во дворе Таврического дворца, где «собралась большая толпа»⁷⁸. Депутат Государственной думы В.В. Шульгин запомнил, как многие подходили к слегка растрёпанному Носарю, но тот, заметив лидера кадетов П.Н. Милюкова, бросился к нему со словами: «Павел Николаевич, чего они от меня хотят? Я полгода был в тюрьме,

⁷² *Носарь-Хрусталёв Г.* Гласное обращение... Отвечая на это «гласное обращение», Троцкий иронизировал: «Хрусталёв собрал последние остатки своей духовной энергии и судорожно заметался в стремлении сделать бывшее не бывшим» (*Троцкий Л.* К ликвидации легенды // Луч. 1913. 16 мая. № 111).

⁷³ НИА. Okhrana records. Index № XIIIc (1). Folder № 1C. Doc. 603.

⁷⁴ *Носарь-Хрусталёв Г.* Письмо в редакцию // Новое время. 1913. 10 апреля. № 13326.

⁷⁵ *Сверчков Д.Ф.* Г.С. Носарь-Хрусталёв... С. 40.

⁷⁶ *Старцев В.И.* 27 февраля 1917 года. М., 1984. С. 141; *Гальперина Б.Д., Старцев В.И.* Предисловие. С. 12.

⁷⁷ *Гиппиус З.Н.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914—1918. Белград, 1929. С. 81.

⁷⁸ *Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой.* 1886—1919. СПб., 1995. С. 355.

меня вот оттуда вытащили, притащили сюда и требуют, чтобы я стал “во главе движения”. Какого движения? Что происходит? Я ведь ничего не знаю... Что такое? Что от меня нужно?»⁷⁹.

Шляпников, представлявший большевиков в исполнительном комитете Петроградского совета и присутствовавший при его образовании в Таврическом дворце, войдя в комнату, где собралась инициативная группа, застал Носаря у стола среди «стоявших рабочих и интеллигентов». Когда принесли стулья и началось заседание, «собравшиеся поговорили о том, что следовало бы находящимся здесь взять на себя инициативу учреждения Совета рабочих депутатов и выбрать руководящий центр, могущий быть всеми признанным». Тогда кто-то из меньшевиков выдвинул кандидатуру Георгия Степановича на пост председателя собрания, а затем — Временного исполнительного комитета. Шляпников опасался, что «в общем сумбуре, при поддержке меньшевиков-оборонцев... этот господин мог бы пройти в члены исполнительного комитета». Не растерявшись, большевик объявил его «ренегатом социализма», «клеветником» и «антисемитом», которому нельзя поручать какой-либо пост, и «потребовал немедленного исключения Хрусталёва-Носаря из состава учредителей Совета рабочих депутатов». Этого оказалось достаточно: «Оборонцы встретили моё выступление крайне враждебно, но никто не осмелился выступить в защиту ренегата»⁸⁰.

Носарь, впрочем, не питал особых иллюзий, и позднее рассказывал депутату Государственной думы А.И. Савенко, с которым был знаком с детства, будто «с первых же дней, видя, каким успехом в Совете рабочих и солдатских депутатов пользуются большевистские выступления Стеклова-Нахамкеса, он понял, что всё пропало, что мы неудержимо покатымся в пропасть». Приходилось идти против течения: «Я пробовал возражать Нахамкесу, но мои выступления не встретили поддержки, и я понял, что ничего сделать не могу, и решил стухеваться»⁸¹.

Не попав в Петроградский совет, Носарь отправился на родину — в Переяслав, где вошёл в переизбранное после революции земское собрание, стал уездным комиссаром, председателем земской и продовольственной управ, а также общественного комитета. По словам Розена, «он вмешивается в продовольственное дело, желая навести там порядок. Он распоряжается на железной дороге, как у себя дома, внося сумятицу и беспорядок. В одних местах Носарю подчиняются, в других он наталкивается на сопротивление. Тогда он кричит, громит, грозит отдать под суд, рассчитать, сдать в солдаты»⁸². По губернии пошли слухи о преступлениях и злоупотреблениях Носаря. Однако общавшийся с Носарём в Киеве в 1918 г. Шульгин много лет спустя отметил: «Кругом шла анархия, а в Переяславском уезде был полный порядок. Начать с того, что население аккуратно платило все налоги. Власти функционировали, дороги чинились, больницы, школы и богадельни действовали. Словом, земство исполняло свои обязанности»⁸³. Авторитет Носаря среди земляков оставался высоким, и лишь после появления в январе 1918 г. большевистских войск ему пришлось отойти от активной политической деятельности. Во всяком случае,

⁷⁹ Шульгин В.В. Дни. Л., 1925. С. 119.

⁸⁰ Шляпников А.Г. Указ. соч. Кн. 1. С. 144, 147.

⁸¹ Савенко А.И. Г.С. Хрусталёв-Носарь // Киевлянин. 1919. № 20. 13 сентября.

⁸² Розен С. Указ. соч. С. 127–128.

⁸³ Шульгин В.В. 1917–1919 // Лица. Биографический альманах. № 5. М.; СПб., 1994. С. 156.

А.Г. Пирогов, работавший в Переяславе после гибели Георгия Степановича и общавшийся с местными жителями, рассказывал, что «ко времени прихода немецких оккупантов он уже был не у дел». При этом «к самому факту оккупации Г.С. Носарь отнёсся совершенно отрицательно». Тем не менее при П.П. Скоропадском он продолжал состоять в переяславской городской управе и боролся с подпольщиками-большевиками, готовившими восстание против гетмана. В конце 1918 г., после очередной смены режима, Носарь съездил в Киев, но вернулся оттуда, по словам Пирогова, «чрезвычайно раздосадованный». Друзьям, расспрашивавшим его о впечатлениях от петлюровской Директории, он ответил: «Дурачьё, и больше ничего»⁸⁴.

То, что происходило тогда в России, воспринималось им болезненно. «На развалинах былого величия и былой силы веков, умевших горячо молиться, страстно веровать и щедро воздвигать храмы, воцарился опьянелый свободой илот и красногвардейская уголовщина, — сокрушался Георгий Степанович. — Не в ратном бою и не под напором врага пала Россия. Россию убили отравленными газами народовластия»⁸⁵. Впрочем, когда большевики вернулись в Переяслав, Носарь попытался наладить с ними сотрудничество и вступить в переговоры с председателем СНК Украины Х.Г. Раковским, тщетно добываясь назначения на пост ответственного за борьбу с продовольственным кризисом в уезде. В мае 1919 г. красноармейцы решили превратить местный монастырь в военный госпиталь, в народе начались волнения и, как вспоминал в 1935 г. большевик А.В. Яновский, «тут же оказался и Хрусталёв-Носарь и стал руководить всем делом», а именно — «охаивать советскую власть и партию», призывать не подчиняться «жидам-коммунистам», настраивать крестьян против комитетов бедноты, в чём ему помогал младший брат Евгений, приехавший из «белой армии», и т.п.⁸⁶ В результате Георгий Степанович был расстрелян отрядом черниговцев по решению ревкома под председательством И.И. Крадожена. Тело его сбросили в Днепр, откуда оно потом было выловлено. Местные жители хранили память о Носаре вплоть до 1940-х гг.⁸⁷

Таким образом, Георгий Хрусталёв-Носарь играл самую активную роль в революционных событиях 1905 и 1917 гг. Заботясь о благе народа, он умел добиваться авторитета и доверия как среди питерских рабочих, так и у переяславских крестьян. Его противники оказались сильнее, но от этого он не становился «случайной» фигурой в рабочем движении, оставаясь одним из народных лидеров России начала XX в.

⁸⁴ РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 728, л. 3.

⁸⁵ Цит. по: *Сверчков Д.Ф.* Г.С. Носарь-Хрусталёв... С. 47. Так он писал в книге «Из недавнего прошлого», изданной летом 1918 г. в Переяславе. Ни один её экземпляр до сих пор не найден, известны лишь отрывки, приведённые Сверчковым. Она открывалась предисловием «Как Лейба-Бронштейн расторгивал Россию», где говорилось, что Троцкий являлся агентом Петербургского охранного отделения, а с 1907 г. — ещё и германского Генерального штаба. Проведённая же им в 1905 г. резолюция о вооружённом восстании объяснялась исключительно намерением усугубить вину и наказание уже арестованного к тому времени председателя Совета (Там же. С. 47–48).

⁸⁶ *Савин В.* «Комитет решил уничтожить врага диктатуры»... С. 94.

⁸⁷ *Дембіцкий С.* Указ. соч. С. 184–185.

В.В. Зверев.
Опыт политической биографии Г.П. Сазонова

На первый взгляд, «политическая биография» — один из самых предсказуемых жанров исторического исследования. Обычно читателя ожидает беглый рассказ о жизненном пути государственного или общественного деятеля от колыбели до могилы с подробным изложением его взглядов, проектов, решений, контактов, столкновений, интриг и проч. Причём, как правило, речь идёт о лицах, занимавших ключевые посты и должности или представлявших те или иные влиятельные течения и группы. Однако книга доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН профессора В.В. Зверева о Г.П. Сазонове — народнике и монархисте, публицисте, авантюристе, мистификаторе и даже «проходимце» (по выражению автора), который никогда не играл первых ролей, но в разное время общался с А.Д. Пазухиным и В.И. Ульяновым (Лениным), К.П. Победоносцевым и Г.Е. Распутиным и многими другими, — представляет собою не просто «опыт», но в каком-то смысле и эксперимент¹. В том числе и по неожиданной подаче материала, когда строгий анализ источников и реконструкция событий постоянно соседствуют и даже переплетаются с авторской рефлексией и размышлениями о труде историка и реакции читателя. В обсуждении монографии приняли участие доктор исторических наук В.В. Блохин, В.Ю. Карнишин, А.Ю. Полунов, А.В. Репников и кандидаты исторических наук Д.А. Андреев и Д.И. Олейников.

Материал подготовил А.В. Мамонов

Валерий Карнишин: Зигзаги судьбы одного из «удивительных людей»
Valery Karnishin (Penza State University, Russia): Zigzags of the fate of one of the «amazing people»

DOI: 10.31857/S0869568722010149

Блестящее исследование В.В. Зверева, без сомнения, уже нашло *своего читателя*, склонного к постижению прошлого и настоящего в их синтезе. Говоря словами М. Блока, это книга о «людях во времени»². И, конечно, скромное название монографии не передаёт огромного круга сюжетов, в той или иной мере затронутых автором в связи с судьбой Г.П. Сазонова — личности достаточно яркой и известной историкам, и вместе с тем, как ни странно, неприметной. Его по праву можно отнести к «удивительным людям», как выражался замечательный писатель Ю.В. Давыдов.

Рассматривая формирование взглядов Сазонова, Зверев успешно реконструировал социокультурные особенности повседневной жизни Тамбовской губ., проследил эволюцию мировоззрения провинциальной молодёжи, раскрыл

---

¹ Зверев В.В. Опыт политической биографии Г.П. Сазонова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 440 с.

² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1971. С. 19.

характер её взаимоотношений с представителями власти (с. 94). Особое внимание при этом уделено общению Георгия Петровича с народной учительницей В.И. Дмитриевой, А.И. Кошелёвым, присяжным поверенным В.Н. Герардом.

В 1880-е гг., в отличие от своих недавних единомышленников-революционеров, Сазонов пришёл к выводу «о возможности улучшения условий существования русского крестьянина без изменения государственного устройства в стране». Более того, именно от монархии он ожидал теперь защиты народного блага от посягательств кулаков и ростовщиков (с. 160). Голод 1891 г. стал своего рода проверкой эффективности бюрократического механизма и структур местного самоуправления. Отсутствие точных сведений о происходившем, воровство казённых средств и несогласованность продовольственных операций в губерниях, охваченных голодом, помешали остановить катастрофу. Сазонов, чуткий к народному бедствию, разработал проект преобразований в организации продовольственного дела и наметил комплекс экстраординарных мер, которые, как он утверждал, одобрил затем Александр III (с. 178–187). Особое внимание в это время публицист уделял судьбе крестьянской общины. В докладе, подготовленном для Вольного экономического общества в 1893 г., он фактически обосновывал известную позицию К.П. Победоносцева: «Земля – такой товар, который опасно бросать на вольный рынок, подобно всякому иному товару» (с. 199). При этом утверждалось, что «община охраняла народ от обезземеливания» и вовсе не «подавляет в членах своих охоту к труду», а «общинники отнюдь не были против использования агромелиорации» (с. 195–196). Оппоненты же обвинялись в непонимании всех выгод общинных порядков (с. 198). Однако внятной программы аграрных реформ у докладчика не имелось. Да и сам «Сазонов не “вписался” в управленческую структуру – он был излишне инициативен, излишне компетентен и излишне отличался от окружающих служащих» (с. 202). Отчасти на это влияли и его непростые взаимоотношения с С.Ю. Витте и И.Н. Дурново.

Зверев тщательно анализирует обстоятельства закрытия в 1902 г. газеты «Россия», редактором-издателем которой являлся Сазонов. Освещение конфликта вокруг скандальной публикации фельетона А.В. Амфитеатрова «Господа Обмановы», бесспорно, вносит вклад в изучение истории отечественной журналистики. Скрупулёзно рассмотрено в книге и обнаруженное Зверевым в РГИА анонимное «Открытое письмо» с критикой Витте и его политики, составленное Сазоновым в 1906 г. В нём Георгий Петрович эмоционально заявлял, что «народники никогда бы не проиграли марксистам, если бы на сторону последних не перешёл министр финансов» (с. 275). В вину Сергею Юльевичу ставились и умаление роли сельского хозяйства, и препятствие развитию местного самоуправления, и ошибки при строительстве Китайско-Восточной железной дороги, обусловившие печальный для России исход войны с Японией, и т.д. (с. 276, 281).

Характеризуя краткосрочное пребывание Сазонова во Всероссийском национальном союзе³ и связанные с ним конфликты в партийных структурах, Зверев констатирует, что «консервативный журналист продолжал действовать

³ Подробнее об этой партии см.: *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001; *Санькова С.М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917 гг.). Орёл, 2006; *Стукалов П.Б.* Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – начале XX века. Всероссийский национальный союз и его идеологи. Воронеж, 2011.

EDN: MCFVJD

по старинке, в основном уповая на хорошо знакомые приёмы царской администрации» (с. 297). Разумеется, это не могло привести к успеху при новых условиях политической жизни. К тому же Сазонов явно недооценивал усилия М.О. Меньшикова по консолидации русских националистов (с. 294). В очерке «Хроники империи периода полураспада» в научный оборот вводятся новые свидетельства, важные для осмысления взаимосвязи «революции и реформ», «патроната и клиентелы» в контексте перемен, связанных с реализацией программы П.А. Столыпина.

В книге В.В. Зверева не только представлен опыт политической биографии, но и показан пример научного поиска, глубокой аналитики, фундаментального источниковедческого анализа. Рефлексия учёного, пронизывающая страницы монографии, заметно выделяет её из общего ряда схожих трудов в условиях, когда «даже серьёзные исследователи, маститые историки обречены на “широкую известность в узких кругах”» (с. 411).

Дмитрий Олейников: Антигерой как герой, или Опыт биографии проходимца

Dmitry Oleynikov (The Museum of chess, Chess Federation of Russia, Moscow): An antihero as a hero, or An attempt of a scoundrel's biography

DOI: 10.31857/S0869568722010150

В своей книге профессор В.В. Зверев попытался разрешить непростую задачу сочетания научности и увлекательности. Автора явно не устраивает «косноязычная проза научного анализа», чтение которой, по его мнению, схоже по удовольствию с заучиванием таблицы умножения (с. 412). Но для него неприемлем и соблазняющий популяризаторов науки «театрально-нервный надрыв с голосовым подвывом» (с. 38). Хочется пройти по грани, удержаться, но при этом отказаться от простейших рецептов: не исправлять обыденность прошлого в сторону экстраординарности (с. 413), не писать с рефреном «всё было совсем не так», не накладывать на исследуемую тему голливудское лекало «борьба хорошего парня с плохими». Историк сетует: «По-старому не хочется, а по-новому получается хлипко» (с. 38). В результате, намеренно или нет, но на первый план в монографии выходит проблема: «Как соединить образ и факт? Лёгкость, простоту, доступность изложения с убедительностью и доказательностью?» (с. 37). Вспоминая успешный проект С.С. Секиринского «Историк и художник», Зверев спрашивает: «А почему не попробовать? Почему надо ставить между художником и историком пресловутый союз “или”. Может, правомнее — дефис?» (с. 37).

В биографии, где приходится решать извечную проблему — «показывать человека через эпоху или эпоху через человека», автор стремится отказаться от противопоставления и достичь синтеза (с. 426), чтобы разобраться в причинах, векторе и степени изменений личности героя.

Г.П. Сазонов начинал с возвышенного намерения «отдать себя служению народу, посвятить свои силы благу людей труда», желания «исследовать и понять общие направления хозяйственного развития страны». А потом... Автор недоумевает: «куда же всё ушло?», «что осталось?», как и когда появилось «стремление приспособиться, пристроиться к власти, найти надёжного покро-

вителя, который и защитой обеспечит, и... безбедное существование гарантирует» (с. 371)? Ответить на такой вопрос не позволят ни дальнзоркий взгляд «со спутника», ни близорукий — «со дна окопа» (с которого хорошо видно только дно окопа). Зверев в поисках ответа отправляет читателя вслед за Сазоновым в своего рода «средний путь» по истории и по стране.

Читатель видит географически и исторически разную Россию с 1870-х до середины 1920-х гг., причём такой, какой её запомнил конкретный исторический деятель, с его собственными комментариями и с пояснениями историка, применяющего метод «недоверчивого чтения». В какой-то момент возникает догадка, за кем именно следует автор. Она ещё больше укрепляется, когда на страницах книги появляются Манилов и Ноздрёв (с. 59), затем — Чичиков и «мёртвые души» (с. 214). И вот новый проходимец несётся во времени и пространстве империи — только уже не в бричке, а в железнодорожном вагоне. По эпохе, где, с одной стороны, «Наш паровоз, вперёд лети!», а с другой — «А по бокам-то всё косточки русские...».

Исключённый из гимназии за «дерзкий проступок против шедшей по улице жены жандармского полковника», Сазонов предпринимает своё «хождение в народ» — в трактир, где под пиво и водку рассказывает местным сапожникам, как хорошо собраться в одну «осецающую», чтобы «жить по-барски». Слушатели внимают, едят, пьют и ждут: поскорей бы он уехал. Через десять лет Сазонов признает: «Плачевно закончился этот опыт... Разочарование было полное и безусловное» (с. 81–83). И движется дальше — по времени и по России: от изучения артелей на деньги А.И. Кошелёва (с. 105–106, 144) и тщетных попыток защитить крестьян в качестве поверенного (с. 125) к покровительству А.Д. Пазухина и К.П. Победоносцева, к монаршему благоволению Александра III. Собственноручное царское «благодарить» на докладе «О неотчуждаемости крестьянских земель» 1893 г. долго служило Сазонову охранной грамотой и рекомендательным письмом (с. 191–192).

Не может не быть интересен читателям и исследователям «смежных» тем человек, который являлся редактором, опубликовавшим памфлет А.В. Амфиатрова «Господа Обмановы», стоял 9 января 1905 г. в рядах демонстрантов на углу Невского и Адмиралтейской (с. 266–267), а позже «входил в круг доверенных лиц Распутина, даже считался некоторое время его другом» (с. 321), мечтал о подобию Госплана (с. 350–351). В ноябре 1918 г. Сазонов побывал у В.И. Ульянова (Ленина), который, по словам самого Георгия Петровича, продержал его четыре часа и принял «братски родственно» (с. 414). С М.И. Калинин Сазонов общался как делегат Общества учёных (с. 417), а редактор «Известий» Ю.М. Стеклов привечал его как любимого автора (с. 418) и в 1923 г. печатал сочинявшиеся бывшим монархистом проекты преобразования производительных сил страны...

В 1932 г. 80-летний Сазонов боролся за обеспеченную старость. Он писал «Автобиографию», пытаясь показать себя последовательным борцом с царским режимом. Прделанный в монографии мастерский анализ этих воспоминаний можно считать своего рода практическим приложением к неоднократно выпускавшейся Зверевым «Методике научной работы». Например, для понимания мировоззрения героя автор старается «присмотреться к его кругу чтения, за которым маячат более осязаемые контуры теоретических пристрастий и попытки конкретной деятельности» (с. 73). Зверев сталкивает, критически сопоставляет мемуарный текст и строки полицейских дел (которые сам

и отыскал в архиве), показывает, как по России словно бы путешествовали два Сазонова: тот, что «был на самом деле» (с. 192–193), и тот, каким он себя описывал. При этом «все персонажи его воспоминаний – массовка, а на сцене господствует он один». Иной раз «пингвином выступает он среди толпы почитателей» (с. 366). В итоге исследователь приходит к выводу, что Сазонов-мемуарист – обманщик, да ещё редкой породы (с. 371). Проследив жизненный путь Сазонова, Зверев уверенно раскрывает главную его поведенческую мотивацию. При «гипертрофированном самомнении, пламенном желании играть значимую роль в жизни России (неважно, при каких обстоятельствах и условиях)», он «мечтал занять подобающее место в ряду властителей дум» (с. 245). Для достижения данной цели у него сложилась весьма эластичная философия. Сазонов – «консервативный народник», сторонник полновластия одного лица при законосовещательном Земском собрании (с. 283–284), в кризисном ноябре 1916 г. он выступал за наделение И.Г. Щегловитова диктаторскими полномочиями (с. 338). В таком народничестве Георгий Петрович не видел ничего противогосударственного (с. 272), утверждал, что это учение вытекает «из кристаллически чистых родников славянофильства». Он также полагал, что «русский народ, проникнутый началами общинности, артельности, обычного права, создавший колоссальную кустарную промышленность, владеющий огромною площадью наделных земель, при распространении натурального хозяйства должен развиваться не по европейским теориям и кабинетным шаблонам, а самобытно, на исторических устоях, путём национального прогресса, поэтому путь капиталистического развития к нам неприменим» (с. 272). Неудивительно, что Сазонову казалась неприемлемой политика П.А. Столыпина, разрушавшая русскую общину с её духом взаимопомощи и будто бы навязывавшая крестьянам «этику зверей» социалдарвинизма, в которой «сильный поедает слабого» (с. 303). С опаской присматривался он и к марксизму, предсказывая: «Потрясающими катастрофами грозит эта новая вера при свойствах увлекающейся русской натуры» (с. 274). Но воплощением всех худших качеств политика Сазонов считал С.Ю. Витте: космополит, фанатичный апостол разрушения, поклонник «бога злата», беспринципный железнодорожный делец, не подготовленный к высоким государственным постам, чуждый народу и его нуждам (с. 284), даже марксист, приближающий торжество капитализма (с. 275). Впрочем, и Витте, диктуя воспоминания, изображал Сазонова «в самом неприглядном виде – морально нечистоплотным субъектом, черносотенцем, мастером закулисных интриг, шантажистом, взяточником» (с. 365, 419). Вообще, как отмечает Зверев, в проштудированных им мемуарах и дневниках никто не отзывался о Георгии Петровиче хорошо (с. 422).

Сазонов больше похож не на учёного, а на изображающего мыслителя эрудированного и эмоционального журналиста, «завсегдатая политического закулисья» (с. 345) с хорошим чутьём на актуальное. Иногда проблемы, то ли прочувствованные им, то ли где-то подхваченные, действительно интересны: он «видит», как в обводнённой Москве паромы разгрузят трамвайное движение (с. 43), как из Куры и Аракса проляжет водный путь через Тигр и Евфрат в Персидский залив (с. 42), как дамба через Керченский пролив поднимет уровень Азовского моря (с. 44), как хлеб и сахар из древесины победят голод (с. 46). Ради исполнения своей мечты об обводнении миллиона десятин Закаспийской области (с. 286–288) Сазонов готов использовать чудодейственное

влияние хоть Распутина (с. 331, 342–343), хоть Калинина (с. 417). Но, умея выявлять и красиво формулировать проблемы (с. 350), он, увы, не мог их решать, его «пророчества и прогнозы отнюдь не всегда сопровождались объективной оценкой предлагаемых правительством мер» (с. 304). Как тут не вспомнить герценовское «мы не врачи, мы боль»?

Пытаясь сделать исследование более личным, Зверев не скрывает от читателя своих неудач: не нашёл ни одного портрета Сазонова, не установил дату его смерти (с. 424) и т.п. «Потому-то нас мало и читают, что за сухой научностью исчезает история поиска и находок, открытий и разочарований, которые могут быть не менее интересны, чем сами результаты работы» (с. 37). Но важно, чтобы здание монографии не выглядело уж совсем как центр Жоржа Помпиду – всеми коммуникациями и арматурой наружу, по принципу «когда надо писать, а не о чем, пиши о том, как трудно писать» (с. 410).

Автор часто приглашает читателей к размышлениям и диалогу: о революции и реформе (с. 307–310), о том, насколько правомерно желание историка «хулиганить в отношении стиля», «идти по узкому стилистическому буму» (с. 411), о разнице между литературой и историей (с. 412). И с ним хочется поспорить. В частности, действительно ли главное отличие между писателем и историком состоит в тех «кирпичиках», которые они используют: образ или факт (с. 412)? Ведь и романисты всю оперировали фактами – достаточно вспомнить хотя бы «Войну и мир» или «Красное колесо», а исследователи с удовольствием пользуются образами и метафорами, будь то «Осень средневековья» или «Сыр и черви». И разница скорее в цели воздействия, в том, что является главной (и даже священной) задачей: установление «исторической истины» или погружение читателя в бурное море эмоций.

Вместе с тем осуществлённый автором книги синтез жанров суммирует не только их достоинства, но и недостатки. Так, некоторые речевые обороты монографии кажутся слишком разговорными для письменного текста («странная всё-таки штука – жизнь», «Мало ли в России Сазоновых? Почти как в Бразилии дон Педров» (с. 9), «слёзочкаписто-слюнявый сериал» (с. 322), повторяющееся «и к попу не ходи» и т.п.). Иногда проскальзывают неточности в передаче известных выражений («уж сколько раз твердили свету» (с. 18), «проверим алгебру геометрией» (с. 185)). Поиски эффектного заголовка приводят к заимствованию названия подзабытого телеромана И. Ольшанского «Такая короткая долгая жизнь».

Остаются в тексте и черты критикуемых «строго научных» монографий. Прежде всего – громоздкость конструкции, возникающая из-за больших отступлений от основной темы. Стоило ли повторять уже известные сведения про Г.П. Судейкина и дегаевщину (с. 103), про А.В. Амфитеатрова (с. 219–220) или заметки К.Ф. Головина (с. 254–256)? Великоваты по объёму цитаты из памфлета Илиодора (Труфанова) о Распутине (с. 324–326), рассказ о Г.А. Лопатине (с. 345), реконструкция взглядов П.П. Мигулина по материалам диссертации Е.В. Балахоновой (с. 352–359).

Порою Зверев неоправданно забывает про Сазонова ради других героев, но утяжеляют чтение и те страницы, на которых Георгий Петрович забывает про автора, например, утопая в многостраничном отчёте попечителя Петропавловской больницы и городских родильных приютов (с. 375–388). После 13 страниц разных подробностей историк и сам признаёт: «Утомил своим отчётом Сазонов» (с. 388). И сразу же обстоятельно излагает «Объяснения на отчёт»

EDN: EFHUOK

(с. 389–395), переходя к детальному рассказу о заседании санитарной подкомиссии (с. 396–405).

Так или иначе, в историческое полотно возвращена довольно заметная фигура. Представляется, что напрасно В.В. Зверев беспокоится о том, «кому всё написанное будет интересно, и будет ли?» (с. 426). Задуманное им в целом удалось, и пусть не массовый, но просвещённый читатель скажет: «Научная монография, а читать интересно. И полезно».

***Александр Полунов: Монархист-оппозиционер и националист-народник
Г.П. Сазонов***

Alexander Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia):

Monarchist-oppositionist and nationalist-narodnik G.P. Sazonov

DOI: 10.31857/S0869568722010162

В 1923 г. журналист и экономист Г.П. Сазонов, столкнувшись с необходимостью доказать свою лояльность советской власти, взялся за переработку автобиографических заметок. В новом их варианте говорилось, что, сотрудничая до революции с властями, мемуарист якобы на деле «всегда вёл валенрод[овскую] политику, был врагом царск[ого] правительства... устраивал заговоры для террор[истических] актов против рус[ского] правительства». По словам общественного деятеля, «черты республиканского характера» выявились в его натуре с самых ранних лет, а «революционный бацилл» свил гнездо в его семействе (с. 420). Разумеется, в значительной степени эти заявления диктовались прагматическими соображениями — стремлением оградить себя от репрессий, обеспечить себе спокойную старость. Сказывалось и известное приспособленчество Сазонова. Однако далеко не всё в откровениях престарелого экономиста являлось неправдой. Сочетание левых, социалистических воззрений и готовности сотрудничать с высокопоставленными особами во многих случаях было для него вполне органично. В известной степени это предопределило головокружительные кульбиты в судьбе героя монографии В.В. Зверева: от участия в революционном движении до контактов с А.Д. Пазухиным, К.П. Победоносцевым, Г.Е. Распутиным. Но в них отражались также важные и далеко не в полной мере изученные тенденции общественно-политического развития России второй половины XIX — начала XX в.

Одной из проблем, вставших перед Россией сразу после отмены крепостного права (а отчасти обозначившихся уже в период подготовки крестьянской реформы), стал своеобразный раскол в среде консерваторов. Часть охранителей полагала, что прочной основой общественного порядка в новых условиях может быть только укрепление и распространение частной собственности, опора на дворян-землевладельцев и зажиточные верхи крестьянства при ликвидации крестьянской общины. Подобные воззрения в 1860-е гг. развивала газета «Весть», их поддерживал министр внутренних дел П.А. Валуев, при Александре III о том же говорили государственный секретарь А.А. Половцов, министр императорского двора гр. И.И. Воронцов-Дашков и др. Но иные консервативные деятели (и особенно те из них, кто был в той или иной степени близок к славянофильству, как, например, К.П. Победоносцев), напротив, утверждали, что именно разрушение общины и традиционного уклада сельской жизни подорвёт основы

социальной стабильности. Им казалось смертельно опасным широкое распространение в России индивидуализма и появление многомиллионного пролетариата. По сути, именно их мнения восторжествовали к концу XIX в. Это выразилось, в частности, в законе 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянских наделов, ставшем важнейшим мероприятием царствования Александра III в аграрной сфере. Парадокс заключался в том, что забота о сохранении общинных ценностей «простого народа» оказывалась во многом созвучна идеям народничества. «У этого алтаря, — писал об общине известный общественный деятель К.Ф. Головин, — слился дым от каминов наших правых и левых... Натуральное хозяйство и возделывание хлеба лишь на собственное потребление, а не на продажу, было до некоторой степени общим идеалом обоих»⁴.

В условиях, когда в позициях представителей, казалось бы, крайне далёких друг от друга общественных течений обнаруживались точки соприкосновения, возникали самые причудливые сближения и размежевания, неожиданные альянсы и переходы из одного лагеря в другой. В данном контексте и следует рассматривать жизненный путь Сазонова. Выходец из провинциальной мещанско-купеческой семьи, он, как и многие его сверстники, в 1870-е гг. увлекался леворадикальными теориями, симпатизировал социализму, интересовался рабочими артелями, видя в них залог установления справедливого общественного строя. Капитализм и олицетворявшие его кулаки-ростовщики всегда вызывали у Георгия Петровича крайнюю неприязнь. Подобные установки подтолкнули молодого человека к участию в революционном движении, за этим последовали аресты, высылки, отдача под надзор полиции. Вместе с тем, когда в середине 1880-х гг. поражение революционеров стало очевидным, бывший радикал — видимо, вполне искренно — сделал ставку на сотрудничество с самодержавием. В новых условиях, казалось, только оно могло выполнить задачу, реализация которой ранее связывалась с социалистическим переворотом — защитить крестьян от социального расслоения, пролетаризации, утраты самобытности и т.д.⁵

На изменение настроений Сазонова могли повлиять и его поездки по России в 1880-е гг.: он изучал артели, общался с крестьянами, не скрывавшими веру в попечительную власть монарха и «мечтания.., что царь даст мужикам землю». Причём, как убедился народник, «мечтания эти только и связываются с именем царя» (с. 147). Такие наблюдения подготовили почву для его сотрудничества с влиятельными консерваторами — правителем канцелярии министра внутренних дел А.Д. Пазухиным, обер-прокурором Святейшего Синода и негласным ближайшим советником Александра III К.П. Победоносцевым, редактором журнала «Гражданин» кн. В.П. Мещерским. Видимо, с одобрения своих покровителей Сазонов в начале 1890-х гг. выступил с публичной критикой проектов разрушения общины, пользовавшихся популярностью в правящих кругах и поддерживавшихся тем же гр. Воронцовым-Дашковым. Работки экономиста способствовали и подготовке закона 1893 г. о неотчуждаемости наделов.

⁴ Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. II. СПб., 1910. С. 67.

⁵ Разумеется, подобная эволюция была характерна не только для Сазонова. Самый яркий пример «обратившегося нигилиста» — Л.А. Тихомиров, однако были и другие революционеры, повторившие (по крайней мере, отчасти) его идейный путь. Так, известный народник И.И. Каблиц (Юзов) в 1880-е гг. признал благотворное значение правительственной опеки самодержавия над крестьянством, пришёл к мысли о необходимости сотрудничества с властями и закончил жизнь чиновником Государственного контроля.

Говоря о взаимодействии бывшего революционера с консерваторами, необходимо отметить, что наиболее дальновидные из них были готовы к подобным контактам и стремились использовать их в своих интересах. Так, для Победоносцева взаимодействие с Сазоновым не являлось чем-то исключительным. В ряде случаев он покровительствовал людям леворадикальных взглядов или вступал с ними в сотрудничество, если улавливал в их размышлениях нечто, близкое его собственным идеалам, рассчитывал вернуть их «на путь истинный» или даже надеялся с их помощью решить те или иные проблемы на местах «через голову» бюрократии. Наиболее яркий пример — его общение с А.К. Маликовым, основателем религиозно окрашенного народнического течения «богочеловеков». Консервативный сановник в течение многих лет вёл с ним переписку, ходатайствовал о смягчении налагавшихся на него наказаний. Интеллектуальная и духовная одиссея Маликова закончилась в 1880-е гг. возвращением к традиционному православию⁶.

Заслуживают также внимания связи Победоносцева с революционером-народником Н.К. Судзиловским (Русселем), эмигрировавшим в 1887 г. в США. Они активно переписывались в начале 1890-х гг., когда в Сан-Франциско возник конфликт между главой православной епархии в Америке епископом Владимиром (Соколовским) и частью местной русской общины. Глава духовного ведомства с доверием относился к сведениям, сообщаемым эмигрантом, а тот заявлял о своей лояльности монархии и готовности перейти на службу правительству⁷. Чрезвычайно интересно и знакомство Победоносцева с близким к революционным кругам эмигрантом П.А. Дементьевым (Деменсом). По его настоянию обер-прокурор Святейшего Синода оказал помощь переселившимся в Канаду сектантам-духоборам, часть которых в начале 1900-х гг. изъявила желание вернуться в Россию⁸.

Однако, сближаясь с высокопоставленными консерваторами, Сазонов, по-видимому, искренне стремился обеспечить себе самостоятельное место в политической жизни страны. Воспринимая монархию как патриархальное установление, основанное на личной власти царя, и относясь к «бюрократизму» с не меньшей неприязнью, чем к «кулачеству» и «ростовщичеству», бывший революционер рассматривал себя как доверенного слугу императора (или, по крайней мере, как сотрудника лица, пользующегося царским доверием). Следует отметить, что подобные амбиции вполне соответствовали тенденциям, распространённым в 1880 — начале 1890-х гг. в верхах Российской империи. В то время монархи всё чаще проявляли склонность вести дела в обход правительственного аппарата, полагаясь на лиц, чуждых чиновничьим структурам. Наделение Сазонова важными полномочиями по сбору информации в ходе борьбы с голодом 1891—1892 гг., направление его в чрезвычайные командировки с инспекциями весьма напоминало другие, более известные явления — предоставление А.А. Вендриху в конце 1880-х гг. особых полномочий по управлению железными дорогами, предприятия тибетского лекаря П.А. Бадмаева, действовавшего на восточных окраинах импе-

⁶ *Короленко В.Г.* История моего современника. Т. 3–4. М., 1985. С. 184–193; *Соловьёв К.А.* «Я сказал: вы — боги». Религиозное течение в освободительном движении 70-х гг. XIX в. («богочеловечество»). М., 1998. С. 24, 36–37, 42–43, 111–113.

⁷ *Emmons T.* Alleged Sex and Threatened Violence: Doctor Russel, Bishop Vladimir, and the Russians in San Francisco, 1887–1892. Stanford (Calif.), 1997. P. 83–84.

⁸ *Тверской П.А.* Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым // Вестник Европы. 1907. № 12. С. 652–657.

рии по личному поручению Александра III, или начинания статистика А.А. Клопова, ставшего персональным информатором Николая II⁹.

Желая донести до царя предположительно скрываемую от него ведомствами правду, Сазонов пытался использовать в своих целях печать и в 1899 г. стал редактором-издателем газеты «Россия». Это также было типично для второй половины XIX — начала XX в. Достаточно вспомнить начинания М.П. Соловьёва, назначенного, благодаря Победоносцеву, начальником Главного управления по делам печати, чужого в министерской среде и старавшегося в 1896—1899 гг. превратить данное учреждение в самостоятельный центр власти, который через печать держал бы под контролем весь государственный аппарат и тем самым придал бы монархии «живой», небюрократический характер¹⁰. Схожими представлениями, видимо, руководствовался и Сазонов, надевшийся сделать из «России» орган «прогрессивный, резко оппозиционный, но строго государственного направления» (с. 248). Он действительно старался отстаивать интересы монархии, занимая независимую позицию и подвергая критике тех сановников, чья деятельность, в его понимании, противоречила интересам самодержавия. Разумеется, далеко не все сотрудники Сазонова понимали всю тонкость его замысла, некоторые из них постепенно «сдвигались» в своих публикациях к жанру хлёсткого памфлета. Это закончилось появлением, судя по всему, без ведома Георгия Петровича, знаменитого фельетона «Господа Обмановы», после чего бывшего радикала вновь выслали из Петербурга (правда, ненадолго) и отдали под надзор полиции.

Политика С.Ю. Витте, направленная на усиление крупной индустрии и воспринимавшаяся как насаждение в России капитализма, реформы П.А. Столыпина, сознательно разрушавшие общину и способствовавшие распространению частной собственности на землю — все эти меры, естественно, вызывали у Сазонова отторжение и резкий протест. «Земля, — утверждал монархист-оппозиционер, — неотразимо влияет на крестьянина, она вяжет его с природой в одно целое, развивает в нём веру в Бога и в святость помыслов Его помазанника, делает его фаталистом и консерватором». Как и раньше, экономист-народник напоминал об опасности для России стремительного роста пролетариата (с. 301). Веря в особые качества простого народа, Сазонов в какой-то момент увлёкся Г.Е. Распутиным. На первых порах он даже покровительствовал появившемуся в столице «старцу». В этой фигуре он усматривал ещё один способ придать монархии подлинно народный характер. Впоследствии Георгий Петрович ввязался в ряд авантюр, попытавшись при помощи Распутина влиять на назначения министров, но не преуспел на этом поприще.

Ориентация на ценности, реально или предположительно разделяемые большей частью народа (одна из ключевых установок народничества), могла толкнуть бывших революционеров и в ряды националистов. Неудивительно, что в 1908 г. Сазонов оказался среди основателей Всероссийского национального союза, ведь и прежде, в «России», Георгий Петрович возмущался «юдофильством» своих сотрудников¹¹. В годы Первой мировой войны он активно

⁹ Семенников В.П. Тибетский врач и русская монархия // За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1935. С. XVII—XXXI; Лукоянов И.В. Тайный корреспондент Николая II А.А. Клопов // Из глубины времён. Вып. 6. СПб., 1996. С. 64—86.

¹⁰ Ясинский И.И. М.П. Соловьёв // Цензура в России. СПб., 2003. С. 259.

¹¹ Схожую эволюцию прошёл и член Исполнительного комитета «Народной воли» Г.Г. Романенко, примкнувший в начале 1900-х гг. к Союзу русского народа.

EDN: IFFKJF

боролся с «немецким засильем». Собственно, внезапно «всплывшая» информация о «черносотенном» прошлом и стала причиной неприятностей, прервавших в начале 1920-х гг. сотрудничество Сазонова с советским руководством. А оно, как ни парадоксально, развивалось тогда весьма успешно, причём по инициативе самого экономиста-народника, в 1918 г. обсуждавшего с В.И. Ульяновым (Лениным) планы преодоления хозяйственной разрухи, а в 1923 г. беседовавшего с М.И. Калининым. Издательство газеты «Известия» напечатало книгу Сазонова «Проблемы богатств СССР», где выдвигались масштабные проекты преобразований природы. Конечно, бывшего протеже Победоносцева и кн. Мещерского можно заподозрить в лицемерии, приспособленчестве, нездоровом влечении к властям. Однако реальность была всё же сложнее.

Ещё с середины 1880-х гг., по мере разочарования в революционном движении (а может быть, и раньше — в начале десятилетия, когда он примыкал к движению «немистов», собиравшихся декретировать социализм в России «сверху»), Сазонов уверовал в то, что лишь государство может проводить преобразования в интересах широких масс. Нельзя забывать, что его мировоззрение, при всём восхищении народной стихией, опиралось на просвещенческий рационализм. По словам Зверева, Георгий Петрович был «воспитан в духе всеилия человеческого разума и всемогущества науки», являлся искренним сторонником «достижения и подчинения сил природы» (с. 57). Колоссальный потенциал государственной власти был для него важнее, чем те или иные её характеристики. Как отмечает исследователь, после революции Сазонов разочаровался в прежних правителях, «но не в силе государства и его возможностях» (с. 40).

Таким образом, готовность Сазонова к сотрудничеству с большевиками могла быть столь же искренней, как и его прежняя консервативная публицистика. Да и рассказывая в автобиографии о своей оппозиционности до 1917 г. и участии в революционном движении, он не во всём кривил душой. В его мировоззрении прочно переплелись левый радикализм и монархизм, народничество и национализм, тяга к независимости и культ сильной власти. Их переплетение не было случайностью, оно отражало важнейшие тенденции эпохи и вместе с тем придало биографии Сазонова особый колорит, сделав её чрезвычайно интересной для изучения.

Владимир Блохин: Консервативное народничество — утопия или нет?
Vladimir Blokhin (The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow): Is conservative «Narodnichestvo» a utopia or not?

DOI: 10.31857/S0869568722010174

Не всякая книга удивляет, но выпущенный В.В. Зверевым «Опыт политической биографии Г.П. Сазонова» способен и увлечь, и озадачить читателя. Данная монография посвящена не слишком известному народнику. Сазонов — не А.И. Герцен, не Н.Г. Чернышевский, П.Л. Лавров или Н.К. Михайловский, он принадлежал скорее к общественным деятелям «второго плана». Но его фигура по ходу чтения как будто растёт, впитывая в себя эпоху, поскольку эта книга именно о времени, точнее — о человеке во времени, — тягучем, неопределённом, меняющемся, ускользающем от сознания историка и нуждающемся в постижении, размышлениях и концептуализации. История для Зверева, как поэ-

зия для Маяковского — «езда в незнаемое». Он умеет «разговорить молчавшего долгие годы свидетеля событий» (с. 61), расспросить современников, собрать воедино факты и их оценки, вчитаться в скупые и холодные сводки полиции...

Зверева не смущают, на первый взгляд, парадоксальные характеристики: «Народник-консерватор? А почему бы и нет. Почему надо держаться затверждённой со школьной скамьи аксиомы, что народничество социалистично в своей основе? В народничестве было много чего намешано» (с. 17). Так автор сразу же радикально ставит вопрос о переосмыслении самой сути весьма разноплановой и неоднородной идеологии народничества. Расширяя до бесконечности смысловой ряд, можно, видимо, говорить и про радикальное народничество, и про реформаторское, и либеральное, и научное, и религиозное, партийное и внепартийное и т.д. Реалии пореформенной России генерировали различные модели изменения действительности, в центре которых находился по-разному разрешавшийся вопрос о народном благе.

Внутренне драматичный поиск ответов на ключевые вопросы общественного развития диктует ещё одну особенность жанрового построения книги. В предпринятом автором *историческом расследовании* рассматриваемая личность оказывается отнюдь не монохромной и идеологически-приукрашенной, как это бывало в советской историографии с характерным для неё противопоставлением героев-революционеров и антигероев — сторонников «старого режима», а сложной и даже противоречивой. Современная историографическая ситуация не терпит прежнего идеологического схематизма, для нас, зрителей исторического театра, исключительно значима подлинность героя.

Конечно, народничество как способ осмысления проблем страны притягивало к себе людей «различного формата», а система, с которой они сталкивались, с неуклонным постоянством воспроизводила радикализм. Как пишет Зверев, «в условиях, когда правящая элита озабочена не характером и направленностью развития общества, а сохранением стабильности государственного строя, и по этому признаку пополняет редеющий по естественным законам природы свой состав, наиболее даровитые, деятельные и волевые представители молодёжи оказываются в революционном лагере» (с. 95). И пусть радикально настроенная молодёжь не отличалась безупречностью нравов. В этой среде часто «соперничали характеры», а не убеждения. Однако Зверев резонно замечает: «Нигилист нигилисту рознь. И среди них встречались отличия. У некоторых гипертрофированное возвеличивание индивидуализма приводило к безапелляционности и нетерпимости, отрицанию подлинных духовных ценностей и аморализму. Для других, напротив, были неприемлемы крайности суждений, а в жизненной позиции преобладали взвешенность и трезвый взгляд» (с. 70). Эти наблюдения опираются на многолетнее изучение реформаторского народничества, ярчайшими представителями которого были глубокие учёные — Н.Ф. Даниельсон, В.П. Воронцов, Я.В. Абрамов. К этой плеяде принадлежал и постоянно стремившийся к знанию Сазонов.

По словам Зверева, «Сазонов — консервативный народник, т.е. сторонник альтернативной модели развития, исключаящей рыночное ведение хозяйства, но предполагающей опору на сильную власть... В целом его система взглядов представляла собой причудливое сочетание славянофильских заимствований и народнических идей отнюдь не радикального толка» (с. 284). Автор книги считает, что «консервативное реформаторство становится реакцией (отстающим по времени реагированием) на ошибки и просчёты предшественников.

Его идеологическое оформление зачастую проще, доступнее и понятнее для большинства населения страны, чем неопределённые заявления радикалов и непродуманность действий умеренных реформаторов» (с. 309). Тем не менее Зверев не сомневается в том, что политика «национальных приоритетов», опирающаяся на национализм и патернализм, ведёт к провалу. Но так ли утопичен и безнадежен был консервативно-народнический проект Сазонова?

Анализируя те или иные учения и интеллектуальные движения, историки часто следуют за логикой их творцов, охотно принимают их доводы. Между тем многие публицисты и общественные деятели пореформенного времени мучительно переживали разрыв между своими идеалами и действительностью. Увлекавшие их теории не выдерживали проверку на прочность и истинность при соприкосновении с обстоятельствами реальной жизни. И Сазонов, которого едва ли можно упрекнуть в наивности, в отличие от многих своих мечтательных сверстников, остро ощущал культурную отчуждённость интеллигенции и народа. Он убедился в этом, натолкнувшись на глухую стену неприятия при попытке организовать артель среди крестьян. Зверев верно указывает на то, что в те годы, по сути, столкнулись интеллигентская и народная утопии. За ними стояли две совершенно разные культуры, между которыми лежала пропасть, возникшая ещё в эпоху петровских реформ.

Однако в отличие от народников-западников (Герцена, Михайловского, Лаврова), Сазонов не стал воевать с исторической культурой народа и не призывал его следовать за интеллигенцией. Он также был убеждённым противником применения террора как средства подталкивания революции. В благотельные плоды подобных методов он не верил. Как пишет Зверев, «Сазонов не только указывал на искреннюю приверженность русской деревни традиционной форме правления в России, но и заявлял о собственном монархизме, выстроенном, однако, на рациональной основе. Считая себя защитником народа, он придерживался мнения, что для его блага не следует вторгаться в устоявшиеся веками представления, нарушать традиционный уклад жизни» (с. 148). И в каком-то смысле идея революционного царя, с которой носился Сазонов, была уж точно не более утопична, чем модные тогда концепции либеральной и социалистической демократии. Во всяком случае, Георгий Петрович учитывал укоренившиеся в народном сознании представления.

Когда же в 1917 г. их проигнорировали, то на улицу вышла толпа, а отнюдь не ведомый интеллигенцией народ. Установилась охлократия, о которой с горечью писал позднее В.М. Чернов. И вскоре разбухенная стихия народного протеста возвела к власти новых советских царей.

Сазонов решительно отстаивал «общегосударственные интересы», осуждал принесение их в жертву частным финансовым или фискальным соображениям (с. 186). Он был убеждён в необходимости государственного вмешательства в экономическую жизнь, которого так не хватало во время голода 1891 г. Но можно ли считать подобные взгляды реакционными или нереалистичными? В 1890-х гг. в Европе, особенно в Германии, получили широкое распространение идеи «государственного социализма», согласно которым правительство активно включалось в оказание социальной помощи беднейшим и нуждающимся слоям населения. К сожалению, аппарат царской России оказался не в состоянии проводить такую политику, но она, без сомнения, имела рациональный смысл. Не случайно и обер-прокурор Святейшего Синода и вместе с тем глубокий правовед К.П. Победоносцев, и сам Александр III проявляли интерес

EDN: YSGNYW

к научным изысканиям Сазонова и высоко их оценивали. В дальнейшем же неограниченное вмешательство сильной государственной власти в экономику проявилось в форме пролетарской диктатуры.

Ещё интереснее, пожалуй, складывались судьбы крестьянской общины. Народники 1860-х гг. имели о ней весьма абстрактное представление и воспринимали её, скорее, как символ будущего социалистического общества. В 1870-е гг. знания углубились, одновременно выяснилась недостаточность наделной земли не только для ведения хозяйства, но даже для физического выживания крестьян. Экономисты умеренно социалистических и полулиберальных взглядов (А.С. Посников, А.И. Чупров, А.А. Кауфман), как и многие другие, являлись непримиримыми противниками столыпинских экспериментов. Ссылаясь на опыт Европы, они рассуждали о желательности сохранения общины и создания культурно-экономических условий для её преобразования в артель. Таким образом, Сазонов был далеко не одинок. Но, разумеется, крестьянские общины нуждались в государственной поддержке, дешёвом кредите и серьёзных мерах, способных повысить уровень агрономической культуры народа. И стихийное возрождение общины в 1920-е гг. свидетельствовало о живучести данного института. Напротив, развитие частного предпринимательства и капитализма на селе и вообще в России оказалось тогда утопией.

Блистательный анализ взглядов и деятельности Сазонова, проведённый В.В. Зверевым, показывает, сколь целеустремлённо при всех своих колебаниях он отстаивал собственную модель переустройства России, далёкую как от романтизма революционных народников, так и от проектов сановных либералов. Знакомство с книгой поражает широким спектром обозначенных проблем, умением автора развернуть панораму сложных и противоречивых процессов, протекавших в России во второй половине XIX и начале XX в.

Дмитрий Андреев: Георгий Сазонов и его высокопоставленные покровители и собеседники*

*Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Georgy Sazonov and his high-ranking patrons and interlocutors*

DOI: 10.31857/S0869568722010186

Фигура Г.П. Сазонова, начинавшего свою публицистическую деятельность либеральным народником, затем ставшего советником высокопоставленных чиновников и ярким защитником идеалов консервативного реформаторства, но не эмигрировавшего после революции, а попытавшегося встроиться в новую реальность, давно ждала всестороннего и глубокого исследования. Книга В.В. Зверева заметно способствует решению данной задачи, хотя его очерки, конечно, — лишь первый приступ и зондаж темы, выявляющий разнообразие её аспектов, возможные подходы к их освещению, возникающие при этом трудности и т.п. Но, к сожалению, исследователь решил писать вопреки «общепринятому научному косноязычию» (с. 411) и чрезмерно увлёкся эссеистической субъективной характеристикой изучаемых фактов. Такая манера и связанная с ней интерпретационная лёгкость не только мешают критической оценке источников, но

---

* Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

и чреватые порождением новых мифов. Однако, несмотря на избранный стиль, Звереву удалось уловить и понять многие существенные черты политической индивидуальности Сазонова. И самые удачные места книги посвящены как раз описанию и систематизации собранного автором материала.

В частности, Зверев обращает внимание на содержащиеся в «Автобиографии» Сазонова сведения о контактах Георгия Петровича с правителем канцелярии министра внутренних дел в 1885—1891 г. А.Д. Пазухиным. Зародившиеся ещё в начале 1880-х гг. «личные и доверительные отношения» (с. 165) между «народником-консерватором» (с. 17) и будущим идеологом и разработчиком «контрреформ» Зверев объясняет близостью их взглядов на темпы и цели преобразований в деревне. В вышедшей в 1889 г. книге «Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственно-экономической программой» Сазонов констатировал неготовность крестьян к введению рыночного хозяйства и ратовал за «обеспечение попечительства» над их общинами со стороны государства (с. 166). Неудивительно, что разделявший эти идеи Пазухин настоятельно рекомендовал ему не выполнять указания В.К. Плеве, являвшегося тогда товарищем министра внутренних дел, и не делать «значительные купюры» в этом труде (с. 166). Зверев вполне допускает, что Пазухин, служивший ранее мировым судьёй и уездным предводителем дворянства, внезапно назначенный на высокий пост и не имевший административного и канцелярского опыта, искренне интересовался мнениями своего приятеля. Но встречающиеся в «Автобиографии» утверждения, будто тот регулярно обращался к Сазонову за советами, историк оценивает скептически (с. 167). Вместе с тем Зверев считает правдоподобным упоминание в мемуарах Сазонова о том, что он и Пазухин вместе готовили главу МВД гр. Д.А. Толстого к «войне» против министра финансов И.А. Вышнеградского (с. 167). Алексей Дмитриевич даже пытался устроить Георгия Петровича на службу в МВД, но из-за причастности его протеже в 1870-е гг. к революционному движению ничего не добился (с. 167—169). Впрочем, уже 27 января 1891 г. он скончался.

В конце 1891 г. Сазонов поместил в «Гражданине» статью «Реформа народного продовольствия», изложив целую программу борьбы с начавшимся голодом и резкого усиления государственного регулирования хлебозаготовок. Незадолго до публикации она была прочитана в салоне А.А. Татищева, после чего близкий к кн. В.П. Мещерскому А.К. Кривошеин, готовившийся возглавить Хозяйственный департамент МВД, предложил Сазонову пойти на службу вместе с ним. Затем автору нашумевшей статьи было поручено под началом Плеве заняться борьбой с голодом. Такую комбинацию, согласно «Автобиографии», будто бы санкционировал царь (с. 177, 181—182). Однако в конце XIX в. монарх обычно не вмешивался в назначения чиновников низшего звена. Его участие могло потребоваться лишь в том случае, если бы в Департаменте полиции вновь напомнили Кривошеину, как ранее Пазухину, о прошлом Георгия Петровича.

Так или иначе, Сазонов проник в МВД. Но покровительствовавший ему Кривошеин вскоре пошёл на повышение и стал министром путей сообщения, а министр внутренних дел И.Н. Дурново остался недоволен Сазоновым, поскольку его статья о борьбе с голодом появилась в тот самый момент, когда Александр III заявил о недостаточности мер, принятых МВД против этого бедствия (с. 189). Как утверждал Сазонов, император был «разгневан» тем, что Дурново занимался «сокрытием голода» (с. 182).

Но пошатнувшееся было положение Георгия Петровича (с. 189–191) снова укрепилось. В трудную минуту у него появился ещё один «покровитель», как его называет Зверев, – обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Если верить той же «Автобиографии», ему понравилась книга о «неотчуждаемости крестьянских земель», в которой он, по словам Сазонова, нашёл «подобную своей идеологии» (с. 169–172). В начале февраля 1893 г. Победоносцев якобы лично передал её Александру III, и император распорядился «благодарить» автора¹². По признанию самого Сазонова, подобное внимание к его труду явилось «крупной сенсацией в сферах верховной бюрократии», и авторитет публициста «сильно скакнул вверх», особенно после того, как в конце того же года вышел закон о неотчуждаемости крестьянских наделов (с. 191–192). Зверев предельно аккуратно фиксирует, что Сазонов смог «добиться реализации тех идей, которые он отстаивал в своих работах» (с. 192). Хотя, разумеется, его слово не могло быть в таком деле решающим.

Но Сазонов всё же споткнулся, поскольку, по меткому замечанию Зверева, стремился «сочетать несочетаемое» – роль независимого публициста и государственную службу (с. 193). Незадолго до выхода в декабре 1893 г. закона о неотчуждаемости крестьянских наделов Сазонов выступил в Вольном экономическом обществе с докладом «Быть или не быть общине?». Докладчик однозначно отстаивал сохранение общины, но одновременно проговаривал и тут же критически разбирал аргументы сторонников ликвидации этого института, звучащие в правительственных сферах. Тем самым он фактически разглашал закрытую служебную информацию, на что крайне резко отреагировал министр императорского двора гр. И.И. Воронцов-Дашков. В итоге Дурново выгнал Сазонова из МВД, и даже просьба Победоносцева не помогла (с. 194–202). Правда, Зверев считает, что позднее, уже при Николае II, Сазонов и Победоносцев отомстили Дурново, ставшему к тому времени председателем Комитета министров. Сазонов опубликовал в «Новом времени» статью со статистическими данными о жертвах голода и сопутствовавших ему лишениях. В статье Дурново назывался «одним из виновников допущенных просчётов». Тот в ответ пытался добиться высылки Сазонова, но, как предполагает историк, глава духовного ведомства будто бы этому помешал (с. 202–203). Правда, никаких прямых подтверждений этому не приводится. Без указания на источники говорится и о том, что именно обер-прокурор содействовал возвращению Сазонова в столицу из Псковской губ., куда того выслали в 1902 г. из-за скандала с публикацией в газете «Россия», редактором-издателем которой он являлся, фельетона А.В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» (с. 261).

Нельзя не отметить, что автор явно преувеличивает внимание к Сазонову со стороны Александра III. Так, трудно поверить в то, что с ведома царя

---

¹² Это было уже второе сочинение Сазонова, пополнившее царскую библиотеку. В 1890 г. он выпустил книгу о разорении крестьянских хозяйств после выкупной операции в одном из уездов Псковской губ. Земли нескольких десятков тысяч человек к концу 1889 г. оказались заложенными в банк, их должны были выставить на аукцион. Сазонов, побывав в этом уезде и изучив ситуацию на месте, обратился к министрам внутренних дел и финансов, предлагая перевести образовавшийся долг в Крестьянский банк, но они не отреагировали. Тогда за два дня до аукциона он апеллировал уже непосредственно в Канцелярию прошений и на следующий же день получил оттуда телеграмму, в которой говорилось, что царь «повелел остановить аукцион, а долг перевести в Крестьянский банк». Через год с небольшим его описание ситуации с крестьянскими хозяйствами в Псковской губ. было передано императору (с. 172–175).

в 1894 г. на недавно уволенного со службы молодого чиновника якобы «возложили обязанность подготовить трёхтомный “Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству (1865–1895 гг.)”» (с. 203). «Вне службы» подобные «особые поручения» всё же не давались, либо это был совершенно исключительный случай, обстоятельства которого следовало бы раскрыть подробнее и не по воспоминаниям самого Сазонова. Столь же неправдоподобно звучат слова мемуариста о том, что после отставки из МВД им «была организована с высочайшего соизволения» инспекция крестьянских хозяйств трёх северо-западных губерний. Причём император будто бы повелел передать Сазонову, что «с интересом будет ожидать результатов исследования» (с. 204). Будь это действительно так, вышел бы громкий административный скандал.

В число покровителей Сазонова автор включает и С.Ю. Витте. Их знакомство состоялось в 1890 г. во время поездки группы высокопоставленных чиновников в Туркестан. Затем они сблизились, отстаивая сохранение крестьянской общины и противостоя влиятельным сторонникам её разрушения (с. 206–210). В середине 1890-х гг., когда впервые возникла идея начать выпуск новой газеты «Россия», Витте, употребляя свои связи и возможности, пытался найти для неё деньги у московских купцов Н.А. Найдёнова и С.Т. Морозова (с. 246–247)¹³. Впоследствии перед публикацией в «России» статьи К.Ф. Головина, резко критиковавшего финансовое ведомство, Сазонов ознакомил с ней Витте, а затем обстоятельно опроверг её аргументы в собственной заметке, напечатанной от редакции и написанной на основании материалов, полученных от министра финансов (с. 254–259).

После реформ 1905–1906 гг. отношения между Сазоновым и Витте заметно испортились. Впрочем, причины их ухудшения долго накапливались. Сергей Юльевич дистанцировался от судьбы редактора-издателя закрытой «России», хотя сперва пообещал ему уладить всё «за 2–3 дня» (с. 250, 261). Став в 1903 г. председателем Комитета министров, Витте не пригласил Сазонова — знатока крестьянского вопроса — в Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, не привлекался он и к работе образованного осенью 1905 г. объединённого правительства. В начале 1906 г. Сазонов выступил с анонимным открытым письмом к гр. Витте, по сути, обвинив его в том, что проводившаяся им социально-экономическая, внутренняя и внешняя политика привела к кризису империи. Но и этот выпад не вызвал окончательного разрыва. Покинув Совет министров, граф стал более бережно обращаться с теми, с кем был ранее связан (с. 269–286). Кроме того, он мог попросту не знать, кто именно сочинил это послание, тем более что подобного рода упреки ему приходилось слышать довольно часто. При этом, хотя в неопубликованных воспоминаниях Сазонова Витте был описан критически, а иногда даже резко (например, когда говорилось о перемене его мнения об общине на диаметрально противоположное), его таланты под сомнение не ставились. Напротив, «ответный “мемуарный” удар» Витте по Сазонову оказался просто уничтожающим: Георгий Петрович изображался «морально нечистоплотным субъектом, черносотенцем, мастером закулисных интриг, шантажистом, взяточником» (с. 359–366). В советское время после издания в Берлине мемуаров Витте эти обвинения поставили крест на карьере Сазонова при новом режиме (с. 419).

---

¹³ Подробнее о возникновении данного издания см.: *Дробышевский Д.А.* Политика или прибыль: для чего была создана газета «Россия» (1899–1902 гг.)? // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 126–129.

Значительное место в книге уделено «России» (с. 230–245) и скандалу вокруг публикации в ней «Господ Обмановых». Освещая его, Зверев опирается на неизвестные ранее письма редактора и автора фельетона к министру внутренних дел Д.С. Сипягину. Амфитеатров добивался смягчения своей участи (с. 221–227). Его письмо, оставленное без ответа Сипягиным (с. 227), было прочитано Плеве, возглавившим МВД в апреле 1902 г., и в конце того же года памфлетиста перевели из Сибири в Вологду (с. 228), затем ему и вовсе разрешили вернуться в столицу. Сазонов же не только стремился выставить себя непричастным к выходу «Господ Обмановых», но и всячески отмежёвывался от той линии, которую проводила в издании группа либеральных сотрудников редакции и авторов (с. 228–230).

Крайне интересен пересказанный в книге фрагмент воспоминаний Сазонова, в котором изложена его беседа с Плеве, состоявшаяся осенью 1902 г. в Ялте. Публицист, желая испросить у министра внутренних дел разрешение на новое периодическое издание, пытался изменить сложившееся у Плеве представление о «России» как о революционном печатном органе и убеждал собеседника в пользу «газеты, пусть и оппозиционного толка, но защищающей государственные интересы». Плеве готов был допустить такое издание, но обещал тут же закрыть его, если оно выступит как «реинкарнация “России”». Отвечая на вопрос о текущей политической ситуации, Сазонов, по его словам, прямо заявил, что страна находится «накануне кровавой смуты», избежать которую можно лишь введением «представительства народа». С этим Плеве не согласился, причём сделал это «хмуро», после чего разговор завершился. Тем не менее Сазонов вспоминал о Плеве как «искреннем решительном» человеке (с. 261, 263–264). К сожалению, Зверев не соотнёс этот ялтинский диалог с беседой, состоявшейся почти тогда же, там же и о том же самом между министрами финансов и внутренних дел¹⁴. Вряд ли возможно выяснить, какой из разговоров произошёл раньше. Но если Плеве слушал Сазонова уже после того, как ему то же самое внушал его главный оппонент в правительстве, то станет понятно, почему он возражал «хмуро». Да и сам Плеве был не столь прост, как кажется автору книги, который пишет, что в нём «искренности не было и ни на понюх табаку», он «ещё тот был дядя» и никогда не пошёл бы ни на какие эксперименты с представительством (с. 264). Во всяком случае, его заинтересовала идея редактора газеты «Киевлянин» Д.И. Пихно о «своеобразной конституции» — допускать до рассмотрения монарха лишь законопроекты, получившие поддержку большинства членов Государственного совета¹⁵.

К началу 1904 г. Сазонову всё же удалось вернуться к редакторской деятельности, выпустить четыре номера новой газеты «Русская земля», после чего её закрыли. Георгий Петрович связывал это с интригами А.А. Суворина (сына издателя «Нового времени»), который в то время налаживал выпуск газеты «Русь», и, дабы «пырнуть из-за угла в бок конкурента», объявил, что «Русская земля» — это восстановленная «Россия» (с. 264–265). Но откуда Суворин мог знать о том, чем Плеве грозил Сазонову в Ялте? Скорее всего, роковую роль в судьбе «Русской земли» сыграли звучавшие в ней рассуждения о необходимости созыва Земского собора с законосовещательными функциями. Иначе вряд ли бы решение о прекраще-

¹⁴ Любимов Д.Н. Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М., 2018. С. 76–81.

¹⁵ Там же. С. 202.

нии данного издания принимали четыре сановника – министры внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурор Святейшего Синода¹⁶.

Любопытно, что в советское время бывшее общение с Плеве осложняло Сазонову жизнь не меньше, чем едкие оценки гр. Витте. В марте 1932 г. постаревший публицист просил В.И. Вернадского помочь ему в хлопотах о пенсии, получить которую мешало его некое «просительное письмо», адресованное Плеве и преданное тогда огласке. Тут же заговорили и о его причастности к «Союзу русского народа». Правда, «мемуарный» конфликт с Витте Сазонов уже смог каким-то образом развернуть в свою пользу (с. 420). Однако не только пенсия заставила Сазонова прийти к Вернадскому. Он носился с идеей искать на Кавказе радий, в чём Вернадский видел лишь «несознаваемое невежество». Учёный отметил, что его посетитель «путает и выдумывает. По-видимому, прежде у него собирался материал из газет. Он теперь им пользовался». В целом гость оставил двойственное впечатление: «Хитрый, лукавый и неверный. Но упорный. И эта воля и искание чего-то большого меня с ним примиряет»¹⁷.

В своём дневнике Вернадский тогда же записал: «Сейчас его взял Покровский. Забыл, что он рассказывал мне, что у него был с ним разговор в связи с его (Сазонова) мемуарами»¹⁸. Зверев вслед за В.П. Волковым полагает, что в данном случае имелся в виду заместитель директора Пулковской обсерватории член-корреспондент АН СССР К.Д. Покровский (с. 420). Однако, как выяснил историк, Сазонов сотрудником обсерватории никогда не числился. Это навело автора книги на мысль о том, что Георгий Петрович «выполнял какие-то разовые поручения за соответствующее вознаграждение» (с. 424). Но, похоже, Вернадский писал об академике М.Н. Покровском (жить ему оставалось ещё чуть меньше месяца). Тогда понятно, почему Покровский «остановил эти “мемуары”»: одиозный историк многие годы профессионально занимался разоблачением «царизма» и его «слуг».

Вернадский охарактеризовал воспоминания Сазонова как «*Dichtung* с примесью *Wahrheit*». В комментариях эти немецкие слова переведены как «вымысел» и «правда». Однако в данном случае нельзя не заметить отсылку к автобиографическому произведению И.В. фон Гёте «*Dichtung und Wahrheit: aus meinem Leben*» («Поэзия и правда: из моей жизни»). У Сазонова же соответственно Вернадский обнаружил «поэзию с примесью правды».

Александр Репников: Размышления о Г.П. Сазонове и не только
Alexander Repnikov (All-Russian Archival Science and Records Management Research Institute, Moscow): Reflections on G.P. Sazonov and not only

DOI: 10.31857/S0869568722010198

Книги В.В. Зверева читать интересно: в них чувствуется неповторимый авторский стиль, который одних может увлекать, а других, наоборот, раздра-

¹⁶ Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание. СПб., 2011. С. 243. Кстати, ещё 27 мая 1903 г. кн. Мещерский сообщал Плеве, что Сазонов рассказывал ему о намерении Амфитеатрова «воскресить» «Россию» в сытинском «Русском слове», переименовав его в «Голос России» (ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 904, л. 39–39 об.).

¹⁷ *Вернадский В.И.* Дневники. 1926–1934 / Сост. В.П. Волков. М., 2001. С. 232.

¹⁸ Там же.

жать. Он неторопливо беседует с читателем, плавно (при кажущейся прерывистости повествования) и логично выстраивая сюжетную линию. В данной книге всё выверено, но вместе с тем автор сознательно отказывается от привычного академического изложения событий и умышленно их перемешивает. Вместе с тем это отнюдь не популярные «штрихи к портрету», но именно очерки, составляющие «опыт политической биографии» полузабытого ныне экономиста, журналиста и общественного деятеля, даже год рождения которого в литературе указывается по-разному, а время и место смерти — неизвестны. Среди современников Г.П. Сазонова ярких и некогда известных публицистов, издателей и проч. было немало. Рассказы о С.Ф. Шарапове, И.И. Кольшко, И.И. Гофштеттере, чьи имена мелькают в тексте, могли оказаться не менее увлекательными. Однако Зверев — признанный специалист по истории народничества¹⁹ — не смог пройти мимо необычной личности, получившей некогда под ленинским пером диковинный ярлык «полицейский народник» (с. 9–10). И через эту фигуру, далеко не первого ряда, исследователь пытается не без иронии, самоиронии и сарказма «рассказать о многом и о многих... затронуть вопросы труда историка, поделиться своими мыслями и сомнениями» (с. 7).

Действительно, переменчивость судьбы Сазонова позволяет в небольших, но содержательных отступлениях поразмышлять о бесконечной повторяемости черт прошлого в современности. Автор спорит с героем, без злобы и предубеждения, не впадая в морализаторство и менторский тон, хотя и часто иронизирует над ним, справедливо отмечая его склонность преувеличивать свои заслуги и значимость. В результате Сазонов, которого так легко представить ренегатом, конформистом и авантюристом, способен вызвать если не симпатию, то понимание и сочувствие²⁰.

Обещанная читателям «почти детективная история» не разочаровывает. Путешествия автора по библиотекам и архивам описаны так, что невольно вспоминаются работы Ю.В. Давыдова и Н.А. Троицкого. Именно в архивных фондах исследователя ждали интереснейшие находки, и прежде всего — неопубликованная автобиография Сазонова, из которой Зверев не раз приводит обширные цитаты, тщательно отмечая встречающиеся ошибки и передёргивания. Эти мемуары заметно облегчили создание портрета народника, ставшего монархистом.

«Консервативное народничество» (с. 283–284) ещё нуждается в серьёзном осмыслении. Если революционные и либеральные составляющие этого движения изучены достаточно хорошо, то его консервативные элементы пока остаются в тени. Между тем «причудливое сочетание славянофильских заимствований и народнических идей» было характерно не только для Сазонова. К примеру, лично знавший его Л.А. Тихомиров²¹ прошёл схожий путь «от народничества к монархизму», также отличался нелюбовью к бюрократии, стремлением сде-

---

¹⁹ См.: *Мокшин Г.Н.* Реформаторское народничество в трудах В.В. Зверева (к 60-летию со дня рождения учёного) // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология.* 2017. № 2. С. 78–83.

²⁰ *Бабашкин В.В.* Каждый из нас по-своему Сазонов. Рецензия на книгу: Зверев В.В. Опыт политической биографии Г.П. Сазонова. Москва: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 440 с. // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология.* 2020. Т. 26. № 4. С. 136–140.

²¹ *Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг.* / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015. С. 93, 155.

лать карьеру, честолюбием и неким самолюбованием²². Кстати, оба они имели общих знакомых, пользовались покровительством К.П. Победоносцева (жаль, что об отношениях с ним Сазонова сказано слишком кратко), *почитали* Александра III, мечтали влиять на политику власти, подносили свои труды императорам и этим весьма гордились.

Так или иначе, Сазонов не только «использовал науку и журналистику для продвижения по карьерной лестнице» (с. 160), но и по мере возможности стремился принести благо Отечеству и народу. Ему хотелось, «чтобы его замыслы оказались востребованными». Ради этого он готов был терпеливо ждать: «Не удалось в прошлом, может быть, удастся реализовать в настоящем... А кто будет реализовывать — самодержавная или советская власть — не так уж и важно» (с. 21). Зверев подробно анализирует предложения Сазонова, направленные на преобразование природы в духе фантастики А. Беляева, показывает их утопичность (один только проект «получения искусственного сахара и хлеба из древесины» чего стоит) или несвоевременность. Так, в 1923 г. едва ли кто-то заинтересовался бы созданием условий «для развития русского альпинизма» на Кавказе. Но автор видит в текстах Сазонова и реалистичные оценки положения страны, и явное желание улучшить жизнь людей.

Г.П. Сазонову, как и Н.Ф. Даниельсону с В.П. Воронцовым, повезло, что книги о них написал именно В.В. Зверев. К сожалению, биографии эти вышли небольшим тиражом и быстро стали библиографической редкостью. Однако это лишь увеличивает их ценность как для профессиональных историков, так и для всех, кто любит хорошую научную литературу.

---

²² Подробнее см.: *Мягкова Е.М.* «Я царь — я раб — я червь — я Бог!»: революционер на службе самодержавию. Дневники Л.А. Тихомирова 1905–1917 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2. С. 282–303.

Владимир Булдаков

Ещё раз о судьбе «успешной» империи*

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Once again about the fate of the «successful» empire

DOI: 10.31857/S0869568722010204

Вопреки названию, рецензируемую работу вряд ли можно назвать коллективной монографией: это, скорее, собрание очерков, причём далеко не однозначных по выводам. Книга основана на материалах международной конференции, состоявшейся в Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2017 г. и посвящённой состоянию Российской империи в период между 1905 и 1917 гг. Добавлено также несколько новых текстов. Что особенно интересно, приводится стенограмма возникших дискуссий.

Получилась интересная и поучительная работа. Это своего рода эксперимент, пусть несколько запоздалый. Редакторы издания отталкиваются от представления, что историография дореволюционной России неоправданно телеологична — исследователи вольно или невольно подстраивают «нормальный» исторический процесс к его катастрофической развязке. Эту тенденцию следует преодолеть, учитывая «потенциально возможные траектории развития». Исходя из этого, авторы объявили себя «ревизионистами», опровергающими представление о неуклонном падении производства и ухудшавшемся материальном положении населения России в указанный период. Отсюда — призыв «забыть»

о революции, сосредоточившись на прерванных ею тенденциях (с. 6–7).

Действительно, почему бы нет, если для этого достаточно отечественной статистики — такой её ведомственной полноты и в Германии не снилось! Однако сразу отмечу: эксперимент оказался неудачным. Нечто подобное уже предпринималось, причём с «клиотерапевтической» целью. Известный социолог Б.Н. Миронов взялся убеждать: если в предреволюционной России благосостояние населения — согласно усреднённой статистике — росло, то революции не должно было быть. Отсюда вывод: виновата революция! Видимо, неслучайно авторы книги постоянно упоминают Миронова (который доклада не представил, но в дискуссии участвовал).

Замысел книги очевиден. Сомнения относительно «непредсказуемого» прошлого генерирует вопрос о «матрице» новейшей истории России: эволюционный процесс или...? Как на него ответить, если исход процесса известен вопреки тому, что история, как и всё связанное с природой человека, по определению альтернативна? Выход давно предложен: исследователь обязан «преодолеть» документальный материал, избегая использования его в иллюстративных целях. Однако чело-

* Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / Под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьёва. М.: Квадрига, 2021. 792 с.

веческое сознание не склонно следовать гносеологическим предписаниям.

Известно, что подавляющая часть российского документального наследия исходит от государства или систематизируется властью предрержащими и культурными элитами. Этим подспудно навязывается определённый познавательный дискурс: история видится только «сверху», а исследователь упорно изыскивает первопричины случившегося «в верхах». Пространство российской истории до сих пор не случайно заужено пространством власти (взявшей в своё время на вооружение марксизм, точнее его экономико-детерминистическое подобие). Документальная база *in corpore* словно нашёптывает: власть могущественна и потому всегда права. Отсюда и поиски благостных альтернатив, а в определённых случаях — и «злоумышленников», якобы лишивших Россию её «великой» судьбы. К этому имплицитно склоняются многие историки, включая авторов, известных документальной дотошностью. Между тем узкий специалист имеет обыкновение «прилипать» не только к документам, но и к ментальности исследуемого времени. Хуже всего, если она окажется чиновничьей.

Впрочем, обратимся к текстам, наиболее примечательным в контексте проблематики предпосылок революции.

Прочтение очерка К.А. Соловьёва, открывающего первый раздел книги «Политическая сфера», порождает чувство недоумения. С одной стороны, автор признаёт, что «история Российской империи последнего её десятилетия — это история кризисов разной степени остроты и глубины», что можно считать «явным признаком болезни системы, которая уверенной поступью шла к своему концу». С другой стороны, если мысленно отвлечься от событий 1917 г., то «ситуация не будет

казаться столь однозначной» (с. 71): ветви власти «перестроились» (с. 61) и вроде бы «притёрлись» друг к другу. Хотелось бы спросить: увеличивалась амплитуда кризисов к началу 1917 г. или, напротив, затухала? Между прочим, из текста последующего очерка Соловьёва «Правительство и избирательные кампании в Государственную думу» следует, что система изнутри была лживой: неслучайно подтасовками выборов в IV Думу особенно активно занимались губернаторы Н.А. Маклаков и А.Н. Хвостов — будущие министры внутренних дел (с. 77–78). А в целом избирательная кампания показала, что произошло укрепление левого крыла и ослабление центра при «радикализации настроений в его среде». В общем, «выпустив джинна из бутылки, правительство его больше не контролировало» (с. 99). Возникает вопрос: могла ли политическая система перестроиться настолько, чтобы выдать мысль о революции из общественного сознания?

Куда большее впечатление на меня произвёл другой текст Соловьёва. В конце 1916 г. император то и дело рыдал порой на плече своего дяди Николая Николаевича, порой члена Государственного совета П.М. Кауфмана от сознания безвыходности положения¹. Плаксивый повелитель $\frac{1}{6}$ суши — могло ли его правление быть успешным? Если самодержец чувствует свою обречённость, то чего ждать от окостеневшей авторитарной системы?

Слов нет: планомерное развитие предпочтительнее возможных потрясений. Возможно, в связи с этим в дискуссии Соловьёв, с одной стороны, отметил, что «конституция была навязчивой идеей российской общности с начала XIX в.» (с. 764), с другой — настаивал, что после 1905 г. «монархия была конституционной, правда без конституции». К этому добавлено: «Конституция — это прежде

всего неписанные правила игры». Увы, политики этих «правил» не принимали (с. 724). А принимал ли монарх? Вряд ли. Так стоит ли судить об истории по тем этикеткам, которые лепят на неё схоласты от правоверения и повторяют сервильные граждане?

Очерк Ф.А. Гайды о либеральных партиях и общественных организациях также не лишён нестыковок. Автор пишет, что «к середине 1916 г. промышленность России, наконец, в целом была приведена в соответствие с потребностями военного времени», но тут же добавляет: «Но военные усилия в данной ситуации приводили лишь к дальнейшему усугублению кризисной социально-экономической ситуации» (с. 136). При этом и партии, и общественные организации нервничали: надо ли готовиться к революции? Ещё перед войной газетчики намекали: «Стоит ли ломать головы над политическими проблемами, когда выдвинулись экономические аксиомы?» (с. 118), однако, несмотря на это, либералы избрали неверный путь. В результате, отвергнув соглашение с правительством, они не приобрели поддержки низов (с. 138). Характерно в связи с этим отношение автора к «концепции заговора»: оказывается, появилась «пятёрка» (А.И. Гучков, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов и А.Ф. Керенский), которая установила постоянные контакты с социалистическими группами столицы и даже пыталась вести переговоры с войсками. Автор отвергает «масонскую тему», однако полагает, что либералы готовились сделать выбор в пользу «улицы» и, вопреки утверждениям советских историков, вовсе не страдали «властобоязнью» (с. 139–141). Сомнительно! В годы войны либералы пребывали в состоянии нервной неопределённости, что сказалась на их последующем поведении. Когда в начале апреля 1917 г. П.Н. Милюков пригла-

сил товарищей по партии в министерские апартаменты, они почувствовали себя так, словно «по ошибке попали в ненадлежащее место» и «невольно спрашивали друг друга — надолго ли это?»². Как ни крути, интеллигенция, расслабленная существованием внутри полицейско-патерналистской государственности, психологически не могла удержаться у власти.

Видимо, не случайно за текстами Соловьёва и Гайды следует очерк А.А. Иванова, который отмечает, что к февралю 1917 г. правым партиям «удалось с большой прогностической точностью предсказать как своё поражение, так и печальный итог деятельности либеральной оппозиции» (с. 170). Тем не менее автор заявляет, что «правые партии стали порождением российской модернизации и демократизации», даже часть черносотенного лагеря «постепенно втягивалась в модернизационные процессы» (с. 173). Звучит неожиданно. Вероятно, ради «симметрии» рядом с этим текстом оказался очерк П.Ю. Савельева (в конференции не участвовал) о социалистических партиях. Он примечателен признанием того, что по популярности в рабочей среде большевики перед войной превзошли меньшевиков (с. 201–202). В общем, говорить о перспективах как «окультуренного» черносотенства, так и эволюционного социализма вряд ли стоило.

А.С. Туманова (в конференции также не участвовала) в очерке о «публичном пространстве России» взялась проиллюстрировать мнение Ю. Хабермаса о том, что распространение газет и журналов ведёт к появлению у общественности претензий на участие в политической жизни и управлении (с. 224). О том, что культурное пространство было перенасыщено ядом взаимного недовольства, разумеется, ничего не говорится. Спрашивается, сколько можно вычерчивать прошлое

по иноземным лекалам на основе «бездушной» статистики, фиксирующей чисто внешние — часто откровенно «показушные» — проявления?

В отличие от Тумановой А.А. Тесля в очерке об «автономизации» интеллектуальной жизни обращает внимание на распадение культурных трендов на «пассеизм» (обозначившийся, между прочим, ещё в «Мире искусства») и «футуризм» (с. 238–239). Примечательно и указание автора на уникальность большевизма — единственной партии, сумевшей добиться интеллектуального единства своих рядов (с. 248).

Во втором разделе («Национальный вопрос») довольно нестандартный подход предложил А.И. Миллер, который, вслед за западными авторами, считает, что XIX в. — век не наций-государств, а империй и национализмов (с. 250). При этом он отмечает «национальное безразличие», т.е. индифферентное отношение низов к националистической мобилизации. Но почему не предположить, что именно «национальное безразличие», а не активизм является «нормой» существования малых этносов внутри империй? Впрочем, похоже, что феномен «национального безразличия» понадобился Миллеру лишь для подтверждения правоты мнения П.Н. Дурново: в случае войны социальная революция будет для империи опаснее национальных сепаратизмов (с. 266). При этом автор полагает, что в годы войны крайний национализм вызывался прежде всего внешним влиянием (с. 268–269). В связи с этим вызывает недоумение утверждение, что уже в 1915 г. Петрограду пришлось сделать «ряд символических уступок украинскому движению» (с. 269). Кто их заметил? Между тем известно, что национализм, в силу своей эмоционально-инстинктивной (а не рациональной) первоосновы, бывает болезненно сопряжён с кризис-

ным состоянием имперского организма (о чём пишет и сам автор).

Вообще межэтнические отношения — нечто большее, нежели противостояние имперского центра и национальных лидеров. Как видно из очерка Ф.Б. Шенка, посвящённого роли железнодорожного строительства для судеб империи, сама по себе мобильность населения вызывала подозрительное отношение к инокультурным общностям, особенно евреям (с. 634–635). Как можно было минимизировать результаты неизбежного «столкновения цивилизаций» внутри империи?

Из очерка Т.И. Хрипаченко о либеральных проектах децентрализации России на земской основе следует, что внятной альтернативы государственной политике, с одной стороны, и проектам лидеров национальных движений — с другой, у либералов не нашлось (с. 299–300). Этот вывод подтверждается весьма оригинальным исследованием Д. Сталюнаса об «этнической иерархии», существовавшей в представлениях российских бюрократов. В связи с модернизацией имперского социокультурного пространства обнаружилась тенденция к «территориализации этничности», адекватно отреагировать на которую российские бюрократы не смогли (с. 316–317). Получается, что тенденция к национальной консолидации в рамках определённых локусов стала объективным фактором общественного развития. Отсюда можно допустить, что «национальное безразличие» в критических обстоятельствах сменится противоположной тенденцией, чем непременно воспользуются национальные лидеры.

Конечно, особый интерес вызывает состояние российских вооружённых сил, чему посвящён третий раздел. В.В. Лапин неслучайно задался вопросом: «Был ли развал вооружённых сил империи в 1917 г. заложен в предре-

волюционные годы»? По его мнению, нет: армия и военная экономика России лишь испытывала общие для европейских стран трудности. Но более впечатляет конечный вывод: «В начале XX в. выявилась невозможность уравнивать шансы империи Романовых в столкновении с Германией с помощью исключительно технических способов и “выборочного заимствования”, пустившего в России прочные корни», причём в наибольшей степени в преобразованиях оказалась заинтересована «наиболее консервативная часть элиты» (с. 347–348). Что имеется в виду? Заявление В.А. Сухомлинова в 1911 г., что «идёт деятельная работа по обеспечению армии новейшими орудиями крупных калибров, управляемыми аэростатами, аэропланами, автомобилями, прожекторами и прочими сложными техническими средствами»³? Впрочем, в ходе дискуссии Лапин признал, что в существующей литературе едва ли не всё сомнительно: и готовность России к войне в военно-техническом отношении, и нехватка снарядов, и бездарность генералитета, и острота международных отношений. Очевидно другое: «Когда крестьянин решил, что это не его война, с ним уже ничего сделать было невозможно» (с. 759–760). Такой — далёкий от привычных научных умствований — вывод, действительно, многого стоит.

Со своей стороны, Дж. Санборн не скрывает восторга перед «малыми реформами», задуманными армейским «технократами». Однако более впечатляет его конечное замечание: «Невозможно отрицать, что военные реформы “провалились” в том смысле, что они не смогли немедленно превратить российских призывников в преданных воинов с высокой моралью» (с. 361). А из книги историка явствует, что на протяжении всей войны армия так и не избавилась от былых проблем:

«За кулисами военных событий Российская империя закладывала основы своего будущего крушения»⁴. Оказывается, политика военных властей вызвала особое недовольство окраинных народов.

Представляется, что в связи с инерционностью российского социокультурного пространства реформы должны были носить упреждающий, а не «догоняющий» характер. Способна ли к этому царская бюрократия? Из текста К.А. Тарасова, взявшегося проанализировать перспективы создания солдата-гражданина на примере петроградского гарнизона в начале 1917 г., следует, что «системные проблемы довоенного периода невозможно было изменить в короткий срок» (с. 389–390). Если так, то стоит ли безоговорочно восторгаться предвоенным реформаторством?

Удивляют восторги Лапина (а вслед за ним и Санборна) по поводу Брусиловского прорыва. Известно, что, хотя наступление 8-й армии на Луцк готовилось восемь месяцев, дело ограничилось именно *прорывом*, при этом потери оказались громадными, а стратегического перелома добиться не удалось. Сервильный (по отношению к любой власти) А.А. Брусилов — антипод А.В. Суворова, стремившегося побеждать «не числом, а умением». И почему не предположить, что Брусилов оказался выдвинут на общественно востребованную роль «героя» заодно с К. Крючковым, подобно тому, как на роли «предателей» «назначили» С.Н. Мясоедова и В.А. Сухомлинова? Людское воображение требовало понятных символов, пропаганда его старалась удовлетворить⁵. Однако история (в той мере, в какой она остаётся наукой) не может зависеть ни от общественной наивности, ни от пропагандистских практик.

Наибольшее внимание в книге уделено новым веяниям в области науки, техники, экономики (раздел IV).

Обширный очерк М.А. Давыдова — своего рода статистический монумент столыпинским аграрным преобразованиям. Однако автор не упоминает об их побочных результатах (рост напряжённости в массе крестьян, связанной с конфликтами между выделенцами и общинниками, «обратными» переселенцами и т.п.). Зато следует «оптимистичный» вывод: «Значительный подъём сельского хозяйства не закончился и в годы войны», причём это был «длительный и прочный процесс» (с. 427, 437). Спрашивается, а откуда взялась «общинная революция»⁶, фактически похоронившая аграрную реформу? Впрочем, в дискуссии Давыдов связал неудачи реформаторства с тем, что «даже после Витте Россия не стала страной свободного предпринимательства» (с. 755).

В отличие от Давыдова Л.И. Бородкин предельно осторожен в выводах применительно к промышленному развитию и положению рабочих в 1906—1916 гг. Вслед за рядом авторов он постарался показать, что доля Российской империи в мировом ВВП заметно выше, чем принято считать — 8,5% (с. 459). Мало того, на протяжении военных лет прирост производства металлообрабатывающей отрасли и промышленного оборудования заметно выделялся на фоне средних цифр прироста всей промышленности (с. 460—461). Стоит, однако, напомнить: российская промышленность потребностей армии в вооружениях удовлетворить не смогла: за границей пришлось закупить около половины требуемых винтовок, не говоря уже об автомобилях, самолётах и тяжёлых орудиях.

С уровнем жизни рабочих положение сложнее. Современники, несомненно, драматизировали ситуацию (с. 470). Зарплата росла, причём именно в оборонной промышленности. Однако её скачки взвинчивали товарные цены, доходы «съедались» дороговиз-

ной и инфляцией, растущий дефицит делал денежные накопления бесполезными. В это время потребление «товаров и невоенных услуг» снизилось на 8,2%, продуктов сельского хозяйства — на 20,8% (с. 466). В среднем это немного. Однако в наибольшей степени страдало население крупных городов (с. 470—472). В итоге Бородкин выразил несогласие с Мироновым в том, что до революции «всё было радужно» (с. 753).

Лично меня в дискуссии особенно привлекли реплики Бородкина. Известно, что активнее всего в России бастовали рабочие-металлисты, получавшие самую высокую заработную плату. Правда, в военные годы администрация казённых заводов, в отличие от владельцев частных предприятий, не успевала своевременно её повышать (с. 702). Тем не менее в рабочей среде в 1916 г. распространилось убеждение, что предприятия, на которых упорно бастуют, будут переходить в управление государства, а оклад возрастёт⁷. Вероятно, причину недовольства не следует связывать с «обнищанием по Марксу». По сравнению с японским рабочим, отмечает Бородкин, русский пролетарий обнаруживал необъяснимую склонность к бунтарству (с. 703). Представляется, что на готовности рабочих бастовать сказывались и степень доверия к власти и хозяину, и уровень социализации, и «порог терпения», и многие другие социопсихологические факторы, никак не улавливаемые статистикой. Не случайно по ходу дискуссии учёному пришлось сделать принципиально важное пояснение: «В неустойчивом, хаотизированном состоянии сложных систем теряются причинно-следственные связи» (с. 754). Я бы добавил: а также становятся бесполезными привычные формально-логические зависимости, которыми упорно оперируют историки, опирающиеся на «среднестатистические» данные.

Что же в таком случае предопределило революционные взрывы? Очевидно, всякая сложноорганизованная система имеет свой порог устойчивости, который «запрятан» в её внутреннем — человеческом — наполнении. Однако большинство авторов книги словно не ведают о российской «культуре взрыва» (Ю.М. Лотман). Я уже не говорю об «информационной революции» вкупе с «ювенализацией» населения, которые привели к разрывам «тела» империи по самым различным параметрам⁸.

Темпы развития экономики не гарантируют устойчивого существования государства. Характерные примеры приводит П.А. Кюнг: в довоенное время внедрение новых технологий на казённых заводах дезорганизовывало производство (с. 597). Всё дело в гуманитарной органичности хозяйственного развития, поддерживаемого на государственном уровне. В годы войны предприниматели «патриотично» переключались на низкотехнологичное производство снарядов. В результате Коломенский завод в начале 1916 г. прекратил производство дизелей для подводных лодок, другие предприятия снизили выпуск столь необходимых паровозов и вагонов⁹. Тем временем «перепроизводство» снарядов грозило приостановкой работы соответствующих предприятий (с. 604). Однако некоторые авторы вслед за Мироновым словно пытаются убедить самих себя, что «непосредственный кризис начался после февраля 1917 г. и был связан с падением производственной дисциплины и инфляцией» (с. 621). Но неужели не ясно, что иной человеческой реакции на безнадёжность прежнего существования быть не могло?

На мой взгляд, следовало бы не вдохновляться предреволюционным состоянием экономики «в целом», а задуматься над последствиями угасания её гражданского сектора. Казавшаяся

бесцельной война угрожала с трудом достигнутому уровню жизни, делая бесполезными заработанные деньги. Городское население, разбухшее за счёт временных мигрантов (солдат, раненых, беженцев, военнопленных), оказалось под угрозой тотального дефицита. В таких условиях достаточно нескольких полугодовых дней, чтобы власть повисла на волоске людского недовольства.

Всякие перекосы в «недоразвитой» экономике чреватые серьёзными социальными последствиями. Шенк пришёл к выводу, что «железные дороги — прежде мощный инструмент имперского правления — превратились в оружие его соперников» (с. 642). Не следует ли задуматься о непредсказуемо негативном влиянии всяких новшеств на «застойную» империю?

Согласно Д.Л. Сапрыкину, в 1909—1914 гг. наступил «золотой век» российских инноваций. Да, здесь есть чем гордиться, техническое развитие российской промышленности нельзя сводить к «трансферу технологий» с Запада (с. 562). Никто не отрицает выдающихся достижений России в области культуры, науки и даже техники. Иначе и быть не могло: творческая энергия — этот источник всякой культуры — слишком долго находилась под спудом самоохранительной системы. Поэтому и сделались возможными выдающиеся достижения одиночек, отнюдь не пестовавшихся государством и вовсе не вдохновляемых уважением коллег. Хочется в связи с этим спросить: возможен ли был в России такой культ науки, как в Германии? Е.А. Ростовец заключает, что «старый дореволюционный университет не был готов к эволюции в направлении массового университета, сама идея “прикладных специалистов”, ориентированных на “заказ”, категорически отметалась» (с. 688). Стоит также напомнить, что только в связи с войной

В.И. Вернадскому удалось развернуть российскую науку в сторону использования естественных природных ресурсов. Даже в сугубо прикладной, казалось бы, области, как отмечает А.В. Мазаник, возникла нестыковка: несмотря на «блестящее развитие фундаментальной медицины», общий уровень здоровья населения оставался низким (с. 666).

Наиболее сложна в современной историографии ситуация с оценкой финансовой системы. Как отмечает С.А. Саломатина, «к 1914 г. в России сложилась полноценная для своего времени рыночная банковская система. Однако в условиях последующей инфляции и роста депозитов у неё становилось всё меньше возможностей зарабатывать, чтобы выплачивать проценты по этим депозитам. В результате прежние банковские практики уступали место обслуживанию военных потребностей государства и разного рода спекуляциям, которые негативно сказывались на восприятии банковского сектора в обществе» (с. 564). Тем не менее финансы «прекрасно адаптировались» к войне» (с. 753). А как оценить реакцию на это населения, имея в виду предреволюционный «биржевой ажиотаж», с одной стороны, и бесполезное оседание денег в крестьянских кубышках (или сберкассах) — с другой?

Как и следовало ожидать, картина предреволюционного состояния России получилась противоречивой. Из этого следует, что конструирование «светлого» эволюционного прошлого, не поколебленного даже военными испытаниями, вряд породит нечто конструктивное — разумеется, кроме попытки убажить почитателей «стабильности». Историк обречён «пророчествовать наоборот» — скорее заниматься изучением «трещин» в теле империи, нежели не замечать или даже замазывать их. Зачем возрождать спе-

кулятивные соблазны на историографическом уровне, предаваясь мнемонической маниловщине?

Создаётся впечатление, что авторы идут от бюрократического недоумения: всего в России в избытке, но всё как-то ненадёжно. Однако известна и другая особенность империи. Как было подмечено её военными противниками, это страна, где «всё есть и ничего нет». Действительно, имелось в России в военные годы продовольствие, но люди его «недополучали». Были и деньги, но они «не работали» — на дело их не хватало. В общем, оснований для бесконечной спекуляции на основе былых иллюзий предостаточно. Отсюда и серьёзно-недоверчивое отношение к «оптимистическому» сочинительству, вдохновляющее всевозможных конспирологов. Неслучайно в ходе дискуссии задаваемые Миронову вопросы носили довольно ехидный характер. Внятных ответов на них не нашлось (с. 707–710). Спрашивается, стоило ли серьёзным исследователям вообще упоминать автора, который довёл использование принципов экономического детерминизма до абсурда? Так, Миронов утверждает, что русские солдаты «любили ходить босиком, потому что для них это было привычнее и удобнее», однако в литературе «иногда это трактовалось как признак нехватки обуви» (с. 718). Комментарии, как говорится, излишни.

В историографии складывается поразительная картина: прекрасные специалисты в своей узкой области демонстрируют туманное представление о том, что находится за её пределами. Отсюда удивительное простодушие в понимании российской кризисности. Историки исследуют экономику «в целом», не обращая должного внимания на то, что в годы войны казённая промышленность, перефразируя В.О. Ключевского, «пухла», а частный сектор «хирел». Относительно финан-

сов можно сказать то же самое: коммерческие и депозитные структуры взаимоотношались, при этом первые всё основательнее обслуживали государство и военно-инфляционные концерны, тогда как во вторых мёртвым грузом оседали трудовые накопления. Представляя динамику ВВП военного времени, исследователи, по существу, показывают лишь *производственные* возможности общества, минуя его человеческий мотивационный потенциал. В совокупности усилия этих авторов рисуют картину благотворного влияния военных условий на хозяйственное развитие страны, не замечая тотальной дегуманизации народного хозяйства: «распределяющая» экономика высасывала из народа все соки.

Глядя на творческие усилия отдельных авторов, не знаешь, то ли восторгаться глубиной их проникновения в недра темы, то ли сокрушаться по поводу того, что из вырытой ими шахты знания они не в силах охватить горизонты исторического пространства. И почему они упорно не упоминают своих оппонентов? Стоит ли вообще создавать *if-history* («предположительную» историю) на основе ведомственной статистики, обслуживавшей отдельные секторы народного хозяйства? Неустанно повторяется тезис об отсутствии экономических предпосылок революции. Такое «честное недоумение» привлекает. Но способен ли структурно-функциональный анализ выявить опасности, подстерегающие систему? Может быть, власть находилась в гармонии с собственной духовной основой в лице Православной Российской Церкви? Но не стоит забывать: именно в рассматриваемый период А.А. Блок стал писать своё «Возмездие».

Похоже, что сами авторы ощущают тупиковость избранного дискурса. Ростовцев, ожидавший ответа на традиционный вопрос «кто виноват?», остался разочарован: «В рамках нашей

дискуссии не виноватой у нас оказывается власть, которая выстраивала псевдоконституционную монархию», «не виноватыми оказываются правые партии», «и экономика развивалась успешно, и армия развивалась, в целом шла системная социально-экономическая модернизация страны». Виноватыми оказываются лишь те, «кто возглавил эту революцию, а именно — либералы, интеллигенция». По его мнению, участники конференции, вслед за властью, проглядели «симптомы нарастающего кризиса». Тем ли вообще они занимались, забыв и про дело М. Бейлиса, и про Г. Распутина, и про «закрытую конструкцию власти, за которую держалось самодержавие» (с. 764)?

Со своей стороны, Саломатина отметила, что с точки зрения экономической истории предреволюционной России выстраивается «линия о великодушных успехах». В результате «получился некоторый перекосяк: в 1913 г. хорошо, а в 1916-м ещё лучше». Итог оказывается странным: с экономической точки зрения, «нет разницы между войной и миром... лучший способ повысить ВВП — это начать войну» (с. 753). Ещё более скептически высказался К.Н. Морозов. По его мнению, и царский, и советский режимы «потому так стремительно и рухнули, что на их защиту практически никто не встал, что они уже были живыми трупами, они... постепенно умирали в головах людей». Царская власть «не умела ответить на вызовы эпохи. И это куда важнее и судьбоноснее, чем все экономические успехи вместе взятые» (с. 752, 763).

Что касается претензий авторов на «ревизию» советско-марксистских представлений, то хочу заметить, что на моей памяти «марксистские» авторы только и делали, что доказывали, что Россия по объёму производства занимала пятое место в мире, а по ча-

EDN: HCZGQM

сти «самого передового финансового капитала» и промышленных монополий едва ли не опережала империалистических конкурентов. Считалось, что это и есть «предпосылки социализма». Правда, скоро пришлось говорить уже не о социалистических перспективах, а о финансовых достижениях России¹⁰.

Приходится признать, что даже лучшим исследователям предреволюционной России не удавалось и не удаётся состыковать устаревшие теоретические подходы с сомнительными эмпирическими данными. Остаётся надеяться, что рецензируемая работа покажет, что не стоит состязаться с теньями прошлого.

Примечания

¹ Соловьёв К.А. Власть и общество: сотрудничество и конфронтация // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 709.

² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 181.

³ Цит. по: Зайончковский П.А. Высшее военное управление. Император и царствующий дом // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.). Статьи, публикации и воспоминания о нём. М., 1998. С. 86.

⁴ Санборн Дж. Великая война и деколонизация Российской империи. СПб., 2021. С. 106.

⁵ Нелинович С.Г. Брусиловский прорыв как объект мифологии // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 632–634.

⁶ См.: Люкин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006.

⁷ Поликарпов В.В. Русский рабочий вопрос весной 1916 года // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 290–291.

⁸ См.: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М., 2015. С. 10, 65, 177; Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017. С. 25, 35.

⁹ Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 1957. С. 51.

¹⁰ Ср.: Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988; Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.

Кирилл Соловьёв

Рец. на: А.С. Туманова. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. М.: Проспект, 2019. 480 с.

Kirill Solovyov

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: A.S. Tumanova. Obschestvennye organizatsii v Rossii: pravovoye polozhenie. 1860–1930-e gg. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S0869568722010216

Россия конца XIX – начала XX в. была сложно устроена и с каждым годом становилась всё сложнее. Нескончаемо менявшее свою конфигурацию государство сопрягалось с постоянно растущим – количественно и качественно – обществом. Привычная дихотомия «власть – общественность», при всей внешней очевидности, скорее

упрощает ситуацию, сводит её к элементарным вопросам сотрудничества и конфликтов правительства и интеллигенции, бюрократии и публики. Это прочтение политической истории России рубежа веков вполне традиционное, в целом обоснованное, но всё же далеко не самое точное. В новой монографии А.С. Тумановой предлагается

совершенно иное, куда более объёмное видение проблемы. Этот эффект достигается благодаря сочетанию теоретически «заточенных» наукоёмких подходов и вместе с тем скрупулёзной источниковедческой работой с опубликованными и архивными материалами. Автору удалось точно определить предмет изучения и безошибочно находить его в безмерном документальном наследии.

Нужно отметить, что в общественной жизни России того времени было не два, а существенно больше контрагентов, беспрестанно споривших друг с другом и периодически договаривавшихся. Власть и общество — два взаимообусловленных, но, в сущности, альтернативных видения России. С одной стороны, была страна, придуманная в канцелярии. С другой — вымышленная в кружке или салоне. И у столоначальника, и у столичного журналиста имелось до крайности мало сведений о том, что происходило за пределами столиц и больших городов. Дефицит информации компенсировался избытком фантазии, особой у чиновников и общественников. Первые опирались на совокупность циркуляров и законодательных норм, которые должны были превозданный хаос провинциальной России привести в некое подобие петербургского космоса. Вторые руководствовались подборкой журнальных и газетных статей, в которых проектировался новый, неведомый прежде порядок. С одной стороны, речь шла об управленческих практиках, с другой — о безуспешных поисках организационного единства авторов, имевших разные взгляды.

Эти две России очень нуждались друг в друге. В сущности, ещё на рубеже XVIII—XIX вв. общественность была учреждена государственной властью. Этому способствовали и законодательные решения, и возникшие учебные заведения, а впоследствии — и Великие реформы, благодаря которым об-

разовались, по сути, новые социальные страты: земцы и земские служащие, адвокаты, сотрудники частных компаний и т.д. Правительство нуждалось в обществе, пускай подчас капризном и непредсказуемом, и поощряло его развитие и расширение. *Публика*, говоря языком XIX столетия, состояла, в том числе (а может быть, даже в первую очередь) из дискуссионных площадок, где определялась повестка дня, формировался категориальный аппарат, выносились оценочные суждения. Потом они расходились по всей России, смело заимствовались и правительственными чиновниками, и представителями радикальной оппозиции. При отсутствии публичной политики эти практики значили слишком много, став, по сути, суррогатом представительного учреждения, своеобразной «республикой» общественного мнения в условиях самодержавия.

Разумеется, правительственное и общественное постоянно пересекались. Это случается так или иначе везде, но особенно проявилось в России XIX — начала XX в. Представители чиновничества и публики были теснейшим образом связаны между собой родственными, дружескими, корпоративными связями. Часто они являлись одними и теми же людьми, просто в разных обстоятельствах игравшими в разные игры. Но это сближение не отменяло, а лишь запутывало конфликт.

Разговор об обществе того времени становится сложнее и интереснее, когда он переводится на язык реалий России XIX в. В этом случае невольно возникают вопросы, на которые не так просто ответить. Например, представители фамусовского круга — это московское общество первой четверти XIX в.? А «высший свет» гоголевского города N? Видимо, это провинциальное общество уже николаевской поры? Или, может быть, к общественности следует

отнести весьма неоднозначных героев романа Ф.М. Достоевского «Бесы»? Нет сомнений, что художественная литература — слишком непростой исторический источник, не всегда надёжный и никогда не прозрачный. Однако от него так просто не отмахнёшься. Образы классической русской литературы крепко сидят в сознании нашего просвещённого современника. Впрочем, и в XIX в. они не только регистрировали происходящее, но и непосредственно влияли на него. Неслучайно столь популярно мнение о литературоцентричности русской культуры классической эпохи.

Так или иначе, редких литературных героев того времени можно без всяких скидок отнести к обществу. Значит ли это, что к нему можно причислить лишь избранных: некоторых (далеко не всех) профессоров университетов, журналистов столичных газет и их считанных почитателей и читателей? Видимо, нет. Общественность включала в себя заметно более широкий круг лиц, не только её представлявших или говоривших от её имени, но и пассивно взиравших со стороны на то, как меньшинство осмеливалось выступать от имени молчаливого и преимущественно безразличного большинства. Это общество — не только читающая публика и не простая совокупность различных групп населения, но и, говоря языком XIX в., практики «самодеятельности».

Собственно им и посвящена монография Тумановой. Общество путём проб и ошибок искало свою тропу самоорганизации. Оно пользовалось всеми возможностями, предоставленными властями, и постепенно, шаг за шагом, расширяло пространство свободы и собственной инициативы. Совершенно невольно оно оказывалось фактором политических изменений и, не осознавая этого, остро нуждалось в новой России, где было бы востребовано его видение страны. Как раз по этой

причине автор делает акцент на особом юридическом стиле мышления правоведов рубежа веков, их категориальном аппарате, понимании прав и свобод человека. Эта корпорация говорила о государстве и, фактически, от имени государства. Её усилиями ковались чиновничьи кадры, формировались представления о праве и законах, проектировался политический и социальный строй будущей России. Это была лаборатория государственоведения. Весьма характерно, что «первую скрипку» там играли настоящие и будущие лидеры партии кадетов, не ставившие под сомнение ценность правового государства. Можно дискутировать о перечне прав человека, но никто не оспаривал его необходимость. Этот дискурс эпохи во многом определял стиль поведения абсолютного большинства политических акторов того времени.

Важным было не количество представителей общественности и их влияние на те или иные социальные группы, а распространение общественной кооперации и инициативы, периодической печати. В рамках такого подхода общество — это в первую очередь институты, что снимает коварный вопрос о «цензе активности», которого на самом деле не существовало. В общей массе людей пассивных и инертных лишь немногие были способны предлагать новые идеи и следовать смелой партийной тактике. Но здесь проявилась неумолимая сила общественных институтов, способных мобилизовать самых далёких от политики.

В этом (и, разумеется, далеко не только в этом) — сильная сторона монографии Тумановой. Общественная жизнь — не удел героев, готовых бороться за свои права, но каждодневная практика различных организаций. В большинстве своём они не видели своей миссией политическое противостояние, а решали бытовые проблемы, причём зачастую — с санкции властей.

EDN: RXFQZC

Их становление – естественный результат эволюции государства и социума, мобилизация людей, далёких от политики. Однако из них складывались ассоциации, а из тех – уже *гражданское общество*.

О его наличии или отсутствии в России начала XX столетия принято многословно спорить. Историки любят подобные дискуссии, так как они позволяют умело обойти действительно серьёзные научные проблемы, подменить исследовательскую работу игрой в шарады. Книга Тумановой – в том числе о тщетности этих словесных баталий. Само словосочетание «гражданское общество» многозначно и в рамках различных интеллектуальных и национальных традиций может быть интерпретировано по-разному. Однако оно позволяет верно настроить исследовательскую оптику и проследить динамичный процесс социального структурирования.

Как уже отмечалось, масштаб явления измеряется не численностью участников общественных организаций. Неслучайно Туманова делает акцент на ценностных ориентирах, этосе поведения, наконец, на правовых рамках деятельности. Гражданское общество –

это своего рода функция, *грань* социума, с которой то и дело сталкивалась государственная власть, видимо, без всякого удовольствия. Правительству пришлось приноравливаться к этой особенности российского общества, а значит – меняться. Этот процесс не мог быть безболезненным и подразумевал мучительные трансформации, которые в итоге оказались роковыми для политической системы, как, впрочем, и для самого гражданского общества: в условиях Советской России оно сравнительно быстро аннигилировалось. И об этом обстоятельно написано в рецензируемой книге.

Однако главный сюжет рассматриваемой монографии иной: многомерность общественной жизни предреволюционной России, неразрывная взаимосвязь социальных, интеллектуальных, правовых, политических процессов. Проще говоря, возникновение общественных организаций – лишь один из элементов большого «пазла», который включал в себя и культурные подвиги, и политическую трансформацию, и экономическую динамику. Всё это важные составляющие единого процесса модернизации страны, так драматически прерванного в 1917 г.

Фёдор Гайда

Рец. на: И.Н. Стрекалов. Народная тайна русской революции. 1905–1917 гг. М.: Родина, 2020. 478 с.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow)

Rec. ad op.: I.N. Strekalov. Narodnaya taina russkoy revoliutsii. 1905–1917 gg. Moscow, 2020

DOI: 10.31857/S0869568722010228

Монография И.Н. Стрекалова посвящена деятельности советов рабочих депутатов в период Первой

русской революции и в 1907–1917 гг. Она написана на основе кандидатской диссертации, защищённой в 2020 г.

Материал подготовлен при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

в МГУ им. М.В. Ломоносова. Обосновывая актуальность исследования, автор признаёт уникальность феномена советов в начале XX в. Но, в отличие от писавших об этом советских историков, он связывает с советами появление в России «элементов автономно существующих от власти организаций гражданского общества», что будто бы свидетельствовало о движении страны по европейскому пути развития (с. 7–10, 47, 446). Однако к тому времени в империи уже существовали и продолжали активно формироваться самые разнообразные общественные организации¹. Но, как пишет Стрекалов, «будучи наделёнными полномочиями от представителей рабочих, солдат, крестьян, советы впервые в новой российской истории именно в 1905 г. возглавили непосредственную борьбу народных масс за народное правление» (с. 9).

В целом, данная тема была достаточно обстоятельно изучена ещё в СССР, и автор книги хорошо ориентируется в существующей историографии. Это позволило ему сосредоточиться на тех аспектах, которые ранее не получили должного освещения. Так, Стрекалов рассматривает, какие модели советов сложились в 1905 г., как их опыт воспринимался в российском общественном мнении и использовался до февраля 1917 г. Таким образом, речь идёт о времени, когда советы не составляли какой-либо системы, а их задачи и структуры только формировались, причём решающее влияние на них оказывала низовая инициатива, зачастую связанная с активностью отдельных личностей и групп. Неудивительно, что автор уделяет им повышенное внимание.

Исследование опирается на широкий и разнообразный комплекс источников, материалы пяти архивов (ГА РФ, РГАСПИ, РГИА, РГВИА, коллекции Гуверовского институ-

та) и публикации 48 периодических изданий. Характеризуя особенности делопроизводства Департамента полиции МВД, Стрекалов указывает на заведомую недостоверность сведений, поступавших от агентов, на преувеличение или сокрытие тех или иных фактов сотрудниками в зависимости от их личных интересов или оценки ситуации (с. 15–16). Вместе с тем стоило бы обозначить и специфику партийных документов, которые отличались идеологической ангажированностью, а зачастую и пропагандистской направленностью. Важную роль тут играли и публицистические произведения 1905–1917 гг.

Основная часть исследования построена по хронологическому принципу и состоит из трёх глав, посвящённых, соответственно, 1905–1907, 1907–1914 и 1914–1917 гг. Каждая из них включает тематические параграфы, в которых прослеживается создание советов в столицах и различных регионах России, в армии и на флоте, а также отражение их деятельности в общественной и партийной полемике. Крестьянские советы автором не рассматриваются.

Историк вычленяет четыре модели поведения советов «как органов власти народа»: 1) «органы стачечного и забастовочного движения» (наиболее ярким примером выступает Иваново-Вознесенский совет); 2) Петербургский совет как «второе правительство» столицы России; 3) «органы вооружённого восстания» (советы европейской части России, в первую очередь московский); 4) «органы в режиме двоевластия» (Сибирь, Украина, Кавказ). Собственно Петербургский совет выделен особо, потому что для него в той или иной мере были свойственны признаки всех этих типов (с. 45–46).

Говоря о феномене Иваново-Вознесенска, Стрекалов не ставит под

сомнение привычное представление о том, что именно там рабочие впервые образовали свой совет. Однако, как давно уже установлено, первое «собрание рабочих депутатов» возникло в марте 1905 г. в Алапаевске и представляло трудящихся местного металлургического завода и рудников. Его председателем избрали эсера Е.А. Соловьёва (позднее он присоединился к большевикам, стал одним из организаторов убийства царской семьи, в 1934 г. был репрессирован и умер в ссылке). В апреле, опять же на Урале, появился «совет уполномоченных» в рабочем посёлке Надеждинске (Серове). Эти структуры выдвигали не только экономические, но и политические требования, проводили демонстрации, создавали рабочие дружины. Надеждинский совет взял под контроль весь посёлок². Любопытно, что органы самоуправления в заштатных городах России с 1892 г. именовались «собраниями городских уполномоченных». Широко употреблялись слова «депутат» и «совет». Выражение же «рабочий совет», скорее всего, появилось по аналогии с британскими *trades council* (профсоюзы с подобными названиями известны с 1848 г.).

Иваново-Вознесенский «совет уполномоченных», образованный в мае 1905 г., был по меньшей мере третьей подобной организацией в России. Он действовал уже «в рамках целого города» (с. 53), добиваясь, помимо прочего, прекращения русско-японской войны, ликвидации самодержавия, созыва Учредительного собрания и проч. Его задачи и лозунги формулировали большевики: местный рабочий Ф.А. Афанасьев и присланный партией М.В. Фрунзе (с. 47–48). Правда, не совсем ясно, как именно складывались их взаимоотношения с председателем совета — беспартийным поэтом и гравёром А.Е. Ноздриным (в будущем — сотрудником благотворитель-

ных организаций СССР, репрессированным в 1938 г.).

Стрекалов убеждает читателей в значительной власти Петербургского совета (с. 55–82) и показывает, насколько важную роль играл его председатель — Г.С. Носарь (Хрусталёв), стремившийся сочетать легальные и нелегальные формы политической борьбы (с. 63–64). Под влиянием этого полтавского земляка и друга Г.А. Гапона, человека сложных взглядов и непростой судьбы, представители столичного пролетариата колебались между организацией стачек и восстания. Однако впоследствии, как отмечает историк, именно этот совет и его решения вызывали наибольший интерес у современников (с. 81–82). Уже в 1906 г. состоялась газетная полемика Носаря и В.И. Ульянова (Ленина) об основной роли советов: являются ли они органами народного самоуправления или их создание необходимо прежде всего для захвата власти революционерами? Спор имел большой общественный резонанс, и в нём Хрусталёва, в частности, поддержал П.Н. Милюков (с. 115–118).

Автор монографии достаточно высоко оценивает успехи советов как носителей «народной власти» в 1905 г. По его мнению, неуступчивость власти их только усиливала, и лишь отсутствие решительной поддержки рабочих со стороны крестьянства и армии привело к подавлению революции (с. 145). Однако историк признаёт, что в 1906 г. все попытки возродить советы ограничились по сути агитацией и резолюциями (с. 112–129).

Тем не менее в профсоюзном движении 1907–1914 гг. «советы уполномоченных» продолжали функционировать. Однако их активисты, стремясь к конкретным улучшениям условий труда и быта, демонстрировали склонность к компромиссам с властями (с. 222–263). Совет ра-

EDN: VBLZNX

бочих депутатов, существовавший при Петербургском комитете Партии социалистов-революционеров в 1913–1914 гг., являлся сугубо маргинальным образованием: сведений о его составе и работе мало, трудно даже сказать, когда, собственно, он сформировался. Но уже в марте 1914 г. арест нескольких членов привёл к прекращению его существования (с. 268–293, 301–302). В монографии также рассмотрены слабые попытки возродить советы в армии и на флоте в 1907–1916 гг. (с. 302–357). Между тем на единственное солдатское восстание за весь межреволюционный период — мятеж сапёрных батальонов в Туркестане в 1912 г. — эти идеи никак не повлияли.

Показательно, что ситуация изменилась лишь с учреждением осенью 1915 г. военно-промышленных комитетов (с. 367–404, 413–420). По сути, на тот момент только созданные при этих общественных организациях, финансировавшихся правительством, рабочие группы, включали в свой состав выборных делегатов от фабрик и заводов. Имея легальный статус и всероссийский размах, они могли вести и неле-

гальную деятельность. С началом думского «штурма власти» в ноябре 1916 г. Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета резко активизировалась. При этом руководству ЦВПК она не подчинялась³. В январе 1917 г. её членов арестовали, но уже 27 февраля, после победы революции, освободили. Как пишет Стрекалов, именно они и Носарь-Хрусталёв сыграли решающую роль в возникновении вечером того же дня в Таврическом дворце Петроградского совета (с. 428–434).

В целом, монография И.Н. Стрекалова является значимым для современной науки трудом, раскрывающим важный аспект политической жизни России начала XX в.

Примечания

¹ Подробнее см.: Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2007; *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012; и др.

² Исторический опыт трёх российских революций. Т. 1. М., 1985. С. 389.

³ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 262–263.

Олег Айрапетов

Он был хуже, чем хотел, но лучше, чем о нём думали*

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

He was worse than he wanted, but better than he was thought

DOI: 10.31857/S086956872201023X

Более 20 лет назад на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова был организован спецсеминар по русской военно-политической исто-

рии XIX — начала XX в. Посещавшие столицу зарубежные учёные (Д. Ливен, Д. Вольф, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, Б. Меннинг, М. Йованович

---

* *Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В.* Роковая женщина военного министра: генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. СПб.: Алетейя, 2020. 254 с.

и др.) неоднократно выступали перед его участниками с лекциями. Однажды профессор Меннинг, отвечая на вопросы, дал, пожалуй, самую верную характеристику военному министру В.А. Сухомлинову: «Он был хуже, чем хотел, но лучше, чем о нём думали».

А думали о нём современники на удивление однообразно. В «Кратком курсе» его просто называли изменником, который «выполнял задание немецкой разведки — сорвать снабжение фронта снарядами, не давать фронту пушек, не давать винтовок»¹. Практически то же самое утверждали и многочисленные эмигрантские авторы, писавшие о «деле» подполковника С.Н. Мясоедова². Исключение составляли лишь немногочисленные отзывы высших чинов МВД и Отдельного корпуса жандармов³. В советской историографии взвешенные оценки Сухомлинова и Мясоедова впервые прозвучали в статье К.Ф. Шацилло⁴. В последнее время споры о деятельности генерала и связанных с ней интригах и слухах возобновились и по-прежнему привлекают исследователей⁵. Новая работа, посвящённая судьбе его семьи, включает введение, 15 глав и эпилог. Её авторы опираются на 14 дел из фондов РГВИА, 6 дел из РГИА и 4 дела из ГА РФ, ими использованы материалы 11 газет изучаемого периода, многочисленные опубликованные источники, а также исследования на русском и английском языках.

В первой главе Ф.А. Селезнёв и А.В. Евдокимов традиционно, добротнo описывают начало карьеры Сухомлинова. Однако рассказать об этом периоде его жизни что-то оригинальное едва ли возможно, и им поневоле пришлось прибегать к контекстуализации известных фактов, взятых преимущественно из книги Е.В. Бея и воспоминаний самого Владимира Александровича. Вместе с тем не стоит переоценивать значение отдельных

обстоятельств, например, обучения в Николаевской академии Генерального штаба. До войны 1877–1878 гг. она вовсе не пользовалась особой популярностью в офицерской среде, а её окончание не давало каких-либо преимуществ при чиновпроизводстве. В среднем в 1863–1877 гг. на вступительный экзамен ежегодно являлись 39 офицеров, из них принимались 26 и выпускались 23⁶. Согласно Своду военных постановлений 1869 г., набор не должен был превышать 50 человек⁷. В 1871 г. в Академии учился всего 71 офицер (из них поступивших в том же году насчитывалось 34)⁸. Одним из них и был Сухомлинов, и эти цифры свидетельствуют в его пользу, говоря отнюдь не только о том, что он избрал «единственный способ сделать карьеру в мирное время» (с. 10). Лишь в 1878 г. на экзамены прибыл 121 человек, отбор прошли 79 и все они (в порядке исключения, ввиду недостатка офицеров Генерального штаба) были зачислены. Впоследствии число поступавших продолжало расти: в 1879 г. экзаменовались 147 офицеров, зачислен — 101, в 1880 г. — 215 и 125, в 1881 г. — 181 и 87, в 1882 г. — 174 и 112⁹.

Некоторые выражения и оценки, встречающиеся в этой главе, могут вызвать удивление. Так, вторжение англичан в Эфиопию в 1867–1868 гг., которое исследовал в Академии поручик Сухомлинов, почему-то названо «неудачным» (с. 10–11), хотя на самом деле британцы добились освобождения своего посольства, разгромили армию негуса Теодроса III, взяли принадлежавшую ему горную резиденцию — крепость Магдалу и вынудили его покончить жизнь самоубийством. Сделали они это, пройдя около тысячи километров по суровой местности, практически неизвестной до похода, лишённой дорог, с враждебно настроенным населением¹⁰. С другой стороны, в тексте есть немаловаж-

ные наблюдения. Например о том, что неприязнь между Сухомлиновым и вел. кн. Николаем Николаевичем (Младшим), сыгравшая в 1909–1915 гг. значительную роль в истории русской армии и в политической борьбе в высших сферах, возникла ещё на Балканах в 1877 г. (с. 12).

В целом, судя по очерку его служебной деятельности, молодой Сухомлинов предстаёт храбрым предприимчивым офицером-кавалеристом, довольно успешно продвигавшимся по службе, не без поддержки генерал-инспектора кавалерии вел. кн. Николая Николаевича (Старшего). Биография нетипичная, но до определённого момента ничем не выдающаяся: командование полком, руководство Офицерской кавалерийской школой, преподавание в Николаевской академии Генерального штаба. Даже последствия смерти в 1891 г. августейшего покровителя для судьбы генерал-майора Сухомлинова не кажутся столь драматичными, как их изображают Селезнёв и Евдокимов, — вскоре он получил дивизию в Киевском военном округе, который тогда относился к числу наиболее передовых в армии. С 1889 г. им командовал М.И. Драгомиров — один из самых авторитетных русских генералов того времени. С 1899 г. Сухомлинов стал его начальником штаба, с 1902 г. — помощником, а затем и преемником: в 1904 г. — на посту командующего войсками округа, а с конца октября 1905 г. — и в должности киевского генерал-губернатора (с. 12–17). Резиденция его располагалась на Банковой улице в доме 11 (сейчас там стоит здание резиденции президента Украины)¹¹.

В период революции Сухомлинов проявил твёрдость, сохраняя порядок и, в частности, не допуская погромов, которые на юге России, в Малороссии и Юго-Западном крае приобрели особый размах. И если борьба с бун-

товщиками не нравилась левым, то сдерживание погромщиков раздражало правых — у генерала появлялись недоброжелатели в самых разных кругах. Между тем уже в 1904 г. стали распространяться первые слухи о финансовой нечистоплотности в семье Сухомлинова (причём речь шла о его второй жене). Правда, эти слухи при финансовой проверке не подтвердились (с. 23). К этому же времени относится и знакомство Сухомлинова с киевским дельцом А.О. Альтшиллером, управлявшим делами Общества Южно-Русского машиностроительного завода, а позднее ещё и державшим комиссионную контору на Крещатике¹².

Киевскую деятельность Сухомлинова авторы книги, как и цитируемый ими Бей, оценивают весьма высоко. Однако не следовало бы игнорировать и отзыв М.В. Алексева, назначенного в 1908 г. по настоянию Сухомлинова начальником штаба округа: «Ком[андующий] войсками доверчив и добр до крайности и многое склонен рассматривать сквозь самые розовые очки. Итоги — нищенство в обстановке общевойсковой, слабость в основном деле — вот что мне бросилось в глаза с первых же шагов. И не увидит, не узнает этого Петербург, сидя в своих канцеляриях, читая свои бумажки и составляя комиссии, совещания»¹³. Жаль также, что в монографии совсем не освещена активная работа Сухомлинова в Императорском Русском военно-историческом обществе, в состав которого входили сливки его штаба¹⁴.

Авторам удалось создать выразительный портрет «светской львицы» Екатерины Викторовны Бутович (урождённой Гошкевич) — «златовласки с синими глазами», очаровавшей генерала (вторично овдовевшей в 1904 г.) во время его отдыха на французской Ривьере. В то время ей было 24 года, ему — 58 (с. 24–29).

В июле 1907 г. богатый полтавский помещик В.Н. Бутович узнал об измене жены. Однако, добиваясь развода, возможного в данном случае только по причине прелюбодеяния, она настаивала на том, чтобы именно муж взял на себя вину (в этом случае, согласно действовавшим в Полтавской губ. правилам, ему следовало вернуть супруге приданое, которое оценивалось ею в 200 тыс. руб.)¹⁵. Только тогда у неё оставалось бы право вступить в новый брак. Кроме того, ей хотелось оставить при себе сына, что нарушало ст. 103 Свода законов. Бутович долго отказывался отпускать жену, жаловался на Сухомлинова военному министру А.Ф. Редигеру, главе правительства и МВД П.А. Столыпину и даже Николаю II, вызывая генерала на дуэль, а когда тот не принял картель, грозил нанести ему публичное оскорбление. Екатерина Викторовна между тем сперва переехала на квартиру любовника, затем вернулась домой, жила у родственников, лечилась на Кавказе и за границей, писала встречные жалобы императору (с. 31–38).

Летом 1908 г. в Киеве начался скандальный бракоразводный процесс, компрометировавший генерал-губернатора в глазах местного общества. Но уже 2 декабря Сухомлинов был назначен начальником Главного управления Генерального штаба. Вслед за ним в столицу отправилась и Бутович. Дело о разводе удалось перенести в Петербургскую духовную консисторию. Альтшиллер помог состряпать бумагу с «доказательствами» адюльтера Бутовича. Однако при ближайшем рассмотрении в Святейшем Синоде они рассоспались. Альтшиллеру пришлось придумывать новую, более убедительную комбинацию. Ход этой истории весьма подробно изложен авторами, хотя некоторые её детали, заимствованные со страниц гучковского «Голоса Москвы», не вызывают доверия

и требуют тщательной проверки. Так или иначе, 13 ноября состоялась долгожданная свадьба (с. 38–42, 63–74).

Матримониальные дела генерал улаживал во время острого противостояния Думы и правительства (с. 45–48). Отвечая на критику депутатов, Редигер утратил доверие императора. 10 марта 1909 г. Сухомлинов возглавил военное ведомство. Но уже к лету, отстаивая интересы армии и императорские прерогативы в делах обороны, он оказался в открытом конфликте с министром финансов В.Н. Коковцовым и в напряжённых отношениях со Столыпиным. Плели интриги, надеясь получить его пост, и ближайшие сотрудники по должности – помощник министра А.А. Поливанов и новый начальник Главного управления Генерального штаба А.З. Мышлаевский. «Представьте себе, – отмечал генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич, – какими пошлостями, в силу бракоразводного процесса, был окружён Сухомлинов, занимавший в это время пост военного министра; какого шуму наделал этот процесс; какую пищу дал он тем, кому хотелось сбросить [генерала] Сухомлинова с занимаемой им позиции. С бракоразводного процесса всё и началось»¹⁶. Фактически с самого начала управления министерством Владимир Александрович стал лёгкой мишенью для справедливых и вымышленных обвинений. Попытки наладить диалог с думскими кругами, поначалу благожелательно воспринявшими его назначение, провалились и привели к длительному противостоянию генерала с «общественностью», которое в книге стоило бы увязать с общим курсом правительств Столыпина и Коковцова.

Селезнёв и Евдокимов довольно основательно освещают споры об организации обороны накануне Первой мировой войны, однако расширение источниковой базы, несомненно, сделало бы их изложение более убедитель-

ным. В частности, для лучшего понимания дискуссий о целесообразности сохранения или ликвидации крепостей в Царстве Польском в начале XX в. читателю следует помнить о том, что граница России с Германией и Австро-Венгрией (1840 км, из которых 1200 приходилось на Польский выступ) в несколько раз превосходила по протяжённости франко-германскую (менее 500 км). И русские финансы не позволяли одновременно готовить армию к мобильной войне и вести масштабное строительство и переоборудование укреплений на таком пространстве.

В наиболее удачном для страны 1913 г. все государственные расходы составляли 3 094,2 млн руб. (при доходе в 3 417,6 млн руб.), причём доля военного и морского министерств была самой значительной — 825,9 млн руб. (26,7%), тогда как, для сравнения, на эксплуатацию железных дорог тратилось 586,9 млн (19%), на платежи по займам — 424,4 млн (13,7%), на обеспечение винной монополии — 235 млн (7,6%), а на всё остальное — 1 022 млн руб. (33%). Из чрезвычайных расходов (288,7 млн руб.) на нужды армии и флота шло 127,3 млн руб., на постройку железных дорог — 133,8 млн руб.¹⁷ Имперский бюджет был уже до предела милитаризован. С 1907 по 1912 г. затраты на развитие военноморских сил выросли на 56% — с 447 до 700 млн руб. В то же время на сухопутные войска выделили 3,178 млрд, а с учётом 1913 г. — почти 4 млрд руб.¹⁸ Программа модернизации крепостей стоимостью в 1 млрд руб. (т.е. четверть суммы, потраченной за семь лет) являлась в этих условиях в прямом и переносном смысле непоозволительной роскошью.

В начале 1910 г. состояние и роль крепостей обсуждались в Николаевской Инженерной академии. К единому выводу участникам прений прийти не удалось¹⁹. Но уже тогда профессор

Николаевской академии Генерального штаба полковник А.В. Незнамов утверждал: «В будущем, при наличии ещё более совершенного оружия и ещё больших масс, игнорирование крепостей, если на них смотреть по-старому, неизбежно должно прогрессировать. Их не будут обходить (а для взятия, может быть, сосредотачивая по 2–3 армии даже) лишь тогда, когда их *нельзя* (выделено Незнамовым. — О.А.) будет обойти по условиям топографическим или по крайней бедности в сообщениях, хотя бы и очень кружных»²⁰. Между тем стратегическая оборона на первом этапе войны не имела смысла, а на совещаниях начальников генеральных штабов России и Франции, регулярно проводившихся с 1910 г., французская сторона постоянно требовала организовать в самые сжатые сроки наступление на восточных границах Германии максимально большими силами²¹.

Безусловным успехом авторов является глава о кн. М.М. Андроникове — на фоне проходимцев и интриганов, паразитировавших в околоправительственных кругах, это был, пожалуй, один из наиболее отвратительных персонажей, чьи интересы простирались от Великобритании до Бухары. Сухомлинов оказался с ним связан через Екатерину Бутович. Впрочем, князь был изворотлив и настойчив, он умудрялся протиснуться куда угодно, неся с собой доносы, сплетни и интриги. Знакомства в верхах позволяли ему прикрывать свои делишки. Накануне войны генерал разорвал отношения с этим авантюристом, и тот отомстил ему, став источником тех слухов о военном министре, которые не только пагубно отразились на его репутации, но и в значительной своей части укоренились потом в историографии (с. 87–114).

О цене этих толков можно судить по упоминаемому в книге «делу» о покупке в Англии пулемётов, которое авторы почему-то излагают по

работе Фуллера, опиравшегося как раз на «пасквиль Андроникова» (с. 115). В России до 1904 г. пулемёты не производились, а в 1905 г. Тульский завод сумел изготовить их только 28 штук. Поэтому пришлось обратиться к английской фирме «Виккерс». В 1904 г. с нею было подписано лицензионное соглашение, явно вынужденное обстоятельствами русско-японской войны. В соответствии с ним до 1914 г. фирма получала бы по 80 фунтов за каждый пулемёт (цена Тульского завода составляла 2 271 руб. за один Максим, из них 761 руб. приходилось выплачивать британцам). В результате к 1906 г. удалось увеличить количество пулемётов в армии до 1800 системы Максим и свыше тысячи — Мадсена. В 1908 г. с «Виккерсом» договорились о понижении оплаты на 20 фунтов (189 руб.) за изделие, что давало гарантированную экономию свыше 500 тыс. руб. при заказе 3 тыс. пулемётов²². В 1912 г. «Виккерс» получил срочный заказ на 268 пулемётов для конно-пулемётных команд на 620 тыс. руб. Тульский завод исполнял бы его 2 года, британцы обязались уложиться в 11 месяцев. Разница между ценой Тульского завода (1 тыс. руб.) и «Виккерс» (1 750 руб.) оставалась неизменной. Совет министров обратил внимание Сухомлинова на необходимость избегать подобных закупок, заранее планируя производство вооружения. Не в пользу Владимира Александровича свидетельствовало и то, что к 1 марта 1913 г. англичане поставили всего 144 лёгких пулемёта, опоздав с изготовлением остальных почти на год²³. Фуллер допускал, что Сухомлинов брал взятки и за содействие в заключении контрактов с «Виккерсом» на участие в строительстве артиллерийских заводов в Царицыне, но в этих рассуждениях, которые повторяют авторы, слишком много сослагательных выражений (с. 115).

Весьма удачной следует признать отдельную главу об Альтшиллере — «галантном шимпанзе» и «душе любой компании». Характерно, что в ней авторы констатируют непричастность Альтшиллера к военным заказам — его предприятие делало речные буксиры для МПС, но это не помешало А.И. Гучкову во время войны приписывать Сухомлинову всевозможные махинации (с. 124—130). Рассказывая о печальной судьбе Мясоедова, историка, в отличие от бывших сотрудников контрразведки, не сомневаются в надуманности предъявленных ему обвинений. Более того, Селезнёв и Евдокимов обращают внимание на совпадение начала «мясоедовской» и «сухомлиновской» историй: именно в 1912 г. генералу вновь припомнили подробности бракоразводного процесса супруги (с. 134—143).

С этим, не совсем забытым к лету 1914 г., пятном Сухомлинов и встретил войну. Глава, раскрывающая обстоятельства его отставки, написана весьма добротнo и учитывает наработки предшественников (с. 144—149). Следует отметить, что с весны 1915 г. давняя борьба между ним и вел. кн. Николаем Николаевичем приобрела новое качество — верховный главнокомандующий попытался осуществить масштабное вмешательство во внутреннюю политику, и смещение военного министра было лишь составной частью большого плана. Во время «Великого отступления» Сухомлинов оказался, по словам К.Г. Маннергейма, «козлом отпущения», принявшим на себя груз ответственности за индустриальную и финансовую слабость страны²⁴. Его падение, как выразился сторонник великого князя Ю.Н. Данилов, «являлось одною из искупительных жертв за грехи старой России»²⁵. И не столь уж важно, кто именно выступил организатором этой «искупительной жертвы» — вел. кн. Нико-

лай Николаевич или А.В. Кривошеин. Но авторы правы: М.В. Родзянко и думцы играли тут поначалу второстепенные роли (с. 156–160).

История последних лет монархии в России – это перечень отступлений и уступок. Не вмешавшись в расправу над Мясоедовым, Сухомлинов не спас ни своей репутации, ни себя. Уступив думцам и отправив Сухомлинова в отставку, а затем и в тюрьму, император лишь ускорил собственное крушение. Это в очередной раз становится ясным при чтении заключительных глав монографии Ф.А. Селезнёва и А.В. Евдокимова. Невинный человек всегда вызывает симпатии. А суд, проходивший уже в 1917 г., был вынужден отказать от «доказательств» из пасквилей и анонимных доносов. Обвинение в итоге провалилось (с. 206–224). Что же до книги, то она удалась.

Примечания

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 167.

² См., например: Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993; Орлов В. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998; Батюшин Н.С. Тайная разведка и борьба с ней. М., 2002.

³ Курлов П. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. Пг.; М., 1923; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992; Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914–1917. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960; Рухтер В. Дело полковника Мясоедова // Военная быль (Париж). 1964. № 66; Заварзин П.П. Защита империи // Часовой (Париж). 1974. № 572; Глобачёв К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Сост. З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. М., 2009.

⁴ Шацлло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4.

⁵ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 3. Ч. 2. М., 2001; Fuller W.C. The foe within. Fantasies of treason and the end of Imperial Russia. Ithaca; L., 2006 (рецен-

зию на книгу У. Фуллера см.: Русский сборник: исследования по истории России. Т. 9. М., 2011); Зданович А.А. «Дело Мясоедова». Новый этап изучения или бег по кругу // Новейшая история России. 2014. № 3; Евдокимов А.В., Селезнев Ф.А. Военный министр как «козёл отпущения»: к вопросу о причинах отставки генерала В.А. Сухомлинова // История в подробностях. 2014. № 6(48); Евдокимов А.В., Селезнев Ф.А. Увольнение военного министра В.А. Сухомлинова и негласные контакты между Россией и Германией в 1914–1915 гг. // Первая мировая война. Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг. Сборник статей. Н. Новгород, 2014; Евдокимов А.В. Политическая борьба вокруг «дела Сухомлинова» (1915–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017; Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов: жизнь и деятельность. М., 2016; Феклистов А.И. Закулисная война: князь М.М. Андроников против военного министра В.А. Сухомлинова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2017. № 6; Феклистов А.И. Возникновение «Сухомлиновской комиссии» // Российская история. 2018. № 3; Феклистов А.И. Вызвать генерала на дуэль... // Родина. 2018. № 5; Хутарев-Гарнишевский В.В. Был ли Мясоедов шпионом? // Родина. 2019. № 2.

⁶ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 302.

⁷ Свод Военных постановлений. Изд. 1869 г. Кн. 15. СПб., 1870. С. 3. Ст. 14.

⁸ Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1871 г. СПб., 1873. С. 17.

⁹ Глиноецкий Н.П. Указ. соч. С. 317, 319.

¹⁰ См. первую работу об этом походе, которую мог изучать Сухомлинов: Hozier H. The British expedition to Abyssinia. Compiled from authentic documents. L., 1869. Также см.: Stanley H. Coomasie and Magdala: the story of two British campaigns in Africa. L., 1874. P. 265–307; Roberts of Kandahar F.S. 41 years in India. L., 1901. P. 299–301; Myatt F. The march to Magdala. The Abyssinian war of 1868. L., 1970.

¹¹ Весь Киев на 1905 г. Киев, 1905. Стб. 280–283, 355; Весь Киев на 1906 г. Киев, 1906. Стб. 388–391, 460.

¹² Весь Киев на 1906 г. Стб. 619. Весь Киев на 1910 г. Киев, 1910. Стб. 701, 795.

¹³ ОР РГБ, ф. 855, к. 2, д. 6, л. 25.

¹⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 6, оп. 11, д. 15, л. 46–47.

¹⁵ Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. СПб., 1904. Ст. 6, 47, 111, 118. С. 6–7, 22–24.

¹⁶ ОР РГБ, ф. 369, к. 422, д. 1, л. 55.

EDN: KTUWUP

¹⁷ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 43, 45.

¹⁸ Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты 1914 г. Сессия вторая. Ч. 5. СПб., 1914. С. 190, 194.

¹⁹ Яковлев В. Современное состояние крепостного дела в Германии // Инженерный журнал. 1911. № 9. С. 1221.

²⁰ Незнамов А. План войны // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 38. С. 188.

²¹ Данилов Ю.Н. Наше стратегическое развёртывание в 1914 году и идеи, положенные в основу его (из неизданных воспоминаний автора о первом годе Великой войны) // Военный

сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. 4. Белград, 1923. С. 70, 72.

²² Ашурков В.Н. Кузница оружия. Очерки по истории Тульского оружейного завода. Тула, 1947. С. 73; История отечественной артиллерии. Т. 2. Кн. 5. М.; Л., 1970. С. 25; Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1908 г. СПб., 1909. С. 61, 63; Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1909 г. СПб., 1911. С. 62.

²³ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1912 г. СПб., 1913. С. 49–50; Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1913 г. СПб., 1914. С. 39–40.

²⁴ Mannerheim C.G.E. Memoirs. N.Y., 1954. P. 98.

²⁵ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 11.

Сергей Красильников

Дано иное?*

Sergey Krasilnikov

(Institute of History, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)

Is something else given?

DOI: 10.31857/S0869568722010241

Известным российским историком М.А. Фельдманом выпущен значимый труд, выросший из многолетней работы над проблематикой взаимоотношений в системе «власть—общество» в раннесоветский период¹, хронологически очерченный временем между окончанием острой фазы Гражданской войны и переходом политического режима в сталинскую фазу своего существования. Проблемное поле обозначено автором как взаимоотношения институтов власти с социально-профессиональными группами. В данном случае это рабочие и научная интеллигенция — экономисты, специалисты в сфере методологии и практики планирования. Конструкция, положенная в основу исследования, представляется оптимальной, поскольку охватывает связи внутри указанного

«треугольника», имевшего принципиальный характер для определения реального состояния страны и перспектив выхода из экстремальной полосы войн и революций (1914–1921).

Монография реализована как полидисциплинарная. Основа её — социальная история, соединяемая с приёмами из арсенала пограничных дисциплин — политической, экономической, интеллектуальной, культурной истории. Получился интересный и перспективный многоаспектный сплав (партэлита с её обликом и трансформациями представляет в нём социально-политический аспект; научная элита — культурно-деятельностный; рабочие — социально-экономический и социокультурный).

Сильная сторона проведённого Фельдманом анализа процессов

* Фельдман М.А. Власть, учёные, рабочие СССР в годы нэпа: проблемы взаимоотношений. Екатеринбург: Редакционно-издательский отдел Уральского института управления — филиала РАНХиГС, 2020. 400 с.

1920-х гг. состоит в глубоком и комплексном освоении данной «триады». В мастерски выполненном историографическом разделе книги (библиография насчитывает около 200 наименований) автор обосновывает тезис о том, что, несмотря на кажущееся обилие исследовательской литературы, рассмотрение феномена нэпа недалеко ушло от сложившейся ещё в конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. традиции: обсуждения потенциала этого курса с точки зрения сторонников его «обречённости» или, напротив, перспективности. Причём в новейшей литературе доминирует и всё более «цементируется» мнение о неизбежности и предопределённости утверждения модели сверхцентрализованной экономики (с. 65), что, по мнению автора, создаёт барьер для более объективного рассмотрения противоречий и конфликтов 1920-х гг. и опыта их преодоления (с. 56). Исходя из этого, Фельдман определил цель исследования как «выявление возможности реализации варианта развития советского общества на основе многоукладной экономики (нэповской). Того варианта, который может быть рассмотрен как альтернативный сталинскому. Названный В.П. Даниловым в самом начале постсоветского периода “особой концепцией социалистического строительства”, спустя четверть века — он может быть охарактеризован как путь создания развитой индустриальной экономики с чертами социального государства» (с. 13).

Следует отметить, что автор чётко обозначил свою методологическую и исследовательскую позицию в длительном споре историков и экономистов о векторе общественного движения страны: на основе этатизации экономики и других сфер жизни общества или же на основе многоукладности — экономической, социальной, культурной. Фельдман — последовательный

сторонник сложившегося в 1990-е гг. изучения альтернатив авторитарной/тоталитарной системе, их «точек роста» не только в социуме, но и внутри самих институтов власти². Именно таков творческий замысел данной книги: расширенный поиск и анализ возможностей согласования интересов институтов власти и групп общества, обеспечивающих функционирование государства и жизнедеятельность населения. При этом автор солидарен с исследователями, считающими, что в сфере социально-политического взаимодействия времён нэпа недоставало устойчивых и воспроизводившихся механизмов и практик согласования целей и интересов управленцев (в том числе и внутри собственной корпорации) с интересами и потребностями базовых общностей (рабочих, крестьянства, средних слоёв)³.

Между тем реалии 1930-х гг. свидетельствуют о сохранении — хотя и в деформированном виде — разнородности (возможен и такой термин), ярко выраженной десятилетием ранее. Причём сама власть в ходе процесса огосударствления, создавая новые технико-экономические уклады, достаточно последовательно эксплуатировала ресурсы прежних, даже докапиталистических, систем (пример тому — экономика ГУЛАГа). Здесь, скорее, стоит вопрос определения пределов этатизации, с переходом которых управленческая система испытывала перегрузки и искала выходы из них, используя пути, методы и технологии согласования своих интересов с потребностями самодельного населения (хотя, как правило, руководствуясь не сколько-нибудь далеко идущим, а прагматическим интересом — «выскочить» из очередного кризиса).

Фельдман предлагает путь реконструкции событий и процессов 1920-х гг. на основе анализа поведения трёх субъектов действий: управленческая элита,

рабочий социум, научно-техническая интеллигенция. Соответственно, рассмотрены в процессе взаимоотношений три разновидности активизма — политический, рабочий, интеллектуальный. При этом автору удалось сбалансированно соединить информацию, содержащуюся в материалах центральных и региональных архивов. Глубокое исследование Уральского региона аккуратно вписано в общесоюзную картину событий и процессов 1920-х гг. Вышеназванные региональные акторы не выглядят статистами и объектами директивного воздействия центра, напротив, выявлена субъектность каждого из них, их мнение о реалистичности установок и указаний центральных органов.

Сама работа по форме носит, скорее, очерковый характер. Каждая из шести глав представляет собой законченный сюжет, однако при этом сохраняется единый стержень исследования. Динамика процессов и событий рассматривается сквозь сосуществование и противоборство двух векторов развития партийного государства и его социально-экономической политики — рационального, связанного с индустриализмом, ориентированного на научно-технический прогресс, и утопического, рождённого доктринами и мифами (с. 355).

Ключевым понятием работы предстаёт «взаимоотношение». Оно имеет важное значение в авторской концепции, основанной на том, что позиции обозначенных субъектов не строились лишь по принципу вертикальной подчинённости. Напротив, каждый из них имел свои интересы и возможности влияния на процесс выработки и принятия директивных решений. Потенциал договороспособности между партийными, научно-техническими и рабочими кадрами даже сохранялся, несмотря на то что масштабы «обратной связи» после 1928 г. значительно сузились. Здесь отмечу, что, возможно, следовало бы использовать

в исследовании более поддающееся операционализации при исследовании реалий 1920-х гг. понятие «взаимодействие». В классической социологии оно применяется в качестве базового подхода при исследовании процессов «социального действия» (принципы которого разработаны М. Вебером и Т. Парсонсом). В социологической теории социальные взаимоотношения формируются на основе социальных взаимодействий. При этом взаимоотношения носят, скорее, нормативный характер, а взаимодействия — более динамичный, подвижный, и влияют на формы взаимоотношений.

Возвращаясь к центральной идее книги — реабилитации возможности развития раннесоветского общества по пути многоукладной экономики — отмечу, что автор внёс в проблематику важный вклад с точки зрения переосмысления взглядов и позиций как действующих лиц эпохи, так и её исследователей. Жанр книги, заданный не как узко-тематический, а, скорее, как критический по отношению к историческому опыту раннесоветского общества, выдержан в корректном, научном формате. Тем не менее работа даёт импульс дискуссиям, проверке высказанных в ней суждений и оценок. Среди них мне кажется особенно важным и значимым обсуждение природы и динамики легитимности большевистского режима после окончания Гражданской войны (не самолегитимности, а признания власти, принятия её целей и способов действия, согласия с ними и участия в их реализации базовыми слоями отечественного социума). Представляется, что именно здесь кроется основной, системный кризис изучаемой эпохи. Экономические, социальные и политические проблемы имели одну общую основу — уровень доверия населения к власти, её способности выполнять взятые на себя функции социально-

го государства. Фундаментальное основание для этого — формирование устойчивого взаимодействия власти с обществом на правовых принципах. Основу для него должны были создать принятые в 1922–1924 гг. кодексы (гражданский, трудовой, земельный, уголовный и др.). Ускоренная «порча кодексов», начавшаяся в конце 1920-х гг., явилась важнейшим индикатором трансформации приоритетов власти в направлении утверждения самодовлеющего этатрактического режима.

Крайне важна для закрепления авторской концепции идея о том, что даже в своём деформированном виде сохраняли актуальность разработанные учёными Госплана показатели первой пятилетки (отправной вариант) (с. 352), а некоторые её итоги оказались ближе всего к «минималистскому» варианту, предложенному специалистами. Фельдман отмечает, что среди запланированных источников дохода значительная роль отводилась налогам и займам, причём треть таких планировалось привлечь из негосударственных секторов экономики. Безусловно, это требовало сохранения базы налогоплательщиков и, соответственно, многоукладной экономики и самостоятельных производителей (с. 368). Но именно такой путь позволял избежать гибели миллионов людей, утраты материальных ресурсов трудового населения (с. 347). Будучи сторонником «возможности создания индустриального общества на основе среднеразвитой многоукладной экономики» (с. 383), автор убеждён в необходимости продолжать исследования в данной области, привлекая возможности контрфактического моделирования.

Монография М.А. Фельдмана — нечастый в современной историографии случай последовательного многолетнего поиска ответов на вопросы об альтернативности путей общественно-

го развития нашей страны после эпохи войн и революций, размышлений над невыученными уроками исторического процесса. И здесь главный вопрос — о приоритетах. Что важнее: умножение человеческого капитала или мощи государства? Человек, общество — самоценны или они лишь ресурс для власти?

Одна из центральных глав книги, посвящённая деятельности учёных-экономистов 1920-х гг., разрабатывавших методологию и практику перспективного планирования народного хозяйства на основе смешанной экономики и отстаивавших эти принципы перед партийным руководством, названа автором «Для профессионалов не бывает плохого времени». Это в полной мере может быть отнесено и к нему лично.

Примечания

¹ См.: *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик рабочих России и СССР. 1900–1941 гг. М., 2009; *Поршнева О.С., Фельдман М.А.* Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Екатеринбург, 2013; *Фельдман М.А.* Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г. сравнительный анализ // *Российская история.* 2009. № 6. С. 79–93; *Фельдман М.А.* Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г. // *Вопросы истории.* 2016. № 12. С. 29–39; *Фельдман М.А.* Кем была одержана победа? К вопросу о результатах дискуссии на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // *Россия и современный мир.* 2018. № 4. С. 169–184; *Фельдман М.А.* Выдвиженцы 1917–1941 гг.: проблематичность восходящей мобильности // *Социологические исследования.* 2020. № 6. С. 93–102; *Фельдман М.А.* Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта? // *ЭКО.* 2021. № 3. С. 59–80.

² См.: *Данилов В.П.* «Бухаринская альтернатива» // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX в. Избранные труды. В 2 ч. Ч. 2. М., 2011. С. 125–151.

³ Современные концепции аграрного развития // *Отечественная история.* 1994. № 4–5. С. 64.

DOI: 10.31857/S0869568722010253

Новая книга известного историка советской науки Е.А. Долговой является продолжением её работ, в частности документальной монографии, посвящённой Н.И. Карееву¹. В предыдущей книге автор отказалась от всё ещё популярной среди историков концепции «репрессированной науки» и предложила рассматривать взаимодействие между властью и научными кругами через призму сформулированного Р. Мертоном «эффекта Матфея». По её мнению, «не социальный и политический факторы определяли положение учёного “старой школы” в постреволюционном обществе, а, скорее, его дореволюционный статус (авторитет и позиция, занимаемая в поле избранной им тематики, административный ресурс и потенциал в научном поле) диктовал в соответствии с принципом кумулятивного накопления преимуществ особенности отношения к нему власти и специфику преломления в отношении него советской социальной политики»². Такой «лобовой» пересмотр устоявшихся представлений (даже несмотря на определённые оговорки, сделанные автором) вызвал критику со стороны рецензентов, указавших на тот факт, что нередко никакие «накопленные преимущества» не избавляли от преследований³. Заставила ли критика Долгову отказаться от своей концепции? Отнюдь нет. Её новая книга открывается введением, в котором

«эффект Матфея» рассматривается в качестве одной из отправных точек анализа начального периода развития советской науки. Но, как мне кажется, теперь автор отчётливее отмечает вариативность жизненных траекторий и показывает переплетение факторов, определявших эволюцию научного сообщества. Представляется, что в такой формулировке применение «эффекта Матфея» вполне плодотворно и позволяет объяснить ряд важных событий прошлого.

Структурно книга разделена на пять глав, логично вытекающих друг из друга. Первая глава знакомит читателя с применяемыми автором подходами и методами, вторая — позволяет увидеть параметры научного сообщества переходного, постреволюционного периода. Следующая глава фокусируется на действиях власти в научной сфере, причём реализация властных полномочий рассматривается не только как прерогатива государства и партии, но и как следствие функционирования относительно автономного поля науки с его внутренними механизмами господства и подчинения, иерархиями и традициями. Четвёртая глава построена на реконструкции работы Института красной профессуры (ИКП) и анализе карьерных траекторий его преподавателей, слушателей и выпускников. Наконец, последний раздел посвящён публичной роли учёного в советском обществе.

* Долгова Е.А. Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг. М.: РГУ, 2020. 469 с.

Исследование построено на концептуальном синтезе ряда подходов в русле социальной истории науки. Его отличает широкий круг использованных источников, в том числе и многочисленных архивных документов. В первую очередь хочу отметить активное применение количественных методов. Как известно, ложь бывает трёх видов: простая ложь, наглая ложь и статистика. Понимая опасность «пленительной объективности цифр», Долгова учла многочисленные ловушки, сопровождающие использование статистики, и эффектно соединила количественные показатели с качественным анализом. Выяснилось, что изменение в результате революционных преобразований правил научной аттестации и снятие ряда гендерных и национальных ограничений привело к качественному изменению академической среды. Подчёркнуто, что преобразования (особенно декрет 1918 г., разрешивший занимать должность профессора без защиты диссертации) отвечали устремлениям низовой части научного сообщества и вписывались в «революцию приват-доцентов». Подсчёты продемонстрировали, что перемены привели к нескольким компенсаторным эффектам — серьёзному увеличению количества женщин, евреев и выходцев из непривилегированных слоёв. Это, в свою очередь, спровоцировало конкуренцию и рост напряжённости между «новыми учёными» и представителями дореволюционной академической корпорации. Статистические методы позволили проследить и дисциплинарную трансформацию науки. Если в конце 1920-х гг. доминировали медицинские кадры, то во второй половине 1930-х — инженерные, что явно объясняется начавшимся индустриальным скачком.

Восстановленная в 1934 г. система аттестации научных кадров подве-

ла рубеж под экспериментом. Важно подчеркнуть, что большевикам не удалось сломать иерархичность научного сообщества — его автономность оказалась сильнее. Власти пришлось признать свойственные науке традиции и статусы, что стало одним из фундаментов «большого контракта»: складывания взаимодействия, суть которого — лояльность учёных в обмен на социальные и экономические преференции.

В этой связи важно, что в отдельной главе специально разбирается «политэкономия» советской науки 1920–1930-х гг. Её альянс с новым режимом начал складываться в атмосфере революционной разрухи. При этом подчёркивается, что власть не обязательно требовала полной политической лояльности. Речь скорее шла о признании советского строя как такового, а квалификация оказывалась важнее политических воззрений. Книгу украшают многочисленные бытовые зарисовки (особенно подробно описана эпопея строительства комплекса зданий для сотрудников и слушателей ИКП). Так, если в начале 1920-х гг. старая профессура боролась за сохранение своих домов и многокомнатных квартир, то «красные профессора» зачастую — просто за предоставление им койко-места. В этом контексте жилищная политика оказалась и важным инструментом научной политики. По наблюдениям Долговой, успех в «борьбе за метры» определялся не социальным происхождением или идеологией, а корпоративным статусом учёного и его местом в иерархии. Кроме того, именно в 1920-е гг. начала формироваться и социальная инфраструктура советской науки (дома отдыха, дома для престарелых, санатории, спецраспределители и т.д.), сделавшая её работников своеобразным «средним классом» советского общества.

Отдельное внимание уделено тому, была ли советская наука коммунистической, т.е. делали ли её члены партии. В конечном счёте это вопрос, насколько удался запущенный после революции проект «коммунистической науки». Ответ оказался отрицательным. Доля партийных даже в 1930-х гг. оставалась невысокой (особенно низкой — среди научной элиты: докторов наук, несколько выше — среди младших научных сотрудников). Даже механизм присуждения степени без защиты диссертации, запущенный в середине 1930-х гг., не работал исключительно на повышение доли членов ВКП(б), поскольку 45% таких случаев пришлось на беспартийных. Автор пришла к выводу, что, несмотря на властный запрос на партийных учёных, говорить о «коммунистической науке» не приходится.

В противовес широкоохватным, обобщающим главам четвёртая посвящена конкретному, но очень важному сюжету — Институту красной профессуры, форпосту построения «новой науки». Как прекрасно показала Долгова, замысел и реальность постоянно расходились, порой значительно. Преподаватели и слушатели ИКП оказались в подвешенном состоянии как в партийной, так и в академической иерархиях, не обладая привилегиями ни одной из них. Кроме того, для власти Институт оказался слишком дорогим удовольствием даже с учётом его идеологической важности. Именно это (вкупе с сомнительной эффективностью деятельности) и стало причиной его закрытия.

Статистический анализ профессорско-преподавательского состава разрушает один из ключевых мифов — о его идеологической монолитности. Он изначально оказался довольно пестрым, а выпускники самого ИКП составляли в нём примерно треть, хотя и занимали руководящие администра-

тивные посты. Даже на май 1937 г. только 45,1% преподавателей состояли в партии. «В этом свете Институт красной профессуры предстаёт не ангажированной идеологической институцией, а всего лишь одним из возможных мест работы интеллигенции, где оказались востребованы не столько её лояльность власти, а прежде всего знания, умения и навыки, нередко полученные ещё до 1917 г.», — резюмирует автор (с. 277).

Не всё гладко обстояло и с «выпускающей эффективностью». Только чуть более трети поступивших смогли окончить ИКП. Одни выбывали из-за неуспеваемости, другие — из-за бытовых проблем, но большинство просто не успевало закончить курс обучения из-за срочных партийных поручений. Анализ распределения выпускников продемонстрировал, что большая их часть направлялась не на преподавательскую или научную работу, как задумывалось, а на партийные и руководящие должности. Таким образом, Институт фактически работал «вхолостую». Возвращение в середине 1930-х гг. системы научных степеней, без которых стало нельзя вести преподавание, по сути, похоронило образовательную модель ИКП. Его выпускникам пришлось заново доказывать состоятельность в конкуренции с остепенёнными учёными «старой школы».

Последняя глава рассматривает публичные роли советского учёного в 1920–1930-х гг.: образ в кинематографе, популяризаторскую деятельность. Всё это демонстрирует расширение его роли как публичной фигуры, важной для сциентистской стороны господствовавшей идеологии.

Представляется, впрочем, что несколько прямолинейно решён вопрос о международном научном языке. Автор убеждена, что отказ советских учёных от такового в пользу «патри-

отического» следует расценивать как однозначно негативное явление. «Национализация» научного языка — целенаправленный процесс, начавшийся ещё в дореволюционной России и утвердившийся на волне патриотизма в Первую мировую войну, когда главный международный язык науки — немецкий — стал рассматриваться как язык врага. Многие расценивали переход на русский как способ утверждения отечественной науки в качестве полноправного субъекта мировой. В советское время международные связи ослабли, но не оборвались. Отказ от использования «международного языка» (или языков) имел место во второй половине 1930-х гг. и обуславливался рядом факторов: конфронтацией с нацистской Германией, ростом самоизоляции, шпиономанией и т.д.

Но здесь важно учитывать мировой контекст. В начале XX в. переход от старых «международных языков науки» к новым (среди которых главенствующую роль начал играть английский) начался во всём мире. Русский язык также занял свою (и внушительную) нишу, особенно после Второй мировой войны, когда наблюдались активные действия советских властей по продвижению его в качестве ведущего в мировой науке (а в перспективе — и единственного языка науки коммунистического будущего). Вы скажу гипотезу, которая требует дальнейших исследований и обсуждения. Возможно, описанную ситуацию следует рассматривать и с точки зрения утверждения новых языков научного общения, а не только как процесс дистанцирования от мировой науки?

Завершая исследование, Долгова сформулировала (пока больше ме-

тафорически, нежели теоретически) «эффект Луки»: в противовес социальному иммунитету и предпочтениям, которые традиционно предоставляет «эффект Матфея», власть и общество сформулировали перед научным сообществом ряд условий, по которым его работа признаётся эффективной. Это — интересное наблюдение, требующее дальнейшей разработки.

Итак, в рецензируемом исследовании настойчиво проводится мысль о сложности взаимоотношений власти и науки в начальный период развития советского проекта. Основной пафос заключается в утверждении взгляда на научное сообщество как на субъект, а не объект истории, и отказе от рассмотрения власти как демиурга во взаимодействии с наукой. Несмотря на всю свою мощь, власти (со всеми оговорками) всё же пришлось играть по правилам научного поля. Пожалуй, никто в отечественной историографии не проводит эту мысль со схожей настойчивостью. Без сомнения, новая книга Е.А. Долговой станет этапной.

Примечания

¹ Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / Сост. Е.А. Долгова. М., 2015.

² Там же. С. 6.

³ *Комочев Н.А.* Рец. на: Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы // *Российская история*. 2016. № 2. С. 228–230; *Сидорова Л.А.* Профессия и сообщество: «эффект Матфея» в советской исторической науке 1920–1930-х гг. // *Российская история*. 2017. № 4. С. 84–102; *Тихонов В.В.* Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы [рец.] // *Новая и новейшая история*. 2016. № 2. С. 228–230; и др.

Письма во власть в системе властных коммуникаций*

Igor Orlov

*(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)***Letters to power in the system of power communications**

DOI: 10.31857/S0869568722010265

Рецензируемая книга продолжает заложенную ещё в 1990-х гг. традицию изучения писем простых граждан в различные институты советской власти (и, в частности, является продолжением сборника «Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны»¹). Обращение к этому специфическому виду эпистолярного жанра явилось следствием активного знакомства российской историографии с новыми исследовательскими направлениями: британской социальной историей, немецкой историей повседневности, французской историей менталитета и итальянской микроисторией. Замечу, что когда словосочетание «письма во власть» только входило в широкий научный оборот, в силу не устоявшегося статуса и терминологической нечёткости оно употреблялось в кавычках и освободилось от них, лишь обретя признание в научном сообществе.

Составители признают, что письма во власть уже несколько веков представляют собой хорошо известный в России эпистолярный жанр. Однако они подчёркивают, что его расцвет пришёлся именно на советское время благодаря ликвидации неграмотности (с. 3). Думается, что для рассматриваемого периода это обстоятельство стимулировало эпистолярную активность весьма незначительно. Ведь даже в конце 1930-х гг. человек, который мог «нарисовать» свою подпись, считался не неграмотным, а мало-

грамотным. В нашем случае мы зачастую имеем дело с «безмолвствующим большинством», чьи обращения во власть стилистически схожи с устной речью — как слышится, так и пишется. С поправкой, конечно, на то, что значительная часть писем написана со слов респондента более грамотными односельчанами и сослуживцами.

Немецкий философ и публицист XVIII в. Г.К. Лихтенберг полагал, что «в письмах умного человека отражается характер тех, кому они адресованы». В этом плане показательны, что горожане предпочитали обращения в различные органы власти, тогда как сельское население — письма «вождям». Причём текстологический анализ не даёт достаточных оснований говорить о наличии у беспартийных и партийных авторов особых предпочтений. Исключением являются письма сельских и рабкоров, а также возросший во второй половине 1920-х гг. поток писем сельских и городских коммунистов И.В. Сталину.

Показательно, что введение к сборнику служит не только своеобразным путеводителем по опубликованным документам, но и кратким (при этом содержательным) экскурсом в историю публикаторской деятельности и историографии темы. Читатель не найдёт в нём чёткого перечня принципов, определивших архитектуру сборника. Но они так или иначе просматриваются через отношение составителей к из-

---

* Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 — декабрь 1929 г.): сборник документов / Сост. Т.И. Морозова, В.И. Шишкин. Новосибирск: Автограф, 2020. 496 с.

бранному жанру — сложному и неоднозначному, а также уважение к труду предшественников. К примеру, авторы объясняют противоречивость суждений исследователей прежде всего различием и динамичностью изменений взглядов и настроений самих авторов писем (с. 6–7). Ещё одна принципиальная установка, определившая подход составителей, это учёт разного положения (я бы добавил сюда позиционирование и самопрезентацию) центральной власти на протяжении послереволюционного десятилетия. Отбор документов определялся и ещё одной принципиальной установкой — отходом от социальной истории к истории политической. По мнению Шишкина и Морозовой, характер взаимодействия власти и населения можно понять именно в рамках последней (с. 7). Важным является и утверждение о скрытости доноса внутри других посланий (причём не только жалоб и прошений) (с. 3). Отчасти это объясняется укоренённостью доносительства в отечественной политической культуре, отчасти — правовыми установлениями. Зачастую корреспонденты даже не осознавали сам факт доноса, так как он выступал частью послания, призванной доказать несправедливость действий в отношении заявителя (прежде всего со стороны местной власти и низового начальства).

Композицию сборника определил широкий охват архивов (один ведомственный, два центральных и десять региональных). 207 писем из 43 архивных фондов и четырёх краевых, областных и окружных газет разделены по хронологическому принципу (апрель 1921 — декабрь 1922 г., январь 1923 — январь 1928 г., февраль 1928 — декабрь 1929 г.), который, по признанию составителей, условен и «весьма приблизительно» отражает специфику перехода к нэпу и его слову в Сибири (с. 9). Несомненной находкой ста-

ли заголовки глав — яркие цитаты из обращений, отражающие сущностные черты выделенных периодов нэпа.

Почти все документы (за исключением пяти) публикуются впервые и только два из них — не полностью. Можно приветствовать успешную попытку проследить судьбу обращений во власть (144 из 207), особенно в плане выявления механизма обратной связи и сведений о перемещении апелляций по инстанциям. Раскрытие этого составляет важную часть политической истории и политической науки, так как в рамках неоинституционального подхода институты понимаются как совокупность формальных и неформальных практик. Есть и другая сторона медали — сближение политической и исторической науки в рамках исторического институционализма с его интересом к «исторической колее» для понимания современных политических институтов. Рассматриваемый сборник позволяет увидеть и понять не только противостояние населения и власти, но и точки соприкосновения и даже формы партнёрства.

Сами письма раскрывают сложную (иногда откровенно страшную) картину региональной жизни, где столкнулись интересы власти и разных групп населения. Разрешение этого противостояния в первый период нэпа достигалось по-разному — от доносов в центр до самосудов на местах. Показательно, что уже весной 1921 г. заговорили об опасности «грубого произвола» местной милиции и чекистов (политических бюро), рассматривавшегося в привычных категориях «несправедливости» и вешего, по мнению авторов писем, к подрыву авторитета советской власти (с. 15, 17, 22, 29, 40). Но среди обращений к представителям последней также немало просьб о помощи, особенно от заключённых, апеллировавших либо к несправедливости приговора (с. 24),

либо к человечности (с. 27), либо к бедственному положению семьи (с. 77, 83, 89). Звучат и голоса в защиту арестованных. Показательно в этом плане заявление бывшего командира партизанского отряда в губернскую ЧК с рекомендациями для арестованного бывшего партизана как честного труженика и хорошего бойца (с. 31). Ближе к осени основным лейтмотивом посланий становятся жалобы на неурожай, просьбы об освобождении от продовольственного налога или сокращении его объёмов (с. 46–48, 54, 60, 79–80) и даже заявления о выходе из партии из-за несогласия с продовольственной политикой (с. 51, 62–63).

Судя по документам, для периода 1923–1927 гг. более характерны прошения и заявления, связанные с проблемами восстановления разрушенного хозяйства, прежде всего непосильностью продналога (с. 128, 157–159, 200–201, 218, 243), трудностями посевной кампании (с. 179) и частной торговли (с. 188–190, 248), массовым взяточничеством (с. 186–187). Ряд жалоб, как и в предыдущие годы, связан с плохими условиями содержания заключённых (с. 128–129, 183–184, 212) или затягиванием предъявления обвинительного заключения на несколько месяцев (с. 164), противоправными (в ряде случаев — попросту преступными) действиями уездных органов РКП(б) и ГПУ (с. 156–157, 172, 235–238, 279), подрывавшими, по мнению корреспондентов, авторитет власти (с. 131, 157).

Приметой времени стали публичные раскаяния членов эсеровской партии (с. 130, 161–168), расценивавших бывших соратников как контрреволюционеров и пособников интервентов (с. 245). Хотя порой находившиеся в заключении эсеры считали репрессии против них «местью инакомыслящим за их социалистические убеждения» (с. 153). Звучали го-

лоса в поддержку оппозиции («Сами говорим о ленинизме, болтаем только, когда его уже затоптали в грязь. Где завоевания Октября?», — с. 296) и возмущения по поводу использования ГПУ для преследования политических оппозиционеров (с. 300–304). Но встречаются и письма раскаявшихся оппозиционеров, призывающих идти «с партией и в партийных рядах», а не бороться с ней (с. 305). В рабочей молодёжной среде зрело убеждение, что «беспартийным сейчас быть грешно» (с. 171). Более того, среди крестьян наметилась тенденция вступления в партию или восстановления в её рядах (с. 210–212, 217, 225), правда, нередко не из-за солидарности с её идеями, а для того, «чтобы быть хозяином своего положения и защищать интересы своей прослойки» (с. 205).

Ряд писем связан с проблемой возвращения национализированной и муниципализированной собственности (с. 133–134, 136, 201–203). Приметой времени вообще стало обращение к вопросам восстановления законности, направленной, по мнению ряда корреспондентов, на укрепление «заветов Ильича и власти» (с. 209). Они тесно переплетались с понятиями о справедливости (с. 239) и, в подавляющей массе, личными проблемами, в том числе вопросами поражения в гражданских правах.

Заметно увеличилась и дифференциация поднимаемых проблем: от пенсионного обеспечения и курортного лечения (с. 181–182) до избирательства (с. 220–221) и разложения в партийной среде (с. 198–200, 204–207). Расширился и круг интересантов при одновременно усилившейся дифференциации интересов. Помимо уже привычных обращений от крестьян, рабочих, коммунистов, заключённых и военнослужащих, читатель сталкивается с такими групповыми идентичностями, как «секретари сельсоветов»,

«ломовые извозчики», «бывшие эсеры», «красные партизаны» и проч.

Рефреном завершающего периода нэпа (февраль 1928 — декабрь 1929 г.) стала фраза — заголовок третьей главы — о губительных последствиях, «к которым приводит сбившееся с ленинских путей руководство» (с. 379). В этом разделе — чуть более 40 обращений, но они демонстрируют довольно широкий спектр как корреспондентов (школьники и студенты, крестьяне и рабочие, красноармейцы и служащие, партийные и беспартийные, верующие и бывшие священнослужители, «выдвиженцы» и бывшие оппозиционеры), так и адресатов (советские и партийные органы, редакции газет, судебные инстанции и избирательные комиссии). В подавляющей массе это письма в местные инстанции (в основном обезличенные²). Обращения в ЦК партии в основном поступали от ссыльных оппозиционеров, причём нередко — далеко не покаянного характера: «Только оппозиция в руководстве способна вернуть страну на ленинские пути» (с. 411).

В условиях свёртывания нэпа формировалась специфическая советская политическая культура. Мы видим «торг» о льготах при распределении в район Крайнего Севера студента-медика, апеллирующего к своему красноармейскому прошлому и активной общественной работе (с. 380—384). Поразительно много обращений о восстановлении в избирательных правах (с. 386—388, 411—421, 431, 433—435, 450—455), что объяснялось, конечно, не стремлением участвовать в выборах, а теми общими ограничениями, которые налагались на лишенцев (включая проблемы с трудоустройством и учёбой). Впрочем, в письмах просматриваются и иные причины, прежде всего ощущение униженности положения перед лицом односельчан и стремление стать «чисто советскими

крестьянами» (с. 387). Хотя, возможно, для зажиточных селян за этим стояло желание избежать налогового прессы и штрафов (с. 396, 442—444). Крестьяне видели парадокс: «Наша Советская власть старается восстановить крестьянское хозяйство, но на местах выходит наоборот» (с. 394). Ситуация с лишением прав получила на излёте нэпа развитие и в отказах от семьи как от «враждебного Советской власти элемента» (с. 450). Таким образом, судя по письмам, население (на примере Сибирского региона) втягивалось в новую реальность, которую ещё не могло осмыслить, но уже ощущало как принципиальный разрыв с прошлым.

Ориентированию в массиве писем помогают именной указатель, список сокращений и комментарии к каждой из глав. Возможно, для читателя, слабо знакомого с регионом, оказался бы полезен и географический указатель. Оглавление только выиграло бы от перечня писем, который показал бы, что большинство обращений населения направлялось в советские и партийные инстанции регионального уровня. Так, из 62 писем первой главы только шесть предназначены для центральных органов, из которых два — М.И. Калинин. Видимо, удалённость от столицы резко снижала поток обращений. Показательно, что одно из писем в Москву направлено просто на имя председателя уже не существовавшей ВЧК, даже без упоминания фамилии. Более удобными представляются и отдельные комментарии к каждому письму. Однако архитектура сборника — личное дело его составителей.

Сборник, несомненно, стал значимым явлением в исторической науке, не только расширив наши знания о периоде 1920-х гг., но и в очередной раз актуализировав вопрос о региональной специфике советской политики и особенностях жизнедеятельности на окраинах страны.

¹ Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.): сборник документов / Сост. и науч. ред.

В.И. Шишкин. Изд. 2, расшир. и доп. Новосибирск, 2015.

² Исключение составляют письма председателю ВЦИК М.И. Калинину.

Владимир Сомов

За столом у Сталина: традиция кремлёвских приёмов*

Vladimir Somov

(State Pedagogical University of Nizhny Novgorod, Russia)

At Stalin's table: the tradition of Kremlin receptions

DOI: 10.31857/S0869568722010277

Несмотря на огромное количество исследований жизни и деятельности И.В. Сталина, такие аспекты как застольная практика «обитателей» Кремля, а главное – её влияние на жизнь страны, во многом остаются не до конца освещёнными. Решить эту задачу призваны три содержательные книги российского историка В.А. Невежина. Они являются результатом кропотливого труда в нескольких архивах (ГА РФ, РГАСПИ, РГАЛИ), скрупулёзного анализа источников, сопоставления фактов и беспристрастной оценки исследуемых событий. Автору удалось создать научное произведение, которое выгодно отличает его от многочисленных, в том числе спекулятивных и провокационных, попыток выразить «оригинальный» взгляд на личность Сталина и эпоху 1930–1940-х гг.

В первой книге Невежин ставит вопрос о зарождении и развитии традиции кремлевских приёмов. Застолья являлись «своеобразной моделирующей структурой, отражающей значимые черты политического со-

общества (“команды”))» (I, с. 47). Исследование такой, почти интимной, стороны функционирования власти позволяет увидеть черты характера лидеров государства и всей советской общественно-политической системы. Застолья в Кремле выполняли функцию своеобразного поощрения выдающихся представителей разных (в первую очередь военных) профессий и в какой-то мере стимулировали профессиональный рост. Как отмечает автор, благодаря освещению в прессе эти многолюдные приёмы становились методом политической рекламы (I, с. 109). Интересна и оригинальна попытка Невежина проанализировать ролевые функции участников торжеств. В монографии приводятся подробные характеристики каждого из близких к Сталину «видных партийных и государственных функционеров (членов Политбюро и Оргбюро)», а также гостей и артистов, приглашавшихся на праздничные концерты (I, с. 134).

В первой книге подробно рассматриваются церемониал и этикет крем-

* *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлёвские приемы 1930-х – 1940-х гг. М.: Новый хронограф, 2011. 560 с. (I); *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга вторая. Обеды и ужины в узком кругу («симпозионы»). М.: АИРО-XXI, 2019. 528 с. (II); *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга третья. Дипломатические приёмы 1939–1945 гг. М.: АИРО-XXI, 2020. 768 с. (III).

лёвских приёмов, костюмы, блюда и напитки, столовые приборы. Большое внимание обращено на застольные речи хозяина мероприятий¹. Хотя это далеко не первый подобный опыт автора², анализ выступлений Сталина по-новому освещает его личность. Отметим, что выводы основаны на беспристрастном анализе документов, большинство из которых впервые введены в научный оборот.

Особое место в монографии занимает знаменитая речь Сталина «За здоровье русского народа», произнесённая 24 мая 1945 г. и до сих пор привлекающая внимание исследователей. Именно Невежину удалось обнаружить стенографическую запись речи и сравнить её с текстом, опубликованным в советской прессе. По мнению автора, упоминание в выступлении «ошибок за поражения 1941–1942 гг.» говорит о том, что верховный главнокомандующий «постарался не выказывать своей вины..., а переложить её на Советское правительство» (I, с. 365). С этим мнением трудно спорить, хотя и принять его можно лишь как определённое допущение, гипотезу. Слова о русском народе следует рассматривать как попытку вождя «не вспоминать» случаи паники и дезорганизации населения в Москве и других прифронтовых городах осенью 1941 г.

Торжественные застолья в Кремле Невежин относит к разряду «мероприятий государственного масштаба, сыгравших решающую роль *не только* в деле укрепления личной власти Сталина, *но и для активизации процесса консолидации вокруг вождя политической, военной, экономической и интеллектуальной элиты советского общества* (курсив мой. — В.С.)» (I, с. 384). Именно эта цель являлась основополагающей в преддверии войны, победа в которой во многом была обусловлена наличием политического единства народа и власти.

Вторая книга посвящена застольям «узкого круга» сталинских соратников. Отмечены личностные характеристики участников как «больших кремлёвских приёмов», так и «симпозионов» — обедов и ужинов, организованных по инициативе Сталина. Автор учитывает противоречивость источников личного происхождения: далеко не всегда даже их скрупулёзное сопоставление способствует пониманию исторической реальности. Интересны материалы, связанные с дискуссией о введении государственной винной монополии и кампанией по борьбе с пьянством, а также документы, свидетельствующие о личных пристрастиях членов Политбюро в выборе спиртных напитков. Невежин отмечает, что если кремлёвские приёмы были в большей степени актом символического единства «народа и партии», то «за бутылкой вина» руководители государства обсуждали в основном «текущие дела» (II, с. 98). В этих застольях заключался вполне определённый политический подтекст: «Сталин, имевший собственную “застольную компанию” (в лице Ворошилова, Кагановича, Микояна, Орджоникидзе и других ближайших соратников), скорее всего, подобно Троцкому, с недоверием и опаской относился к тому, что другие представители большевистского руководства и партийно-государственной номенклатуры сепаратно от него устраивают попойки с “перемыванием косточек” отсутствующих. Содержание бесед, которые велись в других “питейных компаниях”, вождь и его ближайшее окружение воспринимали с большим подозрением» (II, с. 113).

Автор приводит многочисленные данные о времени и месте проведения застольных мероприятий в «узком кругу». Интересны такие аспекты, как состав участников мероприятий, описание употребляемых ими блюд

и напитков, особенности поведения «в гостях у вождя», специфика развлечений. Сталин относился к обедам и ужинам как к продолжению политической и партийно-организационной деятельности, как к своеобразной «вербовке» сторонников и проверке противников. Неслучайно он негативно реагировал на отказ от совместного ужина, даже под предлогом рабочей занятости.

В данном контексте самое интересное для читателя — реконструкция застольного дискурса, который более походил на монолог «отца отечества», нежели на общение равных. Это проявилось, в частности, в умении Сталина «путём словесной эквилибристики перекладывать на других вину за те недостатки и упущения, за которые он и сам нёс солидную долю ответственности» (II, с. 369). Во время застолий он старался создать и поддержать мифологизированный образ «гениального и непогрешимого вождя» (II, с. 371), что, впрочем, не противоречило принципам и духу политического администрирования в тоталитарной системе.

Третья книга цикла посвящена исследованию сталинского политического дискурса, связанного с дипломатическими приёмами в 1939–1945 гг. Очевидно, в ходе этих застолий лидер Советского государства чувствовал себя несколько свободнее, чем в «узком кругу», что и отразилось на характере общения. «Непринуждённая атмосфера, — пишет Невежин, — располагала к большей открытости аудитории, а самого Сталина — к таким откровенным высказываниям, которые были невозможны в других случаях» (III, с. 24). Первая и вторая главы посвящены анализу формирования советской традиции дружеских обедов в честь представителей иностранных государств в 1920–1940-х гг. В годы Великой Отечественной войны

их проведение напрямую зависело от успешности реализации дипломатических усилий Москвы.

Особое место в третьей книге занимают взаимоотношения советской дипломатии и представителей польского правительства в изгнании, которое с конца сентября 1939 г. возглавлял В. Сикорский. Специфика этих отношений определялась не только ролью СССР в расчленении территории Польши в 1939 г., но и тем, что с лета 1941 г. именно Советский Союз представлялся главным противником гитлеровской Германии и олицетворял собой надежду на скорейшее восстановление польской государственности. Сикорский «занимал антисоветскую позицию, однако под влиянием драматических событий лета 1941 г. был вынужден пойти на сближение с Москвой» (III, с. 94). Автор обращает внимание на глубокий символизм неофициального приёма польской делегации в начале декабря 1941 г. Несмотря на то что польская сторона не получила ответы на все интересовавшие её вопросы, переговоры завершились 4 декабря торжественным обедом в Кремле (III, с. 96). Была составлена особая «Программа пребывания Сикорского в Советском Союзе» и подробные характеристики участников визита (III, с. 140). Генерал Сикорский, в честь которого открывался обед, расположился по правую руку от Сталина (III, с. 256). За главу польской делегации прозвучал и первый тост (III, с. 372).

Собственно «застольный» дискурс большой дипломатии подробно рассмотрен Невежиным в пятой главе третьей книги. Её основное содержание составляет анализ оценок, которые давались в сталинских застольных речах семи союзным СССР государствам, их народам и лидерам (III, с. 347). Интересна авторская интерпретация советско-британских тор-

жественных приёмов. Так, на первом официальном застолье в честь У. Черчилля (14 августа 1942 г.) «советский лидер одержал своеобразную психологическую победу над британским премьером, не только “обойдя” его своей здравницей, как это было принято по этикету, но и заставив признать вину за прежние антисоветские действия» (III, с. 364).

Особенно примечательны содержащиеся в книге монологи и выступления Сталина, поскольку они отражают его стремление исходить из интересов СССР не только в деле разгрома Германии, но и послевоенного устройства. Невежин отмечает, что в годы войны дипломатические приёмы «сыграли большую роль в деле достижения взаимопонимания между союзниками по антигитлеровской коалиции и укрепления позиций СССР на международной арене» (III, с. 418). Думается, что этим можно оправдать некоторые незначительные отступления от протокола.

Многообразие источниковой базы исследования должно, казалось бы, дать ответы на самые актуальные вопросы относительно личности вождя, но автор намеренно ограничивается лишь «выявлением... штрихов» его «словесного автопортрета» (II, с. 68). Третья книга позволяет «более глубоко и всесторонне проанализировать его (Сталина. — В.С.) субъективные черты как публичного политика с присущими ему привычками, достоинствами и недостатками, симпатиями и антипатиями, в том числе — в отношении иностранцев» (III, с. 25). В монографии содержится в основном описание внешности и манеры говорить, держаться с собеседниками. В меньшей степени представлены характеристики личности, что, впрочем, не мешает за-

интересованным читателям сформировать *своё* видение этой проблемы.

В условиях, когда научное знание противостоит политической ангажированности и художественному вымыслу, книги Невежина приобретают особую ценность. Сегодня как никогда нужны исследования, позволяющие серьёзно дополнить (или даже переосмыслить) существующие оценки советской истории, часто страдающие схематичностью, искажённостью и некомпетентностью. Автор, «основываясь на постулатах классического источниковедения» (II, с. 350), старается дистанцироваться от оценок и «вскрытия причин» феномена сталинизма, подробно описывая лишь одну из его сторон. Такая «субъективная беспристрастность» (выражение А.А. Зиновьева) делает рецензируемые монографии действительно значимым научным трудом.

Примечания

¹ Речь идёт о выступлениях 22 апреля 1941 г. на приёме участников декады таджикского искусства и 5 мая 1941 г. на торжественном мероприятии по случаю выпуска слушателей военных академий РККА, а также о знаменитом тосте «За русский народ!», провозглашённом 24 мая 1945 г.

² См., например: *Невежин В.А.* Большие кремлёвские приёмы Сталина (1930-е — начало 1940-х гг.) // *Отечественная история.* 2005. № 3. С. 56–70; № 4. С. 123–139; *Невежин В.А.* Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007; *Невежин В.А.* Тамада для союзников: тосты и здравницы И.В. Сталина на дипломатических приёмах в Кремле 1941–1945 годов // *Исторические записки.* 2016. Вып. 16(134). С. 39–54; *Невежин В.А.* Дипломатические приёмы И.В. Сталина 1941–1945 гг.: кремлёвский протокол и особая кухня // *Российская история.* 2017. № 2. С. 139–153; *Невежин В.А.* Отпускник Сталин: лечение и отдых на Кавказе в 1920-е годы // *Исторический вестник.* 2019. Т. 28. С. 42–71.

EDN: MSRINK

Светлана Мулина, Наталья Суворова

Каким мы видим старый сибирский базар, изучая современные «этнические» рынки

Svetlana Mulina, Natalia Suvorova

(both – Dostoevsky Omsk State University, Russia)

How we see the old Siberian Bazaar, studying modern «ethnic» markets

DOI: 10.31857/S0869568722010289

Авторы рецензируемой монографии хорошо известны как специалисты по трансграничным миграциям, локальным сообществам и «этническим» рынкам¹. Многолетние (в том числе полевые) исследования позволили им, опираясь на широкий спектр теоретических подходов, всесторонне описать проблематику места и роли базара в городском сообществе. Исследование «этнических» рынков в столь широкой проблемной плоскости неизбежно поставило вопрос об историческом пути сибирского базара – на вопросы о функциях современного рынка, его участниках, механизмах, практиках формирования и функционирования нельзя полноценно ответить без понимания их генезиса. По мнению авторов, это позволяет «выйти и на массу других важных проблем постсоциалистического транзита» (с. 24–25).

Описание исторической динамики сибирского рынка уместилось в одной небольшой главе и получилось достаточно схематичным. Однако, с нашей точки зрения, эта часть монографии является одной из важнейших, поскольку в ней не только охарактеризована специфика генезиса сибирского открытого («китайского») рынка, но и выявлена преемственность «базарных» традиций с точки зрения участников, деловых практик и территориального расположения. Фактически нить истории старого ба-

зара протянута до сегодняшних дней, а базарная площадь с её обитателями представлена как вневременная составляющая меняющегося города. Основанием для выстраивания столь «долгой» истории базара стало переселенческое общество Востока России, сохраняющее, по мнению авторов, такие принципиальные черты, как малочисленность, разбросанность культурно и этнически неоднородного населения, высокая миграционная мобильность в условиях одновременно плохо развитых внутренних коммуникаций и доступности трансграничных контактов, малочисленности городов (с. 25).

Взгляд из современности в прошлое естественен для историков, но, фокусируя внимание на постсоветских рыночных реалиях провинциальных городов, исследователи сталкиваются с проблемами допустимости использования единой терминологии, сопоставимости хронологических, страновых, региональных и типологически схожих примеров. Сама процедура поиска – «узнавания» и «сопоставления» – нового и старого базара превращается в самостоятельную исследовательскую проблему, порождая «постановочный и спекулятивный» (с. 28) характер изложения материала.

Одна из терминологических проблем исследования – соотношение понятий «рынок» и «базар». Авторы,

¹ Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019. 288 с.

вслед за В.И. Далем, ставят между ними знак равенства, полагая, что эти понятия на раннем этапе подменяли друг друга. Обыватели, власть, исследователи действительно нередко уравнивали базар и рынок, особенно когда речь шла не о конкретном месте торговли (в городской топонимике места торга, как правило, имели устойчивые наименования: центральный базар, летучий рынок, чёрный базар и т.д.), а о явлении. Понятия «рынок» и «базар» смешиваются и в ряде других языков. Вот, например, как выглядело описание сибирского базара польским ссыльным XIX в. в переводе на русский язык: «Площадь (*rynek*) в каждом городе бывает достаточно и даже очень обширной. Посередине этой площади (*rynku*) стоит большое деревянное здание, вмещающее в себе магазины различных товаров: текстильных, кожаных, тканевых, галантерейных, табачных... Эта площадь (*rynek*), где раз в неделю проходит торг (*targ*), называется базаром (*bazarem*). Так называют и здание с магазинами, стоящее на площади (*rynku*), и каждый еженедельный торг (*targ*) или годовую ярмарку (*jarmark*)»². Несмотря на то что в переводе мы развели смысл слов «*rynek*», «*targ*», «*bazar*», каждое из них можно перевести как «рынок» или «базар».

Но есть другой момент, на который не обратили внимание исследователи: возможно, существовала разница между базаром и рынком с точки зрения правовых критериев, например, официально присвоенных им прав торговли? Подобное различие, например, имелось между ярмарками и торжками. Торжки учреждались в селениях, на них должны были продаваться только изделия, относящиеся к крестьянскому быту. На ярмарках же торговле предоставлялась неограниченная свобода³. Наличие отличий между рынком и базаром подтверждает и то, что эти два понятия часто разводились в дело-

производственной документации. Например, в начале XX в. Нижегородская дума приняла документ «О внутреннем распорядке на рынках и базарах», а в отчёте за 1908 г. указала, что в городе существует восемь базаров и два рынка, не пояснив разницы между ними⁴.

Исторические трансформации советской, постсоветской и (в гораздо большей степени) несоветской (рыночной) экономических систем разводят «базар» и «рынок» на уровне реальных практик, ценностей и традиций. В частности, базар «характеризуется незначительным («предефицитным») объёмом предложения товаров, произвольным установлением цен с тенденцией к их росту при любой динамике спроса, ограниченным ассортиментом и низким качеством товаров (при их внешнем изобилии), отчуждением производителя от покупателя». При этом «базар и рынок не разделены непреодолимой стеной. Базар способен (при наступлении ряда условий) эволюционировать в рынок; последний, в свою очередь, может превратиться в базар»⁵. Эти уточнения напрашиваются и при определении старых сибирских базаров: все ли они «доросли» до рынков; можно ли уже на досоветском этапе выделять «ещё базары» и «уже рынки»?

Значительную смысловую нагрузку несёт и обозначение периодов трансформации «базара—рынка» в пространстве старого сибирского города: позднеимперский («рынок поздней империи») или дореволюционный, а далее — советский, постсоветистический, постсоциалистический). Действительно, в зависимости от задач исследования на «старый базар» можно смотреть с имперского ракурса — как на инструмент «стягивания», «сшивания» колонизируемых пограничных территорий. Этот ракурс охватывает проблему этничности и позволяет исследовать её с точки зре-

ния и участников, и товаров обмена, и образов базара в массовом сознании современников. Обозначение периода как «дореволюционного» подчёркивает принципиальное отличие новых советских / социалистических экономических практик от досоветских. Однако базары оказались самым живучим элементом «старой» системы торговли и снабжения, сохранив в чрезвычайных условиях войн и революций устойчивость и обеспечив преемственность традиций «вольной торговли» (с. 41).

Реконструкции истории базара имперской России действительно препятствует недостаток информации. Для современников это явление было привычно и поэтому не стало предметом отдельных описаний. «Растворившись в повседневности, рынки становятся малозаметны, обыденны, внешне понятны. И в этом смысле они оказываются не просто уходящей, но ускользающей натурой, расположенной “на самом видном месте”, а потому незаметной» (с. 12). Редкие зарисовки на страницах воспоминаний или печати позволяют лишь говорить, что базары играли значительную роль в экономике отдельных домохозяйств, решая проблему повседневного питания. Из них же можно почерпнуть образы. Так, обязательные атрибуты сибирских базаров — грязь, толстый слой навоза, прилавки, лавчонки, шалаша. Газеты Томска начала XX в. писали, что на базарных площадях и около толкучек туалеты содержались «в высшей степени антисанитарно» и далеко «давали о себе знать специфическим запахом». А главная базарная площадь, сильно унавоженная, загрязнённая, оставалась очагом заразы «даже в благоприятное от холеры время»⁶.

Гораздо сложнее описать институциональный статус и участников базарной экономики. Можно лишь предположить, что жители посещали рынок регулярно — в торговые дни,

а значит, имели устоявшийся маршрут, знакомых продавцов, определённые модели поведения на рынке. Даже для политических ссыльных походы на рынок приобретали упорядоченность: «В воскресенье на рассвете все поляки, ведущие своё хозяйство, каждый с корзиной, сходились на рынке» и в определённом порядке, начиная с мяса, обходили ряды, запасаясь провизией⁷. Это позволяет говорить не столько о «рыночном хаосе», сколько о «правилах игры», отрепетированных ролях и мизансценах, хорошо описанных авторами монографии применительно к современному базару и совершенно не изученных применительно к базару позднеимперскому.

Базар в пространстве города и его событийная жизнь, очевидно, не ограничивались исключительно товарообменом. Он становился центром городской жизни, где многолюдно и интересно. Один из современников вспоминал, что Мокринский базар в Омске был местом, где можно дёшево и вкусно поесть: «За десяток пельменей, сваренных при мне и посыпанных красным перцем, я платил 1 коп.; за чашку сладкого горячего сбитня — 1 коп. и за крупинчатый калач — 1 коп.; если у меня была ещё 1 копейка, то покупал на неё десерт — 4 превосходных медовых пряника или стопку маковников, сваренных тоже на меду»⁸. Базарная площадь являлась также своеобразной городской сценой, на которой разворачивались не только повторяющиеся повседневные картины, но и «давались» уникальные или редкостные «представления», привлекавшие горожан. На базарной площади в Омске проводили порки (наказания) и обряд гражданской казни. Современники нередко отмечали неподготовленность публики и властей («сценаристов») к публичным «шоу». Г.Н. Потанин при описании собственной «гражданской казни» на базарной

площади иронизировал: народ ещё не собрался, толпы за колесницей не образовалось, как и «моря голов»⁹. Не удовлетворило его и качество публики, которая «стояла только в три ряда», да и интеллигентных лиц и дамских шляпок не было. Власти, вероятно, с опаской относились к таким «сценам», поэтому выбирали «самое раннее утро», пока можно использовать саму площадь без зрителей. В зависимости от мероприятия площадь приобретала соответствующие «декорации». Для гражданской казни строили эшафот, на который преступник доставлялся на высокой колеснице, снабжённый реквизитом — «доской на грудь с надписью».

И всё же базар XIX в. как явление социальной жизни неизменно выпадает из поля зрения как современников, так и исследователей. Можно говорить лишь о позициях крупных игроков, деливших доходы от торговли. Например, в ряде сибирских городов сталкивались интересы властей и казачьих станиц. Устройство базара в Петропавловской станице на полковой площади (в подгорной части города), как и устройство Казачьего базара в Омске на фабричной площади имело неблагоприятное влияние на хозяйство указанных городов. Эти базары способствовали увеличению станичных и уменьшению городских доходов. Оба города имели много «обязательных расходов» и поэтому довольно дорого брали за торговые места, тогда как станицы, не связанные подобными расходами, просили гораздо меньше, чем неминуемо перетягивали значительную часть торговли¹⁰. В результате и в Петропавловске, и в Омске городские власти требовали либо убрать станичный базар, либо подчинить казачьи территории городскому управлению.

Торговля не всегда являлась главным фактором формирования сибирских городов. Но в любом случае базар

и рыночная площадь определяли направление развития городского пространства: стягивая его, структурируя за счёт торговых рядов, площадей, улиц, коммуникаций, выстраивая окрестности (купеческие районы, торговые улицы), а иногда и архаизируя их посредством включения в торгово-обменные процессы негородского населения, мигрантов, кочевников. Организация базарного пространства определялась функционалом города в целом, его сословным составом и экономической спецификой. Так, Омск, наполненный преимущественно военными и статскими чинами, формировался отдельными очагами — форштадтами, каждый из которых имел свой базар. Красноярск складывался вокруг Старобазарной площади с её деревянными балаганами. Однако рост города требовал расширения торговых площадей, и в 1828 г. появился высочайше утверждённый план, по которому новым общегородским центром становилась Новобазарная площадь. Но власти столкнулись с противодействием торговой верхушки, проживавшей в старой части города и пытавшейся сохранить значение прежней площади. Конкуренция двух торговых и городских центров завершилась лишь в 1860 г., когда губернатор, ссылаясь на отсутствие элементарных удобств, запретил торговлю на старом базаре¹¹.

Реакцию городского пространства на перемещение базара хорошо демонстрирует случай Петропавловска. До 1840-х гг. город сосредоточивался в подгорной местности около р. Ишим, где находились базар и гостиный двор. Подобное расположение оказалось крайне неудобно: скученность населения, частые пожары, весенние разливы. Но когда разрешили селиться на горе, переселение подвигалось туго — при крутых и неисправных дорогах жители встречали затруднение в доставке продовольственных

припасов и других предметов первой необходимости. В 1849 г., после сильного пожара, истребившего почти всю подгорную часть, генерал-губернатор распорядился перенести базар и гостинный двор в нагорную часть, что дало значительный толчок городскому строительству. Но когда в январе 1875 г. в Казачьем форштадте открылся независимый от города базар, возникли опасения, что торговля и соответствующая инфраструктура начнут сползать под гору, а развитие нагорной части задержится, поскольку её жители будут терпеть убытки¹². Эти примеры показывают влияние базаров на формирование культурного ландшафта сибирских городов и то, как различные социальные группы пытались оказывать влияние на этот процесс. Детальное изучение истории базаров позволяет анализировать социальную структуру сибирского города с нового, непривычного ракурса.

Ещё одна проблема, поставленная авторами рецензируемой монографии на примере современных «китайских» рынков, это этничность базаров, определяемая и с точки зрения присутствия на них людей разных этносов и культур, и как проблема специфических визуальных и языковых практик, их восприятия городским сообществом. Что здесь может нам дать старый сибирский базар? Отдельные упоминания позволяют предположить, что таковой и в позднеимперский период выполнял функции места встречи и диалога различных этнических групп (как проживавших на данной территории, так и пришлых). На базаре в Омске современник видел «сидящих в чучке киргизов, продающих мётлы, лопаты и корзины», в Петропавловске — бухарцев с катушками из «прекрасных шалей»¹³. В Восточной Сибири путешественникам неизменно бросались в глаза буряты. Так, в Чите на рынке разворачивался «настоящий

этнографический музей этого вымирающего племени», сохранившего в чистоте «тип древнего монгола»¹⁴. Подобные описания дают определённую возможность реконструировать этносоциальный облик городов и схемы миграционных потоков, но, увы, не позволяют исследовать взаимоотношения между покупателями и продавцами, атмосферу городского пространства.

В целом, исследование рынков в длительной исторической перспективе позволяет поставить новые вопросы, по-новому прочесть мимолётные «базарные» сюжеты. Даже при наличии незначительного фактического материала, но используя современный теоретико-методологический инструментарий, авторы смогли представить основные вехи сибирского базара до советской и советской эпох и его влияние на городское пространство и общество. Оптика, применяемая для изучения современных «этнических» рынков, позволила им отойти от традиционного взгляда на старый базар как просто специфическую форму торговли, увидеть в нём уникальное явление жизни переселенческого общества. Надеемся, что рассматриваемая монография стимулирует историков изучать базар имперской эпохи, а накопленные знания помогут сделать следующий шаг в осмыслении современных открытых рынков.

Примечания

¹ *Брягина Д.Е.* «Этнические» рынки Иркутска: ментальная репрезентация пространства // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 122–129; *Григоричев К.В., Дятлов В.И.* «Китайские» рынки России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 121–131; *Григоричев К.В., Тимошкин Д.О.* Базар в движении: Иркутский открытый рынок как точка концентрации мобильностей // Региона-

листика. 2019. Т. 6. № 1. С. 26–39; Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск, 2015.

² *Czaplicki F.M.* Obraz Syberyi przez F.M. Władysława Czaplickiego autora «Czarnej Księgi». Kraków, 1871. S. 88.

³ Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИА ОО), ф. 3, оп. 1, д. 1322, л. 96.

⁴ *Архинова Н.Е.* Деятельность нижегородских властей в сфере развития торговли в городе на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4–1. С. 179–182.

⁵ *Степанов А.В.* Базар и рынок в истории и современности // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 3. История, филология, философия. С. 31, 32.

⁶ *Жеравина А.Н.* Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск, 2010. С. 80.

⁷ *Kierdej Z.* Wspomnienia z wygnania: 1865–1874. Poznań, 1875. S. 23.

⁸ Антология Омского краеведения. Т. 3. Омск в публикациях XVIII – начала XX вв. Омск, 2020. С. 634–635.

⁹ Там же. С. 197.

¹⁰ ГИА ОО, ф. 3, оп. 8, д. 12145а, л. 99–99 об.

¹¹ *Терешкова М.* Новобазарная площадь (URL: <https://www.krasplacze.ru/novobazarnaya-ploshhad>).

¹² ГИА ОО, ф. 3, оп. 8, д. 12145а.

¹³ *Kobylecki J.* Wiadomości o Syberyi i podróże w niej odbyte w latach 1831, 1832, 1833, 1834. T. 1. Warszawa, 1837. S. 95, 124.

¹⁴ *Olechowski G.* Tam, gdzie zimno (wrażenia z podróży). Warszawa, 1930. S. 95.

Валентину Валентиновичу Шелохаеву – 80 лет

Научная школа – это в первую очередь конкретные люди, это учителя и ученики, между которыми выстраиваются доверительные отношения. Обычно в центре научной школы – учёный редких человеческих качеств, способный не только самостоятельно исследовать многосложные проблемы и приходиться к новому знанию, но и объединять для решения общих задач зачастую очень разных людей. Лишь за немногими историками стоит своя школа. Среди таких избранных – Валентин Валентинович Шелохаев.

18 декабря 2021 г. В.В. Шелохаеву исполнилось 80 лет. Многие годы работы юбиляра связаны с Институтом российской истории РАН (ИРИ РАН, до 1992 г. – Институт истории СССР АН СССР), куда он пришёл ещё аспирантом в 1971 г. Сейчас он – главный научный сотрудник, руководитель Центра «История России XIX – начала XX в.», а также основатель направления в отечественной историографии, в центре внимания которого – изучение русского либерализма, политических партий рубежа XIX–XX вв., истории общественной мысли Нового времени. Исследование этих сюжетов позволило поставить вопрос о типе и особенностях модернизации России, о характерных чертах интеллектуального процесса в нашей стране.

Задать вопрос зачастую сложнее, чем на него ответить. Юбиляр с успехом делает и то и другое. Он предложил особый взгляд на изучение российской многопартийности, исследовал выдвинутые в начале XX в. альтернативные модели общественного переустройства, разработал типологию реформ и революций, выявил логику взаимоотношений власти и общества, формирования и эволюции либерализма как идейного направления. Партии в его трудах – это не просто программные лозунги и недостаточно известные читателю фамилии. Это динамично менявшиеся объединения со своей социальной природой, привычками и предрассудками, склонностью что-то преувеличивать, а что-то не замечать. Всё это позволило заново осмыслить и феномен российской государственности начала XX в.

В.В. Шелохаев – автор более 800 работ, в том числе индивидуальных монографий: «Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг.» (М., 1983), «Партия октябристов в период Первой российской революции» (М., 1987), «Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг.» (М., 1991), «Либеральная модель переустройства России» (М., 1996), «Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции» (М., 2015), «Либерализм в России в начале XX в.» (М., 2019) и др. Нельзя не упомянуть и о результатах масштабных исследовательских и публикаторских проектов: 60-томной серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Документальное наследие», 119-томной «Библиотеке отечественной общественной мысли», 12-томной публикации «Журналы Совета министров Российской империи 1906–1917 гг.», документальных публикациях Фонда изучения наследия П.А. Столыпина. Шелохаев выступил инициатором проекта издания энциклопедических трудов по истории

отечественной политической системы и общественной мысли: «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.», «Государственная дума Российской империи. 1906—1917 гг.», «Государственный совет Российской империи. 1906—1917 гг.», «Российский либерализм середины XVIII — начала XX в.», «Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в.», «П.А. Столыпин» и др. Это новый научный жанр, не вполне осмысленный в историографии. На нынешнем этапе её развития едва ли есть смысл в подготовке привычных справочных изданий. Работа над современной энциклопедией — интеллектуальный вызов: необходимо подготовить совокупность *исследовательских* статей по широкой проблематике.

Валентин Валентинович находится в постоянном поиске эффективных форм организации научной деятельности. Именно в этой связи следует отметить его участие в создании Ассоциации «Российская политическая энциклопедия», издательства «РОССПЭН» (в настоящее время — «Политическая энциклопедия»).

Наука это всегда диалог, дискуссия. Видимо, любой исследователь инстинктивно хотел бы запереться в кабинете, зарыться в книгах и заниматься тем, что ему интересно. Однако общество всячески этому сопротивляется. Оно желает слышать того, кто его изучает — в особенности так интенсивно и системно, как это делает юбиляр. Шелохаев принял участие в подготовке серии экспериментальных учебников для средней школы по отечественной истории, учебников по политической истории и по истории политических партий. Под его руководством написано около 60 дипломных работ, более 20 кандидатских, около 20 докторских диссертаций. Более 100 раз он выступал в качестве оппонента на защите диссертаций. Не случайно многие научные журналы хотят видеть его членом своих редакционных коллегий. Он — член Учёного совета ИРИ РАН, член диссертационного совета ИРИ РАН, академик РАЕН (избран в 1997 г.), лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники (2002), почётный работник науки и техники РФ (2013), почётный работник науки и высоких технологий РФ (2021).

История — наука о человеке во времени. Чтобы его изучать, надо его любить. Надо уметь сочувствовать людям, как давно почившим, так и ныне живущим. Возможно, это главный талант историка, и им щедро наделён юбиляр — заботливый, внимательный коллега и учитель. Его окружают люди разных поколений и научных интересов, которым неизменно важно, что Шелохаев скажет и напишет, к каким выводам придёт, что думает по тому или иному поводу.

Желаем Валентину Валентиновичу доброго здоровья, бодрости, оптимизма, новых творческих находок и научных свершений.

Коллеги, друзья, ученики

Рудольфу Германовичу Пихое — 75 лет

Время бежит. Исполнилось 75 лет выдающемуся историку и общественному деятелю, доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику Института российской истории РАН, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Рудольфу Германовичу Пихое — человеку неукротимой энергии, трудолюбия и упорства. Он родился 27 января 1947 г. в г. Полевском Свердловской обл. Трудно, казалось, было ожидать, что человек из семьи рабочего-строителя и учительницы младших классов станет историком. Однако это случилось благодаря его редкостному пристрастию к чтению. Среди книг самых различных авторов будущему учёному попала и «Хрестоматия по истории СССР», составленная С.С. Дмитриевым и М.В. Нечкиной. В отличие от прочих пособий, призванных научить «правильному» (классово-формационному) пониманию прошлого, в ней публиковались документы, позволявшие «проникнуть» в культурную среду минувших столетий — здесь приводились короткие анекдоты о Петре I, выдержки из первого номера «Ведомостей», рассказывавшие про доблестный поход против шведов «Олонецкого повета попа Ивана Окулова», и проч. Но самой любимой, как признался позднее Рудольф Германович, стала книга, пробуждающая не только любопытство, но и умственные искания — «Былое и думы» А.И. Герцена. В целом же обучение в школе и «самообучение», по его словам, «шли параллельно и, как ни удивительно, практически не пересекались». Такое нередко случалось при советской системе — интерес к реальной истории шёл «от противного».

Заканчивать среднее образование пришлось в школе рабочей молодёжи, одновременно осваивая профессию арматурщика в бригаде коммунистического труда. Как заметил Рудольф Германович, поначалу движение за «коммунистический» труд впитало в себя традиции «старинной артельщины, общей ответственности, основанной на изрядной доле взаимных моральных обязательств — как в работе, так и в житейских делах». Однако всё это вполне закономерно «захлебнулось в бюрократическом потоке, едва появившись». Между прочим, были среди членов бригады и демобилизованные участники событий 1956 г. в Венгрии, всё ещё недоумевавшие, зачем их туда забросили? Тогдашняя действительность провоцировала массу «наивных» вопросов, которые считались «лишними». Когда в выпускном сочинении о любимом поэте В.В. Маяковском Пихоя представил его не гением соцреализма, как требовалось, а человеком мятущимся и не очень счастливым, за содержание ему поставили «заслуженную» тройку.

В 1968 г. Пихоя закончил исторический факультет Уральского государственного университета (УрГУ). Тогда историческое знание, опиравшееся на так называемую функциональную теорию с идеей неуклонного движения от первобытной общины к коммунизму, который Н.С. Хрущёв обещал построить к 1980 г., считалось иллюстрацией и доказательством «объективных предпосылок» советского прогресса и его необратимости. Но со временем этот же научный метод в связи с его вульгаризацией стал провоцировать экзистенциальные сомнения. И, конечно, в этом помогли люди более глубокой культуры — такие, как известный византист М.Я. Сюзюмов, выпускник Юрьевского (Дерптского) *императорского*, как он любил подчёркивать, университета. От него Пихоя усвоил представление о континуитете, которое заставляло задумываться о цене революционного разрыва с прошлым.

Рассказы отца подталкивали Рудольфа Германовича к тому чтобы бежать от советской истории подальше — в самую глубь веков. Неслучайно в аспирантуре он выбрал тему «Церковь в Древней Руси XI — первой половины XIII в.

(древнерусское покаянное право как исторический источник)». В годы работы над кандидатской диссертацией, защищённой в 1974 г., обозначилась специфика его исследовательского подхода: взгляд на рассматриваемые события и процессы «изнутри», причём через их неуничтожимое культурное наполнение. При этом молодой историк взял для себя правило: не ограничиваться каким-либо одним хронологическим периодом и привычными сюжетами. Этому способствовало и то, что в аспирантские годы ему пришлось преподавать студентам, которым он был едва ли не ровесником.

Тогда же Рудольф Германович увлёкся поиском истоков местной книжной культуры. Здесь он раскрылся не только как учёный, но и как организатор. Под его руководством с 1974 г. исторический факультет УрГУ стал регулярно проводить археографические экспедиции, была создана специальная лаборатория, а в 1980 г. при университете появился Музей книги. Свердловск, наряду с Москвой, Ленинградом и Новосибирском, превратился в крупнейший центр изучения древнерусской книжно-рукописной традиции. В университете возник Институт русской культуры (официально учреждён в 1992 г.). В 1989–1991 гг. результаты исследований обобщались в серии сборников, вышедших под редакцией Пихои («Книги старого Урала», «Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в.», «Книга в культуре Урала XVI–XIX вв.» и др.). Видное место в них занимали и его собственные статьи.

В апреле 1981 г. первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцин, человек в «своей» области чрезвычайно популярный, выступив перед студентами, посетил Музей книги. Пихоя провёл для него экскурсию, сумев весьма основательно заинтересовать и даже поразить высокопоставленного гостя богатством собранных там коллекций.

Однако надо было содержать семью. В 1981 г., оставшись в университете на полставки, Рудольф Германович перешёл на работу в отдел истории Института экономики Уральского отделения АН СССР, но уже в 1986 г. возглавил в УрГУ кафедру истории СССР досоветского периода. В конце 1987 г. в Сибирском отделении АН СССР он защитил докторскую диссертацию «Общественно-политическая мысль трудящихся Урала в XVIII в.». Вскоре оказались востребованы и его организационные способности. В 1988 г., оставаясь заведующим кафедрой, он занял пост проректора по учебной работе, а затем – первого проректора УрГУ. В 1989 г. ему присвоили звание профессора.

В те годы заниматься «чистой» наукой было сложно. Так, Пихое пришлось – положение обязывало – публично полемизировать с лидером псевдопатриотического движения «Память» Д.Д. Васильевым, которого он прямо назвал провокатором. «Наша экспедиция, – напомнил историк аудитории, – спасла тысячи древних книг и рукописей. А что вы делаете? Обвиняя Лихачёва, вы раскалываете патриотическое движение».

Вместе с тем приходилось спасать российские архивы от попыток растащить их «по национальным квартирам». Складывалась угрожающая ситуация. Ещё в начале 1990 г. Пихоя проинформировал баллотировавшегося тогда в народные депутаты РСФСР Ельцина о том, что Россия с 1938 г. утратила право на управление фондами «центральных» архивов. А в условиях «суверенизации» союзных республик она могла вообще «остаться без истории». В октябре 1990 г., когда Пихоя находился в командировке в Москве, его в приказном порядке (кадровые вопросы, как и прежде, решались по-советски) моментально назначили начальником Главного архивного управления при Совете министров РСФСР. В августе 1991 г. он решительно выступил на стороне Ельцина и даже стал автором указа, объявлявшего ГКЧП органом государственного переворота, а действия лиц, ис-

полняющих его решения, преступными. После провала путча и запрета КПСС именно ему довелось буквально спасать от уничтожения бумаги, оставшиеся от некогда правившей партии.

До 1996 г. Рудольф Германович возглавлял Государственную архивную службу России, а в сентябре 1994 г. стал членом Комиссии по рассекречиванию документов. В 1993–1994 гг. ему удалось многое сделать для установления взаимовыгодных контактов с архивами дальнего зарубежья. Пихоя непосредственно участвовал в выявлении и представлении общественности материалов, на основании которых издавались затем указы о реабилитации многих групп репрессированных. Итоги осуществлённой под его руководством в 1990–1993 гг. «архивной революции» он подвёл в 2012–2014 гг. на страницах «Археографического ежегодника».

С 1996 г. Рудольф Германович являлся вице-президентом международного фонда «Демократия», занимавшегося публикацией ранее засекреченных источников, относящихся к советскому времени. С 1997 г. он также возглавлял кафедру истории российской государственности и общественно-философской мысли Российской академии государственной службы при президенте России (бывшая Академия общественных наук при ЦК КПСС), в 2006–2015 гг. заседал в экспертном совете ВАК РФ по истории. Кажется невероятным, но административная работа не помешала исследовательской деятельности Пихои. В 2000 г. в Новосибирске вышла его книга «Советский Союз: история власти, 1945–1991», в 2007 г. появился фундаментальный двухтомный труд «Москва. Кремль. Власть. 1945–2005», в 2008 г. опубликована написанная совместно с А.К. Соколовым «История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России». Нельзя не отметить и биографические очерки, посвящённые Ельцину, с которым учёный тесно сотрудничал на протяжении ряда лет. Сделанные им наблюдения, безусловно, важны для характеристики политики и личности первого президента России.

Колоссальную по объёму и уникальную в документальном отношении работу Р.Г. Пихои ещё предстоит по-настоящему осмыслить новым поколениям исследователей. Трудно переоценить её значение: по существу был заложен фундамент научного, а не политико-публицистического, восприятия недавних событий. Историк удивительно повезло: ему довелось увидеть развал старой и зарождение новой власти «изнутри», чтобы мысленно сопоставить значение произошедшего на фоне глубинного опыта прошлого. Такого рода «исследовательская удача» выпадает немногим. Возможно, именно она помогает Рудольфу Германовичу поддерживать сегодня редкостный жизненный оптимизм.

С 2014 г. Р.Г. Пихоя работает в Институте российской истории РАН. В 2017–2021 гг. он также состоял главным редактором «Российской истории». Благодаря ему журнал приобрёл свой нынешний внешний вид – на обложке каждого номера теперь можно увидеть перекликающийся с его содержанием художественный образ. Это связано с тем, что Пихоя, по его собственному признанию, привык к «чувственному» восприятию прошлого – сначала через музыку, затем через живопись. Будем надеяться, что всё это найдёт отражение и в «Вестнике РАН. История», созданном по его инициативе.

Рудольфа Германовича отличает глубокое понимание политической культуры России как в её прошлом, так и на современном этапе, знание её генетических истоков, локальных особенностей и публичных манифестаций. Разумеется, оно во многом расходится с массовыми представлениями о новейшей истории, насаждаемыми легковесными журналистами. Но такова судьба серьёзных исторических исследователей. Важно быть верным самому себе – вопреки всему!

Коллеги и друзья

Наши авторы

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Блохин Владимир Владимирович, доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов

Буддаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Глушковский Пётр (Gluszkowski Piotr), кандидат исторических наук, руководитель Лаборатории СМИ в России Варшавского университета (Польша)

Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Голубинский Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, начальник отдела научно-справочного аппарата и информационно-поисковых систем Российского государственного архива древних актов, научный сотрудник Института российской истории РАН

Дашкевич Людмила Александровна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Иванов Виктор Александрович, доктор исторических наук, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Карнишин Валерий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, государства и права Пензенского государственного университета

Карпенкина Янина Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Красильников Сергей Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Мулина Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Олейников Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, руководитель отдела специальных проектов Федерации шахмат России, директор Музея шахмат

Орлов Игорь Борисович, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Пугач Иван Васильевич, кандидат исторических наук, доцент Института культуры и туризма Вологодского государственного университета

Раздорский Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Репников Александр Витальевич, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела

Смирнова Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Соловьёв Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Сомов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Мининский университет)

Суворова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Стрекалов Илья Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Сулаев Иманутдин Хабибович, доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета (Махачкала)

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Хатанзейская Елизавета Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института советской и постсоветской истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Хоруженко Олег Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Чжуан Юй (Zhuang Yu), кандидат исторических наук, ассистент-профессор исторического факультета Пекинского университета (КНР)

СОДЕРЖАНИЕ

История власти

<i>Т.М. Смирнова</i> Актуальные вопросы изучения советской социальной политики 1917–1929 гг.	3
<i>Чжуан Юй</i> Театральная цензура в Ленинграде в годы «оттепели»	17
<i>И.Х. Сулаев</i> Деятельность комиссий по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах в Дагестанской АССР (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.)	24

Историк и источник

<i>О.И. Хоруженко</i> Грамоты князей Волконских XVI в.: дипломатическое исследование	37
<i>А.И. Раздорский</i> Таможенные книги XVI–XVIII вв. в отечественной и зарубежной историографии (обзор основных исследований и публикаций)	47

Институты и общности

<i>И.В. Пугач</i> Города Русского Севера в первой половине XVII в.: социально-экономический рейтинг.	67
<i>А.А. Голубинский</i> Девиантное поведение, леность, пьянство и наказание российского чиновника по материалам межевого делопроизводства второй половины XVIII в.	87
<i>С.В. Голикова, Л.А. Дашкевич</i> Введение всеобщего начального обучения в Пермской губернии: государственная политика и общественные инициативы.	99
<i>Е.В. Хатанзейская</i> «Социально-чуждые элементы» в советской системе труда по материалам Архангельска (1929–1939)	109
<i>Я.В. Карпенкина</i> Трансформация социально-экономических норм в обществе Западной Белоруссии, 1939–1941 гг.: попытка институционального анализа.	118

Россия и мир

<i>В.А. Иванов</i> Иностранцы в СССР: режимные ограничения и контроль от «венгерской осени» до «чехословацкой весны» (вторая половина 1950-х – 1960-е гг.)	129
<i>П. Глушковский</i> Ежи В. Борейша и Россия	144

Лица и взгляды

<i>И.Н. Стрекалов</i> Георгий Хрусталёв-Носарь в эпоху революционных потрясений (1905–1917)	152
--	-----

Диалог о книге

В.В. Зверев. Опыт политической биографии Г.П. Сазонова

<i>Валерий Карнишин: Зигзаги судьбы одного из «удивительных людей» . . . . .</i>	166
<i>Дмитрий Олейников: Антигерой как герой, или Опыт биографии проходимца . . . . .</i>	168
<i>Александр Полунов: Монархист-оппозиционер и националист-народник Г.П. Сазонов . . .</i>	172
<i>Владимир Блохин: Консервативное народничество – утопия или нет? . . . . .</i>	176
<i>Дмитрий Андреев: Георгий Сазонов и его высокопоставленные покровители и собеседники. . . . .</i>	179
<i>Александр Репников: Размышления о Г.П. Сазонове и не только . . . . .</i>	184

Обзоры и рецензии

<i>В.П. Булдаков – Ещё раз о судьбе «успешной» империи . . . . .</i>	187
<i>К.А. Соловьёв – А.С. Туманова. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. . . . .</i>	196
<i>Ф.А. Гайда – И.Н. Стрекалов. Народная тайна русской революции. 1905–1917 гг. . . . .</i>	199
<i>О.Р. Айрапетов – Он был хуже, чем хотел, но лучше, чем о нём думали. . . . .</i>	202
<i>С.А. Красильников – Дано иное? . . . . .</i>	209
<i>В.В. Тихонов – Советская наука в действии. . . . .</i>	213
<i>И.Б. Орлов – Письма во власть в системе властных коммуникаций . . . . .</i>	217
<i>В.А. Сомов – За столом у Сталина: традиция кремлёвских приёмов . . . . .</i>	221
<i>С.А. Мулина, Н.Г. Суворова – Каким мы видим старый сибирский базар, изучая современные «этнические» рынки . . . . .</i>	225

Юбилей

<i>Юбилей В.В. Шелохаева. . . . .</i>	231
<i>Юбилей Р.Г. Пихои . . . . .</i>	233
<i>Наши авторы . . . . .</i>	236

CONTENTS

History of power

- T.M. Smirnova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Topical issues in the study of Soviet social policy in 1917–1929 3
- Zhuang Yu (Peking University, China)*
Theater censorship in Leningrad during the period of «thaw» 17
- Ī.Kh. Sulaev (Dagestan State University, Makhachkala, Russia)*
Activities of commissions monitoring the observance of legislation on religious cults
in the Dagestan ASSR (second half of the 1960s – 1980s) 24

The historian and the source

- O.I. Khoruzhenko (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The 16th century letters of the princes Volkonsky: a diplomatic research 37
- A.I. Razdorsky (The National Library of Russia, Saint Petersburg)*
Customs books of the 16th–18th centuries in russian and foreign historiography
(review of basic research and publications) 47

Institutions and communities

- I.V. Pugach (Vologda State University, Russia)*
Cities of the Russian North in the first half of the 17th century: socio-economic rating . . . 67
- A.A. Golubinsky (Russian State Archive of Ancient Documents; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Deviant behavior, laziness, drunkenness and punishment of a Russian official based on
the materials of the survey documentation of the second half of the 18th century . . . 87
- S.V. Golikova, L.A. Dashkevich (both – Institute of History and Archeology,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)*
Introduction of universal primary education in Perm Province: State policy and public
initiatives 99
- E.V. Khatanzeiskaia (National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*
The «socially alien» in the Soviet labor system on the materials of Arkhangelsk (1929–1939) . 109
- Ya.V. Karpenkina (HSE University, Moscow, Russia)*
The transformation of socio-economic rules in the society of Western Belorussia,
1939–1941: an attempt of the institutional analysis. 118

Russia and the world

- V.A. Ivanov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)*
Foreigners in the USSR: regime restrictions and control over them from the Hungarian
autumn to the Czechoslovak spring (second half of the 1950s–1960s) 129
- P. Gluszkowski (University of Warsaw, Poland)*
Jerzy W. Borejsza and Russia 144

Persons and views

- I.N. Strelalov (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
George Khrustalev-Nossar in the era of revolutionary upheavals (1905–1917). 152

Discussing recent books

V.V. Zverev. The experience of G.P. Sazonov's political biography

- V.Yu. Karnishin (Penza State University, Russia):*
Zigzags of the fate of one of the «amazing people» 166
- D.I. Oleynikov (The Museum of chess, Chess Federation of Russia, Moscow):*
An antihero as a hero, or An attempt of a scoundrel's biography 168
- A.Yu. Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia):*
Monarchist-oppositionist and nationalist-narodnik G.P. Sazonov 172
- V.V. Blokhin (The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow):*
Is conservative «Narodnichestvo» a utopia or not? 176
- D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia):*
Georgy Sazonov and his high-ranking patrons and interlocutors 179
- A.V. Repnikov (All-Russian Archival Science and Records Management Research Institute, Moscow):* *Reflections on G.P. Sazonov and not only* 184

Reviews

- V.P. Buldakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Once again about the fate of the «successful» empire 187
- K.A. Solovyov (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Rec. ad op.: A.S. Tumanova. *Obschestvennyye organizatsii v Rossii: pravovoye polozenie. 1860–1930-e gg.* Moscow, 2019 196
- F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow)*
Rec. ad op.: I.N. Strekalov. *Narodnaya taina russkoy revoliutsii. 1905–1917 gg.* Moscow, 2020 199
- O.R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
He was worse than he wanted, but better than he was thought. 202
- S.A. Krasilnikov (Institute of History, Siberian brunch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)*
Is something else given? 209
- V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Soviet Science in action 213
- I.B. Orlov (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*
Letters to power in the system of power communications 217
- V.A. Somov (State Pedagogical University of Nizhny Novgorod, Russia)*
At Stalin's table: the tradition of Kremlin receptions 221
- S.A. Mulina, N.G. Suvorova (both – Dostoevsky Omsk State University, Russia)*
How we see the old Siberian Bazaar, studying modern «ethnic» markets. 225

Jubilees

- V.V. Shelokhaev's Jubilee 231
- R.G. Pihoya's Jubilee 233
- Contributors to this issue 236

РЕДАКЦИЯ

- Круглов В.Н., к.и.н.** — Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор
Мац А.Г. — Младший редактор